

№ 4 (50). 2022

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Август 2022 № 4 (50)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 13 сентября 2022 года. Тираж: 60 экз. Заказ № 1568.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее
в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New
Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-
либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом.

Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почто-
вый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется
буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Сергей Миронов. Рассказы из книги «Серёга»	5
Василий Киляков. Выстрел. <i>Рассказ</i>	12
Анастасия Чернова. Особняк. <i>Роман. Продолжение. Начало в № 3 (49)-2022</i>	15
Яков Шафран. Твёрдое слово. <i>Рассказ</i>	35
Светлана Тюреева. Девичник. <i>Рассказ</i>	51
Валерий Румянцев. Литературный экспресс. <i>Повесть. Начало. Завершение в следующем номере</i>	55

Поэзия

Григорий Блехман. Донбасс – Россия. 2014–2022. <i>Стихи</i>	77
Владимир Макаренко. Из цикла ZV, или «Русское сердце». <i>Стихи</i>	79
Александр Шубин. <i>Стихи из новой книги</i>	81
Елена Александренко. Что может быть чудеснее и проще. <i>Стихи</i>	84
Ираида Кельмелене. Мой сон... <i>Стихи</i>	87
Михаил Болгов. Видальщина. <i>Поэма</i>	90
Владимир Стрижов. <i>Стихи</i>	94
Анатолий Мартынов. Сам запел вдруг соловьём... <i>Стихи</i>	96
Геннадий Петренко. Жизнь на берегу. <i>Стихи</i>	98
Валентина Гордова. Спускаясь к морю. <i>Стихи</i>	100

Берега юбилеев

Николай Головкин. «Никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя бросать свою страну. И свой народ...» <i>К 130-летию Константина Паустовского</i>	103
Вячеслав Лютый. Волшебные созвучия. <i>К семидесятилетию М. Болгова – Композитора</i>	110

Поэтическая седмица

Андрей Галамага. Всенощная. <i>Стихи. Вступительное слово А. Орлова</i>	116
Валерий Дударев. Есть в России тихие долины... <i>Стихи. Вступительное слово А. Орлова</i>	118

Берега культуры и искусства

Екатерина Фёдорова. Интервью о круге интересов, рациональности и любви в жизни князя Никиты Дм. Лобанова-Ростовского	121
Юлия Воинова-Жунич. I Международный фестиваль школ искусств и детско-юношеского творчества	132

Берега истории

Александр Орлов. Гибель Червонной Руси	137
Александр Андреев. Пекарня на костях	139
Григорий Некрашевич-Поклад. Служители церкви из рода Поклад	142
Людмила Еремеева. Народный мемориал	146

Берега Новороссии

Валерий Герланец. Пушкин и Даль – взаимное притяжение. История дружбы двух гениев	148
--	-----

Берега прочтения

Елена Крюкова. Любовь навсегда. Обзор журнала «Берега», № 3-2022	152
Наталья Советная. По зову Янтарного края	165
Людмила Воробьёва. «Предошущение любви». <i>О книге В. Поликаниной «Исцеление верностью»</i>	167

Вячеслав Лютый. Точка роста и точка распада. <i>Столкновение добра и зла в романе А. Салуцкого «Немой набат»</i>	176
Диана Кан. До неведомых широт. <i>Г. Петренко и его русские стихи</i>	178
Светлана Леонтьева. О книге Лидии Довыденко «Мой светлый горячий Донбасс», (Красноярск, 2022)	180
Лидия Довыденко. «Художественная диагностика» нашего времени. <i>О книге Г. Чудиновой «Хранители». (Пермь, 2022)</i>	186
Берега «страстей по Европе»	
Александр Барсуков. За маской либерализма. <i>Очерк</i>	189
Мир без стен	
<i>Акция «Земля – наш общий дом»</i>	192
Хосият Рустамова. В аэропорту. <i>Стихи. Перевод В. Терёхина</i>	193
Наши друзья	
Советуем почитать	196

Проза

Сергей Миронов

Сергей Михайлович Миронов – председатель Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ», руководитель фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ЗА ПРАВДУ» в Государственной Думе ФС РФ. С 1971 по 1973 год проходил срочную службу в воздушно-десантных войсках (ВДВ) Советской армии. Гвардии старший сержант запаса. С 1978 по 1986 год работал старшим инженером-геофизиком НПО «Руд-геофизика», затем – геофизиком Зеленогорской экспедиции Министерства геологии СССР, в 1986–1991 годах – старшим геофизиком аэропартии в Монголии.

В 1994 году избран депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга I созыва, с апреля 1995 года – первый заместитель председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. С апреля по декабрь 1998 года исполнял обязанности председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. В декабре 1998 года избран депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга II созыва по 12-му избирательному округу, получив 70 % голосов избирателей (лучший результат в городе).

В июне 2000 года избран заместителем председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. С 13 июня 2001 года – член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, с 5 декабря 2001 года в течение десяти лет – председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

8 июня 2011 года ЦИК РФ зарегистрировал Сергея Миронова депутатом Государственной Думы V созыва. 14 июня 2011 года на заседании фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» Сергей Миронов был избран её руководителем.

Награждён орденами: «За заслуги перед Отечеством» III степени (2007) и IV степени (2018), Преподобного Сергия Радонежского II степени (2003) и I степени (2008), Святого благоверного князя Даниила Московского (2016), Святого Архистратига Михаила I степени (2014, Донецкая Народная Республика, за заслуги в деле становления государственности в ДНР, а также оказание гуманитарной помощи населению Донбасса).

РАССКАЗЫ ИЗ КНИГИ «СЕРЁГА»

Учебка. Начало

В конце недельного житья в спортзале нас однажды, уже поздним вечером, когда все укладывались спать, подняли и под проливным дождём стали рассаживать по машинам.

Мы поняли, что наконец-то везут к настоящему месту службы-учёбы. И действительно, нас привезли на плац той самой гайжюнайской учебки, построили, и «сваты» стали разбирать бойцов по подразделениям. Выглядело это так. Кто-то из сержантов кричал: «А кто хочет в операторы-наводчики ПТУРС?» Что такое ПТУРСы, мы с Костином не знали. Как потом оказалось, расшифровывается очень просто: противотанковые управляемые реактивные снаряды. Но почему-то нам это не казалось столь романтичным, как просто крылатая пехота. Также кричали про механиков-водителей; интересовались, нет ли артистов, потому что одна рота специализировалась как певческая; интересовались, нет ли у кого разряда по какому-либо виду спорта. Костик хотел сказать, что вообще-то у него первый разряд по мотогонкам, но так как у меня никакого разряда не было, а мы уже не мыслили себе службы друг без друга, то он промолчал.

Нас в строю под проливным дождём становилось всё меньше. Костик уже порывался на каждый призыв тащить меня туда, а я как чувствовал, говорил: «Это всё не то, давай ещё подождём». И вдруг появился невысокий, коренастый человек с залысиной на лбу, причём это было видно даже

из-под шапки – это был Миша Шуманский, наш будущий старшина. Ему исполнилось 28 лет. Его призвали служить, когда ему было 26 – ещё год, и он никогда бы не попал в армию. Видимо, в силу своего возраста да и той работы, которой он занимался на гражданке, он был неплохим психологом, поэтому Михаил Шуманский, гвардии старшина ВДВ, гаркнул очень характерным голосом на весь плац следующее: «А кто, салаги, не сдрейфит пойти в морской десант?» – «Морской десант? А что это?» – крикнул я. Миша ответил: «В обычном десанте бывают ночные прыжки – это всё туфта, морской десант прыгает ночью в 5-балльный шторм на море».

Уже попав в ВДВ, понимая, что это круто, я почувствовал, что может быть ещё круче. Мы переглянулись с Костиком и, не сказав друг другу ни слова, шагнули вперёд. Так мы попали во вторую роту первого батальона обычных десантников, или «курков», – крылатой пехоты, как о десанниках пишут в газетах. Никакой это был не морской десант, просто Шуманский не хотел, чтобы среди его подопечных были отказчики. И если уже гипотетически призывник не боялся прыгнуть ночью в 5-балльный шторм в открытое море, то уж днём с высоты 800 метров прыжок с Ан-2 точно не побоится сделать. Он оказался прав: именно в нашей роте не было ни одного отказчика. И вот началась служба.

Первый прыжок

Уже через три недели после начала учёбы мы приступили к изучению материальной части. Тогда в десанте боевым был парашют, который назывался Д-1–8 серии 3. Мы узнали, что ткань, из которой шьют купола, называется перкаль. Узнали, что изобретателем парашюта был русский актёр Котельников, причём он действительно был актёром, но очень увлекался авиацией, и, когда на его глазах во время показательных полётов, ещё перед Первой мировой войной, один из лётчиков, делая «мёртвую петлю» (петля Нестерова), просто выпал из кабины и, камнем ринувшись вниз, разбился о землю, он понял, что нужно что-то придумать, чтобы лётчики могли спастись.

Первая его идея была заложить свёрнутый купол в шлем на голове летчика, но, проведя самые первые испытания (видимо, с крыши дома), он понял, что в результате динамического удара (это когда купол раскрывается и падающее тело резко тормозится, причём это реально происходит в виде мощного рывка) может просто голову оторвать или как минимум сломать все шейные позвонки. И тогда Котельников придумал ранец и подвесную систему. Собственно говоря, все современные парашюты, даже очень продвинутые, в своей основе имеют именно эти гениальные инженерные разработки русского актёра Котельникова. Этот смелый человек, создав первый парашют, сам же его неоднократно испытывал.

Кстати, в предыдущем учебном периоде, то есть с мая по ноябрь, произошёл трагический случай. У курсантов был первый прыжок, и один из них приземлился без сознания, но почему-то все решили, что он от волнения потерял сознание, видимо, его как следует медики не проверили. И на втором прыжке он вновь потерял сознание, а у него что-то было с сосудами головного мозга, и от перепада давления он просто «отключался», прибор не сработал, и курсант разбился. И тогда для нас (и вообще была команда по ВДВ) решили ставить два прибора.

И вот наступила прыжковая неделя.

Рота должна была прыгать во вторник, а до этого, в воскресенье, рота заступила дежурной по части. Нашему взводу досталась столовая, а в частности моему отделению – «музыкальный цех» – так мы называли посудомойку. Дело в том, что посуда вся была алюминиевая: стояли огромные корыта, над которыми были краны с холодной и горячей водой, а процесс мытья заключался в последовательной передаче посуды из рук в руки – от первого корыта до последнего, полоскательного. Стояли обычно пять человек. Когда передаёшь миску, стуком о край этих корыт обозначаешь, что у тебя всё готово. И можно было добиться определённого ритма, чтобы передача этих алюминиевых тарелок получалась синхронной, под определённый музыкальный ритм. Иногда мы даже ещё и пели. Получалось неплохо, но проблема заключалась в том, что вода не успевала стекать в канализацию и очень часто была не только в корытах, но и на полу. Порой чуть ли не по колено стояли в воде.

И вот, поздно вечером вернувшись с этого дежурства, я почувствовал, что стал прихрамывать – позже оказалось, что даже сапог снять не могу. Повели меня в медсанчасть, там пришлось сапог

разрезать, потому что нога опухла, посинела. Был когда-то натёртый мозоль, и, видимо, от влаги началось заражение, всё ужасно распухло. Одним словом, во вторник, когда моя рота пошла на прыжки, я в сапоге на одной ноге и в тапочке на другой стоял у окна в расположении части и с завистью и тоской, а, если сказать по правде, где-то даже и с каким-то странным чувством, похожим на радость, что в этот раз миновала меня чаша сия, смотрел на своих товарищей.

Когда ближе к ужину мои вернулись в роту, у них гордо на груди на х/б висел знак парашютиста с подвеской, на которой была выбита единица, то есть первый прыжок. Вот тут-то я расстроился не на шутку. Но нога зажила быстро, и через неделю для всех был второй прыжок, а для меня должен был быть только первый.

Первый прыжок – без оружия, с Ан-2, с высоты 800 метров.

Как раз к этому времени выпало довольно много снежку. Мы были в шапках-ушанках, в валенках (которые специальными резинками прикреплялись к ноге, чтобы не слетели в воздухе). Выдался хороший морозный день. И вот мы строем (где бегом, где шагом) пошли на аэродром. Парашюты заранее были нами уложены (каждый свой парашют обязательно укладывал лично и лично потом расписывался в специальной ведомости). Когда пришли на аэродром, нас разбили на корабли (это значит по девять человек: девять курсантов, десятый – выпускающий офицер). Офицер обычно выпускал несколько кораблей и где-нибудь на седьмом или восьмом прыгал сам.

Я обратил внимание, что в том корабле, в котором оказался я, был наш взводный, хотя очень часто попадали к любому офицеру. Внутри фюзеляжа рассаживались таким образом: на сидениях напротив двери садилось пять человек, а по левому борту, где дверь, сидели четыре человека. Прыгать нужно было только после команды выпускающего, когда он хлопал тебя по плечу и говорил: «Пошёл!» Меня посадили так, что я сидел пятым по правому борту, прямо напротив двери. Обычно всех рассаживают по весу – так, что самые тяжёлые прыгают первыми, самые лёгкие – последними. Но я обратил внимание, что шестым, то есть за мной, поставили Славу Поворотного, а он высокий и вес у него чуть ли не в два раза больше моего. Я тогда не понял, почему сделали именно так.

Забегая вперёд, оказалось, что ротный не исключал: вдруг курсант Миронов просто испугался и сачканул первый прыжок под видом того, что у него нога болит, поэтому попросил Славу, если я замешкаюсь, помочь мне, то есть немножечко пинком под зад подтолкнуть. Но Славе этого делать не пришлось.

Честно говоря, уже на поле, сидя (а стоять с парашютом тяжело, парашют вместе с запаской весил 28 килограмм) в ряд по девять человек и перемещаясь с каждым новым вылетом Ан-2 всё ближе и ближе, я чувствовал, что сердце уходило в пятки. Вдалеке были видны раскрывающиеся парашюты, слышны были ликующие крики. У моих однополчан, и у Костика в частности, это был уже второй прыжок. Конечно, Костик во всех красках, да и не только он, рассказал мне все свои ощущения и нюансы, связанные с прыжком. Честно скажу, мандраж был суровый.

Но ещё больше, чем самого прыжка, я боялся, что испугаюсь, струшу и в глазах своих товарищей, а главное – Костика, окажусь отказчиком. И янисколько не сомневался, что прыгну, чего бы мне это ни стоило. У меня было такое ощущение, что, если бы даже парашют с меня сняли, я бы всё равно сиганул в дверь, когда подойдёт мой черёд.

И вот мы в самолёте.

Взревел мотор. «Аннушка» очень быстро разбежалась и взмыла в небо. Это был мой первый в жизни отрыв от земли. Всё было внове, всё было в диковинку, но внутри фюзеляж выглядел точно так же, как на тренажёрах. Сразу же после взлёта поступила команда: «Зацепить карабины». Карабин нужно было всегда цеплять так, как будто ты горло подставляешь под трос. Этому тоже долго и настойчиво учили. Зацепили карабины. Самолёт кругами быстро набирал высоту. Над кабиной лётчиков были три больших фонаря: жёлтый – «внимание», зелёный – «пошёл» и красный – «отставить».

Сначала зажёгся жёлтый, лётчик развернулся в своём кресле и кивнул нашему выпускающему. Офицер, у которого, кстати, карабин тоже был на всякий случай зацеплен, открыл внутрь фюзеляжа дверь. Шум мотора усилился, какие-то рваные клочья облаков, ветер, свист. Первые четверо по левому борту встали, немножко пригнулись и по одному стали подходить к люку. По команде и хлопку выпускающего отталкивались от порожка и быстро исчезали в проёме люка, только болтались, закручиваясь в воздухе, вытяжные фалы.

Подошёл четвёртый, и только он прыгнул, мы по правому борту уже стояли наизготовку, я стоял прямо напротив двери. Лейтенант повернулся было ко мне, чтобы сказать: «Подходи», но я прямо со своего места в два прыжка оказался уже за бортом. Ветер! Меня куда-то крутануло, и в ту же секунду я сначала почувствовал, что кто-то схватил меня за шкирку и через две секунды с шелестом, а потом с резким хлопком, меня сильно встряхнуло – раскрылся купол. Первое, что я почувствовал и услышал, – тишина. После рёва мотора было очень тихо, но меня переполнял восторг, и я заорал что есть мочи. Поорав секунд пять, я вспомнил, что нужно посмотреть на купол. Посмотрел, убедился, что купол полный, стропы не пережаты.

Земли не было видно, потому что была облачность. Я висел, как в молоке, с опаской (с опаской – это я говорю уже из нынешнего времени, а тогда всё сердце наполняла радость, ведь я это сделал, я теперь настоящий десантник, я прыгнул). Правда, поглядывал, нет ли рядом кого-нибудь, чтобы наши купола не сошлись. И ещё в воздухе я подумал: а вот было бы здорово сегодня второй раз сигануть, чтобы у меня тоже было два прыжка, как у всех. Пока эти мысли неслись в голове, а с высоты 800 метров летишь где-то минуты полторы-две, вдруг внизу белизна облаков стала темнеть, и я увидел землю и много-много парашютистов, собирающих парашюты. Там, куда я приближался, вроде было пусто, и мне не грозило кого-нибудь придавить. Я уже, как учили, вытянул сдвинутые вместе ступни в валенках так, чтобы из-под запяски была видна треть моих ступней, и стал ждать землю. Удар оказался очень даже не сильным (всё-таки снег), я завалился набок и быстро, как учили, стал тянуть за нижние лямки, чтобы гасить парашют. Потом даже вскочил и немножко забежал вбок, чтобы ветром (ветерок небольшой был) меня не «потянуло».

На земле, счастливый и радостный, я укладывал в парашютную сумку купол, и вдруг ко мне подбежал наш ротный. Он достал из кармана бушлата маленькую прямоугольную коробочку из серого картона – сердце у меня радостно забило: там был значок парашютиста. Он вручил его мне, сказав: «Молодец, Миронов!» И вдруг предложил: «А хочешь ещё сегодня прыгнуть?» Я удивился, как будто он мои мысли прочёл – те, в воздухе. «Конечно», – сказал я. «Давай, бегом!»

И действительно, через полчаса я совершил второй прыжок. Совершил я его уже осмысленно, с чувством, с толком, с расстановкой, задержался на секунду в дверях, посмотрел на выпускающего, тот хлопнул меня по плечу, сказал: «Пошёл». Я оттолкнулся правой ногой и вновь испытал то же самое необыкновенное счастье и радость от второго в моей жизни прыжка.

В расположении роты мы всё не могли успокоиться, и, наверное, не было человека в роте, который бы не выслушал мой рассказ о первых двух прыжках. Самое главное – я не подвёл своих: я не подвёл Костика, роту, я не подвёл воздушно-десантные войска, я не подвёл мудрого военкома города Пушкина.

Армейский порядок

В армии с первых дней приучают к армейскому порядку. Это касается и заправки кровати, и полотенца для ног, которое должно было висеть на нижней перекладине в правой части спинки кровати, а лицевое – вверху и в левой. В тумбочке должен быть определённый набор: мыло, зубная паста, щётка, возможны ещё нитка, иголка, но всё это тоже должно лежать в определённом порядке.

Нужно сказать, что эти постоянные требования идеального порядка, чтобы всё было по линейке, за два года очень сильно въедались и в сознание, и, можно сказать, в кровь. И вот буквально за два месяца перед дембелем в нашем полку должны были устраивать показуху.

Бравые гвардейцы-десантники должны были ложиться на дорогу, по которой поедет танк. Танк наезжал прямо на десантника, лежащего прямо в колее, по которой проходила гусеница. Танк шёл довольно быстро, думаю, километров 20–30 в час, не на полной скорости, конечно. И нужно было, когда танку до тебя оставалось не более трёх метров, быстро откатиться в сторону, в кювет, где лежала приготовленная противотанковая граната, учебная конечно.

После того как танк проезжал мимо, ты должен был по-гвардейски выскочить из кювета, размахнуться что есть силы и бросить гранату в танк. Граната была учебная, там был вставлен холостой винтовочный патрон. При ударе гранаты о броню раздавался хлопок, что должно было свидетельствовать, что танк подбит и ты, гвардеец, молодец, получи с полки пирожок!

Самое интересное, я уже своё за два года службы пооткатывался из-под гусениц, я был гвардии старшим сержантом и в показухе участвовали мои бойцы, а я должен был всё обеспечить, в частности, через каждые двадцать метров по колее должны лежать бойцы и рядом с ними в кювете – заранее положенные туда противотанковые учебные гранаты.

И вот остаётся времени совсем немного, бойцы уже расставлены на расстоянии 20 метров, пока ещё не положены на колею, стоят, а гранаты, конечно, все разложены, лежат ровненько на дне абсолютно чистого, я бы даже сказал, вычищенного от всякого мусора и травы кювета.

Буквально через пять минут должно приехать высокое начальство. Я пробегаю в последний раз, инструктирую бойцов, заодно поглядываю, как лежат гранаты. И тут вижу, что все гранаты лежат как по ниточке, а одна чуть-чуть развёрнута, то есть неровно лежит.

Соскакиваю в кювет и кончиком сапога аккуратненько пытаюсь подвинуть гранату, чтобы она легла ровно. «Бабах!» Явно мой сапог не был бронёй, я помню, что старался сделать движение ногой очень осторожно, но, тем не менее, граната сработала, холостой патрон выстрелил, и пороховые газы долбанули меня в носок сапога. Я почувствовал жуткую боль, глянул на сапог и ничего не понял, потому что подошва была отдельно, верх сапога отдельно, но самое ужасное, там, где должны были быть пальцы, там всё сплющено.

Я охнул, сел на кювет, но тут же подскочили ребята и, опираясь на них, я поковылял на одной ноге в расположение роты. Кое-как стянул сапог, пальцы все были синие, ногти потом на трёх пальцах сошли, но, к счастью, ничего не сломалось, ничего не раздробилось, а сапоги потом я получил новые.

Недели полторы ходил в тапочке и очень переживал: вдруг пальцы не вернутся в исходное положение до дембеля, и как же я поеду на дембель – в тапочке, что ли? До дембеля всё зажило, и домой я ехал бравым десантником-гвардейцем.

На всю жизнь запомнил эту тягу к армейскому порядку и как тогда чертыхнулся: «Какой чёрт меня дёрнул поправить эту гранату? Лежала себе неровно и лежала бы!»

Хотя, если бы вы видели мой рабочий стол в конце рабочего дня, вы бы поняли, что тот армейский порядок въелся в меня навсегда, потому что стол мой в конце рабочего дня в идеальном порядке, в чистоте – ни одной бумажки. И уйти с работы, оставив на столе всё трам-тара-рам, не могу, как бы мне этого ни хотелось.

Всё-таки армейский порядок есть армейский порядок.

На параде

Расскажу на характерном примере, что такое ВДВ с точки зрения дисциплины по отношению к другим родам войск.

7 ноября (это была осень 1973 года) наш полк вместе с другими полками и частями Кировабаского гарнизона участвовал в параде на центральной площади Кировабада напротив Центрального универмага. Сначала были тренировки. Гоняли нас, гоняли, а у нас была сводная «коробочка» – рота, то есть восемь шеренг по восемь человек. Из десантников мы были одни.

Были пехотинцы, танкисты, артиллеристы, связисты, лётчики.

И вот на каком-то этапе поставили нас в «коробках» и приказали всем офицерам собраться для «разбора полётов». Естественно, мы, стоя такой «коробкой» восемь на восемь, остались предоставленные сами себе.

Буквально через 10 минут стояла только наша «коробочка», причём именно стояла – со всех сторон можно было видеть чёткие ряды, чёткое равнение. Впереди молодые – так те вообще чуть ли не по стойке «смирно» стояли. Дембеля находились сзади – не выходя из строя, не делая ни одного шага в сторону, но втихушку в рукав курили. А все другие «коробочки» лежали на газонах, сидели, бродили.

Офицеров не было минут 40. И всё это время наша десантная «коробка» стояла, по сути, не шелохнувшись. Нам было «дикое» видеть, как бойцы других родов войск позволяют себе так выполнять команду «вольно». Этим, кстати, до сих пор славится ВДВ: дух братства, дух взаимопомощи, беспрекословное выполнение приказов командира – суть нашей службы и нашей гордости за ВДВ.

Не жалею

Этот эпизод оставил очень глубокий след в моей жизни, эпизод, который очень хорошо показывает, что такое ВДВ, а может быть, и объясняет, почему я так горжусь, что служил в десанте, и почему для десантника действительно свят и дорог его род войск.

В нашей роте служил парень, почему-то мне кажется, что звали его, как и меня, Сергей, и даже фамилия вспоминается – Морозов. По-моему, был он из Москвы. До армии он окончил швейное профтехучилище и был, наверное, портным.

Естественно, узнав, какая у него специальность, начальство сразу же после карантина его определило служить на склад парашютно-десантной службы, где он занимался по своей профессии – на швейной машинке чинил, латал парашюты, различные детали к нему (купола и так далее), которые, конечно же, рвались после каждого прыжка. Работа у него была не пыльная, он не посещал боевые занятия, даже, по-моему, в столовую ходил отдельно от нас. Мы его практически не видели, приходил он только спать в расположение роты.

И вот, по-моему, это было весной 1973 года, врать не буду, не помню, одним словом, должны были быть крупные учения, минимум дивизионные. Вдруг этот Серёга говорит: «Я хочу прыгнуть – скоро на дембель, а у меня всего три прыжка». Ему говорит начальство: «Ты должен на площадке приземления парашюты собирать» (потому что во время боевых учений мы бросали парашюты на площадке, а не собирали их, как во время тренировочных прыжков).

Но он настоял на своём. К сожалению.

Наступил день учений. Погода была хорошая, солнечная, тепло. Когда я выпрыгнул с Ан-12, лёг на поток, раскрыл купол, то увидел красивейшее зрелище – почти тысяча куполов в небе. Я быстро оглядывался: нет ли кого рядом, чтобы не сойтись. И вдруг услышал крик, причём это не один человек кричал, а кричали сразу несколько десятков, а может быть, и сотен, а уже через долю секунды кричали все, потому что мы видели, как камнем к земле летит комок спутанных куполов, и мы понимали, что ничего сделать нельзя.

Было понятно, что там даже не один купол, а как минимум два.

Это значит – кто-то сошёл в воздухе, кто-то кому-то пробил купол, и теперь надежда была только на то, что они смогут стропорезами отрезать запутавшийся купол, оттолкнуться друг от друга и открыть запаски.

Перед самой землёй действительно вроде бы показался купол запаски, но было поздно. В ужасном состоянии мы приземлялись, но боевая задача есть боевая задача. И площадка приземления должна быть покинута не более чем за 40 минут. Мы пошли в наступление. Учения длились, по-моему, трое суток.

Уже вечером этого дня мы узнали, что наш сослуживец Серёжка Морозов погиб. Ещё мы узнали, что к нему в купол попал офицер, лейтенант, и он тоже погиб. Но о том, что и как происходило, мы узнали на подведении итогов учений от нашего комдива – гвардии генерал-майора Спирина.

Вот что мы узнали, когда он, проглатывая комок слёз, в микрофон рассказывал нам, как всё это случилось.

Сергей выпрыгнул, купол раскрылся нормально, то ли следующая тройка «кораблей» шла чуть-чуть пониже, то ли ещё какие-то обстоятельства (так и осталось непонятным) – одним словом, неожиданно его купол пробивает другой парашютист, лейтенант (фамилии я, к сожалению, не помню). А у Серёжки это четвёртый или пятый прыжок.

Нас готовили к таким ситуациям: первое, что необходимо сделать, понимая, что твой купол пробит и смят и он уже не расправится, – перерезать стропы, отлететь в свободном падении и в чистом небе открывать запаску.

А Серёжка, увидев нештатную ситуацию, тут же дёрнул свою запаску. Купол лейтенанта тоже уже был раскрыт, он раскрылся автоматически, и два купола просто сплелись. Запаска Серёгина тоже примешалась сюда – это был огромный комок перкаля и капрона.

У лейтенанта оставалась его запаска, и он мог спастись, ему просто нужно было отрезать свои стропы, отбросить комок куполов вместе с Серёжкой и в чистом небе раскрыть свою запаску, и тогда бы лейтенант остался жив. Но это был лейтенант воздушно-десантных войск, и он поступил так, как и должен поступать настоящий офицер, настоящий десантник.

Он не бросил Сергея, он стал пробовать вырезать запутавшиеся стропы и купола с тем, чтобы освободить свою запаску и отбросить купол своей запаски в сторону, при этом одной рукой он держал соскальзывающего на стропях Сергея.

Лейтенант боролся за обе жизни до конца, до земли. Перед самой землёй, как мы видели, он всё-таки успел выбросить запаску, но раскрыться ей уже не хватило времени. Сергей погиб сразу же, а лейтенант, когда к нему подбежал комдив, был ещё жив. Наверное, не было ни одной целой кости – удар был страшный, но он был в сознании. Тут же подлетел вертолёт. Когда лейтенанта поднимали, он кричал, потому что любое движение приносило невыносимую боль.

Комдив сел в вертолёт вместе с лейтенантом, и они полетели в Тбилиси – ближайшее место, где был мощный военный госпиталь. В вертолёте лейтенант потерял сознание, потом, видимо, от тряски вертолёта, пришёл в себя, открыл глаза (а за руку его держал комдив), увидел комдива, узнал его и сказал всего лишь два слова: «Не жалею!»

Когда мы услышали это от комдива, у нас у самих комок в горле стоял, да собственно, многие заплакали. Ужасно было жалко Сергея, жалко было лейтенанта, но что-то иное заставляло глаза наполняться слезами, и челюсти наши сжимались так, что ходили желваки, потому что мы поняли, о чём не жалел лейтенант.

А не жалел он о том, что выбрал профессию – Родину защищать – и выбрал воздушно-десантные войска. Ведь по-человечески в такой ситуации можно было сказать: «Да будь проклят тот день и час, когда я поступил в Рязанское десантное училище! Зачем я выбрал себе такую судьбу?!»

Но лейтенант сказал так, как сказал: «Не жалею!»

Проза

Василий Киляков

Василий Васильевич Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах: «День и ночь», «Гостиный Дворь», «Литературная учёба», «Наши современник», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», «Роман-газета XXI век», в газете «Литературная Россия» и др. Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премии «Умное сердце» (2010), премии «Дойче Велле»

(Берлин) (1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019), Международной премии «Югра» (2020). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

ВЫСТРЕЛ

Рассказ

У греческого «агапе» – «любовь» – на греческом языке выделяют до восьми смыслов и оттенков. От величайшей страсти до постоянного беспокойства и озабоченности за людей. Тревоги молитвенной (монаха) за всех людей мира. А что значит слово «счастье»? Что означает это слово?

У слова «счастье» выделяют лишь два значения. Существительное «счастье» – сопрягают: по семантике – с чувством или состоянием высшей радости, высшего удовлетворения. Переживания радости от удачного, скорее даже неожиданного, случая. И второе. Счастье – как сама удача, успех, ведущий к материальному и иному благополучию. Во всех этих объяснениях нет главного. «Везенье» – вовсе не означает счастья. «С-частье», на мой взгляд, – означает быть всегда с частью. Частью чего-то целого. «Быть с частью». С частью – чего же или кого же? Этот вопрос и решительный ответ на него лежит вовсе не в плоскости филологии. И словообразования. За ним стоит нечто большее, даже – огромное. Громада, мистически и незримо присутствующая в жизни каждого. Может быть, душа человеческая всего лишь часть чего-то или кого-то огромного, сродного с ней. Как свет от зеркала – всего лишь отсвет солнца. Счастье в нашем понимании, конечно, мгновенно. Впечатление от подаренной норковой шубки или кольца с бриллиантом. Или присуждение золотой медали на чемпионате. Человек стоит столько, сколько стоит его счастье. Когда я вспоминаю о том неожиданном счастье, что я пережил, душа моя наполняется всякий раз этим мистическим трепетом...

Так что же это за великая часть такая, сродственная душе человеческой, и не есть ли и она в свою очередь только часть чего-то необъятного, немислимого, сродного в свою очередь с ней самой? Часть входит в часть, как сфера в сферу. Часть некой силы великой и великого пространства. Часть бытия или солнца. Времени и силы...

Кто-то ждёт иного счастья, полагая его – или в семье, или в заботе. Или в работе. Кто-то считает счастьем выплаченный (наконец-то) кредит. Один всемирно признанный писатель, всеми уважаемый и ценимый, признался на смертном одре, что отдал бы все свои писания за то, чтобы при жизни быть уверенным, что есть на свете хоть один человек, которому не безразлично, «опоздал ли ты к обеду». Но однажды в жизни я испытал потрясение. И только счастье спасло меня. В тот вечер все рамки бытия сдвинулись для меня и переместились – в один миг.

Это случилось так. Поздним осенним вечером я бродил по селу. Ровесников нет, вся молодёжь уехала. Телевизор не смотрелся, в карты не игралось со стариками да старушками – невесело было

в деревне мне в этот мой приезд... «Да и что в этих картах, “одна прелесть”» (от слова лезть), – как говорила моя богомольная старушка. Привяжутся, как семечки. И наскучат, и не бросишь. Или заведут разговор о такой старине, в которую уже и не верится. А что, вот именно так и было, голодно, неуютно, скорбно и беспросветно. Сначала заслушаешься, а спустя полчаса уже зеваешь от скуки... Да вот словечки эти местные, да ещё манера говорить таким языком, что нигде и ни в каком городе не встретишь. Но в тот день как-то особенно не заладилась моя игра и разговоры. Старики мои по три раза переспрашивали: «...так ведь это свои? Ты что, своими бьёшь?» (Свои – это козыри в колоде.) Своими они почему-то называли дорожную для них масть. Привыкшие постоянно экономить и сдерживать свой ресурс, они так же неохотно расставались с этими козырями. Со «своими»! Так экономно и скаредно пускали их в игру, что я вконец заскучал, стал проигрывать, а, проиграв сряду раза четыре, вышел на улицу едва ли не в отчаянии: ну что за жизнь, унылая, серая, решительно нечем заняться!

Над крышами висела полная печальная луна, но было ещё светло и как-то не по себе от этого лунного света, какого-то потустороннего. Густые тени высоких тополей рассеивала лампочка, висевшая высоко на столбе и светившая слабым жёлтым неверным светом. Освещала она дальний конный двор, баз и колодец с журавлём. Журавль торчал вверх как огромная одинокая удочка.

Из-за крайнего дома со стороны полевой дороги навстречу мне выбежала собака, за ней шёл наш сосед, дядя Ваня, заядлый охотник и большой бездельник, с ружьём за плечами. Он подошёл, отогнал собаку. Потом стал что-то спрашивать про деда, чем, дескать, занят. И, закурив, стал вышучивать и меня:

– Чего приехал, чего один?.. «Дело пытаем, или от дела лытаем»?

Я, уловив его тон, отвечал:

– И то и другое...

– Всё учишься? – зубоскалил охотник. – Выучишься, меня не забудь, в Москву заberi. На Белокаменную хочу поглядеть. Теперь вот говорят, что только в Москве и жизнь. А тут какая жизнь, прозябание. В городе жизнь гораздо содержательнее, там – где пивка попьёшь, тут винца... Жирует теперь только Москва, на неё только все узлы и завязаны... Ничему ваша Москва не верит, даже слезам, по пословице. А тут что, глухомань, тьфу...

– Да... – поддержал я, – запустенье тут, дикость.

– Тут дикость, а там бой. Всё время будь начеку, воюй. Что-то отстаивай. Так тоже нелегко. Москва бьёт с носка... Но жизнь содержательней.

– Если на счёт пива и винца, то да, – поддел его я. Он даже и не заметил.

– Как так, а луна? Вон какая! – продолжал я шутить. – Такой в столицах не сыщешь.

– Разве что, – отвечал он грустно, пуская густой дым.

А я всё поглядывал на его ружьё, торчавшее за его плечами. Эх, вот так бы погонять ветер с ружьём. Пострелять да походить, поохотиться самому. Если пулей «спутник» зарядить патроны, пожалуй, что и кабана завалить можно. И лося.

– «С отрадной грустью внемлю я, как ветер гулом однотонным гудит-поёт в стволы ружья»...

– Чего-чего? – не понял он. И, помолчав подольше, для пущей важности продолжал: – Ты в своей Москве луну-то видел? А тут вот она – луна, потрогать можно...

– Там за небоскрёбами её не видать у нас.

Но, перехватив мой взгляд на ружьё, уловил наитием моё настроение, – и то, что я не склонен теперь зубоскалить, удерживая этот обычный тон превосходства деревенского жителя, – спохватился и продолжал миролюбиво:

– Надолго к деду прикатил? Нравится ружьё-то? Знатное ружьишко. Твой дед в девяностые-то променял ружьё на ящик махры у заезжих полковников. Ох, и страдал твой дед без курева-то. А они и рады.

– Да, на два денька приехал, – отвечал я нехотя. – А что, у деда ружьё было? Что-то не помню. Зря и приехал. Скука тут, тоска зелёная. На улице ни души, вымерли.

– Вымерли и есть. Вымерли да поразъехались. Раньше что было! У-у-у-о, улей. А теперь нету. Да, молодёжи нету, скучновато. А я привык. Фермерствую. Денёк выпросил у жены поохотиться. Один день убил, больше ничего. И ружьё собираюсь купить ещё одно. Это-то хоть и старовато, а тоже не погонялка, ха-ха... Смотри, длина ствола. Сантиметров на двадцать больше новых твоих, а?.. Теперь такие уже не выпускают. Было дело, с дедом твоим ходили по уткам. Я их во-он

откуда доставал, с облаков. Дальность и сила у ружья – сказка. Ты не смотри, что старенькое, бьёт – только держись! А твой дед ходил последнее время всё неудачно, мазал, может, оттого и променял ружьёцо, не знаю. А это – вона! Без промаха бьёт...

Зная про себя, какой он «фермер», «шалтай-болтай», болтун и «брехло» – как говаривал мой дед, – «а когда никто кроме не слышит – “фермер”». Я всё же сделал вид, что мне с ним интересно, что он уважаем. Похвалил ружьёцо.

– Дай-ка, я гляну, – попросил я.

– На, полюбуйся на «богачество»... Думаю, «Магнум» купить или «Беретту»... «Сайга» теперь тоже, говорят, неплоха. Есть восьмизарядная «Сайга», очередями стреляет, тоже ничего... Но это дорогое оружие, раритет. Деньги-то есть, конечно, у меня, я же фермерствую помаленьку... А эту – продам. Но дорого. Желающих полно, если кто понимает. Вот хоть тебе. Глянь, примерься, сколько дашь, так, навскидку? А не возьмёшь, на следующий год уж отдам другому, знаю кому, за милую душу! Возьми-ка, может, это твоё ружьё. Ружьё – оно как нож хороший – сами себе хозяина ищут. Это на Кавказе хорошо знают, а я там бывал не раз.

Он ещё что-то говорил, но я уже не запомнил.

Дядя Ваня снял ружьё с плеча. Я взял одностволку, повертел её и так и сяк в руках, стараясь не слушать трепотню «охотника», – и не нашёл в ней ни изъянов, ни достоинств... Так себе. Как раз в эту минуту, гремя ведрами, к колодцу с журавлём шла тётя Маня, соседка. Я заглянул в прицел. Заскрипел журавль с утяжелителем. Убого, почти ломаясь от противовеса, потащил журавль наверх ведро. Я навёл мушку. Палец тронул и удобно лёг на спусковой крючок, в эту его кривую и тайную излучину, такую тонкую, палец лёг в неё идеально... Приклад упёр в плечо потуже, удобно, – как если бы и впрямь стрелял «спутником» по кабану усиленным пороховым зарядом. Упор, чтобы не было отдачи... И когда я совместил мушку с целиком, в голове моей как бы сама собой возникла фраза: «В людей целятся только злодеи». И в то же время другой голос, отчётливо шептал: «Жми, нажимай. Главное – не думай... Не давай себе думать...»

Я поднял ружьё, перевёл дуло и прицелился в слабо коптящую жёлтую лампочку на столбе. Потом, всё ещё балуясь, навёл на Маню, потом опять на лампочку. Нажал на спусковой крючок. И вдруг грохнул выстрел. Лампочка разлетелась вдребезги, засвистели, закачались электрические провода. Собака из ближнего двора подняла лай. Потом все собаки с округи стали ей вторить, брехать и визжать. Поднялся такой гам, закричали издали какие-то люди. Дядя Ваня тоже что-то кричал мне, оглохшему от грома выстрела, и я вдруг отчётливо почувствовал, как от него понесло сивухой. Лицо его, кричащее мне губами, то отдалялось, то приближалось. Губы жили как бы отдельно от лица. А я стоял – ни жив ни мёртв, – слышал только, как гудят провода от ударившей в них дробы. Вместо сердца – комок глины. И в груди пустота, словно летишь в пропасть. Свинцовые руки, сухие губы.

– Ну, что молчишь, ай язык проглотил?

Я очнулся. Я не знал, что ружьё заряжено, а дяде Ване, верно, и в голову не пришло предупредить или, входя в жилой район, поставить замок на предохранитель, а того лучше – выбить патрон из патронника.

И что тут началось! Сыр-бор, да какой! На выстрел выбегали из ближайших домов. Шли-спешили люди. Повыскакивали собаки. Я так оторопел, что не допускал и мысли, что могло произойти, не переведи я мушку с человека на лампочку. И все почему-то ругали дядю Ваню: «Какое счастье, какое счастье, что не убил человека!» Я всё ещё был полуслепой и онемевший. Шатаясь, шёл к дому...

– Чего там? – спросил дед из завозни. – Ванька, что ли, охотник хренов, стреляет опять? Или надрался?

Я молча разделся и полез под бочку – холодный душ.

...И теперь, даже когда столько лет минуло со дня этого выстрела, теперь, когда прошло столько дней, в особенно трудные дни житейских невзгод, неудач, неурядиц, когда смыкается холодный круг отчаяния, – вдруг приходит это воспоминание: «А ведь я счастливый человек, я не убил человека...»

Да, не убил. А всё остальное – что бы это ни было и как бы оно ни случилось, – всё выеденного яйца не стоит.

И всё же иногда приходит догадка: какая часть этого огромного мира шепнула мне тогда: «Ведь ты не злодей. Человек не должен целиться в человека».

Проза

Анастасия Чернова

Анастасия Евгеньевна Чернова – прозаик, публицист, литературовед. Публиковалась в российских изданиях: «Берега», «Москва», «Наши современники», «Роман-газета», «Подъём» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «День и ночь», «Зинзивер», «Дети Ра» и др. Автор книг: «Самолёт пролетел. Рассказы и повесть» (2012), «Ветер с пыльных дорог. Рассказы и повести» (2017), «Долина детства. Лирика Николая Рубцова: национальные образы и символы вечности» (2018). Лауреат российских и международных литературных конкурсов: лауреат литературной премии им. Леонида Леонова журнала «Наши современники», победитель II Славянского литературного форума «Золотой Витязь», лауреат Международного молодёжного конкурса «Храм Василия Блаженного», премии им. Андрея Платонова, межрегионального фестиваля научного и литературно-художественного творчества «Есенинская весна», Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», Ежегодной литературной премии Справедливой России «В поисках правды и справедливости», VIII Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», XIV Артиады народов России. Главный редактор интернет-издания «Соты».

ОСОБНЯК

Роман

Продолжение

ГЛАВА 11

Принц

Эту ночь Даша не спала. Необъяснимая тревога, нарастая, становилась почти осязаемой. Дотрагивалась до неё ледяными равнодушными пальцами, медленно сжимала горло. Сначала, вечером, всё было хорошо, даже замечательно. Данила, правда, почему-то не захотел подняться и наотрез отказался попить всем вместе кофе. Зато мама встретила спокойно. Более того, на сковородке уже румянилась поджаристая картошка и был порезан салат из помидор и крабовых палочек.

– Данилка чего не зашёл? – сразу спросила мама.

– Ну, не захотел.

«Я очень волновалась, я чуть с ума не сошла», – могла бы сказать мама, но ничего этого она не произнесла, только поцеловала Дашу и крепко обняла.

– Я очень долго думала, – чуть позже делилась мама, разливая чай, – ты уже большая девочка. Имеешь право на своё мнение и собственную жизнь. Мы решили, что поедем с Анатолием на юг, купим небольшой домик на берегу моря. А ты в этой квартире поживи недолго вместе с Данилой, я попрошу... Пусть он присмотрит. Конечно, я буду очень переживать. Но так лучше... Пока что... А потом мы поедем на море все вместе. Обязательно.

Просто фантастика! Мечта любого подростка! Море в перспективе и самостоятельная, независимая жизнь в настоящем. Наверное, и в школу можно будет не ходить...

– И всё при условии, что успеваемость будет отличной. Я скажу Даниле следить, каждый день писать отчёты... – угадала мысли мама. – А деньги на пропитание буду высылать. Главное, не светиться перед посторонними. Никому не говорить. Ни одной подруге. Слышишь? Ни одной. Ты ещё

несовершеннолетняя, центр опеки не дремлет. Так говорит Анатолий. А вообще, это всё будет недолго. Пару недель. Максимум месяц, и как только мы обустроимся, то сразу тебя заберём.

«Иногда не ходить в школу», – скорректировала свои планы Даша и спросила:

– А почему нельзя обустроиваться вместе? Сразу всем вместе и поехать?

– Ну... – мама потрогала на своём пальце крупный перстень, изображающий земной шар, подарок Анатолия, – как тебе объяснить... Он не против, чтобы мы поехали все вместе. Но, понимаешь, нам нужно некоторое время побыть одним... Только мы и море. Понимаешь?

– Угхм, – вздохнула Даша.

Ох уж этот Анатолий. С другой стороны, может, он и не так уж плох? Мама вот стала такой необычной, по-новому двигается и говорит. Иногда по-прежнему срывается, но намного реже. Всё чаще её глаза становятся туманными, а движения плавными, каждый жест обретает торжественную замедленность – так, словно она находится под водой.

Даша задумалась, чем же ей самой Анатолий так не понравился? Пожалуй, всё дело во внешности. И только. В его облике было что-то крысиное. Молодой, худощавый, милостивый, но при этом суетливый, с несколько вытянутым лицом и почти всегда прищуренными маленькими глазками. Он никогда не смеялся по-настоящему, только приподнимал верхнюю губу, обнажая передние зубы, длинные, сильно выступающие вперёд. И это считалось «улыбкой»! Самому себе, вероятно, он казался красивым. По крайней мере, в портфеле у него хранилось маленькое зеркальце и расчёска, и Даша однажды увидела, с каким упоением он приглаживает перед этим зеркальцем свои рыхлые кудри, спадающие до плеч.

Зато он был настоящим джентльменом, как говорила мама. После каждого свидания она возвращалась домой с огромным букетом роз. Квартира наполнялась благоуханием. Ваз не хватало, и они ставили цветы в ведра, банки, в обрезанные наполовину пластиковые бутылки.

– Почему он всегда дарит одни только розы? – придиралась Даша. – У него что, фантазии не хватает? Он не знает, что бывают другие цветы, разные букеты?..

– Отстань, – отмахивалась мама, – это его личная заморочка, пусть. У каждого человека, ты знаешь, бывают свои странности. Все странности Анатолия – приятные. Он именно такой... Ну, словно из журнала.

Кроме того, каждый вечер Анатолий присылал признания в любви, очень красивые возвышенные стихотворения, которые мама иногда зачитывала вслух. Конечно, обязательно провожал до подъезда, и каждый раз Даша, не выдержав, гасила свет и осторожно отодвигала штору. Так и есть. Обнявшись на прощание, они долго стояли под чужими окнами, ни капли не смущаясь.

Коробки шоколадных конфет, которые он приносил в подарок, были перевязаны розовой капроновой ленточкой. Мама их складывала, не раскрывая. Все эти ленточки, вздохи, ужимки, розы-морозы раздражали до невозможности. Иногда Даше казалось, что Анатолия и не существует. Есть просто воздух, спрыснутый одеколоном и упакованный в костюм.

– Нет, что ты такое говоришь? – ужасалась мама. – Он перед сном обязательно мне пишет «спокойной ночи, зайка, люблю». А утром, едва я проснусь, в телефоне уже поджидает смска «с добрым утром, солнышко».

Это было уже даже не смешно. Даша отставила чашку с чаем и констатировала:

– Прямо такие смски шлёт? Какой же он идиот.

И тут же получила пощёчину. Вскрикнув, схватилась за щёку. На глаза навернулись слёзы, не столько от боли, сколько от обиды и сдержанной ярости.

– Не смей так говорить! – почти прошипела мама. – Когда тебя никто не спрашивает.

Наскоро одевшись, Даша схватила рюкзак и выскочила на улицу с твёрдым решением сюда не возвращаться. Никогда. Такова краткая история того разлада, приведшего к утомительной и бесцельной прогулке по городу, пока Данила каким-то чудом не сумел найти её в автобусе и уговорить вернуться домой. Впрочем, долго уговаривать не пришлось. Мир был чужим, холодным и равнодушным к беде – это она поняла сразу, как только оказалась на улице и потопала в неопределённом направлении. Суетливо мчались лёгкие снежинки. Опускались колкими осколками, таяли на щеках. В одном из магазинов Даша купила булку с маком и тут же съела. Больше денег не было. Мелочи в кармане не хватило даже на бутылку газированной воды. Собираясь бежать, она как-то не подумала захватить кошелек: всякая озабоченность материальным в тот момент была ей чуждой и даже оскорбительной. Будущее

виделось предельно просто и ясно. Если не случится чего-нибудь невероятного, какого-нибудь чуда, то неподалёку находится пруд. Бывший барский пруд возле «дома Сулова». В школе, на уроках литературы, им рассказывали про некую Лизу, которая утопилась в подобном водоёме. Тем самым она ловко решила сразу несколько задач: отомстила подлецу-изменнику и красиво завершила свой жизненный путь. Кроме того, её сразу все полюбили. А так бы, наверное, и не заметили. Даша поймала себя на мысли, что ей было бы приятно посмотреть на маму и Анатолия в день её похорон.

Однако едва она оказалась на месте, вся решимость куда-то исчезла. Пруд был мелким, грязным, с чёрными подтёками снега по краям и торчащими горлышками бутылок. Даша прошлась по берегу. Присев на колени, тронула рукой воду – и ничего кроме тошнотворной брезгливости не испытала. Вода была прохладной и какой-то склизкой, похожей на хвост полудохлой русалки.

Теперь все эти картины ей казались далёкими и не настоящими. Какое счастье, что мама решила купить домик на море и поехать туда с Анатолием. Наверное, он не так уж и плох, раз затеял такое. Только бы Данила согласился навещать Дашу и писать каждый день отчёты, а то вечно у него какие-то дела, а мама говорит, что в противном случае домик на море отменяется, не оставлять же её под надзором безумной тётки Эллы. Тётя – младшая сестра отца – страдала каким-то психическим расстройством. Галлюцинациями, депрессией и манией величия. Она ходила исключительно в длинных шёлковых платьях, а на лицо накладывала плотный слой тона, чтобы подчеркнуть свою inferнальную бледность. Ещё она писала стихи, где-то даже печаталась. «Элла весьма известна в узких кругах, – говорила мама, – ненормальная семейка».

Конечно, лишний раз встречаться с тёткой не хотелось, и Даша побежала звонить Даниле. Телефон не отвечал. Странно, даже не поинтересовался, как у неё дела, успешно ли совершилось примирение. Тогда она отправила смс: «Всё хорошо, мы помирились. Есть срочные новости, перезвони». Но прошёл час и два, он так и не перезвонил. На него это было не похоже.

После бессонной ночи, тревожной, наполненной неясными ужасами, Даша вновь набрала номер брата. Тогда-то он и ответил, но очень странно. И голос у него был какой-то не такой, глухой, далёкий, хриплый. Звонок сорвался. Замирая от страха, она тут же нажала повторный вызов – но теперь абонент был недоступен. Высокая стена окружала со всех сторон, и звонки бились об неё, словно теннисные мячики.

Откинув одеяло, она перебралась из кровати в кресло и, сжав руками виски, принялась думать. Что-то случилось. Что-то произошло. Теперь она понимала это точно, но что именно? Нужно думать и действовать, срочно действовать. Может, ничего и не случилось. Но почему он так грубо ответил? Почему не перезвонил?

Поколебавшись, она набрала номер Полины, бывшей девушки Данилы. Совсем забыла, что та просыпается поздно, не раньше одиннадцати, однако сонный голос Полины моментально стал испуганным и растерянным. Она ничего не знала. «Может, нужно вызвать милицию? – спросила Полина. – Но на какой именно адрес, куда?»

Потом она пообещала, что тоже ему позвонит и сообщит результат. Отключив телефон, Даша пошла на кухню.

– Мам, мам...

Мама, в цветастом махровом халате, сидела на кухне и пила кофе со сливками. Она только что вышла из душа, и вокруг распространялся приятный цветочный аромат.

– Послушай, он не берёт трубку... Данила не отвечает на звонки.

– Данила? – взгляд Виты Степановны был мечтательным и каким-то отсутствующим, сонным. – Что ты говоришь? Давно? Вы же вчера виделись.

– Вот с самого вечера!

– А, ну это ничего. Не суетись. Человек может устать, а телефон разрядиться. Позвони ему позже.

– Нет, тут что-то другое!

– А что, что другое? – она с удивлением выгнула брови и лёгким движением отставила чашку. – Не понимаю... Много в жизни мы не понимаем. Тут бы главное понять... – И Вита вновь упорхнула в свои мечты. Взять Анатолия, он любит её или нет? «Любит, конечно, любит», – утешливо отзывалось сердце и лстыиво твердили воспоминания. Пожалуй, это ей и нравилось в Анатолии больше всего. Такая определённая. В его чувствах можно было не сомневаться, в отличие от многих, он умел их выражать открыто. Как-то раз она решила его проверить. На автобусной

остановке заявила, что всё это время шутила и встречалась с ним просто так, ничего серьёзного не имела в виду. Это было неправдой, но хотелось посмотреть реакцию, что будет дальше. Реальность превзошла ожидания. Он упал на колени, тут же, в грязную лужу, и заявил, что жить без неё не может. И как же так? Наверное, он целовал бы следы от её сапог, но тут она уже прервала эту муку, поспешила протянуть руку и утешить, покаяться в суровой шутке, вновь заверить в глубине и подлинности своих чувств.

– О, о... – прошептал Анатолий, – слишком суровая шутка, о жестокая красавица, умеющая приставить к сердцу кинжал...

Его светлые кудри были растрёпаны, а лицо стало бледным и настолько жалобным, что Вита тут же, содрогаясь от содеянного, внутренне поклялась, что никогда в жизни больше не будет испытывать любимого. Неужели это и есть та самая любовь, вдохновляясь которой поэты слагают стихи? Видимо, да. От переизбытка счастья, нахлынувшего от одной этой мысли, ей захотелось сделать что-нибудь хорошее, например порадовать дочку.

– Даш, ты где? – позвала она. – Приходи пить кофе, скоро твой день рождения, обсудим подарки...

Даша в это время стояла у окна. Напряжённо всматривалась в топкую утреннюю даль, на бледные лучи, скользящие по стене соседнего дома, и бесшумно плакала.

ГЛАВА 12

Пора!

Сначала появился красный грузовик. Бордовая кабина и нескладной кузов, покрытый сверху брезентом. Ни в каком, даже самом отдалённом представлении Данилы, много раз пережившим в уме своё последнее утро, знающего вроде бы всё «от» и «до», любые шорохи и цветовые пятна, этот грузовик не присутствовал, при этом, однако, он был до странности, до боли знаком, словно из какого-то далёкого детского сна или старой мечты, так и не сбывшейся. Грузовик приближался, а вместе с ним нарастало ощущение отчаяния. Было что-то от адского пламени в цепком и ровном сиянии фар. Что-то завораживающее и что-то губительное. Воображаемый автомобиль Тирольского всегда появлялся внезапно, на огромной скорости, словно игла, пронзал ветхое пространство, размытую дождями серую пелену и тут же, спустя пару мгновений, отброшенный взрывом, распадался на куски. Сам Данила в этот момент погибал, а потому всё дальнейшее его уже не волновало.

Теперь же... Так и есть... Тролль следовал за этой машиной, не спеша и не обгоняя. Почему?! Впрочем, какая разница!

Фырча и громыхая кузовом, грузовик проехал мимо. «Пора!» – сказал себе Данила, с трудом пошевелил рукой, и внутри что-то оборвалось. Тролль приближался – а он, Данила, просто тупо смотрел, не в силах встать и выскочить на трассу. Всё тело болело, ноги затекли, внутри пульсировал мерзкий комок, словно бойкий хомячок сучил лапками. Так лихо скакал, отплясывая, что разорвал сцепления сосудов и тканей, разъединил мышцы...

Совершенно невозможно что-то предпринять. Однако едва Тролль проехал, силы мало-помалу стали возвращаться. Дрожа, он встал сначала на колени, потом, оттолкнувшись рукой от земли, на ноги.

Позор. Совершеннейший и полный. Сокрушительный провал. Некоторое время Данила стоял, ловил ртом воздух, прохладный и безвкусный. Потом, пошатываясь, вышел на дорогу. Яркое солнце заливало окрестности. На деревьях суматошно и весело пели птицы. Нужно было как-то жить дальше.

Да, он не стал героем, спасителем мира. Не таким человеком родился. Струхнул в самую важную минуту, когда нужно было действовать.

Он возвращался домой, стараясь ни о чём не думать. Но вопреки этому, в голове роились стаи самых разных мыслей, ощущений и среди них – дятел с огромным чёрным клювом в виде знака вопроса. «Почему так-так-так? Почему так-так-так?» – мерно долбил он.

«По состоянию здоровья я даже в армии не служил, – отвечал ему Данила, – понимаешь? Это, может, не я виноват, это всё паршивое здоровье подвело. Организм слабый. Тролль не уйдёт, слышишь? Не уйдёт. Проиграно сражение. Но не проиграна война».

Дятел не улетал. «Почему так-так-так? Почему так-так-так?»

«Ты прав, здоровье здесь ни при чём. В армии я не служил, потому что в аспирантуре учился. Я вообще очень много учился. Сколько себя помню, всегда за учебниками. Ночами не спал. Я привык больше иметь дело с таблицами и числами, а не с людьми. Надо мной все смеялись... А я не замечал... Тогда смеялись без причины, просто так, теперь повод есть. Вот я, смейтесь теперь».

Данила уже входил в город и, после того как одна женщина с удивлением оглянулась и покрутила у виска пальцем, понял, что разговаривает вслух.

Наверное, он и походил на психа. Одежда была мокрой и грязной, ботинки в налипших комьях земли. «Почему так-так-так?» – не отставал дятел.

Данила завернул на рынок и сразу же, в крайнем ларьке, купил бутылку водки. Здесь он проходил рано утром, когда всё ещё только просыпалось. Казалось, с тех пор миновала целая вечность. Тогда хотя бы было пустынно и сумеречно, теперь же краски мира стали насыщенными и слишком откровенными. Какими-то ядовитыми. Солнце палило нещадно. Слепило глаза, подчёркивало убожество всей обстановки.

Толстые, пышногрудые тётки за прилавками, цветастые груды какой-то безразмерной одежды, тут же картошка и лук, свёкла, морковь. Сушёная рыба на верёвке. Ряды тёмных ботинок – крупными гнилыми грушами. Трусы и бюстгалтеры. Манекен без рук, в напяленном узком платье и шляпе. Возгласы со всех сторон: «Не проходи мимо, молодой человек! Давай сюда, купи, купи, купи...» Данила почувствовал, что ещё немного, и его стошнит.

Он выскочил за ворота, зубами сорвал пробку и, задыхаясь от нетерпения и жажды, сделал первый глоток. Потом ещё один. В голове чуть прояснилось. Не закусывая, допил до конца – вокруг поплыли, колыхаясь, рябые волны, в которых благополучно утонул и дятел, и назойливый рой мыслей-мошкеры. Теперь осталось дойти до дома, упасть на кровать, забыться сном. Да, прямо по этой воде, опираясь на зыбкую подвижную поверхность. Впервые за долгое время он улыбнулся и, напевая песенку, шагнул вперёд.

Двигался он хорошо, по правильной траектории, но по пути зачем-то сорвал цветочный горшок, приделанный к фонарю, и, размахнувшись, запустил его в витрину ближайшего магазина. Горшок не долетел, рухнул на асфальт. Словно кишки, из него вывалилась земля и тонкие прошлогодние стебли. Стекло осталось целым, на крыльцо тут же выскочила и закричала какая-то тётка. Впрочем, Даниле было всё равно.

В другом магазине он купил ещё несколько бутылок водки, а также коньяк, шкалик, батон хлеба и солидный кусок дешёвой ливерной колбасы.

Оказавшись, наконец, дома, всем этим наскоро перекусил, разобрал диван и рухнул спать.

«Ганс-Трина», – всплыло из пустоты. – Пошли на... – ответил Данила, засыпая.

– ...на бал, – галантно предложил Трине Ганс, – хочешь? У тебя будет красивое платье и химическая завивка, а у меня смокинг. Шляпу не забудь. Там же пройдёт венчание.

– Хочу, – ответила Трина.

У неё не было рук, а из глаз текла кровь.

После брака люди становятся другими. Уже нет необходимости беречь друг друга, каждый день, вновь и вновь, заслуживать любовь и доверие. Брак разрушает всю гармонию, сколько раз говорил ей, сколько раз...

– Ты получила то, что хотела, – цинично заметил Ганс, – так пойдёшь же, попляши.

Приседая, Трина пустилась в пляс. Всё вокруг завертелось, превращаясь в кошмар. Сигналили машины, мчался красный грузовик, Данила нажал кнопку детонатора – а это оказалась кнопка лифта, того самого, где Ганс прятал и расчленял трупы. Троль меж тем, как ни в чём не бывало, посмеивался и сосал из трубочки Балтийское море, помещённое в стакан. Всё шло своим чередом. И это было самое страшное.

* * *

Когда Данила проснулся, было уже темно. На тумбочке возле дивана стоял кувшин с водой, лежали лекарства. В отдалении, в свете настольной лампы, склонившись над вышивкой, сидела Полина.

– Так это ты? – только и смог сказать он.

ГЛАВА 13

Время песен

В неярком свете настольной лампы Полина казалась ещё более похудевшей и лёгкой, почти прозрачной. Длинные рыжеватые волосы, спускаясь по спине, закрывали локти, касались пялец с натянутой тканью. Вот она подняла глаза, и всё её лицо озарилось улыбкой.

– Проснулся?

– Полина, – шёпотом произнёс Данила, словно от громкого голоса видение могло рассеяться и пропасть, – ты здесь?

Это было потрясением. Прошло столько времени, а он так и не научился быть равнодушным; он и не думал, что всё ещё любит её. Как только видит – про всё забывает. И всех готов простить. Даже Тролля. Разрушенный такими откровениями, он зажмурил глаза и отвернулся к стене. Меньше всего ему хотелось прощать. Разве не достаточно унижений? Пусть она скорее уходит, пока его сознание не стало покорным и мягким.

– Я не просил приходить, – откинув одеяло, он сел.

Спустил ноги на пол.

– Знаю, знаю, Даня... – она подошла ближе. – Но... У тебя жар, я принесла лекарства. На кухне – куриный бульон, чай, из хлеба я сделала сухарики... Будешь? Я скоро уйду, я ничего не требую. Нас ничего не связывает, не переживай.

– А, ну тогда ладно, – Данила вновь почувствовал невероятную слабость и откинулся на подушку, – ничего не хочу. Если только чай... И бульон. С сухариками.

– Сейчас-сейчас, – почему-то обрадовалась Полина, – только немного подогрею...

«А знает ли она? А что, если она всё знает?..» – тяжёлым валуном качнулась мысль.

Он опять сел и пристально, с недоверием, посмотрел.

– Поля... А чего это ты вдруг? Как догадалась?

– Как-то всё сразу. Сначала Дашенька позвонила, твой телефон молчал. А ещё Наталья Афанасьевна... Может быть, ты ещё не знаешь, но...

– Да знаю я, всё знаю... – Данила с облегчением вздохнул.

– Так что всё-таки случилось?

– Долго рассказывать, потом... И вообще, всё это неважно. Пустяки...

Потом он что-нибудь придумает, сочинит небылицу. Пока же, и это главное, Полина ничего такого не подозревала. Она смотрела задумчиво и грустно, но без тени скрытой тревоги. Да уж, парочки вроде Бони и Клайда из них никогда бы не получилось. Может, это и к лучшему. Хотя, конечно, не о такой жизни он когда-то мечтал.

Своим появлением Полина сломала все схемы, прочные здания и крепости, которые вокруг себя он когда-то воздвиг. Смахнула лёгкой рукой, не задумываясь, будто крошки со стола. Все, кроме одной, самой крепкой и величественной. Вершина той башни мягко исчезала в туманном небе, может быть, она даже не заметила поначалу, а когда обратила внимание, было уже слишком поздно: Данила успел вырыть вокруг глубокий ров, а также обезопасить себя дополнительными решётками и замками. А в остальном...

Начнём с того, что встречаться с девушкой он не собирался. В жизни довольно проблем и всяческих дел, а уж если станет скучно (в чём Данила сомневался), всегда можно отправиться в романтическое путешествие и посетить, к примеру, Париж. Доказать заодно, что ничем он не хуже Тирольского, и уж по Лувру может погулять с умным видом. Когда-то даже деньги на поездку начинал откладывать, а после махнул рукой. Не до Франции пока что: а отдохнуть и здесь хорошо. Можно, например, пойти к барскому пруду и посидеть на траве, любуясь размытыми очертаниями городских огней, как мерцают они на зеленоватой и словно плюшевой поверхности воды. Или пройтись по центру, купить в киоске банку пива и забраться на колокольню Благовещенского собора, с которой открывается вид на город, застроенный, нелепый, перетянутый рекламными баннерами и проводами, но всё-таки любимый и родной...

В последнее время, правда, церковники стали перекрывать свободный доступ на колокольню, да и возможность отдохнуть, празднично шатаясь по окрестностям, случалась не так часто. Обычно он за светло уходил на работу, потом учился или сам давал частные уроки, ну а ближе к ночи мечталось

уже только об одном: вернуться домой и, засыпая, позабыть обо всём на свете. Но наступил апрель, а вместе с ним и те удивительные долгие дни, когда тёплый воздух наполнен благоуханиями распушившихся трав. К вечеру краски неба не темнели, а постепенно растворялись, становились прозрачными. Это добавляло какой-то чудной невесомости. Даже ветер был спокойным и мягким, словно старинный знакомец в пушистых перчатках.

В один из таких вечеров Данила не удержался и решил после работы пройтись пешком. Он миновал деловую часть города, где в бетонных зданиях размещались офисы. Где-то совсем рядом, он знал, затерялась узкая старинная улица, по которой когда-то проезжал экипаж Петра I. То ли проезжал, то ли собирался проехать, легенда была туманна, но, тем не менее, живуча, так, что даже один из переулков называли «Петровский тупик». Он прошёл один квартал и следующий, а памятные места так и не встретились. Как местному жителю, ему стало жутковато. Не могла же улица взять и пересохнуть, словно река? Около небольшой торговой площади он остановился. Будто спица, воткнутая в пышный клубок ниток, от площади отходила весёлая незнакомая улочка, вся завешанная сверкающими гирляндами искусственных цветов.

Повинуясь какому-то неясному чувству, он свернул туда. И хотя вокруг грохотала музыка, работали дорогие кафе, на летних верандах обеспеченные разодетые люди пили чай и вино, он упрямо пошёл вперёд. Сквозь смрад, пьяные взгляды, шум, крики, хохот...

Здесь, около ночного ресторана «Череп синицы», он и увидел Полину. Одета она была просто, даже как-то невзрачно: в джинсах, сапожках и серой ветровке с треугольными отворотами, застёгнутыми наискосок. Перекинув через плечо ремень с гитарой, она умудрялась играть, резко хлопая по струнам аккорды и одновременно, пританцовывая, высоко подпрыгивать. Её волосы, тогда окрашенные в огненный красный, разметались и торчали во все стороны, а лицо было бледным, весёлым и уставшим, но привлекло не это. И даже не общая обстановка абсурдного хаоса, случившегося среди тихого и совсем ещё недавно такого прекрасного вечера...

Данила обратил внимание на второго выступающего. Хилого парня с негритянскими дредами и медной серёжкой в ухе, который изо всех сил молотил в барабаны, хитро поглядывая по сторонам. Было в этом взгляде нечто, что Даниле не понравилось совсем: слабость, порочность, сентиментальная восторженность... Он был слишком тонок, а танцовщица слишком огненна и хороша, и если вся она, казалось, растворилась в своей музыке, острой, непонятной, мучительной, то парень стучал в барабаны механически, будто пыль из ковра выбивал.

Данила постоял, кинул мелочь в шляпу, дремавшую на асфальте, и пошёл дальше, своей дорогой. Пьяный шум и возгласы остались позади. Он не заметил, как вышел к дачным новостройкам, как на полной скорости, врезаясь в лужу, промчалась иномарка, выплеснув под ноги грязь. В душе зрела тревога. Пытаясь избавиться от странного чувства, он долго гулял, бродил по окраинам; выпил текилу, но муторная зачарованность не проходила. Если раньше он видел всё чётко, ясно, то теперь над зданиями плыли кучевые облака. Больше ничего не происходило. Точнее, всё остальное было неважно. Только облака, покатые крыши домов, только боль.

Быть может, он знал заранее, к чему всё приведёт, чем обернётся? Предчувствовал. Может быть, и нет. В любом случае, ему казалось, что, сделав шаг навстречу Полине, он не счастья-радости искал, а вплотную подошёл к страданию. Жизненные схемы осыпались, мучительно царапая.

А может быть, он никогда и не любил, лишь соревновался, как знать. В школе нужно было стать лучшим, победить на олимпиаде, теперь вот девочка, недостижимая, с огненными волосами.

Второй раз он увидел её на концерте знаменитого рок-певца Папируса. Сам бы никогда не пошёл – Дашка уговорила. Мол, одноклассница не смогла, не пропадать же билету. По случаю приезда Папируса стадион возле храма переоборудовали во временный театр с высокой сценой и сотней рядов пластиковых сидений, совершенно лишних, потому что ближе ко второй части концерта публика, вдохновлённая музыкой, обычно уже неистово и самозабвенно танцевала, а тут какие-то стульчики, будь они неладны. Папирус умел дарить первобытную радость, но начинал издали, постепенно. Вот он вышел на сцену, прямой и тонкий, словно спичка, в длинном фраке и сапогах на платформе, укутанный лиловым сумраком. Зажглись медовые прожектора, ослепив глаза. Папирус поднёс к губам микрофон и, чуть покачиваясь, зашептал, захрипел первую песню. «Ах...» – восторгу Даши не было предела, она даже привстала, чтобы лучше видеть. Дивная тишина. Только дым, ползущий по залу волнистыми змейками, бледное лицо исполнителя, отражённое на боковых экранах, чёрная фи-

гурка вдалеке и шёпот, надтреснутый шёпот... Постепенно голос Папируса стал совсем прозрачным и, угасая, исчез под мерный аккомпанемент двух гитар и скрипки. Взрыв оваций, свиста, криков... Головокружительный контраст бури и покоя.

Оглянувшись, Данила неожиданно увидел ту девушку. Среди ликующего океана человеческих лиц она удивила своей статичностью и вопиющим безразличием. Её ладони аккуратно и вяло ударялись друг о друга, а на лице застыла полуулыбка. Рядом сидел парень, теперь уже другой, не тот барабанщик с дредами. Подчёркнуто интеллигентный, в тёмных брюках и белой рубашке. Его волосы были старательно зачёсаны назад, открывая высокий выпуклый лоб. Несомненно, это была очень странная пара. И сидели они с такими минами, словно находились на концерте классической музыки. Чинно переговаривались. «Уже другой... Так... Однако», – подумал Данила.

Нет, он, конечно, не был особенно заинтересован в знакомстве, но подозревает ли тот концертный парнишка, что он не единственный, что есть ещё и другой, с дредами? Данила очень болезненно воспринимал тему измены, во многом из-за этого он и решил не связывать себя семейной жизнью. Лучший способ избежать ада, самому туда не спускаться. Однако с тех пор Полина стала ему сниться. Ступая на носки, воздушно проходила мимо, окутанная синеватым сумраком и музыкой Папируса.

Когда он увидел её третий раз – и это не померещилось, – она стояла за прилавком продуктового магазина и мило общалась с покупателем. Теперь её огненные волосы скрывал нелепый белый колпак. «Значит так, она работает продавщицей, а танцы с гитарой – всего лишь хобби», – сделал вывод Данила – и вновь ошибся. На самом деле, как он узнал после, Полина окончила балетное училище, некоторое время состояла в театральной труппе, гастролировала по разным городам, но затем у начальства возникли финансовые трудности, театр закрыли, и, поскольку поиски нового места не увенчались успехом, она стала выступать на улицах, танцевать в клубах, подрабатывать курьером и в магазине. Такие девушки ему точно не нравились. Слишком много суеты. Кроме того, его раздражали крашенные волосы и яркий макияж, – а она в тот день была накрашена, как кукла. Фиолетовые веки, коралловый рот, всё какое-то неживое, второсортное. Связка браслетов на запястье. Но взгляд...

Хохотнув, покупатель, наконец, отошёл.

– Мне, пожалуйста, пачку... – Данила забыл, что хотел купить... – Пачку... Мы где-то виделись, да? – скорее, просто так сказал, чтобы заполнить паузу.

Ну, конечно, не виделись! Пусть скажет «нет». Он будет только счастлив.

– Виделись, – кивнула Полина и прищурила глаза... – На дне рождения Анатолия. А потом в автобусе и на рынке, когда я кеды покупала. Сама удивляюсь, вот. Что бы это значило?..

– Ничего не значит, совпадения... – заволновался Данила. – Бывает, что... Ну да... Всякое бывает...

– А? Ну я и говорю, ничего не значит. Впрочем, забавно.

– Забавно, – подтвердил Данила. – А какой ещё Анатолий? Что-то не припомню такого.

Выяснилось, что имеется в виду Анатолий Тирольский. Не так давно он устроил недельное празднование своего дня рождения, в личный дворец пригласил школьников, их возили на специальном автобусе и показывали тигра, кроме того, распорядился украсить искусственными цветами главные улицы города и каждый вечер, семь дней подряд, палить фейерверки. Всё это безумие прошло как-то мимо Данилы, однако выяснилось, что те, кто оказался в это время в центре, по умолчанию считался «на дне рождения Тирольского». Где-то там стояли стойки с бесплатными кексами и шампанским. Где-то водили хороводы и выступали клоуны.

– Это же великолепно! – щебетала Полина. – Своего рода возвращение Античности. Что-то подобное было в Древней Греции, на Великих Дионисиях. Народное гуляние, праздник без границ...

– Который заканчивался оргиями.

– Оргии во дворце Тирольского... Может быть... – она понизила голос. – Такое рассказывают, да. Не исключено. Но так ведь и в Греции подобное случалось. Только ханжи, наверное, осудят. А что Античность – великая культура, никто не спорит. Так что...

– Сейчас всё идёт к усилению консервативности. Вновь навязывают запреты, ограничения, домострой... – вздохнул Данила. – Видать, для того чтобы всякие Тирольские балы справляли. Давно хоть были те гуляния? Всё пропустил.

– Совсем недавно, – расцвела Полина, – не пропустил, зачем грустить... Сегодня, например, последний день, когда работает оранжерея. В «особняке Сулова» сделали выставку экзотических растений.

Слово за слово, так они и познакомились. Данила и сам не понял, как так случилось, что, договорившись, они вместе сходили в эту оранжерею (сроду не интересовался цветами), а после пили в «Советской» пекарне чай. Пекарня закрывалась рано, пришлось перейти в другое заведение – дорогую «Тихую гавань», где заказали салат, один на двоих, – крупные листы капусты были посыпаны тёртым сыром с поджаристыми сухариками.

На второй неделе они уже целовались. На третьей – стали жить вместе. Четвёртую неделю продолжили. И пятую. Так, незаметно, Полина стала его девушкой.

Сначала, первый год, они жили неплохо, но затем начались трудности, беспричинные разногласия, апогеем которых стала коронная фраза Полины: «Женись на мне». Она утверждала, будто «женись» и «жизнь» слова одного корня и что без данной формальности теперь ей всё не в радость. А тринадцатого апреля она сказала, что уходит. Вот так. Как заметил Данила, эта несчастливая цифра его буквально преследовала, словно хорёк, прогрызала всё новые ходы в едином полотне счастливого, в общем-то, существования. Точнее, счастливого до того, как Полина свихнулась на почве религиозной морали.

Ради чего жениться? Для галочки? Для того чтобы работники ЗАГСа имели зарплату и видимость некоего дела? Хорошее дело, печати шлёпать да по ковровым дорожкам ходить. А какой бизнес вокруг свадьбы накручен, не описать. Все эти золотые колечки, кулоны, розы, белые лимузины с цветными лентами, прозрачная фата, перчатки, прочая мура. Полина утверждала, что её устроит и бюджетный вариант, пышная фата не обязательна, – но тут же добавляла про венчание в храме, том самом, что недавно позолотил Тирольский.

– Чего не хватало! – кричал Данила. – У нас что, Средневековье?! Делать себя посмешищем? Да, может, он для того и выделил средства на восстановление, чтобы свечи потом продавать и пожертвования собирать! Всякие дуры заходят, деньги свои оставляют. Если Бог есть, то он не нуждается в специальном доме...

– Не говори так... – тихо отзывалась Полина. – Например, наша соседка Наталья в храм ходит и рассказывает, что...

– Знать не хочу... Ещё всяких старух мне слушать. Она что, институт закончила?

Конечно, он догадывался, прекрасно понимал, кто настраивает Полину против него, одно время хотел даже поговорить с Натальей, может, припугнуть слегка, чтобы не лезла в чужую жизнь, да было некогда. С другой стороны, он и не держит никого. Решила уйти? Скатертью дорога.

В глубине души он знал, что Полечка не уйдёт. Просто не сможет.

А потому очень удивился, когда дверь закрылась, по лестнице прозвучали шаги и в комнате стало пусто. Впервые за весь год он заметил, что за окном сердито торчит ветвь большого дерева, похожая на тёмную руку какого-нибудь колдуна. Свободного места в квартире образовалось больше, а простора от этого почему-то не прибавилось. Напротив, все предметы стали давить своим объёмом и формами. Вставать на пути, цеплять за рукава. Тогда он опрокинул с полки посуду, несколько тарелок, и разломал табурет, оказавшийся на пути, а ещё разбил гитару, на которой они когда-то играли и пели весёлые песенки. Но время песен закончилось. Хорошо, что тогда под раковиной ещё не хранилась взрывчатка. А то бы взорвал. В один момент сделал бы так, ничего не пожалел бы. К вечеру боль немного утихла, и он понял, что сможет жить. Более того, уже давно зрела цель... Большая, дерзкая, острая, словно копьё; с Полиной и её выпендрёжом никак не связанная. По любому, так или иначе. Он станет легендой. Настоящим героем, сумевшим разрушить этот пакостный убогий мирок...

ГЛАВА 14

Когда хочется плакать

Полина не могла избавиться от чувства, что Данила общается не с ней, но с каким-то воображаемым двойником; чем-то похожим на неё, но всё же иным. Его отсутствие было вопиющим, но абсолютно не доказуемым. Слушая её незатейливые рассказы, он думал о чём-то другом, на все вопросы отвечал невпопад и сердился, если она уличала его в невнимательности. Правда, долго сердиться он не мог, поскольку забывал вчерашний день, едва тот заканчивался. Почти сразу Полина поняла: нужно

быть благодарной уже за то, что он не забывает её имя, а большего, пожалуй, и не стоит требовать. Она бы и смирилась с таким положением дел, если бы не вспышки необъяснимой, сокрушительной ярости, которую могли вызвать самые обычные, даже обыденные явления или слова.

В угоду ему она перестала краситься и стала носить тёмные, подчёркнуто строгие, старушечьи свитера. Но вскоре выяснилось, что Данилу не устраивает слишком яркий цвет солнца, он с трудом соглашался гулять в хорошую погоду, зато в дождливую, словно издеваясь, был готов.

Уговорить съездить на море – задача невыполнимая, на грани фантастики. А вот в Норильск – всегда пожалуйста. Особенно актуальной тема Норильска или хотя бы Кировска стала в преддверии новогодних каникул. Самое страшное, он предлагал всё это серьёзно, без тени улыбки. Но это ещё не всё. Ехать он хотел в поезде, непременно на верхней полке, а ночевать – где-нибудь в палатке, может быть, у подножия Хибин.

В итоге, после затяжных, словно осенний дождь, споров, даже на праздники оставались дома. В предновогодние дни они всё же поставили пушистую настоящую ель, обмотали блестящими нитями дождя, навешали звонких шаров и конфет. «Поля, вот теперь у нас ель», – сказал он. А ночью вместо какого-нибудь нормального подарка вручил ей колючий шерстяной носок, набитый всякой дрянью: грошовыми пластиковыми заколками (она такие не носила), детскими брелоками в форме прозрачного сердечка, внутри которого плескалась рыбка из фольги, карандашами, ручками, точилкой и орехами. Кому-то на Новый год дарят новые смартфоны, а кому-то...

И всё-таки... В ту новогоднюю ночь чудо произошло. Иначе это назвать невозможно. Запивая кусок торта терпко-кислым шампанским, рассеянно поглядывая в окно, в темноту, которая то и дело, громяхая, рассыпалась цветными осколками салютов, она вдруг подумала: почему мы всегда всё измеряем? Что значит: «у кого-то» или «кому-то», «кто-то, в отличие от нас» или «так положено»? Да ничего не положено! Нет здесь образцов, кем-то принятых схем! Разве не она когда-то полюбила Данилу? Да, такого странного, непонятного, сердитого. Психа, который терпеть не может жаркую погоду, ловких предпринимателей-аферистов и мелких комнатных собачек с трясущимися лапками. Невыносимого зануду, который замечает её только в том случае, если она не одна, а с кем-то из коллег или знакомых. Тоже занятное явление, несколько раз проверяла. Данила не может запомнить, как зовут её родственников, где прошло её детство, кем она работает. Принимает её за балерину, тогда как она давно уже не танцует и в магазине никогда не работала – заменяла в тот день заболевшую подругу. Да, он очень, очень смешной и странный. Но это – он. Неповторимый, единственный. С серо-зелёными глазами и ранимой забывчивой душой.

Сейчас они сидели на диване возле ёлки, среди тарелок с разложенными салатами и кусочками сливочного торта, среди музыкальных инструментов, которые она перевезла со старой квартиры, и сваленных в кучу платьев, поскольку места в шкафу не хватало, а купить новый никак не складывалось...

– Так, значит, ты не хочешь на море, на юг? – спросила с улыбкой.

– Неет!!! – очнулся Данила. – Вот пристала!

«Как же я тебя люблю...» – с ужасом подумала Полина и, пугаясь своего открытия, зажмурила глаза. Но было уже поздно. Дело даже не в том, что они уже полгода жили вместе. «Сожительство – большой грех, нужно повенчаться...» – как-то раз словно бы невзначай сказала старомодная соседка Наталья. А в том, что эта встреча изначально состоялась, произошла, в какой-то другой, параллельной, реальности, и вот теперь настойчиво прорастала в день настоящий.

Дальше, правда, в наступившем новом году, всё пошло на скат, вкривь и вкось. Пожалуй, так хорошо больше никогда уже и не было.

Между внутренним и внешним миром звенело стекло, отзывалось страшной тяжестью, сердечной пустотой. Чего-то в этой картине не складывалось. Не хватало какого-то одного, но самого главного, высокого смысла. Один раз Полина даже заходила в церковь, по совету той же Натальи, ставила свечи и долго шептала перед иконой молитву о счастье, которое, по её представлению, составил бы детский смех и большая дружная семья.

Однако Данила ничего менять не собирался и заявлял об этом прямо. Семейная жизнь – это не для него, а для каких-нибудь обывателей. Тут он цитировал Блока: «Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцей, а у поэта – всемирный запой, и мало ему конституций...» Так что, всё это формальность, пережиток, суеверие. Главное – не штамп в паспорте, а любовь. Разве нет?

Некоторые так и живут десятилетиями, но Полина не смогла. Между мучительной влюблённостью, шатким свободным полётом в никуда и горестной правдой она выбрала последнее. Так они расстались, хотя в мыслях, воспоминаниях, мечтах он всегда был рядом, не покидал ни на миг. Маята сохранилась. Зато дышать и плакать стало легче. Словно камень упал с души...

ГЛАВА 15.

Ключи

Теперь, когда Наталья завершила жизнь, Данила не без удовольствия подумал, что связь он всё-таки нащупал тогда верно. Внутренний механизм, согласно которому суждения малограмотной старухи определяли, формировали поступки его любимой девушки. Не стало Натальи – и Полина, пожалуйста, сразу вернулась. Но смогут ли они теперь поладить, сможет ли он простить – ещё вопрос.

...Он очень удивился, когда вечером Полина засобиравшись домой.

– Ты куда?

– Так навестила, теперь поеду. Я ведь по поводу Натальи к соседям заезжала...

– Как это, по поводу Натальи? – неожиданно для самого себя Данила заволновался. – Что это значит?

Выяснилось, что одна из знакомых Натальи Афанасьевны передала Полине свёрток. Мол, именно ей завещала усопшая, просила передать.

– Я ей как внучка, видимо, стала, – глотая слёзы, призналась Полина, – а завтра уже похороны. Отпевать будут в Благовещенском соборе. Потом поминки... Прихожане храма всё сделают. Кто бы знал, что больше с ней не поговорить... Не навестить... Только цветочки на могиле сажать.

– Как внучка стала, ну да... – попытожил Данила. – Своих-то детей у неё не было. Ну, а что она тебе передала? Покажи, гляну...

Поколебавшись, Полина принесла сумку и достала холщовый мешок. В нём лежала белая чашка, пожелтевшая внутри от времени, медальон на тонкой цепочке и самое, пожалуй, ценное – крупные настенные часы с маятником. Завершались часы покатою деревянной крышей, вроде как домиком, а в центре были створки, плотно затворённые.

– А ну-ка... – Данила сходил за наждачным ножиком и принялся размыкать.

– Что ты делаешь? Отдай, сломаешь... – Полина попыталась выхватить часы, но Данила, закрывшись локтем, отмахнулся.

– Отстань, дура... Подожди. Может, там деньги, не может быть, чтобы просто так...

Створки не поддавались.

– Старое слишком... После разберём, посмотрим... – отложив часы, Данила взял медальон и, нажав на кнопку сбоку, попробовал открыть.

Медальон также не открывался. Лежал на ладони столетней замкнутой раковины, замшелой, окаменевшей.

– Мда... Вещички... – сразу стало скучно и захотелось спать. – Впрочем, какому-нибудь антиквару можно будет показать.

* * *

Дома Полина с грустью и удивлением подумала, что Данила с тех пор, как они расстались, сильно изменился, можно сказать, деградировал. Нет, конечно, он и раньше не сильно её восхищал, но теперь стал нравиться ещё меньше. Она вспомнила его резкие движения, грубые и какие-то напряжённые, его приказной и одновременно обиженный тон, хриплый простуженный голос, его грязные сапоги в прихожей, брошенные кое-как и стоящие в отвратительной землистой луже, и подумала, что всё происходящее в жизни не случайно и к лучшему. То, что они расстались, – несомненно, благой промысел.

Она прошла в свою комнату, закрыла дверь. Бабушка на кухне смотрела телевизор, очередной боевик. Хлопки перестрелок чередовались с грубыми выкриками и бранью. Потом наступала полная тишина, разбавленная разве что лёгкой музыкой, во время которой герои целовались. Последнее время бабушку особенно стали увлекать две темы: детективы и эротика, которая на самом деле всё то же сражение, только переодетое в лёгкие кружевные доспехи. Она даже забросила любимые кросс-

ворды, а на стене, над своей кроватью, вместо очередного календаря с котиками развесила плакаты полуобнажённых актрис, застывших в самых разных позах. «Самое главное в жизни – это любовь, я только сейчас поняла, – говорила бабушка и тряслась от грустного смеха. – Всё остальное – тлен. Женщина создана для того, чтобы быть рядом с мужчиной. И не более того».

Обычно Полина заходила на кухню и принималась спорить с бабушкой, доказывать, что человек может быть семейным или в отношениях, а может быть одиноким всю жизнь, как, например, Наталья Афанасьевна, но главное не это, бытийная ценность человека от этого не зависит, – а то, насколько ты по-настоящему и всерьёз проживаешь свою неповторимую жизнь. Но сегодня хотелось тишины. Она приоткрыла окно, и тёплый апрельский ветер, ворвавшись, затеребил шторы, словно паруса...

...Про Наталью Афанасьевну ходили слухи, что она очень странная, чуть ли не умалишённая. Например, как-то раз в храм пришёл благотворитель, его имя было указано на золотой табличке перед входом. И хотел он купить свечу – а купюры в кошельке только крупные. Заволновался. Даёт банковскую карточку – но для считывания карт прибора нет. Мог бы и целую купюру оставить, все думают, а Наталья вдруг покупает для него свечку и пирожок ещё даёт с капустой, словно нищему. Ну, вот зачем? Он потом был готов её на своём джипе до дома довести, но она отказалась. Всенощная уже начиналась, не время уходить.

А спустя некоторое время золочёную табличку сняли. Как передали, сам богач так велел.

Однажды она соорудила в центре города зелёный островок. Чудо-кустики, лепестки всеми цветами радуги переливаются, ни один не повторяется. Как, из каких семян вырастила – никто не знает. Мало кто и заметит... На самом проходном месте посадила, где ни лавок, ни фонтанов, ни кафе... Все только мимо спешат.

А ещё как-то раз она вышла на улицу и принялась раздавать конфеты. Помянуть Мелетия просила. Никто толком и не разузнал, что за Мелетий? А конфеты были вкусными, в ярких фантиках, «Дама с собачкой» назывались. Некоторые по несколько раз подходили, карманы себе набивали.

«Вот по-честному, – думала Полина, – если правильно рассудить, конфеты нужно было бы давать строго по одной, и только тем, кто действительно Мелетия помянет. Пусть остальные идут лесом. Того наглого богача надо было бы выгнать из храма совсем. Все пальцы у него в перстнях, а десяти рублей, ишь, на свечку не хватает. Ну и цветы... Жалко их. Лучше бы возле своего дома посадила или на балконе и любовалась бы. А там что? Никто толком “спасибо” не скажет. Все только мимо бегут. Удивляются, любят, и... мимо, мимо».

А ещё она кормила бездомных кошек. Разбрасывала пшено небесным птицам, вязала и раздарила шарфы и носочки. Играла с малышами в песочнице. По воскресеньям надевала шляпу и белые туфельки на каблук.

Теперь Полина пыталась вспомнить, что она знает про саму Наталью? Про её судьбу? Ведь заходила в гости, чай с пирогом пила. Только разговаривали всегда на другие темы. Больше про непутёвого Данилу, про его странности и как же теперь жить... «Я видела только себя саму... – вдруг поняла Полина. – Во всём, везде... Даже не спросила, как прошла её молодость, о чём она мечтала, к чему стремилась... Правда, у меня есть оправдание. В тот момент я была так несчастна...»

Небо за окном, темнея, стало насыщенно-голубым, какое бывает только в солнечные вечера апреля, и ощущение несчастья медленно, но верно вновь как когда-то давно, наполнило сердце до краёв. Но была в том и сладость, и сокровенная трепетность. Извечная, необъяснимая. Может быть, оттого, что она вновь увидела Данилу, смогла поговорить. Всё в нём только огорчало и возмущало, вызывало неприязнь. Но одновременно какое-то иное, странное и неправильное, глубинное чувство подсказывало: больше всего на свете она хотела быть рядом и помогать, оберегать, проявлять заботу. Оказывается, ничего не ушло в прошлое. Вздохнув, Полина внутренне обещала себе, что ни за что не пойдёт на поводу у собственных желаний. Нет ничего более жалкого, чем жить рядом с тем, кто приносит лишь боль и страдание, медленно убивает изо дня в день своей холодностью, равнодушием, отстранённостью. С тем, кто даже не обещает быть верным, ввести в свой дом, иметь одну, общую, судьбу.

Всё-таки Наталья была права. Брак – это не просто формальность, но священное Таинство, наполняющее будни вдохновенным содержанием и красотой. Интересно, что же всё-таки означают её переданные в дар вещишки... Полина достала из холщёвого мешочка медальон, часы и чашку. Покрутив в руках, решила убрать пока в ящик стола. Неожиданно дверцы часов раскрылись, и на

пружине высочила птичка. Покрутила головкой, тревожно и легко взмахнула крыльями и, звонко пискнув, скрылась обратно. Чудеса, да и только...

Повинуясь неведомому желанию, Полина взяла медальон, осторожно нажала на боковой шуруп. Медальон распался на две створки. Внутри была фотография. Чёрно-белый портрет. Не старый ещё, средних лет мужчина с густой бородой и ясными, до странности живыми глазами, в которых прятались одновременно и улыбка, и затаённая грусть, пристально, словно бы изучающе смотрел на неё.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 16

Линозову плохо

Было раннее утро, город мирно дремал, подёрнутый лёгкой занавеской тёплого дождя, когда к «особняку Сулова» подъехала машина и, поведив фарами, аккуратно припарковалась на газон. Передняя дверца открылась, на асфальт ступил человек в длинном чёрном пальто. Спустя мину-ту или две на крыльцо вышел охранник; некоторое время они разговаривали. Затем незнакомец передал свёрток, перетянутый грубой бечёвкой, сел в машину и уехал. Если бы охранник был сентиментален, то, безусловно, он бы принялся пушить и разглаживать примятую травку. Но подобным тонким душевным устройством он не обладал, а потому сразу вернулся в помещение, в свою душную каморку под лестницей, и, достав флягу, плеснул в стакан мутную жидкость. На травку, будем честными, ему было попросту наплевать. Потом наступил день, и эту историю больше никто никогда не вспоминал.

* * *

По коридорам и на этажах шло назойливое шевеление, хотя картины уже развесили, к банкету приготовились – накрыли в холле столы, выгрузили пластиковые бутылки с водой, расставили нарезки сыров и колбасы. И тут, в последнее мгновение, поступила информация о том, что на открытие прибудет почётный гость, а вместе с ним отряд журналистов и центральное телевидение.

Смотрительница, девушка лет девятнадцати, которая только что, на днях, устроилась на работу, чуть в обморок не упала. Больше всего на свете она боялась журналистов, а если встречала какого-нибудь почётного гостя, артиста или общественного деятеля – то и вовсе теряла способность говорить.

– Карина, возьми себя в руки, – твердил ей книготорговец с первого этажа, – платье у тебя шикарное, волосы уложены. Чего ещё надо? Всё будет хорошо.

– Правда? – Карина вновь и вновь смотрела в зеркало, поправляла пышную ажурную юбку, которая струилась от талии до самого пола.

В её волосах, скрученных на макушке в тугую пирамиду, сверкали блёстки и самоцветы, а в центре всей конструкции была установлена изящная белая корона. Волей-неволей Карина привлекала внимание гостей. Как бы ей ни хотелось казаться простой и незаметной – она обречена была шествовать в ореоле собственного сияния и скромного покорного великолепия. Во всём был виноват директор. Когда на прошлой неделе он принимал её на работу, то задавал довольно странные вопросы и высказывал ещё более странные пожелания. Читала ли «Сто оттенков сиреневого хинакридона»? Нет? Мм... Не пропускает концерты Папируса? Так.

Ну и далее, он огласил требования: из Золушки она должна стать принцессой. Это, во-первых. Смотритель зала искусств сама должна быть великолепным произведением искусства. Во-вторых, в её обязанности входит присутствовать на всех открытиях и встречать журналистов. В-третьих. «Сиреневый хинакридон» читать нельзя. В противном случае будет уволена.

Разумеется, следующую ночь Карина не спала, тайно читала «Сиреневый хинакридон».

Теперь её сопровождали ужасающие видения той книги, разные монстры и зубастые чудовища, а к головной боли, вызванной бессонной ночью, прибавилось чувство вины. Словом, в тот день она была столь же прекрасна, сколь и несчастна. Так что книготорговец, наконец, сжалился и предложил

подежурить на стойке с книгам, а сам побежал общаться с журналистами и расстилать ковровую дорожку почётному гостю.

Едва Карина оказалась за прилавком, как тут же достала «Хинакридон» и погрузилась в чтение очередной главы. Внешний мир перестал существовать.

Стены здания растворились, и на огненной колеснице, запряжённой тиграми, въехал дракон. Вместо колёс крутилось два солнца. В своих лапах дракон держал рог луны, наполненный звёздными искрами и вином.

* * *

В такой суете приезд Тирольского оказался незамеченным. Да, он прошёл, ослеплённый вспышками фотокамер, лучезарно улыбаясь направо и налево, но Карина в тот момент была погружена в «Хинакридон», а книготорговец (надо же такому случиться) увлёкся спором с одним пришлым дилетантом на тему: нужно ли переименовывать «особняк Сулова» или оставить пока что так.

– Сулов – это наша история! – утверждал книготорговец. – Нравится вам это или не нравится, сударь.

– Так на самом-то деле это не его особняк! Не он его построил, – упорно возражал посетитель. – Да и стихи слабые. Так себе... Подражание...

Беседу их прервал грянувший вихрь оркестра. Разом ударили барабаны, смущённо и тонко запели скрипки.

Затем на сцену поднимались поэты и художники. Поэты читали свои стихи, воспевающие неверную земную любовь и природу, а художники размышляли о сущности искусства. Виновник торжества, известный художник-абстракционист, лауреат премии года за картину «Спираль», на открытии собственной выставки отсутствовал: как говорили, внезапно занемог. После того как отзвучали приветственные речи, стихи, музыкальные экспромты, вперёд выдвинулся помощник Тирольского и объявил важную новость: грядут большие перемены, завершающие любые споры. Нет больше смысла рассуждать о том, кто именно причастен славной истории особняка. А всё потому, что дом этот покупает Анатолий Анатольевич Тирольский. Отныне он и только он будет его полноправным владельцем. Взрыв оваций заглушил окончание речи про отмену реставрационных работ, скорое закрытие всех экспозиций и установку на парадной лестнице бюста Сулова в знак преемственности и уважения.

Тем временем на улице, под окнами особняка, собиралось что-то вроде незапланированного митинга. Как оказалось, далеко не всех желающих пустили на открытие выставки. Туда проходили лишь избранные – строго по приглашительным билетам. Сенсация готовилась вроде бы секретно, без лишнего шума, однако утечка информации произошла ещё накануне. Газета «Доброе утро» выпустила памфлет про то, как местный миллионер собирается незаконно захватить старинный особняк, памятник архитектуры. Если и шутка – то вполне прозрачная. Как бы то ни было, дополнительную информацию экскурсовод Леонид Николаевич Линозов получил ещё утром, по телефону, от книготорговца, который оказался на месте всех событий. Прочитав сообщение, Леонид Линозов некоторое время стоял молча, приходил в себя. Потом поднялся на крыльцо и, размахивая руками, пересказал детали грядущего беспредела. Потом ему стало плохо. Пришлось пить сердечные капли и сидеть на скамейке в окружении жалостливых тётушек, доставших термосы с чаем и опахала в виде свёрнутых газет.

ГЛАВА 17

Тайна одного натюрморта

В тот день Данила не планировал куда-либо идти, тем более на выставку современных картин. Однако вечером он вышел прогуляться, побродить по центру – и ноги сами привели к особняку. Вот уже вторые сутки все знакомые только и обсуждали скандальную новость: захват здания Тирольским. Не все, конечно, но самые сознательные и честные, вроде старика Линозова, который готовил теперь большой протестный митинг. Кроме обычных плакатов с надписями «Позор» и «Держи вора», он заказал сделать восковую куклу, изображающую Тролля, чтобы показательно, во время митинга, её

казнить – повесить или обезглавить, как именно, Лиозов ещё не решил. Весь этот детский сад Данила порядком раздражал. Только и умеют, что размахивать картонными мечами.

– Нет-нет, – доказывал Лиозов по телефону. – Ты подумай, это же такой жест! Устрашающий! Всем урок!

«Подумай», – как будто он мало думает. После провала апрельской операции Данила стал по-особому задумчив и молчалив. Иногда он останавливался и негромко разговаривал сам с собой. Иногда просто садился на землю возле какой-нибудь оживлённой улицы, под ветвистый дуб или клён и, сцепив на коленях руки, пристально смотрел вперёд. Ему нравилось быть неподвижным и отстранённым, пока толпы идиотов куда-то спешат, над чем-то смеются, чему-то верят.

Если он и раньше не отличался общительностью, то теперь замкнулся окончательно. Впрочем, замечать перемены было особо и некому. В институт с тех самых пор он не ходил, пропустил итоговое заседание кафедры. На телефонные звонки научного руководителя не отвечал. С сестрой давно не виделся, мама погрузилась в предсвадебную суету, дядя Лёня, как обычно, больше обращал внимание на исторических деятелей, ставших легендой, чем на живых людей. Но даже он, рассеянный мечтатель Лиозов, и то как-то раз заметил, что Данила сильно похудел, уж не болен ли он.

– Да нет, – отмахнулся Данила, – просто весна, давно не отдыхал.

– А, ну да... Сегодня только Тролли имеют возможность ездить по курортам, – тут же согласился Лиозов. – Такое вот безумие... Чем же ты сейчас так занят?

В ответ Данила пожимал плечами. Смешной вопрос. Пожалуй, он и был занят только тем, что отдыхал. Ходить на работу, как ему представлялось, большого смысла не имело. Сразу решил, что накопленных денег хватит на пару месяцев, а там... Там будет видно. Обидно было разве что тратить все сбережения на себя... Раньше он представлял, как после трагического финала родным в утешение и на организацию похорон останется сотня тысяч. Всё будет в высшей степени благородно с его стороны. Теперь же этот план, судя по всему, разваливался. С другой стороны, мать нашла себе жениха. Вот пусть и разбирается сама.

День проходил быстро и уныло. Сон до полудня, затем сёрфинг интернета, чтение новостей, просмотр глупых роликов ютьюба, всякого рода приколов и лайфхаков. Ближе к вечеру такая же бесцельная, как вся жизнь, прогулка по центру, во время которой он пытался размышлять и строить планы. По ночам ему снились кошмары. Наверное, он обрадовался бы любому кровавому ужасу, межгалактической войне, перебранке между Гансом и Триной, но весь кошмар в том и состоял, что ничего не происходило. Была одинокая пустая комната. Окно, засиженное мухами. Мелкий вечный дождь, замерший до горизонта мутной пеленой. Он хотел бы выйти, побежать – и не мог. Он задыхался и жаждал, молил, чтобы его убили, развеяли бы эту муку. Но ничего не происходило.

Он мог бы считать себя давно умершим, если бы не настойчивая привычка организма требовать себе кофе и какую-нибудь еду, неважно какую, потому как на вкус всё было одинаковым, слишком пресным.

Таким же уныло-пресным оказался и особняк, когда Данила зашёл внутрь. Перемена – разительная. Обычно здесь царила праздничная суета, звуки музыкальных инструментов наслаивались на звонкие восклицания, аплодисменты, смех. Раньше здесь пахло духами и страницами ветхих книг, которые на тележке прикатывал антиквар, вскипевшими сливками и тёплыми булочками из кофейни, что располагалась в подвале, травяным чаем, восковыми свечами, морскими раковинами. По лестнице непременно стучала капель дамских каблучков, шуршали платья. Уборщица стремительно проходила мимо со шваброй в руке, вечно оттирала какие-то пятна, а гардеробщик, шурясь от недосыпа, вешал пальто и протягивал номерок.

Теперь же надо всем витал дух заброшенности. Так, словно невидимая пыль уже столетиями оседала на предметы, на торопливо прикрытый газетами стол с книгами, на паркет, на потушенные люстры. Он шёл один в этой гулкой тишине, дивясь своему присутствию.

– Кто здесь? – окликнул охранник. – Всё уже закрылось.

– Я на секцию... «Берёзка»...

– Секции выехали! Только книги осталось забрать.

– А выставка?

– На втором этаже... – охранник немного сомневался, но затем всё-таки махнул рукой. – Поднимайтесь. Где же ещё знаменитую «Спираль» теперь посмотришь, конечно...

– Для «Спирали», я слышал, должны построить отдельное здание.

– Ну-ну, пока построят... – не договорив фразу (распространённая особенность современных людей: кидать словесное соцветие в воздух и не заботиться о его дальнейшем развитии, не поливать и не укоренять в почву, даже не оградить заборчиком логических аргументов), охранник ушёл к себе в каморку, а Данила побрёл, сам не зная для чего, в зал современного искусства.

На лестнице и в коридорах царило всё то же запустение. Ковровые дорожки уже убрали, со стен сняли многие знакомые картины. В коридоре была составлена разобранная мебель: её то ли вывозили, то ли, напротив, привезли, чтобы обставить спальню, столовую или гостиную нового владельца.

Из одной комнаты выглянула заплаканная девушка в длинном мятом платье. Кутаясь в палантин, она проводила Данилу печальным, неприлично долгим взглядом. Так, что он даже оглянулся, а она, покраснев, торопливо поправила в своих волосах белую заколку. Её волосы были подобны паутине, а сама заколка – легкокрылой жертве, попавшей в сети.

Наконец коридор вывел в просторный холл, где и располагалась экспозиция. Со всех сторон обрушилось буйство красок, острых углов, пирамид, торчащих линий. Несмотря на цветное разнообразие, мир был беден и разъят, напоминал разобранную мебель, мимо которой он только что прошёл. С другой стороны, художник предложил посмотреть на самое главное, на жизнь без прикрас. Реальность, лишённая пыльного убранства и пышности, представляла конструкцию из набегающих плоскостей. Всё было предельно обнажено и безлико. Знаменитая «Спираль» располагалась в центре зала. Боковые лампочки подсвечивали её снизу так, что при желании можно было представить сноп золотистых колосьев. Серп, молот, собранный урожай стали едиными. Это был первый и последний день творения мира. И одновременно лабиринт Минотавра, внутри которого блуждала отчаявшаяся душа. Данила пристально рассматривал спираль, её скосы и градации, утолщения, завитки, бесконечные стальные переходы. Дрогнув, бока спирали зашевелились и поплыли. Перед ним была змея, обхватившая тугими кольцами землю.

– Завораживает? Она, как Мона Лиза, для каждого своя... – жеманно проговорил кто-то.

Вздвогнув, Данила оглянулся. Какая досада. Та самая девушка.

– Я смотритель этого зала... Точнее, бывший смотритель, ведь все музейные экспозиции закрываются. Но свою последнюю экскурсию с удовольствием проведу, – продолжила она. Её глаза всё ещё блестели, но волосы уже были собраны в крепкий пучок, похожий на сжатый кулак. Вся она стала другой – подтянутой, сосредоточенной. Исполненной мрачной решимости.

– Спасибо, не надо, – Данила поспешил к выходу. – Я очень занят, тороплюсь.

– Неужели? – донеслось в спину. – Вы так уверены? Завтра уже этой выставки здесь не будет... И никогда...

«Чего ещё не хватало, – думал он, – и так своими глупыми речами мир заполнили. Ну что она может сказать про “Спираль”? Что понимает в абстракционизме? Выучила из пособий пару абзацев и повторяет их теперь, словно попугай».

На лестнице у него закружилась голова, пришлось замедлить шаг. В глазах рябило. Так, словно импульс искусства, разорвавший живописную реальность на ошметки и клочья, всё ещё продолжал преобразовывать окружающий мир – только теперь уже реальное жизненное пространство, а не то, что лишь на холсте и в красках. Сам Данила чувствовал себя таким же сломанным, разобраным на отдельные детали. Схватился за перила, сделал глубокий вздох. Минутное недомогание стало проходить. Пёстрые фрагменты стянулись в одну точку, проявляя ступени, бледную стену, картину на стене.

Собрался было спускаться дальше, но картина показалась до странности знакома. Ничем не примечательный натюрморт, и всё-таки... Большие настенные часы с закрытыми дверцами над циферблатом, белая чашка на столе, простенький букет ромашек и васильков. Часы и чашка. Да, конечно, это были те самые предметы, которые Полине передала Наталья. Данила захотел рассмотреть год или подпись художника и, поскольку впереди ничего такого не обозначалось, двумя руками притянул раму и развернул на другую сторону. Видимо, слишком резко дёрнул. Рама заскрипела и сдвинулась, а к ногам упал сложенный вчетверо пожелтевший лист бумаги. Точнее, несколько листков, исписанных мелким почерком.

В голове сразу стало ясно, даже прозрачно. Одним быстрым движением Данила, схватив листы, убрал их во внутренний карман джемпера. Оглянулся, поправил картину. Вроде бы никто ничего не

заметил. На всякий случай взбежал на второй этаж. Девушка, смотрительница зала, сидела на низком пуфике возле разобранной мебели и, закрыв лицо руками, горько рыдала. Вся обстановка показалась Даниле в высшей степени сюрреалистической. Тем более что в волосах смотрительницы, вновь небрежно распущенных, спадающих густой волной по спине, он рассмотрел сверкающие бусины и небольшую съехавшую набок корону: «Принцесса, блин». Он совершенно успокоился, едва убедился окончательно, что случившееся осталось при нём. Всё остальное было сейчас неважным.

Охранник внизу по-прежнему невозмутимо читал газету. Конечно, теперь можно было бы спросить про картину, узнать её историю, судьбу – но Данила настолько был потрясён обретенными записками, так, словно в них и только в них содержались ответы на все сущностные вопросы бытия, что лишний раз проявлять интерес и тем самым привлечь внимание к натюрморту не стал. Напротив, подчёркивая своё безразличие к искусству, он сказал:

– Выставка так себе. А вот смотрительница зала весьма красива...

– Карина?

– Правда, что-то слишком грустная, плачет, вот сейчас в коридоре... Прямо в три ручья.

– Не удивительно, – охранник отложил газету, – только устроилась на работу. Буквально неделю назад. Всё сделала, чтобы угодить. Принцессой стала. И опять теряет место. А эта работа, она мне призналась, была работой её мечты... Не в горничные же к Тирольскому идти, как ей предложили... Нет, Карина – девушка с образованием. Книжки всё какие-то читает. Сколько её видел...

– К Тирольскому – ни в коем случае! – вскипел Данила.

– Легко сказать. А на что она жить будет? Тут вопрос элементарного: питание, оплата съёмного жилья, одна совсем осталась, и своего ничего нет.

– Вот, пусть на первое время будет... – порывшись в рюкзаке, Данила достал кошелек и протянул охраннику несколько смятых купюр. – Передайте.

Он понимал, что нужно бы подняться, самому предложить деньги, красиво как-нибудь это обыграть, чтобы девушка не обиделась. Но откуда-то повеяло далёким и тёплым ветром, он был школьником и, по поручению Линозова, нёс в портфеле шоколадку для мамы; тогда так же, как и сейчас, вокруг были стены, коридор и дверь, но это не самое главное: вся жизнь, казалось, радостно играла впереди. Вместе с пожелтевшими письмами, будто золотая осень, эта жизнь сегодня вновь просветлела. Белым вином наполнила пустой сосуд...

Первое письмо, не удержавшись, он развернул на улице. Присел на лавку, взгляделся. Буквы – вроде бы известные, русского алфавита. Но при этом всё непонятно, слишком витиевато, смазано общим наклоном. Где-то с трудом проступило слово «Богъ», на другой строке – «гробъ», «весна», «череда». Или «черепа»? На «п» предпоследняя буква никак не тянула, однако и «д» напоминала с трудом. Некоторое время Данила продолжал внимательно рассматривать страницу. Однако чем дальше он вглядывался, тем меньше смысла оставалось в письменах. Буквы собирались в непредсказуемые своенравные узлы, некоторые длинные слова кидали ползущие хвосты, точно кометы. Другие слова и вовсе, вылупившись из начертанной оболочки, забили крыльями и собрались улетать.

Дрожащей рукой Данила прикрыл листы. Потом осторожно сложил и спрятал в карман. Подумал. Собственно, терять особенно нечего. Достал телефон и, помедлив, всё же набрал номер Полины.

ГЛАВА 18

Один в кепке, другой лысый

Несмотря на склонность к полноте, Тирольский толстым никогда не был, поскольку следил за правильным питанием и регулярно посещал тренажёрный зал. Правда, самому ему больше нравились полногрудые объёмные барышни, их расторопная мягкость ни в какое сравнение не шла с угловатостью модных нынче худощавых блондинок, напоминающих Тирольскому зубастых шук или селёдок. То ли дело женщина, подобная воздушному шару... И он был счастлив, что, наконец, встретил именно такую. И что не стал её перевоспитывать, менять привычки, призывать блюсти фигуру или хотя бы ходить в бассейн. Принял такой, какая есть. Впрочем, речь сейчас не об этом.

Линозов, напротив, от природы был весьма строен, даже узок, будто декоративный тростник; но годы, а также пиво и любимые миндальные плюшки, которыми он заедал депрессию, давали своё:

под пиджаком образовалось некое подобие живота, а подбородок стал двойным. Несмотря на это, Николай Линозов чувствовал себя бодрым и неутомимым, так что с раннего утра приступил к активным действиям и разной организационной суете. В принципе, к митингу всё уже было почти готово, однако, не привыкший бездействовать, Леонид Николаевич решил ещё раз сделать обзор площадки, где предполагалась казнь куклы Тролля. На первом автобусе он подъехал к «особняку Сулова», и тут его ждало ужасное открытие.

Особняк был огорожен. Да-да, всего за одну ночь вокруг здания был возведён высоченный забор, сверху обвитый колючей проволокой. Срывалась не только поучительно-живописная часть митинга, которую было задумано провести под окнами кровопийцы, но рассыпались и годами наработанные экскурсии. Ведь за ограждением остались и украшения, и лепнина, и дорические колонны...

«Это же исторический памятник... Это полное... Подлое... Нарушение всех законов». – Лицо Линозова стало бордовым.

В это время раскрылись ворота, и со двора особняка медленно выдвинулся чёрный мерседес с тонированными стёклами. Повинуясь бессильной ярости, Линозов сделал шаг навстречу. Машина резко затормозила. Задняя дверь открылась, из салона вышел Тирольский собственной персоной. За ним тут же высыпало несколько охранников, которые выстроились в ряд за его спиной.

– Кого я вижу! Лёня! Лёнька! – тонко, как-то даже плаксиво, протянул Тирольский и вдруг любезно раскинул руки: – Сколько лет, сколько зим...

В отличие от Линозова, Тролля был мертвенно-бледен. Полночи он посвятил своему давнему увлечению, которого очень стеснялся, – компьютерной игре «Дорожный детектив», и теперь чувствовал себя довольно скверно. Впрочем, синяки под глазами скрывали тёмные очки. Стильная же обновка – малиновый фирменный тренч, серебристые пуговицы которого были украшены тончайшим китайским орнаментом, ботинки с заострёнными носами, сияние, запах дорогого парфюма – весь этот лоск создавал разительный контраст с Линозовым, потёртые джинсы которого пузырились на коленях, а ребячья выцветшая кепка, перевёрнутая козырьком назад, приминала седые клочковатые волосы – всё, что осталось от пышной некогда львиной шевелюры.

– Батюшки-и-и! Как ты изменился! – продолжал по-старчески плаксиво восклицать Тирольский. – Красавец ведь был... Ведь раньше, помнишь? Первый в классе, можно сказать... Бог ты мой...

– А ты в Бога, смотрю, уверовал, – наконец выдавил из себя Линозов. – А что есть Божий суд – знаешь?

Всё происходило так, как могло мечтаться Линозову разве что в лучших снах. Он не потерял чувства собственного достоинства и коронную фразу смог произнести величаво и с холодным презрением.

На мгновение Анатолий Тирольский словно оцепенел. Каменные лица охранников согласно дрогнули, будто по ним пробежал ветерок. Повисла напряжённая пауза. Линозову даже захотелось, чтобы его убили, сейчас же, на этом самом месте. Больно славный получился бы тогда некролог. Возгоревшись этой идеей, он жаждал удара и мысленно прощался с жизнью. Однако Тирольский вдруг расхохотался и, согнувшись, хлопнул двумя ладонями по своим коленям.

– Я понял, о чём ты! Кажется, я понял! Дружище, не бери в голову! Будь проще...

– Что значит – «будь проще»? – нахмурился Линозов.

– Если ты про «особняк Сулова» и забор, так это временно. Ну, это же не секрет, что по своей натуре я меценат, и вообще, скажу тебе, Лёнька, честно, очень добрый человек. Очень. Сейчас, конечно, забор нужен – слишком много зевак бродит, в окна заглядывают. Знаешь, неприятно. А потом, как утрясётся, всё откроем. Будет время, и ты свои группы приведёшь, про дом расскажешь, лепнину покажешь. Нет, я вовсе не против. Я не враг искусству. Напротив, суди сам: здание разрушается, нужен ремонт. Любой дом без хозяина ветшает... Так нельзя. Вот я и займусь...

– Собой лучше занимайся! Руки прочь от народного достояния! – лозунг выкрикнулся сам собой, Линозов и не думал, что получится настолько складно.

– Ой-ей-ей, а вот это зря... – со вздохом процедил Тирольский. – Впрочем, впрочем... Я зла не держу... Я человек добрый.

Затем он кивнул охране, и те медленно, словно нехотя, отступили назад.

– Не поверишь, но скажу честно. Давно я хотел, чтобы мы встретились, потолковали... Вспомнили бы былое, школьные годы. Поговорили бы и о твоём будущем. Тет-а-тет.

– Я не девка на выданье, чтобы о будущем толковать, – фыркнул Линозов. Вся эта ситуация ему представилась вдруг в высшей степени комичной. В отличие от слишком солидного лысого олигарха-брюзги, он был в весёлой ярко-жёлтой куртке из секонд-хенда и хулиганской кепочке, лихо перевернутой назад. Как ни крути, а лживая развратная жизнь – года косит, красоту уносит, как бы человек ни бодрился, накачивая себя препаратами со стволовыми клетками абортированных младенцев. Леонид Николаевич по-особому остро почувствовал сейчас свою удаль и вечную молодость. Главная же особенность молодости – нежелание вспоминать былое, ворошить выцветшие тряпки судьбы.

– Моя идея вот в чём, – продолжал Тирольский, – хватит самостоятельностью заниматься, всё это несерьёзно. Пора тебе, Лёнька, свою фирму открыть, стать начальником. Экскурсионное бюро... По старой дружбе выделю тебе денег, в офисах сотрудниц посадишь. Хорошеньких... Сначала вложим, потом выручка хлынет, оглянуться не успеешь – лимонами пару чемоданов наполнишь... Такой вот челлендж, если кратко...

– Пошёл в жопу, – с удовольствием выговорил Линозов.

О, непробиваемый Тирольский, о, мерзкий Тролль. Кажется, он нисколько не обиделся и даже не оскорбился. Его благонравная высота до уровня простоллюдинов не опускается.

– Эх, дурила. Каким ты был, таким остался. А всё равно, подумай. Через недельку, в это же время, на этом же месте. Чао-какао! Да, и помни. Не каждый день и не каждому дуриле средь бела дня лимоны предлагают...

«Моя душа сатане не продаётся», – эти и многие другие мудрые изречения хотел было сказать Линозов, да Анатолий Тирольский слушать не стал. Сел в машину и тут же уехал. Только брызги из-под колёс взметнулись.

Домой Леонид Николаевич вернулся не просто в хорошем – в ликующем настроении. Если бы он знал хоть одну песню, то, безусловно, стал бы громко петь. Он был уверен, что всё сказал и сделал правильно. Жаль, правда, на видео не записал, да кто же знал, кто предполагал, что так случится. Закономерный вопрос: а чего это Тролль вцепился, какую выгоду ищет? – пока не возникал. Казалось, что по-другому и быть не может. Чего ещё желать гнилому олигарху? Конечно, как можно больше свободных граждан под свой колпак согнать. Ишь ты, деньгами решил соблазнить. А вот не всё в этой жизни продаётся и покупается, ой, не всё. Ради такого события Линозов решил выпить шаманского, повернулся к кухонному шкафчику и вскрикнул от неожиданности. Банка, в которой обитал червь Поллет, лежала перевернутой набок. Сам Поллет отсутствовал. Зато рядом, на тумбочке, сидел припшлый кот-квартирант. Щурил жёлтые злые глаза и облизывался.

ГЛАВА 19

Какое завтра время года

Лампа не горела. Календарь показывал март. А за окном весёлым пламенем металась от сильного ветра майская буйная зелень. Они были вместе, а потому ничего не замечали.

– Ты мне что-то хотела сказать? – не выдержал Данила.

Вот уже почти час Полина, склонившись над столом, всматривалась в принесённые Данилом бумажные листы. Иногда она поднимала голову и смотрела прозрачным, немного сумасшедшим взглядом, а потом принималась читать дальше, ничего не поясняя. Наконец вся эта загадочность порядком надоела. Что может быть страшнее тишины.

– Говори! – потребовал Данила. – Всё, как есть, говори.

– Она жила рядом с нами, а мы даже ничего не поняли. – Полина отложила записи, встала и подошла к окну. – Ни разу не спросили. Не поинтересовались... Всё о себе да о себе... Ты что, правда, не разбираешь почерк? Ты же прочитал уже, зачем прикидываешься? Давай решим, что теперь делать.

– Да ничего я не читал! Китайские иероглифы кто разберёт... Будто курица писала, этой... лапой.

– Сам ты курица, – обиделась Полина. – Достаточно сосредоточиться... А ещё...

– Ой, хватить меня учить!

– Ой-ой, – передразнила Полина и, откинувшись назад, на спинку кресла, мечтательно прищурилась.

В это время прогремел гром, в окно ударили первые тяжёлые капли весеннего дождя.

– Как темно стало... – ещё сказала Полина и подошла к подоконнику, на котором пылился глиняный горшок с засохшим кактусом. Тронула цветок пальцем и вздрогнула, наткнувшись на тонкие полупрозрачные иглы, почти невидимые, но жёсткие и острые.

Тогда Данила встал рядом и взял её за руку, она не отнимала. Может быть, нужно было включить лампу и зашторить окно. Заварить крепкий чай и полить кактус. Продолжить вслух читать рукопись, разбирая слова. Но на улице шёл дождь, страшно качалось дерево. А они всё стояли, не в силах оборвать странное горькое чувство, прозрачное и настойчивое, чувство нежности и тишины, полузабытой страсти. Под ногами обрушивались города и мчались поезда. Дремали подземные реки.

Когда идёт дождь – наступает другое время года и никто не знает, каким оно будет завтра. Когда двое целуются, то отблеск любимого навсегда сохраняется внутри и бродит после по лабиринтам души, зовёт и скучает, играет на свирели, грустит.

Отстранившись от Полины, Данила потерянно сел на диван, обхватил руками голову. Полина не уходила и не возмущалась. Она задумчиво смотрела вдаль, накрыв ладонью кактус.

Особняк, словно вымышленный ледяной дворец, расплзался и бледнел. Тролль, сжавшись, стал не страшен и далёк – подземный житель скандинавских саг, не больше червя.

На столе лежала рукопись, которая повествовала об ином. О том, что особняк – совсем другой, не такой, как принято о нём рассказывать. Отдельная страница была посвящена священнику из Благовещенского собора, незадолго до своего ареста он приоткрыл девочке Наташе тайну её рождения. Было написано о том, как Наташа полюбила Сулова, простого и весёлого поэта-рабочего, похожего на агитку, – прямого, чёткого, звонкого во всём: в работе, речах, походке. За эту однолинейность, в противоположность самой себе, и полюбила, пожалуй, – казалось, он не ходил, летал, расправив крылья в небе. Мечтал Сулов о мировой революции, играл на гармонии, выступал на партсобраниях, но когда занял высокую должность, был арестован и осуждён. Исчез навсегда.

– Вот что! – решил Данила. – Ты не читай сейчас. Соберёмся все вместе... И тогда. Ты, дядя Лёня, я и мама, Дашка... Пусть даже Анатолий придёт, не жалко...

– Анатолий?!

– Мамин новый друг, безликий, как горстка пыли.

– А-а...

– Понимаешь? Это будет нонсенс.

– Ещё какой...

– Да-а... Линозов столько лет экскурсии водит, всё про какую-то лепнину, греков говорит, а тут такие судьбы.

– Невероятный поворот!

– И знаешь... Мы будем счастливы... – наконец выговорил Данила. – Навсегда.

Прозвучало почти убедительно. День закончился, незаметно наступала ночь. Усевшись на сук соседнего ветвистого дуба, печально и сладостно пела птица Сирина, волнительно пахло свежими ночными травами. И совсем даже неважно, что дубы в том районе не росли. Главное, что дуб был могучий и вековой, а каждое перо Сирина украшено специальным золотистым колпачком «наперника», тронутого гравировкой неведомых слов.

Окончание следует

Проза

Яков Шафран

Яков Наумович Шафран – родился в 1950 году. Два высших образования: в 1973 году окончил Тульский политехнический институт (ныне Тульский государственный университет) по специальности «Двигатели летательных аппаратов» и в 1998-м – Высший психологический колледж (ныне Высшая школа психологии) по специальности «Практический психолог». Литературный стаж с 1986 года. Автор восьми книг прозы и поэзии. Публикуется во многих литературных журналах и альманахах. Лауреат нескольких литературных премий. Заместитель главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», член редакционных советов ряда изданий. Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». В данное время не работает. Живёт в г. Туле.

ТВЁРДОЕ СЛОВО

Рассказ

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб, я червь – я Бог!

Г. Р. Державин

Бороться и искать,
Найти и не сдаваться!

*Строка из стихотворения британского поэта лорда
Альфреда Теннисона «Улисс» – девиз романа
В. Каверина «Два капитана»*

Кто знает, какой зигзаг совершит развитие на нашей планете на непрямом, к сожалению, пути к неизбежно грядущему Светлому Будущему. Всякое бывало в истории, и всякое может ещё быть...

Виктор быстро шёл по белоствольной безмолвной роще, уже почти превратившейся в тенистый парк, с асфальтированными пешеходными дорожками, с детской, всегда оживлённой площадкой с качелями-каруселями и с площадкой для выгула собак. Однако, с другой стороны, запущенной, густо заросшей высоким диким кустарником и такой же травой, живущими как бы особой жизнью. Роща была близка ему светлой, берёзовой, тихой и где-то нежной красой, небольшими одуванчиковыми полянами, близка в качестве места многолетних физкультурных разминок и утренних пробежек, контакта босых ног с росистой или снежной, живой, землёй. Близка своими врачевателями – благотельными в питании дикорастущими целебными растениями и цветами, более чистым и ароматным воздухом, ибо располагалась существенно вдали от крупных улиц и автомобильных

трасс, и целительным звучанием птичьих песнопений. А также многими исписанными листами черновых записей рассказов, очерков, повестей и стихов – его творческих детей, когда отраднейшей порой он сидел на раскладном походном стуле и писал, а в серое ненастье и белокурой зимой, прогуливаясь, рисовал в душе поэтические образы и обдумывал сюжеты и фабулы будущих прозаических произведений...

Высокое яркое солнце бесстрастно взирало на прогуливающих или спешащих по делам людей, резвящихся беспечных детей и собак. Всё было как всегда. Но Виктор сейчас не прогуливался и не бежал трусцой, а пробирался сквозь цеплявшиеся за одежду заросли кустарника и травы, мечтая лишь о том, чтобы невидимым и неслышимым побыстрее выбраться из рощи и небольшими узкими, обыкновенно пустующими и молчаливыми, часто пересекающимися друг с другом улочками и переулками выйти за город. Он любил соприкоснуться лёгким и мягким взглядом со встречными, посылая им своё сочувствие и доброту, однако теперь, оглядываясь по сторонам, избегал их, как чумы, и настойчиво пробирался вперёд. Что-то случилось с этим обычным и привычным до повседневности ещё год назад грешным миром. Условия жизни, куда ни посмотри, за что ни возьмись, стремительно, лавинообразно ухудшились, усилилось обособление друг от друга даже ближайших соседей, старых друзей и добрых знакомых, коллег по работе и товарищей по интересам, ну, если и не друживших, то просто по-человечески доброжелательных друг к другу.

И тут и там всё пришло в полный упадок – раньше были хоть какие-то, пусть и остатки, прежних благородных жизненных идеалов, манящих надежд на возможность улучшения действительности и разные возможности вообще, – ныне и последние исчезли, неведь куда подевались, – стала царить бездуховность, порочность и вялая пассивность. Одним словом, произошло невероятное изменение всей души привычного бытия, всей, пускай не всегда простой, но по большей части доброжелательной обстановки, дотоле окружавшей его. И одновременно появилось вокруг разлитое море равнодушных к подобным себе и окружающему, вроде бы в мановение ока позабывших доброе и хорошее, что они постигли ранее и к чему их наставляло прежнее, и готовых жить под самым невероятным суровым принуждением, только чтобы не отказываться от привычных и милых удобств. Нужно сказать, и ранее это происходило, да не так обвальное, как в последнее напряжённое и горемычное время. И стало невозможно передвигаться по ставшему бессердечным городу. А ведь ещё совсем недавно он свободно ходил по добродушным улицам или ехал в автобусе по делам, любясь окружающим и взаимодействуя мысленно, или, вернее, сердечно, с людьми, посылая им теплоту и любовь, желая доброго здоровья и получая ответную волну тепла и добра...

Роща кончилась. Виктор спрятался в густом кустарнике на её окраине, выбирая момент, когда рядом никого не будет, дабы перебежать в один из горящихся переулков напротив. Такие предосторожности необходимы, ибо у него не было того самого «зверя по имени “q”-пропуск», представляющего собой не одну специальную бумажную справку (что можно бы и купить), но и вживлённый в тело микрочип, излучающий определённую и конкретную информацию о данном человеке. То для бдительных сосредоточенных считывающих устройств, а бумажка – если таковых, на крайний случай, не окажется. Однако для контроля прохожими делался ни много ни мало знак на лбу в виде особой татуировки. При отсутствии отметины могло последовать фотографирование на смартфон или айфон и сообщение в полицию, а далее – человек заносился в специальную картотеку, от которой уже никуда не деться, и находился в розыске.

Вот и не далее как вчера объявили – с завтрашнего дня будет поголовная и постоянная проверка: на улицах, на рабочих местах, во всех учебных и прочих заведениях и по домам с целью выявления людей без «q»-пропусков. Зомбовизор показал: едет автомобиль, гаишник его останавливает и проверяет пассажиров. Вступление в какие-то разговоры не предполагалось, – у него в ушах торчали красноречиво говорящие наушники. И когда ни у водителя, ни у пассажиров не оказалось соответствующего разрешения и чуткий прибор не показал сигналов «чипа», служивый подозвал верного белого воронка, стоявшего тут же, недалеко от наблюдательного поста. И на глазах у окружавших их людей всех, кто был в машине, увезли, а её самой эвакуировали. И далее ведущий объявил: отказывающихся ввести в организм «чип» и, соответственно, получить заслуженный пропуск станут выселять из становящихся уже ненужными квартир в один из недавно построенных гостеприимных приютов в не столь отдалённой сельской местности. А что такие «приюты» собой представляют, Виктор прекрасно понимал...

Улучив момент, он пробежал небольшой пустырь и углубился в один из переулков. Никого не было видно, но Виктор стремительно зашагал по проезжей части, почти на глаза надвинув кепку.

Вчера, когда он отказался от предложения – читай закомуфлированного приказа – портала услуг зарегистрироваться для получения «q»-пропуска, отключили жизненно необходимые «услуги»: электричество, газ и воду. Не обладая железным здоровьем, без этих «друзей» обитателя городской квартиры недолго и захворать, а медицина ныне не на высоте и ниже возможной планки, то есть взамен здравоохранения – здравозахоронение. Как-то с балкона Виктор услышал краткий и весьма показательный, весьма живой диалог, происходивший у стоявшей «на парах» машины скорой помощи: «Так вы же медсестра!» – «А где мы вам врачей и фельдшеров наберёмся, у нас по сто вызовов в самый скромный день?!» А теперь ему и медсестру, даже и немилосердную, не пришлют или пришлют вместе с бравыми полицейскими и с не менее бравым шприцем с «живчиком-чипом» в заранее приготовленном растворе.

Накануне – ещё было посвободнее – он пробежался по аптекам и, где не слышал отказа чуткого продавца из-за отсутствия «q»-пропуска, покупал дешёвые, но сердитые лекарства для первой и безотлагательной необходимости и марганцовку с содой. Кстати, многие из них нашёл в ветеринарной аптеке недалеко от дома – таким образом братья меньшие неожиданно помогли. Пригодились также и домашние запасы специй. К неприхотливому и воздержанному питанию, впрочем, и ко всему в своей богатой на события, нескудной жизни Виктор привык и с этой стороны был спокоен за себя. Да и наличные деньги кое-какие, скромные, имелись на руках.

Только оставаться в квартире и невозможно из-за неприемлемых бытовых условий, и опасно, так как в любой момент могли прийти. Вот и бдительные соседи под тем или иным, по их мнению важным, предлогом стали заглядывать, видимо, срабатывал всеобщий, животрепещущий где-то в глубине человеческой самости страх, и обещанное, ясно рисующееся в воображении вознаграждение было нелишним. Поэтому и дома он надевал всегда находящуюся под рукой кепку, опуская её козырёк до бровей, при стуке в дверь. Когда ещё не отключили электричество, он пытался по интернет-сети найти подобных себе, называемых массовой пропагандой – отщепенцами, изгоями. Но безрезультатно – всеобщее разобщение достигло немыслимых пределов, люди боялись даже близких и родных, не говоря уже о дальних и посторонних. Оправдались самые страшные и фантастические предположения – выходило, что «человек человеку рептилоид». Всё это ощущалось Виктором, будто Бог отступил от человечества, оставив его на волю сущего дьявола.

После отказа принять «чип» его уволили со ставшей родной и увлекательной работы, заблокировали скромный счёт в банке, где были небольшие личные накопления, и, соответственно, банковскую карту. Нет, если бы не пропуска и отличительные знаки, он мог бы жить и в своей квартире обыкновенным местным бомжом, – живут же бомжи в заброшенных домах под снос. То есть находить себе хоть и небогатое, а ежедневное пропитание на мусорных свалках, ставших уже давно пунктом питания для нищих и бедных пенсионеров, и у больших соседних супермаркетов, где частенько выбрасывают просроченные, как говорится в одном известном произведении, «второй свежести», ну, не гнилые и более-менее съедобные продукты. Но нужно платить за квартиру, а не платить – значит потерять её. Потому необходимо уходить...

Виктор шёл по переулку, глаза слипались – минувшую ночь и утро он провёл даже без краткого сна, только сейчас и думать о безмятежном и благодетельном отдыхе было нельзя. Хорошо бы зайти в какой-нибудь супермаркет, подумалось ему, пока в городе, прикупить что-либо из мясных, рыбных и овощных консервов и по хозяйству, там посуду разовую, набрать рекламочек для растопки костра. Да кто пустит, хорошо ещё у дверей не установили бездушных роботов-опознавателей. Однако и сегодня – это не вчера, всё меняется не по дням, а по часам. Попытался, может, в мусорном баке кое-что найти, решил он, увидев в стороне, на параллельной переулку, по которому шёл, улице сиротливо стоящий среди частных домов супермаркет. Виктор по-прежнему по проезжей части направился к нему. Подойдя к магазину, он остановился метров за пятьдесят от него и стал раздумывать. День был воскресный, тёплый, солнечный, и людей окрест не видно, видимо, отдыхают на природе либо пассивно, либо активно, трудясь на огородах и дачах. Да и магазин, хоть и крупный, а окраинный, почти сельский. «Может, попытать счастья, правда, сомнительного, но вдруг повезёт, вдруг не заметят?» – подумал Виктор и подошёл ко входу. Охранник о чём-то увлечённо разговаривал с кассиршей. Он решил – ну, возьмёт нужное, молоденькая кассирша пробьёт, какой интерес ей выдавать его,

а охранник на выходящего и не отреагирует. И уверенной, размашистой походкой, быстро отвернув лицо вправо, будто на стеллажи смотрит, – прошёл в магазин. А не тут-то было, наверное, что-то не так в нём.

– Эй, приятель! А ну-ка постой! – услышал Виктор вослед.

Пришлось остановиться. К нему подходил, держа в одной руке наготове сканер, а другой поигрывая дубинкой, двухметровый дюжий верзила в чёрном. Приставив прибор, тоже чёрный, к груди Виктора и не получив желаемого сигнала, он потребовал на всякий случай – мало ли, техника забарахлила – пропуск и снять кепку.

– А, да ты злостный отказник! Пошёл вон отсюда! – закричал охранник, не получив документа и не видя знака, и стал, болезненно тыча крепкой дубинкой в бок, толкать Виктора к столь негостеприимной входной двери. – Пошёл вон, тебе говорят! И скажи большое спасибо, что, на твоё счастье, не сообщил куда следует, а то бы тебя быстренько упекли...

Выйдя, поблагодарив Бога и основательно выругав себя за такой необдуманный и, главное, совсем ненужный риск, – берётся, берётся и на тебе, чуть как кур во щи не попал, – он свернул за угол, и ещё раз, и наткнулся на массивный открытый мусорный контейнер. В нём рылась неприглядного, даже страшного вида женщина, с космами грязных тёмных волос, с чёрными, видимо, от загара и грязи одновременно руками и лицом, от которой и на расстоянии сильно пахло явно давно немытым телом. Раньше Виктор встречал её, более приглядную, в своём жилом районе, куда она ежевечерне, не обращая внимания на прохожих, приводила целый выводок коз на бесплатную и обильную кормёжку из мусорных ящиков, также собирая пропитание для животных в широкую, нещадно громыхавшую, разбитую грузовую тележку. Козы с тихим, довольным меканьем, не дожидаясь кормления, объедали и близрастущие кусты. Потом, когда невесть почему запретили косить траву в берёзовой роще, чем занимался её старик-отец, – они, видимо, давно и основательно кормились козьим молоком и с продажи его и молочных продуктов, – коз не стало. Вскоре и отца, видимо, не стало. И она сама уже жила находимым в отбросах и подаваемым ей по воскресеньям и праздникам у местной церкви. Её можно было видеть в продуктовом магазине, где она сдавала в кассу тщательно пересчитанные и разложенные в кульки по достоинству монеты в обмен на бумажные купюры.

Виктор подошёл и, сняв вместительный туристический рюкзак, тоже начал рыться в контейнере, большом и глубоком, а не обычном мусорном бачке, какие стоят у подъездов домов, и снизу доставать не удавалось, не хватало длины рук. Тогда он, оглядевшись по сторонам, схватил валяющуюся рядом узкую доску и, запрыгнув в контейнер, стал, как лопатой, выгребать нижнее содержимое наверх. Женщина, вначале неодобрительно отнёсшаяся к его появлению, что-то сочувственно промолвила и принялась с рвением наполнять свою тележку. Силы в Викторе хоть отбавляй, но всё же работа была тяжёлой, и он, дождавшись наполнения тележки, положив в рюкзак несколько отобранных банок просроченных мясных и рыбных консервов и зелёного горошка, выпрыгнул из контейнера. И сделал это вовремя, ибо увидел направлявшегося к нему с противоположного угла здания другого охранника, видимо, делающего очередной обход.

«Ну, всё, никаких приключений, подобных недавним, больше не надо, и продуктов достаточно – а консервы можно и на костре стерилизовать», – решил он и заторопился прочь. Ну кто бы мог подумать, ещё совсем недавно Виктору и в страшном и дурном сне не могло привидеться, что он станет вот так рыться в отбросах, прятаться, безудержно бежать неизвестно куда... Вот поживает человек, размышляет, сомневается, опять раздумывает и опять сомневается, затем наконец решается на что-то, как-то поступает, оценивает личные дела, делает выводы, изменяется к лучшему и снова размышляет, поступает, оценивает... А тут в человека вживляют «чип», и через него уже *кто-то* внушает ему *свои* мысли, *свои* решения, *свои* действия, и «*ты спокоен, спокоен, спокоен...*». Он понимал, в мире хватает законченных психопатов, даже в раю способных натворить чёрт знает чего, однако гораздо более есть разумных, таких, кому не нужно, чтобы ими управляли, когда это будет не собственная, пусть и грешная, плоть, не собственная, может быть и пустая, голова, не собственные, порой и ошибочные, поступки и опыт, не личная дееспособность как результат наследственности и влияния окружающей среды. А болезни – застарелые, продолжительные и тяжёлые, и совершенно молодые – скоротечные и лёгкие, но в любом случае – живая обратная связь человека с каждодневной жизнью, с окружающей средой, с людьми, которые, в общем-то, активно и целенаправленно участвуют в формировании человека? Теперь, при управлении через «чип» – или заболел непонятно чем или от чего, или вылечат

на расстоянии, если человек нужен для чего-либо. Резонный вопрос – для чего? Человек может сам быть в силах изменить своё непосредственное окружение и сомнительное поведение, тем или иным способом вылечиться от болезни-мучителя, измениться к лучшему. «Чипированный» же, он терял свободную волю, а значит, переставал быть человеком...

Виктор быстро шёл по переулку, до него долетали звуки из открытых настежь окон – обитатели домов, как повелось в долгожданный выходной день, смотрели зомбовизор, от чего он уже давно отвык. Ныне это не вызывало в нём невольного глухого раздражения – чем сейчас меньше прохожих на улице, тем ему лучше. И тут он неожиданно оступился – левая нога попала в ямку на абсолютно ровном асфальте дороги, – причём так, что подвернулась. Жгучая боль пронзила ступню, и она стала жить будто особо: в ней закололи иголки, вслед за тем Виктор ощутил булавочное покалывание и после него жжение. Он пощупал ступню рукой – она начала чуть заметно припухать. «Ну вот, растянул связки! Ещё не хватало... – подумалось. – Нужно выбраться из города. Там, дальше, в лесу перевязать, эластичный бинт есть, запасся». И он, заметно прихрамывая, но решительно продолжил двигаться вперёд, зорко глядя по сторонам и с заметной опаской на лежащую перед ним коварную мостовую. Полуденное солнце по-прежнему ярко светило в безоблачном, прозрачно-голубом небе, стоял жаркий и душный день. Наконец переулок вывел его на голый песчаный пустырь, за которым уже рос долгожданный густой смешанный лес. Однако пустырь представлял собой определённую непредвиденную трудность – на открытом пустом месте естественно заметить человека, направляющегося в лес с большим нагруженным рюкзаком. Любопытный человек мог подумать: с грузом – грибами и прочими дарами – обычно, по крайней мере в большинстве случаев, идут, наоборот, из леса. Это может вызвать обоснованное подозрение. И кто-то, особо «ответственный», тем более ежечасно призываемый по зомбовизору, может позвонить, и через несколько минут здесь появится гравитолётный патруль. Потому, несмотря на боль в ноге, – а она сильно болела и наступать на неё было тяжело, – Виктор решил сделать изрядный крюк, пройти вправо до ближнего края пустыря, переходящего там в лес, и по дуге вернуться к тропе.

В лицо дул тихий и спокойный тёплый ветерок, несший откуда-то терпкий, ароматный запах сухого сена. И ему вспомнились давние летние дни, когда он, юный парнишка, месяц жил в деревне у дальних родственников. Как давно, казалось, тысячу лет тому назад сие происходило, и такое стойкое ощущение, будто в другой, параллельной реальности. Пёстрое стадо ленивых коров, пасущихся вдали, золотом колосающиеся, безмолвно-задумчивые, бескрайние колхозные поля, а вблизи на широкой зелёной лужайке – откормленные важные гуси и пёстрые бойкие куры, и редко какая деловитая легковая или грузовая машина проедет, сопровождаемая обязательным неистовым, звонким лаем деревенских собак. Глубокое голубое небо, птицы-певницы заливаются, первозданная свежесть кругом, и дышится удивительно свободно и легко, полной грудью. И славно так на душе, и сердце становится таким любвеобильным, и не хочется никуда торопиться, жил бы и жил в той деревенской тиши без будничной, хлопотливой суеты. А безмятежный и благодатный сон на старом сеновале в дощатом одиноко стоящем сарае, когда засыпаешь под тихий и ласковый шелест листьев в саду, глядя в открытое слуховое окошко на яркие и молчаливые звёзды в чистом, чернильном ночном небе. А ранним и светлым утром спуститься по приставной, скользкой от росы лестнице вниз, окунуться в занимающийся розовый рассвет, напиться его живительной, пьянящей бодростью и почувствовать всю чарующую, несказанную прелесть будущей, раскрывающей свои объятия молодой жизни. А в сених отведать свежих звенящих крепостью яблок, сочных, изливающих сладость груш и синих кисло-сладких слив, сорванных накануне заботливой хозяйкой в саду. Всё, что ему надо сейчас, – уйти в тот благодатный, патриархальный мир, со всеми недавними волнующими событиями, смятенными мыслями и чувствами, и там всё в равновесии и спокойствии обдумать.

Однако теперь было не до того. Нужно углубиться в ближний лес, перевязать уже достаточно распухшую ступню, передохнуть, подкрепиться и двинуться дальше. Всё-таки близко от домов, даже и окраинных, даже и в лесу, небезопасно находиться. Расслабиться сейчас, значит рисковать индивидуальным сознанием, пусть и не совсем идеальной, но самостоятельной и мыслящей личностью и, в целом, существованием. Потому Виктор доковылял до леса и не по узкой извилистой тропинке, – мало ли кто может встретиться, – благо это не сплошной бурелом, не глухие заросли цепкого кустарника и высокой и спутанной травы, а чистый и светлый лес, пошёл дальше и дальше по нему. Через пару километров он решил расположиться на отдых. Отыскав подходящее тенистое

место, эластичным бинтом перевязал ступню и, собрав сухой валежник, на прогалинке, где почти не было растительности, с помощью свёрнутого куска припасённой газеты – приходится беречь бумагу для растопки – и всякой сухой мелочи, валявшейся рядом, развёл костёр. Соорудив над ним горизонтальную перекладину, он повесил походный котелок, из плоской фляги налил воду и, подождав, пока она закипит, насыпал туда несколько небольших горстей гречневых хлопьев и приготовленную смесь сухой петрушки с укропом и морской капустой. Горячая похлёбка с ржаными сухарями и несколько грецких орехов и составили лёгкий полдник Виктора – прошло только два часа как он из дому. Покончив с нехитрой едой, он тщательно загасил тлеющие багровые угли, закидал потухшее костровище валявшимся рядом валежником – на всякий случай, чтобы не навести на верный живой след, – теперь всего можно ожидать, вдруг объявят облаву. Не на него, конечно, а вообще. И, найдя подходящий укромный уголок с густой травой в кустах, прилёг отдохнуть. И дневной сон сразу же объял его...

...Он вроде бы сидит в своей квартире, всё видится чуть зыбким и немного светящимся. Кругом никого. Виктор словно раздвоился – он и сам этот человек, и наблюдает его со стороны. В голове возникает вкрадчивый тихий голос, и он внимает ему. Закономерности в слышимых бесцветных, но вроде штампованных фразах нет, просто какой-то набор слов, однако само говорение, сам голос зачаровывают. Виктор краем отвлечённого сознания соображает, что через «чип» осуществляется направленное действие на подсознание, на подкорку – нервные центры под корой головного мозга; что за вроде бы нелепым многословием идут определённые живые образы, внушающие некие каноны инстинктивных действий, произвольных поступков, постоянных привычек в жизни, не свойственных ему ранее. И вот уже ничего для него нет вокруг, нет берущих за живое размышлений о предстоящем, о возвышенном, нередко посещавших обычно. Звучит только располагающий к себе бесстрастный, невыразительный голос. Затем вдруг он пропал, исчез, и Виктор совершенно забыл о слышанном, будто кто-то одним лёгким нажатием невидимой клавиши вычистил то из оперативной памяти. На краткий миг он видит вновь человека извне, сидящим на стуле и заснувшим. Но вот Виктор и тот вновь одно, и он как бы очнулся, и сразу же в отуманенную голову пришла мысль: «Я два дня назад подумал: у меня маленькая, буквально скудная зарплата, хоть иди воровать. И представил образно, где и что я делаю. Я неправ, очень неправ, я виноват, ибо, несмотря на лишь помысленное, по движущей силе крамольной мысли и рождённого ею ответного, не менее крамольного желания вероятность фактического, непосредственного осуществления такого действия крайне велика, а это равнозначно его непременно практическому исполнению. Следовательно, я – настоящий бандит, от которого могут стать невинными жертвами и непосредственные соседи, и незнакомые мне посторонние люди, истинный преступник и непререкаемого Закона Божьего. И ради несомненной общественной пользы и нравственности я должен, не откладывая, заявить в полицию о краже того-то и того-то, там-то и там-то, тогда-то и тогда-то. А для них уже само чистосердечное и покаянное признание человека и есть достаточное подтверждение прямой виновности, и ничто другое, включая свидетелей происшествия со стороны, не требуется, а значит, не нужны и какие-то уголовные расследования, дело можно оформить, можно предъявить официальное обвинение и передать всё далее в суд. И они будут правы в своём решении. Моя главная и неременная социальная обязанность предать себя предстоящему справедливому и неотвратимому наказанию!»

...Виктор проснулся от громкого кукования – в густой листве рядом растущего дерева громко пропела кукушка. Не склонный к суевериям, он считать её «ку-ку» не стал, а быстро поднялся, взял заранее собранный рюкзак и, сверившись по маленькому компасу на часовом циферблате – стараясь придерживаться примерно одного, заранее заданного им себе направления, чтобы не ходить кругами, – тронулся в предполагаемый быть долгим путь. Через некоторое время Виктор почувствовал, что идёт по пологому склону вниз, и увидел сквозь нечастые заросли светящуюся в ослепительных лучах солнца воду. Это, видимо, та самая река, которую он видел ранее на электронной интернетовской карте, когда искал себе подобных для тогда ещё возможного ухода из дома. По берегу реки предполагалось пройти добрых километров десять. Виктор спустился к воде и сел возле неё, окунув руки. Вода была тёплой, и он, раздевшись, вошёл в неспешную реку, умылся и всем обнажённым телом с головой отдался оживляющему, возбуждающему действию воды. Поплавав вволю, он, блаженствуя и дыша полной грудью, вышел на берег. Желтоватые солнечные отблески резвились в пышной дре-

весной листве, распевали лесные птицы и после приятного купания значительно усилились душистые ароматы лесных цветов и травы. Умиротворение и безмятежная радость разлились по всему телу, до того ноющая боль в ноге сейчас почти не чувствовалась, и Виктор пошёл по берегу.

Он уходил всё далее и далее от города, недавно такого надёжного и такого близкого, а теперь грозящего ему лишением себя самого, неминуемой гибелью самобытной личности. Уходил от города, где на каждом шагу необходимо предъявлять «аусвайс», города, где, в случае категорического отказа его иметь, отключали воду, электричество, канализацию, связь и интернет, то есть всецело жизнеобеспечение и контакт с внешним миром. От города, где царила социальная сегрегация, где поделили всех на два сорта – достойных и недостойных. От города, бросающего не подчинившихся в спецлагеря – места без должного достаточного питания, адекватного лечения и материального обеспечения, без связи, где люди, голодая, болея и нищенствуя, до времени умирают порой в жестоких мучениях. И раньше всех невинные дети и старики. И это делалось везде, по всей стране. Кто-то не мог вынести, не желая себе такой незавидной судьбы, – правда, их были ничтожные, бессильные горстки, – они сходились и бросались на кичливые офисные здания власти. Однако, кроме ответного жестокого полицейского насилия по отношению к ним, сие ни к чему не приводило.

Как-то Виктор пришёл к православному в храм, где прежде бывал и беседовал на значимые для него и волнующие духовные темы. Он попал на утреннее праздничное богослужение. И когда после окончания, будучи приглашённым на воследовавшую совместную трапезу, открыто и по-простому завёл речь о спасении – не посмертном, а сейчасном, в данной жизненной ситуации с «q»-кодами и прочим, – то в ответ не услышал ничего, а увидел лишь круглые, одновременно непонимающие и виноватые глаза почтенных священнослужителей и затаённый в них глубокий трепещущий страх. А узнав об отсутствии у него «q»-пропуска (тогда ещё не были введены опознавательные знаки на лице), чуть не сдали в полицию. И только по милости протоиерея не совершили этого. В итоге они сделали вид, будто его здесь нет, что не видят и не слышат его, то есть, фактически, выгнали прочь. И понял он – Бог молча смотрит на всё и ничего не предпринимает...

Отвлёкшись от воспоминаний, Виктор взглянул на неспешно текущую справа от него реку и засмотрелся на сияющую, чистую и медленно струящуюся воду с затейливыми отражениями листвы на ней и яркими сверканиями игривых солнечных лучей. «Не в преодолении ли серьёзных трудностей единственный и глубокий смысл земной человеческой жизни? – подумал он. – Нужно жить, как катит свои спокойные, безмятежные воды река. Всевозможные озадачивающие трудности неизбежны и постоянны, а преходящие радости житейские и наслаждения земные – редкие гости. Наверное, сильное физическое, душевное и нравственное страдание – неизбежный удел крепких и стойких духом людей. Потому лучше невозмутимо переносить всё, выпадающее на твою нелёгкую, только, видимо, законную долю во всех окружающих тебя и рождающих затруднения обстоятельствах, чем испытывать банальный страх, злиться и нехорошо думать». А именно страх держал Виктора в цепких, когтистых лапах последние дни, обуял его и обращал смятенное сознание к невесело скачущим мыслям о преждевременной встрече с безносой и с косою в руке старухой-смертью. Но утрашаться её неразумно, решил он, ведь она вместе с рождением находится в надёжных руках мудрого Провидения и от человека по большей части не зависит. Живущие в страхе перед смертью влачат неполноценное, никчёмное существование беспомощными людьми.

И всё же тревожные мысли просачивались в сознание Виктора. Да, он идёт, чтобы оказаться как можно дальше от ставшего таким бездушным города. Да, он наслаждается со всех сторон окружающими красотами живописной матушки-природы, бездонным небом, каждой клеточкой тела ощущает благодарную радость непосредственного общения с землёй, по которой идёт. Однако нужно где-то остановиться, не вечно же идти. А где? И продукты, взятые им с собой, когда-то кончатся. Виктор оглянулся вокруг на тихий лес и понял – страхи опять напрасны и, скорее, нервические, – плодородная земля не даст пропасть с голода. Лето подарит ему нежную сныть, листья крапивы, перистые листья одуванчика и овальные подорожника, а также другие съедобные травы (он их знал и употреблял ранее), разные съедобные ягоды и грибы, лесные орехи и жёлуди – все плоды обильного леса. И ещё – в страдающем сердце жила затаённая надежда встретить себе подобных одиноких беглецов от прелестей нынешней «цивилизации». И Виктор пошёл быстрее, пытаясь быстрой ходьбой освободиться от всяких явных и неявных опасений. Нога побаливала, перед сном он её разбинтовал, дал отдохнуть, а утром перевязал заново, и теперь чувствовал себя полегче.

Неширокая и извилистая тропа раздвоилась, и Виктор неожиданно, но почему-то уверенно свернул чуть влево и не удивился, так как понял – не сам сейчас решил, куда ему повернуть, а повела его какая-то неведомая, таинственная сила. Сквозь раскидистые ветви лился неяркий и тёплый золотистый свет солнца. Он подумал: «Красиво кругом, сколько всяких изменений на грешной земле, а чарующая красота природы в любом месте и в любое время та же!» Это свидетельствовало: все изменения – наносное, ненужное, в самом корне чуждое Природе. Непокосимое спокойствие и безмятежность окружали его, глубоко проникая в душу, густо зеленела сочная растительность и за деревьями мерцала неторопливая река. Окружающее было в тихом и лёгком томлении, и лишь над гладкой водой, будто бы подчиняясь её неспешному течению, подрагивали чувствительные ивовые листья и иногда вспархивали редкие птицы. Только, несмотря на умиротворение, появилось неясное ощущение того, что всё и внутри Виктора, и вовне ждало чего-то, должного неминуемо проявиться.

Надежда прийти к чему-то новому, конкретному и благотворному усилилась в нём. Ведь в недавнем прошлом, несмотря на неустанные, но, оказалось, напрасные ожидания, нормальная, разумная жизнь не наладилась, а, напротив, закончилась. Да, нужно идти вперёд, но не оглядываться на прожитое тоже невозможно, ибо оно остаётся даже с сознательным человеком, его нельзя оставить где-то, защищаясь, оградиться от него и напрочь забыть. Тем более происходившее и происходящее теперь. А сейчас там, откуда Виктор пришёл, «они» вламывались к нежелающим «чипироваться», хватили их и в наручниках увозили в белых или раскрашенных под цвет неба красавцах-автозаках. Каждый до последней спокойной минуты надеялся – именно с ним ничего, творящегося с другими, в других, ближних и дальних, домах и вообще во всём обезумевшем городе, в его родном доме не произойдёт, пройдёт мимо него, ничего плохого не случится. Однако когда плохое случалось, что-либо делать было уже поздно. Так существовала бóльшая, подавляющая часть людей, пассивно, в беспокойной атмосфере скачущих мыслей, обрывочных приятных или печальных воспоминаний о прошлом, молчаливых раздумий о сокровенных чувствах и переживаниях, рефлексий, причудливых фантазий и грёз. Виктор не стал дожидаться наступления «поздно» и одобрял своё решение.

Он долго размышлял, зачем «они» всё это творили, каковы их сиюминутные и долговременные цели. И пришёл к единственному, однозначному заключению. Оно возникло в сознании цельной и законченной картиной, которая затем разложилась на составляющие части. Получалось, все в подлунном мире, кроме, конечно, «избранных», должны стать и быть подобными вплоть до одинаковости, лишёнными даже относительной индивидуальной свободы, получаемой от рождения; стать похожими как две капли воды, и дабы не наблюдалось и скрытого, затаённого недовольства и внутреннего возмущения, а было сплошное, поголовное безмятежное счастье, с одним только неодолимым влечением – к всевозможным забавам и чувственным наслаждениям. Необходимо устранить сплошь всё, без исключения, и всех до одного, что и кто рождает смутную или открытую тревогу и безысходную, беспросветную тоску с унынием. Маленьких, чуть ли не после появления на свет, детей нужно сразу забирать, в том числе и у обеспеченных родителей, в специальные воспитательно-образовательные дома, где сразу «чипировать» и лепить из них определённым кардинальным образом таких особей, чтобы они в дальнейшем не задумывались, чтобы у них вообще не было никакого добровольного самостоятельного выбора, никаких возможных и невозможных вариантов решения при возникновении, в тех или иных конкретных случаях, ненужных, лишних вопросов. И пусть они воображают угодное им, вплоть до общения чуть ли не с самим всемогущим Богом, вплоть до своей полной основательности, личных незыблемых принципов и личных осознанных решений, будто именно *то*, позволившее им всё правильно сделать и в прошлой жизни, и сейчас, не сворачивая в ту или другую сторону, верно. «Они» делали, дабы, благодаря «их» управляющим программам, люди перестали размышлять. И по сути гипнотические внушения через «чип» подкреплялись бы различными распространёнными видами возбуждающих средств и музыкальными творениями с определённой ритмикой, а также гаджетами, где вместо содержательных книг – только клипы и комиксы...

Вот опять тяжёлые, скорбные думы заполнили сознание Виктора, и никуда от них не деться. Конечно, глядеть необходимо перед собой, в будущее, в завтра, и двигаться вперёд, однако нельзя идти правильно, – он ещё раз утвердился, – напрочь отрешившись от находящегося позади тебя, от чего отправился и идёшь. Это даёт возможность добиться непрерывности сознания и взвешенной линии поведения, достаточной самостоятельности, внутренней независимости от окружающих внушений,

независимости от повторения давних досадных ошибок и от любых нынешних соблазнов. Когда он принял решение уйти, то занял своё, подобающее ему место в последовательной цепи текущих жизненных событий, на счёт чего он не испытывал никаких сомнений. Твёрдое убеждение не оставляло Виктора, что пройдут тёмные годы и зомби, каких сейчас вокруг да около изо всех делают, рано или поздно начнут перемогать «это» бессознательное невменяемое состояние. Вначале отдельные люди, а постепенно и все, глядя на них. Ведь перемогают же работающие над собой залетающие в их усталую голову невесть откуда (но он-то знает откуда, много прочёл по теме) тёмные мысли. Таким образом можно перемочь, подобно телесной болезни, и «чиповские» внушения, ибо человеку по предназначению должно быть самостоящим. И вся «болезнь» исчезнет, будто её и не было.

...Трудный день медленно угасал. Виктор видел, как солнце, несколько часов тому назад ярое и неумолимое, теперь вечернее, неяркое и утомлённое, склонялось над рекой к закату в чистом, без единого облачка небе. Прощальные, ласковые лучи, мягко окрашивая, золотили лесную траву и стволы деревьев. В спокойной, немного грустной вечерней тиши только бесчисленные птицы пели ежедневный вдохновенный, благодарственный гимн уходящему на ночь светилу. Но вот лучи заката стали всё более тонуть, оставляя после себя в окружающем лесу лёгкую дымку сумрака. И наконец, закат вспыхнул последним робким лучом и погас, и небо над тем местом окрасилось пепельным. А по лесу начала стелиться сумеречная темнота. Виктор вздохнул, расставаясь с напряжённым, насыщенным и важным днём. Что-то ждёт его впереди?

Он решил поужинать, развёл костёр и принялся готовить нехитрую еду. Костёр, тихонько трепеща, потрескивал, и синеватый дым поднимался прямо и ровно в недвижимом вечернем воздухе. Птичье пение после захода солнца смолкло, и лес начинал постепенно замирать, набухать темнотой и засыпать. Окружающее стало сонным, так лечащим взволнованную душу Виктора, и покой сошёл на него, будто в раннем беспечном детстве на коленях у доброй и мудрой бабушки. Безмятежная тишь, зыбкие сумерки, слабое потрескивание костра навевали сон. Он, поев, решил поспать немного, дабы не провести ночь, столь полезную своей темнотой, во сне и чтобы отойти ещё дальше от города. Под густой и развесистой елью он постелил плёнку, нарвал охапки влажной от росы травы, положил на неё под голову рюкзак и, накрывшись курткой, заснул.

...Виктор шёл по освещённому редкими и тусклыми электрическими лампочками подземному туннелю. Вдоль обшарпанных, замызганных стен проходили такого же вида, должно быть, канализационные трубы, потому как под ногами хлопала зеленоватая отвратительная жижа и невыносимо тошнотворное зловоние наполняло воздух. И вдруг по этой жиже серой сплошной массой стремительно, с совершенно бешеной скоростью помчались крысы. Ему едва удалось вскочить на стоящий рядом большой ящик. Крысы пронеслись, можно было идти дальше, но тут он увидел – его медленно и неотвратно окружают человекоподобные двуногие существа с тёмными, донельзя измождёнными, морщинистыми, отёчными и в синяках лицами. Ввалившиеся и казавшиеся усталыми глаза их в темноте жутко горели. К нему тянулись иссохшие грязные и жадные руки с длинными костлявыми пальцами с загнутыми ногтями. Они уже хватили его за одежду, всё сильнее сжимая плотное кольцо, прорваться через которое ни назад, ни вперёд, ни в какую сторону невозможно. И вверху не за что ухватиться, чтобы подтянуться и выскочить из коварной западни, и под ногами никакого спасительного люка нет. А существа туже и туже сжимали кольцо, и каждый старался притянуть его к себе своими ледяными и склизкими руками. Сильная болезненная судорога сотрясла Виктора... и он проснулся.

...Часы показывали почти полночь, в бесстрастном тёмно-синем ночном небе кое-где сквозь ветви ярко сверкали далёкие звёзды и светила растущая оранжевая луна. Вокруг было тихо и спокойно, порождённая сном дрожь улеглась. Он вытер зеленью походный котелок и ложку, закопал несгоревший мусор, тщательно проверил костровище и, собрав вещи, тронулся в путь-дорогу. Через некоторое время Виктор вышел на поросшую низкорослыми кустами и всевозможной растительностью – видно, никто за ней уже давно не ухаживал – широкую просеку, благодаря луне достаточно освещённую. А дальше за просекой виднелась глухая еловая чаща, одновременно и пугавшая, и тянувшая к себе. Он вспомнил последний сон – большинство снов и приятных, и жутких, как и у всякого человека, не запоминались ему, но этот врезался в память. И если верить, будто в субъективной реальности

тебя ждёт противоположное снимающемуся, то Виктора – вопреки хищному миру, – а он сейчас стал таковым, – значимым символом которого была мчащаяся неудержимая лавина туннельных крыс, – ждала встреча с группой доброжелательных людей. «Да полно! – подумалось. – Сограждане убийственным равнодушием и покорным молчанием позволили укорениться жестокому и подлому злу, невиданному ранее и угрожавшему природной сути человека, угрожавшему жизни всего нынешнего человечества. Откуда тут в лесу группа, да ещё доброжелательная?.. Всё же по ночам нужно спать, это от недосыпания...» И теперь одно настойчивое и страстное желание возникло у него – бежать и бежать, дальше и дальше от сущего нескончаемого адского кошмара, найти себе безлюдное, уединённое место на природе и жить в живом единении с ней, лишь изредка общаясь с оставшимися тамошними сельскими жителями, чтобы добыть необходимые продукты питания, и узнавая новости по портативному приёмнику.

Тёмная еловая чаща обступила Виктора. Он шёл, изредка сверяясь с компасом, на восток. Однако проявились древние глубинные, затаённые страхи из подсознания одинокого человека в лесу, и ему начало мерещиться то что-то в корявом старом пне, раскинувшем в стороны свои узловатые сучья, то обычные светлячки стали казаться чьими-то пронизывающими огненными глазами в тёмных кустах. Да и саму ночь, первую вне дома, Виктор ощущал неким таинственным существом, отовсюду подозрительно глядящим на него, следящим за каждым его, даже невольным, движением. Он изрядным усилием воли решительно приказал себе: «Не смей!» – и заставил сознание отвлечься от всех тёмных, ночных страхов. Они отступили, однако им пришла замена – неотступная тревожная мысль: вот уйдёт он, может быть, и далеко, спасётся в какой-то лесной глуши и станет жить, не будет ли жизнь неполноценной – существованием растения. Как быть дальше, чтобы остаться человеком, а не стать двуногим приматом? И где найти того, кто мог бы помочь и научить?

Виктор всё время думал о том. Но вот он выбрался из ещё сонной хвойной чащи и увидел – на востоке, над обширным пустынным лугом, уже просыпающееся небо побледнело, более и более светлел видимый горизонт. И неяркие, утренние звёзды одна за другой гасли, а горизонт, вначале засеребрившийся, постепенно окрасился в шафранно-жёлтый цвет. Виктор вернулся в лес и нашёл уголок посуше, развёл небольшой ленивый костёр и устроился спать возле него, надев же длинный клеёнчатый дождевик от выпавшей обильной росы. Долгий ночной переход утомил его, и Виктор заснул, едва склонив голову на рюкзак.

...И снилось ему, что он снова в мрачном и смрадном подземелье, и за ним уже другие существа гонятся, дабы убить. Виктор прячется по всевозможным потаённым углам, какие может найти вокруг, и видит перекошенные хищные лица разъярённых преследователей, рыщущих в поисках его. Чувствуя их рядом, он всюду сдерживает лихорадочное дыхание, чтобы те, услышав, не обнаружили. Вдруг Виктор уловил тихий, едва слышимый, однако внятный шёпот: «Пойдём, я помогу тебе». Он вздрогнул и, осмотревшись, увидел притаившегося человека, лица которого нельзя было разглядеть. Он почему-то доверился тому, они прошли сквозь стену – воспринялось им обычным делом, – оставив гонящихся за ней, и пошли по какому-то слабо освещённому узкому коридору, пока не добрались до бетонной лестницы. Мужчина – он рассмотрел его – показал рукой, мол, нужно идти вверх. Виктор стал подниматься, держась за осклизлые перила. Остановившись на полпути, он посмотрел вниз, но никого там не увидел. А когда, откинув люк, выбрался на улицу, яркая вспышка хлестнула по отвыкшим от света глазам и одновременно раздался оглушительный грохот...

...Это была мощная молния, ударившая в одинокое, теперь горящее дерево, росшее на лугу. Виктор проснулся от её ослепительного света и оглушительного грома. В низком грозовом небе висели тяжёлые, зловещие, почти чёрные, по краям лохматые тучи, молнии посверкивали и гром погромыхивал уже вдали. Пролился обильный ливень, горевшее дерево погасло. Через некоторое время ливень прекратился, перейдя в лёгкое морошение, однако ещё несколько раз он принимался хлестать снова – и в итоге затих. Виктор был рад предусмотрительно надетому перед сном спасительному дождевику. В освежающем послегрозном воздухе стоял полный штиль, не чувствовалось даже слабого дуновения. Крупные, тяжёлые капли падали с тоскливо поникших мокрых веток, понуро лежала трава. Гроза ушла на запад, туда, откуда он пришёл, и оттуда отдалённо напоминала о себе. Виктор с помощью спирта разжёл костёр, только согреться никак не мог. Глядя на сизоватый пепел, он раз-

мышлял об ускользающей сути виденного в недавнем тяжёлом сне и о ждущем его впереди. Вместе с тем в сердце жила щемящая жалость к людям в покинутом им городе.

Загасив огонь и закинув на спину рюкзак, Виктор прошёл луг, лесополосу и за просёлочной дорогой увидел большое открытое пространство, в котором лишь по едва видневшимся межам и пронзительно синим василькам, росшим по ним и по краям этого места, угадывалось бывшее колхозное поле. Но пахло оно уже по-лесному, ибо заросло молодым осинником и в самой серёдке – чахлой сосновой порослью. Он подумал, видимо, где-то, не очень далеко должно быть селение. Виктор смотрел вокруг и не знал куда идти – с одной стороны, хотелось встретиться с сельчанами, а с другой – кто знает, что его там ждёт... И вдруг пришло подспудное ощущение – за ним наблюдают. Недоброе ощущение погнало вперёд, вернее, по полю наугад. Неясное, пугающее чувствовалось всё острее. В зарослях при желании мог укрыться человек. «Нервы, – подумал он. – И не мудрено – сколько переживаний за такой короткий срок!» Вслед снова пришла мысль, будто не он выбирает направление, а кто-то или что-то ведёт его.

Виктор почувствовал усталость, и повреждённая нога ещё побаливала. Только как он мог устать, если после продолжительного отдыха продвинулся от силы километра на два? Потому не физическая это усталость, а психологическая, эмоциональная – видимо, от настороженного ожидания чего-то, от подспудного ощущения постороннего присутствия и от его действия. Виктор остановился, осмотрелся – тихо и спокойно, никого... Однако его не покидало смутное чувство – он пришёл в то самое, надлежащее место, куда и должен был прийти. И Виктор открыл свою душу, разум и сердце для всего: для бывшего, заброшенного поля, для низко висящего, совсем недавно безрадостного, пасмурного, но уже начавшего немного проясняться неба, для всех окружающих живых, мелодичных звуков и для предстоящего, кто знает какой долготы, пути. И это становилось им, неотъемлемой частью внутреннего существа. Всё более росло глубокое убеждение – нечто должно произойти, что-то исполнится, наверное, не просты такие ощущения. И словно в ответ тёмные тучи раздвинулись, и выглянуло долгожданное солнце, и под его лучами стала таять унылая серость, а на ветвях и траве мелкими задорными искорками заблестели капли дождевой влаги. Приятно запахло мокрой землёй, и запели воспрянувшие птицы.

Виктор прошёл оставшуюся часть поля, поднялся на невысокий травянистый пригорок и увидел костёр и человека возле него. Тот, завидя Виктора, повернулся к нему и встал.

«Что за человек? Не сдаст ли?» – были первые беспокойные мысли, пришедшие в голову при виде мужчины, немного выше среднего роста и с совершенно седой окладистой бородой, со сдвинутой на затылок тонкой серой вязаной шапкой, одетого в широкую и длинную бежевого цвета куртку с капюшоном. Мужчина сделал шаг навстречу и улыбнулся.

– Спасаетесь?

– Да. А как вы догадались?

– По глазам, – так же улыбаясь, ответил тот.

Они познакомились, и Владимир, пригласив Виктора сесть у костра, налил ему в чистую, вынутую из рюкзака металлическую кружку чай из котелка и сказал, мол, получил информацию об организованной группе людей, скрывающихся в этой глухой лесистой местности, и идёт помочь им и сообщить нечто важное. Спросил, не хочет ли Виктор присоединиться к нему. Он говорил кратко, веско, делая небольшие паузы между лаконичными фразами, слова его были обстоятельны и звучали рассудительно и проникновенно, шли будто из глубины души и сопровождались прямым доброжелательным и вместе с тем сдержанным взглядом синих глаз. Виктор спросил, что за информация, от кого и каким образом тот получил её, и что хочет сообщить членам группы. Владимир, чуть помолчав и подбросив в костёр немного веток, ответил: «Будете совершенствоваться и вы станете получать. А сообщить хочу, как нам дальше жить. – И спросил его: – Пойдёте со мной?» – «Да!» – ответил тот.

– Группа находится в данном районе, радиусом примерно в пятнадцать – двадцать километров. Точнее мне не дано. Но можно догадаться – они разместятся недалеко от действующего сельского поселения – деревни, села, – где есть сельмаг, чтобы закупать недостающие продукты питания и хозяйственные товары, и у которого имеется какая-то связь с ближайшим райцентром, на всякий случай. Пришлось обследовать уже несколько местностей, однако пока безрезультатно, никаких бесспорных признаков жизни тайной группы не нашёл. Вот иду к следующей деревне, – рассказал Владимир.

Виктор расслабился, глубокая усталость навалилась на него, хотелось лежать и спать, ведь он никогда так много не ходил. Только он понимал – надо, несмотря ни на что, подниматься и идти, дабы слушать и слушать этого человека, ибо тот словами, созвучными мыслям Виктора, и как он говорил, вызывал и сознательное, и безотчётное, но сильное доверие, в том числе и своим видом. А затем услышанное обдумать – может, то искомое им, и Владимир – непосредственная, конкретная реализация его недавних сокровенных чаяний об Учителе. Виктор стряхнул с себя усталость, поднялся, и они пошли.

И он не пожалел. Негромкая, уверенная и содержательная речь Владимира ничуть не была похожей на возбуждённый говор телевизионных внушателей, говоривших быстро, даже торопливо, и не делающих интервалов между словами и фразами. Он говорил: вечно живущую Истину нужно искать, и искать её не только в духовных и художественных книгах, в лучших старых фильмах и в давнишних близких друзьях, но и в окружающей, живой во всех видах, благодатной природе и, главное, в себе самом. Одна Истина может спасти человека и человечество. Нынешняя, так называемая общечеловеческая, современная культура – по большей части не истинная культура, не культ Света, а порой абсолютная, диаметрально и враждебная противоположность. Потому всё должно переплавить, заново отлить в новое активное духовное содержание и влить в новую, соответствующую ему форму. Многие люди, говорил Владимир, верят, будто сегодняшний мир уже не изменить. А ведь он ещё недавно не был таким, и не будет в грядущем, великом и дивном – кромешная, непроглядная, казалось бы, тьма не вечна, Лучезарный неземной Свет неминуемо её рассеет. Но Свету должно быть постоянным, нельзя позволить его загасить. А для сего надо в своём сером, будничном сегодня жить так неустанно, точно через десять секунд умрёшь. Постоянно жить на полной и полезной отдаче, ибо задача светлого человека – одухотворять косную, пассивную земную материю, преображать суетный, подлунный, называемый цивилизованным мир, и прежде всего вокруг себя любимого.

Виктор, внимательно слушая Владимира, думал: здорово было бы, если бы этот человек каждый день, как сегодня, в течение его жизни беседовал с ним, позволяя впитывать значимое и нужное слово за словом, каплю за каплей, искру за искрой Знание. Чтобы настал, наконец, знаменательный день, когда сознание Виктора станет другим и он, соответственно, попрощавшись с собой прежним, станет другим человеком.

Они прошли по пыльной и ухабистой просёлочной дороге, сворачивающей за невысокий пологий холм и спускавшейся в неглубокий заросший овраг, и, увидев на противоположном склоне небольшую деревню, направились к ней. Виктор, ни о чём не спрашивая, молча шёл за тем, кого он признал старшим. Стояла ясная погода, на раскалённом небе не виднелось ни единого облачка, и солнце уже довольно сильно припекало. Вспомнилось о лесной прохладе.

Разыскав сельмаг, Владимир решительно зашагал к нему, видно было, он не первый раз действовал по известной ему, отработанной им схеме. Осведомившись у продавщицы, давно ли завозили товар, и, услышав, что неделю тому назад, он вздохнул и, выйдя из магазина, сказал:

– Если интересующие нас люди живут близ этого населённого пункта, то они стараются приходить, вернее, посылать одного-двоих из своих при завозе товара. И выбор побогаче, и затеряться легче от постороннего, не дай бог, городского пристального и испытующего взгляда. – Но когда в сельмаг зашёл, похоже, с несельским лицом мужчина, Владимир добавил: – Кажется, нам повезло. – И дал Виктору неприметный знак зайти за ним следом.

Мужчина купил с десяток коробков спичек, несколько пачек соли, какой-то крупы и бутылок пять растительного нерафинированного масла. Они вышли вслед за ним на улицу и, подойдя, назвали. Мужчина ничего не ответил и насторожился. Дабы не привлечь лишнего любопытно-настойчивого внимания проходящих мимо сельчан, Владимир предложил отойти всем троим на задний двор. Мужчина неохотно, однако, видимо, не желая по той или иной причине конфликтовать, согласился.

– Мы знаем, вы не сельчанин и живёте в лесу. Мы и сами ушли из обезумевших мест и ищем подобных себе.

Мужчина промолчал и принял смущённый вид, будто не понимает, о чём говорят.

– Вы, наверное, думаете: почему я должен верить? Возможно, они присланы специально разыскивать таких, как мы, чтобы сдать власти. Верно?

Но тот в ответ неопределённо промычал что-то.

– Поверьте, им сейчас не до небольших замкнутых групп беглецов. Им и в ставших бездушными городах хватает непрестанной, ненавистной нам работы... Вы можете нас обыскать, только, уверяю, не найдёте ничего, даже отдалённо похожего на пропуска. Да и опознавательных знаков на лбу нет соответствующих. Вот смотрите! – Владимир снял шапочку, откинул волосы и, на случай макияжа, сильно потёр лоб. То же сделал и Виктор.

– А каким образом вы нас нашли? – впервые подал голос мужчина.

Владимир рассказал ему о глубокой медитации, о том, что он получил необходимую информацию через неё, район расположения указан крупный, а где конкретно находится группа на указанной территории, он не знал и стал искать. Так во время целенаправленного поиска он встретил Виктора, бежавшего из своего города. До этой, конечно, не случайной, встречи он обошёл несколько окрестных деревень и сёл, понимая, – группа по вполне понятным, естественным причинам должна базироваться около населённого пункта с сельмагом. Однако никого не нашёл... В конце Владимир предложил посадить их с Виктором «на карантин» и лишь давать еду, а самим тщательно проверить содержимое их рюкзаков, телефоны, опять же, с их содержимым, и всё нужное ещё. Мужчина недвусмысленным, нетерпеливым жестом остановил его и, сказав, мол, он один не имеет возможности принять решения, попросил подождать за ближней околицей и, предварительно проводив их до скрытного места, ушёл.

На разогретой земле не осталось уже и остаточных следов от утреннего дождя. Владимир и Виктор уселись в тени гостеприимного раскидистого дерева, развели костерок и перекусили, как говорится, чем Бог послал. Но долго отдыхать не пришлось, появился их знакомый в сопровождении другого человека. Подойдя, тот представился, назвавшись Николаем, и спросил:

– А почему мы должны вам верить?

– Вы можете не верить, это ваше бесспорное право. А я принёс вам Истину, – ответил Владимир.

– В чём же она заключается?

– Мне хотелось бы вначале послушать вас. И прежде скажите: вы пришли сюда сложившейся, готовой группой или она формировалась постепенно, по мере прихода новых людей?

– Сюда мы пришли уже сплочённой группой. Там, откуда мы пришли, она формировалась, вы правы, постепенно, по большей части из незнакомых друг с другом, незнакомых и нам, кто разными, прямыми и окольными, путями искали непосредственного личного контакта.

– Тогда почему вы не доверяете нам, также вновь пришедшим?

– Вы, я имею в виду лично вас, а не вашего спутника, – сказал Николай, пристально посмотрев на Виктора, – непростой человек и, скорее всего, можете быть нам или настоящим другом, или коварным врагом.

– Вот как! Впрочем, логично в наш век всеобщего тотального страха... И если следовать этой же убийственной логике, главной задачей существующей системы является целенаправленное и беспощадное уничтожение любого инакомыслия, не вдаваясь в мировоззрение. По извечному принципу: против – значит заклятый враг. И коль я агент системы, мне ничего не стоило позвонить им, и, пока человек ходил за вами, здесь уже находился бы летучий спецотряд на гравилётах, и для него, проследив, захватить группу на малом и доступном пространстве было бы делом техники. Для чего предполагаемому агенту вовсе не нужно находиться лично в вашем скрытном месте.

– Понятно, Владимир. Ну что ж, пойдёмте, – произнёс Николай, не поднимая глаз.

Они прошли по дороге за деревню и вошли в близрастущий стройный лиственный лес. Виктор автоматически мельком взглянул на компас – сейчас они двигались практически на север по отношению к направлению пройденного им пути. Через некоторое время они оказались на небольшой уютной поляне, на которой ничего, кроме крупного кряжистого пня, не наблюдалось. Николай подошёл к нему, на что-то нажал ногой, и раздался далёкий приглушённый звон колокольчика. Пень откинулся, и взору открылся прямоугольный люк. Николай первый ступил на ступени отвесной деревянной лестницы и пригласил гостей сделать то же самое. Они спустились, прошли по полутёмному узкому и короткому коридору и вступили в подземный зал, где стояло несколько аккуратных деревянных столиков со скамьями вокруг большого деревянного стола в центре. Вдоль дощатых стен горели лучины в специально подвешенных корытцах, как оказалось, наполненных водой, дающие неяркий и неровный свет. А в ближнем углу располагалась малогабаритная кирпичная русская печь. Несколько проёмов в стенах вели, вероятно, в спальные комнаты.

Отвечая на любопытные деловые вопросы гостей, Николай рассказал о вырытом достаточно глубоком колодце, в том числе чтобы определить фактический уровень грунтовых вод. Потом выбрали подходящее место повозвышенной, вырыли котлован, из толстых брёвен сделали прочный осто́в, а из тонких – потолочное перекрытие, укрепив его вертикально поставленными опорными стволами-колоннами. Строение чуть-чуть возвышалось над уровнем земли и было покрыто плотной полиэтиленовой плёнкой, на которую положили нужный слой грунта и дёрн, снятый вдали. Всё сделано таким образом, что Владимир с Виктором, зайдя на поляну, ничего не заметили – поляна и поляна. Почти на уровне земли они сделали несколько узких окошек, обтянутых тонкой сеткой (а зимой прикрывающихся ещё и прозрачным полиэтиленом). Естественной вентиляцией служила щель вокруг крыши и выход печной трубы (печь топится только по ночам). «Окошки», щель и выход трубы замаскированы мелким хворостом. Стены изнутри и пол они обили кусками досок, горбылями и фанерой.

– Отлично придумано! – похвалил Владимир.

– Летом, когда нет дождя, мы занимаемся беседами и прочими делами наверху, при выставленном, конечно, наблюдении, собственно, всегда ведущимся, и ночью тоже. Зимой и в непогоду находимся здесь, в подземном помещении. В случае внешней, даже потенциальной, опасности печь и лучины сразу же гасятся.

– А какие бы то ни было новости, слушая которые можно, как говорится, и между строк читать?

– Есть портативный приёмник, хорошо ловящий наверху – на дереве, – а потом очередной дежурный, слушавший его, конечно, через наушники, рассказывает нам новости, так сказать, проводит политинформацию.

Виктор слушал молча, происходящее ему представлялось дивным сном – недавно шёл по лесу наедине со своими мыслями, а тут и Владимира встретил, не успел с ним один на один пообщаться, и «нарисовался» целый коллектив, немногочисленный, но сплочённый, таких же беглецов. Ну чем не сон?! И, являясь по основной специальности строителем, он восхитился строением – сделано грамотно и основательно, надёжно. Однако возник вопрос: только ли для спасения они организовали совместное поселение? И Владимир, будто прочитав его мысли, спросил о том вслух.

В ответ Николай пригласил гостей на обеденную трапезу, после чего можно будет и поговорить. Обитатели скромного и уютного подземного жилища – кто-то за столиками читал, кто-то занимался починкой одежды, кто-то отдыхал в боковых комнатах, – по сигналу бодрого колокольчика, висевшего у входа, собрались и стали помогать дежурному накрывать на стол. На расстеленной клеёнчатой скатерти появились лесные орехи, жареные и солёные грибы, сырые и тушёные овощи, лесные ягоды, фрукты и сухофрукты, салаты, большая супница с горячим супом, большой чугу́н с кашей и прочие «деликатесы» лесной вегетарианской кухни. После принятой у них, как оказывается, психологической настройки на еду, началась, собственно, трапеза, проходившая в полном, но не тягостном, а благоговейном молчании, прерываемая лишь короткими просьбами что-то передать из еды. После окончания её и уборки со стола состоялась неспешная беседа.

Члены сплочённой группы были верными поклонниками родной великой страны, с которой у многих нынешних людей связывались и личные воспоминания, и образные представления по воспоминаниям родителей и дедушек с бабушками, а также по старым советским книгам и фильмам. И поскольку ничего хорошего – неприглядная сегодняшняя действительность подтвердила – ждать не приходилось, они, организовавшись, пришли сюда. И Владимир подтвердил: по его информации – он ещё раз, уже для всех, поведал, что у него за информационный канал, – таких одиночек и групп по стране достаточно много, то есть они далеко не одни.

Беседуя, каждый с сердечным теплом рассказывал своё о жизни в *Той* стране. Один заканчивал, следующий подхватывал нить душевной беседы, длящейся и длящейся. Виктор ощутил – помещение будто наполнилось солнечным светом. Казалось, ностальгии не закончиться. Но вот Николай поднял руку, и наступила почтительная тишина.

– Не станем, друзья, утомлять наших гостей. Скажем только, ради чего мы всё помним и повторяем друг другу. Во-первых, для сохранения подробной правдивой информации, во-вторых, для поддержания неповторимой дружеской атмосферы коллективной памяти и, самое главное, в-третьих, для передачи её детям и внукам теперешнего и будущего народа, чтобы когда-нибудь потом, может быть, в далёком грядущем воссоздать ту славную страну, которую мы потеряли.

– Как же вы хотите её воссоздать? Разве дадут вам сделать те, кто людей фактически превратили в безвольных, послушных приказу извне биороботов без самостоятельного сознания и чуткого сердца? – воскликнул Виктор.

– Мы думаем, в грядущем сложатся непредвиденные обстоятельства чудовищной, непреодолимой силы, заставляющей правящую верхушку изменить, казалось бы, безвыходную ситуацию – изменить многострадальную страну и своё отношение к терпеливому народу. Что за обстоятельства, мы пока не знаем, однако верим, это произойдёт. Не может возмутительное безобразие расчеловечивания длиться вечно. Есть же Бог на свете!

– Мы все знаем хорошую, мудрую русскую поговорку: «На Бога надейся, а сам не плошай», – ответил Владимир. – У нашего народа уже имеется уникальный опыт: мы построили отеческий дом, но он не устоял. Да, да, я говорю о благословенной стране, о которой вы печалуетесь и которую любите. И правильно делаете – лучше её в многовековой истории и нашей, и мировой не было. Слово у хорошего, крепкого деревянного дома древесные жучки источили все его стены, и кажущийся долговечным дом, не выдержав однажды под напором сильного, штормового ветра, рухнул. Оттого нам, друзья, нужно построить такой дом, чтобы он не рухнул, даже под напором самого мощного урагана!

– Как?

– Полного возврата в прошлое, о каком вы ностальгируете, один к одному быть не может, это противоречит непреложным и справедливым законам естественной планетарной эволюции. Да, будущее за подлинным, новым социализмом, только он явится другим – духовным. Временные «хозяйева жизни», из-за кого мы с вами оказались здесь, в лесу, рано или поздно пожрут друг друга, ибо их истинная природа демоническая, и неминуемый бесславный конец их ясен. Все их каждодневные дела в настоящем и прошлом не оставляют никаких, и смутных, сомнений насчёт сего. Поэтому насущный для нас и немаловажный вопрос лишь в сроках. Вот тогда-то мы и пригодимся. Но какие мы? Мы не должны быть исключительно сожалееущими о якобы безвозвратно утерянном, а, прежде всего, знающими, как жить, как строить справедливое общество и по-настоящему высокоразвитую, цивилизованную, передовую страну. И путь, дорогие мои, нелёгок и только один – в гармоничном единении с Природой, в единении со всей Вселенной, в познании её Законов и в жизни по ним. Вот тогда шаг за шагом, ступень за ступенью, по необходимой мере постепенной эволюции, когда люди будут качественно возрастать в истинном Знании и духовном совершенствовании, и строить самостоятельный Новый Дом, неподверженный ни тотальному, ни частичному разрушению. И начинать, пусть и медленный, однако созидательный процесс нужно уже сейчас, с малого, с себя, и далее нести это другим, тем, кто созрел сознанием для целостного и гармоничного восприятия. Да, путь неблизкий, тернистый и многострадальный, и мы с вами, возможно, и, скорее всего, не доживём до светлого грядущего нашей родной земли, но другого, лёгкого варианта нет – путь к величественной и, казалось бы, недосягаемой вершине крутой горы начинается с её подножия. А если непредвиденные обстоятельства движущей, могучей и непреодолимой силы наступят гораздо раньше, то тогда нам придётся делать параллельно. Ну, надо будет, станем действовать и так! На всё святая воля всемогущего Бога.

Виктор внимательно, вместе со всеми, слушал говорившего, и в его чуткой душе рождалось новое глубокое чувство – всё, происходившее с ним до сих пор и нынешний смелый поход из дома сюда, было только необходимой подготовкой к настоящему моменту. Он вспомнил где-то прочитанное: «Неважно, что именно ты делаешь, важно, чтобы всё, к чему ты прикасаешься, становилось лучше, будь то предметы или люди...»¹. Виктор одно время увлекался религией, причём он посещал различные конфессии, пока не понял: конечная цель любой церкви как деятельности системной, структурной организации – безусловное и строгое подчинение человека этой организации или сильному человеку, олицетворяющему её, и воспитание у человека устойчивой привычки, даже ненасытной потребности, постоянно просить у Бога особенной милости к себе и чего-то для себя. Прощение, прошение – слёзные прошения, дай да подай по смыслу. Будто у Бога нет других не-

¹ «Не важно, что именно ты делаешь, важно, чтобы всё, к чему ты прикасаешься, меняло форму, становилось не таким, как раньше, чтобы в нём оставалась частица тебя самого. В этом разница между человеком, просто стригущим траву на лужайке, и настоящим садовником. Первый пройдёт, и его как не бывало, но садовник будет жить не одно поколение» (Рэй Брэдбери. 451 градус по Фаренгейту).

отложных, насущных дел, кроме удовлетворения бесконечных личных просьб миллиардов людей. Но теперь, слушая Владимира, он понял – сила в самом человеке, и в нём, Викторе, тоже есть Бог. Ведь недаром сказано в Священном Писании и было напомнено Христом: «Вы – боги!»¹ Только Бога в себе надо открыть и уметь услышать. И в полном, ничем непоколебимом спокойствии своего ума, в гармоничном равновесии души ежедневно не покладая рук трудиться, при том непрерывно учась на приобретённом прошлом опыте, на опыте теперешней жизни, на опыте других личностей и, главное, учась даваемому свыше Сокровенному Знанию, чтобы, совершенствуясь самому, нести Высшую Мораль и Священную Истину.

– Настоящим управляет грядущее, – продолжал Владимир. – И наша благословенная и много-страдальная страна, и вся любимая планета, Мать-Земля наша, подобно легендарной птице Феникс, непременно возродятся. А сейчас мы будем учиться сами и, встречая таких же, одиноких – других беглецов от того мира, – передавать им наши обширные знания и полезные умения. Это станет происходить необязательно лишь в данном потаённом поселении, а во многих ему подобных, где будут желающие слушать и совершенствоваться. Впрочем, тогда мы сможем помочь другим, когда знания глубоко проникнут в нас самих, станут, как говорится, нашей живой плотью и кровью.

– Кстати, а почему среди вас одни мужчины? – спросил Владимир после недолгой паузы.

– Нужно было разведать, и не только место, подходящее во всех смыслах, найти, но и обустроить. А женщины, по большей части, связаны семьями или озабочены, прежде всего, её созданием. Поэтому, будто на войне, понадобились мужчины-воины. Однако мы уже думали над тем, чтобы в будущем, набравшись достаточного практического опыта, став, таким образом, хорошими инструкторами, разойтись и начать организовывать похожие общезития, и для семейных в том числе, и для создания семей из единомышленников, – поведал Николай.

– Вы очень правильно мыслите, – поддержал Владимир. – Именно через создание таких много-семейных очагов и воспитание детей в правильном духе и возможно грядущее! – добавил он.

Виктор вспомнил о Тайной Вечере Христа. Он, широко открыв глаза, жадно слушал Учителя. И другие люди, кто был здесь, ещё находясь на зыбкой грани гипнотического сна своей прошлой жизни и недавнего внезапного пробуждения от него, слушали слова Владимира.

Николай встал и, обращаясь к Учителю, сказал:

– Мы не смирились с этим миром, навязанным нам, а решили бороться. Мы ушли от него и стали искать. И мы нашли Учителя в вашем лице, и теперь мы никогда не сдадимся кромешной, удушающей тьме, непроницаемому ледящему мраку. Избранный нами ныне эволюционный путь только один – к Свету, и ежедневный неустанный и великий наш труд только один – труд на его постоянное созидание. И закономерным результатом станет создание Новой Страны, которой не будут страшны никакие сильные и свирепые ураганы и смерчи! Правильно я говорю? – обратился он уже к своим товарищам.

И в ответ последовало многоголосое «Да!», там было и твёрдое слово Виктора.

Сентябрь 2021 г. – 2022 г.

---

¹ «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» (Библия. Пс. 81: 6–8).

Проза

Светлана Тюряева

Светлана Тюряева – родилась и живёт в городе Петушки Владимирской области (Россия). По профессии – инженер-технолог хлебопекарного, кондитерского и макаронного производств. Член Союза писателей России. Пишет стихи и прозу. Издано шесть поэтических сборников и три детских книги (рассказы, сказки). Все три книги с прозой для детей заняли победные места в конкурсах «Владимирская книга года» (2018, 2019, 2021). Публикуется в различных альманахах, а также в областных и районных печатных изданиях (газетах, журналах).

ДЕВИЧНИК

Ошибочно думать, что девичник устраивают только незамужние девушки, чтобы соблюсти часть свадебного обряда. В древности, может, так оно и было. Но в наше время на девичник собираются и дамы зрелого возраста, чей замужний опыт исчисляется не одним десятком лет. Прекрасная возможность – поговорить о своём, о женском, и перемыть косточки нерадивым мужикам!

Завтрашний день обещал быть слишком жарким – не до огородных работ. Муж Любы по обычаю с четырёх утра запланировал рыбалку, а она в его отсутствие – посиделки с давней подругой. И повод для этого был подходящий. Даже два повода: день Петра и Павла, а они – Любовь Петровна да Надежда Павловна, и готовность клубничной наливки, которую каждая из подруг делала по своему особому рецепту.

Возраст обеих далеко не молодой, всякого рода спиртное попробовать успели, а так вышло, что лучше наливочки на ягодах со своего огорода для них ничего и нет! Договорились встретиться завтра, к обеду, да каждая со своим шкаликом – для сравнения вкуса – и чтобы обязательно без мужиков. Много ли женщинам надо? Посидят, наговорятся вволю. А с этими – никакого отдыха. Пить не умеют. Попадёт рюмка в глотку – считай, день пропал. А если узнают про наличие в доме наливки – всю как есть оприходуют. «Нам она, как лекарство, – рассуждали подруги, – а им без разницы с чего дуреть». Вот и Лёвка – муж Любы – своей вечерней пьянкой чуть не сбил ей намеченные планы. Вроде сильно пьющим мужика не назовёшь, а тут на тебе. С чего бы вдруг? До утра Любе не спалось – мысли покоя не давали. А проснувшись – не обнаружила в доме ни рыболовных снастей, ни их владельца. «Значит, всё-таки уехал», – решила она и занялась подготовкой к встрече.

Накрыли подруги стол простыми сезонными закусками: огурчики малосольные, помидорки с грядки, перчик, сальцо, отварные яички, лучок зелёный, селёdochка под картошечку. Налили по рюмашке «клубничной» и едва успели оценить аромат, сладость и послевкусие выпитого, как на пороге появился Лёва.

Утром Лёва действительно планировал сходить на рыбалку, но проспал, потому как с вечера перебрал лишнего с соседом. Выпить он любил, особенно под хорошую закуску да по поводу либо по причине, но не злоупотреблял. Ни-ни. А тут как раз причина нашлась. Зашёл к нему часиков в пять вечера сосед Мишка за опилками и – прямиком к коробу. «Дай, – говорит, – мне пару вёдер, если не жалко». Говорит, а сам рукой по локоть в опилках шарит. Пошарил и достаёт оттуда литровку ягодной настойки. Лёва оторопел. Выходит, он знать не знает, что в собственном хозяйстве делается? А этот пройдоха пришёл – и на тебе! Вообще Мишка мужик неплохой, безвредный и в помощи безотказный. Только вот трезвым в последнее время его редко видели. Самый разгар огородных работ – а у того расслабуха. Зато все последние поселковые новости расскажет, только наливай.

Выхватил Лёва из Мишкиных рук бутылку, а он:

– Может, по глоточку? Голова у меня с утра раскалывается.

– За неделю не наглотался ещё? – возмутился Лёва. Взбесила его подоплёка Мишкиного поступка. – Ты за опилками пришёл? Бери.

– И ты туда же! Моя какой день пилит – мол, займись делами, иначе я тебе устрою райскую жизнь. Дёрганая стала. Вчера взялась курицу разделывать. Рубит её топориком и приговаривает: «Ну, Мишка, ты у меня дождёшься». Покромсала всю тушку на рагу за считанные секунды. Недобрый это знак, Лёвка. Ой, не добрый. Смерти она моей хочет. А на днях книжонку в дом принесла про яды. Думаю, отравить меня решила. Вот как подмешает чего? Сто раз подумаешь: выпить или нет. Вон как руки от страха трясутся! – Мишка демонстративно протянул руку. – Как в таком состоянии работать? А помру? Она же скажет, что я специально в гроб улётсся, лишь бы ничего не делать! Подлечи, Лёвка, Любкиных запасов от ста грамм не убудет.

– Шёл бы ты отсюда, шпион хренов. Сегодня за Любой подсмотрел, завтра – за мной.

– Да что я, ты же сам у жены не в чести, – подначивая, махнул рукой Мишка. – Раз она настойку в опилки спрятала, значит для других припасла. Любка твоя – баба хоть куда! Ты вон целыми днями на рыбалках пропадаешь, а она дома одна. Может, и нашла себе кого? Налей – я тебе кое-что расскажу.

– Тебе бы только сплетни собирать. Ни одна мимо не пролетит, – ответил Лёва, но бутылку раскупорил.

А теперь у самого с утра голова тяжёлая и от наливки, и от Мишкиных слов. Решил Лёва жену проверить. Всё равно на первый автобус опоздал, а следующий не скоро. Ну какая тут рыбалка! Ехать ни толку нет, ни мочи. День раскаляется. Помаячил он в полной рыбацкой экипировке возле автобусной остановки, купил себе в ближайшей торговой палатке чекушку и двинулся к дому по окружной. Сомнения насчёт жены мучали, а на скандал нарываться не хотелось. Люба у него баба с характером. Не гляди, что на пенсии, любой молодухе фору даст. А уж если разозлится – не попадайся под руку: вспомнит опыт работы в перестройку продавцом винного отдела. Они с подружкой Надькой такие атаки оголтелых покупателей отбивали – вам и не снилось.

А ведь как всё начиналось! В белых халатах да расшитых головных уборах важно расхаживали девицы за прилавками: одна в винном отделе, другая в продуктивном. Одна бутылочку продаст, другая – закусочку. Теперешних продавцов так не одевают. Их не сразу и заметишь среди пёстрых рядов с товарами. А те были королевами. «Здесь Надежда и Любовь будни в праздник превращают!» – шутили местные мужики. Праздником в жизни Лёвы стала встреча с его королевой. Пришёл по случаю отовариться. Слово за слово – и закрутилось... Почти сорок лет вместе. Никогда от него ничего не скрывала, а тут Мишка со своими наблюдениями...

Выпил Лёва купленную по дороге чекушку, закусил огурцами, поутру прихваченными с грядки, и осмелевшим вошёл в дом.

Быть застуканными за выпивкой для подруг не впервой. И не в таких ситуациях бывали! Жизнь научила управлять собой в любом состоянии. Трезвели обе моментально! Их будто и хмель не брал. Бывало, по молодости, выпадет повод выпить в обеденный перерыв грамм по сто за чьё-нибудь здорovie или так, для снятия усталости да успокоения нервов, только соберутся, разольют по чашкам (рюмок в подсобке не держали), а начальство возьми да нагрянь. Они – что Люба, что Надя – спокойно свои чашечки опустошат, никоим образом себя не выдавая, скажут – мол, ещё по одной нальём, чаем наполнят и с руководством чайку выпьют. Будто только это и пили.

– Натё, здрасти! Нарыбачился. Ты глянь на него. Вода речная так пьянит, что ли? – выпалила Люба, увидев мужа.

Слегка пошатываясь, Лёва зашёл в комнату, огляделся и, не обнаружив никого посторонних, кроме Нади, подошёл к столу – рюмки две, прибора тоже два. На сердце у мужика отлегло, он спокойно вымыл руки и присел рядом с гостьей.

– Накрылся наш девичник. Кому скажи: на работе могли себе позволить по рюмашке без лишних глаз, а на пенсию пошли – всё облом! Не дают женщинам расслабиться. И кто? Родные мужья.

– Мужское общенье бабам души греет, – парировал Лёва и знаком показал подать ему тарелку.

– Видали? Душу он мне греет! Ты мне нервы кипятишь!

– Ладно, не буянь! Праздник сегодня. Нальёшь мужу пару рюмок за компанию?

– Так если бы пару! Засядешь – не выгнать. Пьянь бесчувственная! – в сердцах сказала Люба и, выдохнув, поставила на стол третий прибор.

А Надежда подала надежду, вернув на место спрятанную на время разборок бутылку.

– Почему бесчувственная? – защитил себя Лёва. – Вот, например, чувство голода у меня имеется... Он спешно наложил в тарелку всё, что было на столе из закусок, и с жадностью стал поглощать. Оба шкалика «клубничной» закончились быстро, а разговора по душам у подруг так и не получилось. Не обо всём можно говорить, когда есть посторонние уши. Выдавать свой домашний запас при Лёвке Любе очень не хотелось, а тот, как назло, не унимался: травил байку за байкой, провожая взглядом каждое движение супруги, и постукивал по столу пустой рюмкой, мол, надо бы наполнить. И Люба вспомнила о спрятанной в опилках литровке...

Она не вошла – влетела в комнату, где оставила Лёву с Надей, и, размахивая перед носом мужа бутылкой, на дне которой краснели остатки жидкости, спросила:

– Что это?

– Бу-тыл-ка, – невозмутимо ответил муж.

– А почему пустая?

– Спроси там, где взяла.

– У опилок?

– Можно и у них, если ответят. Ты же им больше доверяешь.

– Так вот с чего ты вчера праздновал? А я вернулась от детей, глядь – он уж пьяный! Грамма больше не налью! Уйди с глаз моих!

– Не дождётесь, – Лёва продолжал сидеть. Он вжимал голову в плечи при любом взмахе Любиных рук и улыбался. Улыбался, потому что подозрения в неверности жены уже не мучали, угрызения совести тоже, а эта сцена его просто забавляла.

– Что вы мужики за люди такие? – не выдержала Надя. Немногословная, она старалась не лезть в чужие разборки и поначалу наблюдала семейную сцену спокойно, даже с интересом. Но и её терпению пришёл конец: – Держишь вас в руках – так и норовите смотаться, едва выпустишь – распускаетесь...

– Я тебе что, клубок? – парировал Лёва.

– Клубок! Он нервов моих клубок. – Люба присела, облокотившись на край стола, положила ладонь на грудь со стороны сердца и обратилась к подруге: – Ой, Надь, я сегодня точно напьюсь.

– И нам нальёшь, – опередил с ответом Лёва. – Неси выпить, жена. Всё одно не уйду. Буду сидеть здесь, как привязанный.

– Привязанный, говоришь...

За секунду в голове Любы созрел план. Она посидела немного в раздумье, пару раз повторила слово «привязанный», затем звучно шлёпнула ладонью по столу, полушёпотом добавила: «Ну, Лёвка, будь, по-твоему. Сам напросился!» – и вышла из комнаты.

Лёва не сопротивлялся. Да и как это сделать, если Надежда (а она женщина крупная) уселась ему на колени, не давая возможности шевельнуться. И пока тот отпускал лестные комментарии пышным формам гостыи, жена связывала его руки за спинкой стула. Успокоилась Люба, лишь полностью привязав мужа. Она облегчённо вздохнула и принялась собирать со стола закуску, оставив понемногу в Лёвиной тарелке.

– Ну, всё! Сиди тут, празднуй. А мы найдём себе место, где притулиться.

Завечерело. Жара пошла на убыль, потихоньку уступая сумеречной прохладе. Закатным цветом окрасились макушки деревьев, крыши домов и стол у окна в предбаннике, за которым Люба и Надя продолжали свой неудачно начавшийся девичник. Душевно пошла Любина «клубничная». Сначала под смех до слёз от совершённой над Лёвой экзекуцией, потом за разговорами о женских радостях да горестях и к завершению – с застольными песнями. И это нетленное наследство, полученное от мам и бабушек, вновь разливало вековую печаль меж соседних домов, рассказывая о безответной любви, о неверных женихах и неминуемой разлуке. А когда, смочив на посошок горло, обе женщины вышли на улицу, чтобы наконец освободить узника, то нос к носу столкнулись с Мишкой. Вездесущий сосед не терял надежды похмелиться за чужой счёт и почему-то решил, что где поют, там и наливают.

– Я, Люба, что хотел сказать, – начал Мишка. – Отменная у тебя настойка получилась. Как бальзам, от смерти отымет. Лёва вчера угощал...

– Лёва угощал?! – Люба вскипела и, не дав договорить, вытолкала соседа за калитку. – Не хватало ещё перед твоей женой ответ держать. А если ты к Лёвке пришёл, то нет его! Он у меня по рукам и ногам связан, за вчерашнее.

– Ха! Связан! – выкрикнул в ответ Михаил. – А кто у тебя по огороду весь вечер с лейками носится? Все вы бабы такие...

Люба не дослушала. В недоумении она спешно свернула на тропинку, ведущую от бани к грядкам. За ней, желая первой убедиться в правоте Мишкиных слов, заглядывая через плечо торопливо идущей подруги и натываясь на щедро разросшиеся по обочинам тропинки многолетники, следовала Надежда. А из-за забора всё доносились возмущения Мишки:

– Не цените вы нашего брата! Вам только прынцев подавай, а мы вот и на Золушек согласны.

Лёва уже закончил поливочные работы, наполнил водой две пластиковые бочки, смотал шланг, убрал лейки и собрался было идти в дом, когда дорогу ему преградили жена и её гостя. На раскрасневшихся лицах застыл немой вопрос.

– Ну что, девчата, хорошо посидели? – опередил их Лёва и, заметив ответное недоумение, озорно улыбнулся: – Другой раз предупреждайте, когда у вас девичник, – заранее спрячусь. А ну как опять вспомните свою боевую молодость?

Он улыбался. А в головах подруг дозревало старое доброе суждение: ну куда мужикам без нас – ни жизнь познать, ни подвиг совершить.

Проза

Валерий Румянцев

Борис Иванович Зорькин (литературный псевдоним – Валерий Румянцев) – автор 14 книг, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Поэзия и проза Валерия Румянцева (всего более тысячи публикаций) печаталась в 210 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 84 литературных журналах: «Север», «Молодая гвардия», «Великороссь», «Дон», «Приокские зори», «Александр», «Краснодар литературный», «Южная звезда», «Нижний Новгород», «Русское эхо», «Сибирь», «Бийский вестник», «Луч», «Северо-Муйские огни», «Сура», «Простор», «Звезда Востока», «Алтай», «Родная Кубань», «Второй Петербург», «Отчий край», «Огни Кузбасса», «Белая скала» и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСПРЕСС

Повесть

Начало. Завершение в № 5 (51)-2022

ГЛАВА 1

Прерванный разговор

Железнодорожный экспресс по маршруту «Москва – Владивосток», отошедший два часа назад от перрона столичного вокзала, весело постукивал на стыках рельсов и набирал скорость. Это был не простой поезд: в вагонах расположились писатели, поэты, драматурги и литературные критики со всей России. Были и зарубежные гости. Наибольший интерес у пассажиров и обслуживающего персонала вызывал вагон «СВ» в середине состава, в котором ехали литераторы с мировым именем.

В первом купе этого вагона находились Виссарион Григорьевич Белинский и Дмитрий Иванович Писарев. Они уже почти час спорили о поэзии Александра Сергеевича Пушкина, оба были возбуждены и никак не могли прийти к общему знаменателю.

– Виссарион Григорьевич, – любезно обратился к собеседнику Писарев, – если творческая деятельность Пушкина давала какие-нибудь ответы на те вопросы, которые ставила действительность, то, без сомнения, эти ответы мы должны искать в «Евгении Онегине». Вот и давайте объективно посмотрим на этот роман...

– Давайте, – согласился Белинский.

– Об «Онегине» вы написали две большие статьи. Вот одна из ваших цитат: «Эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение». И далее опять цитирую: «В ней Пушкин является представителем пробудившегося общественного самосознания»...

– Ну и с чем вы, милостивый государь, конкретно не согласны?

– Прежде всего, нужно решить вопрос: что за человек сам Евгений Онегин? Характеризуя его, Пушкин пишет: «Мне нравились его черты... Страстей игру мы знали оба... И резкий охлаждённый ум... Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»... Попробуем задать себе вопросы. Чем же охлаждён ум Онегина? Какую игру страстей он испытал? На что истратил он жар своего сердца? Что подразумевает он под словом «жизнь», когда говорит себе и другим, что жизнь томит его? Что значит, на языке Пушкина и Онегина, жить, мыслить и чувствовать?

Виссарион Григорьевич внимательно слушал и не перебивал своего визави.

– Ответы на все эти вопросы мы должны искать в описании тех занятий, которым предавался Онегин с самой ранней молодости и которые, наконец, вогнали его в хандру. В первой главе Пушкин описывает целый день Онегина с той минуты, когда он просыпается утром, до той минуты, когда он ложится спать, тоже утром. И что же мы видим? Онегин одевается, едет на бульвар и гуляет там,

затем перемещается в ресторан, где упивается шампанским в сопровождении изобилия изысканных блюд. Потом едет на балет. Войдя в театральную залу, Онегин начинает обнаруживать охлажденность своего ума. Покритиковав балет и не досмотрев его до конца, покидает театр. Приезжает домой, переодевается для бала и отправляется танцевать до утра. Причём в ямской карете поскакал на бал стремглав; вероятно, вследствие охлажденности ума. И так изо дня в день... Преобладающим интересом в этой весёлой жизни Онегина является «наука страсти нежной». «Но был ли счастлив мой Евгений?» – спрашивает Пушкин. Оказывается, что Евгений не был счастлив, и из этого последнего обстоятельства Пушкин выводит заключение, что Евгений стоял выше пошлой, презренной и самодовольной толпы. С этим заключением, судя по вашим статьям, соглашаетесь и вы, Виссарион Григорьевич. Но я, к крайнему моему сожалению, вынужден здесь противоречить как нашему великому поэту, так и вам, хотя, говорю это вполне искренне, считаю вас величайшим критиком.

Лицо Белинского слегка побледнело, а Писарев продолжал:

– Когда человек чувствует себя молодым и сильным, он непременно погружается в тяжёлые раздумья. Он всматривается в себя самого и в окружающую действительность и начинает действовать. Жизнь ломает по-своему его теоретические выкладки, старается обезличить его самого и переработать по общей казённой мерке весь строй его убеждений. Он упорно борется за свою умственную и нравственную самостоятельность, и в этой неизбежной борьбе обнаруживаются размеры его личных сил. Когда человек прошёл через эту школу размышления и житейской борьбы, тогда мы имеем возможность поставить вопрос: возвышается ли этот человек над безличной и пассивной массой или не возвышается? Если человек, утомлённый наслаждением, не умеет даже попасть в школу раздумья и житейской борьбы, то мы тут уже прямо можем сказать, что этот эмбрион никогда не сделается мыслящим существом и, следовательно, никогда не будет иметь законного основания смотреть с презрением на пассивную массу. К числу этих вечных и безнадежных эмбрионов принадлежит и Онегин...

Виссарион Григорьевич хотел что-то возразить, но неожиданно сильно закашлял и полез в карман за платком.

Писарев как воспитанный человек сделал небольшую паузу, дождался завершения кашля и продолжил:

– Онегин скушает не оттого, что он не находит себе разумной деятельности, и не оттого, что он высшая натура, а просто оттого, что у него лежат в кармане шальные деньги, которые дают ему возможность много есть, много пить, много заниматься «наукой страсти нежной» и корчить всякие гримасы, какие он только пожелает соорудить. Ум его ничем не охлажден, он только совершенно не тронут и не развит. Игру страстей он испытал настолько, насколько эта игра входит в «науку страсти нежной». О существовании других, более сильных страстей, страстей, направленных к идее, он даже не имеет никакого понятия...

Виссарион Григорьевич снова закашлял, ещё сильней, чем первый раз, и прикрыл рот платком. Чахотка напомнила о себе в самое неподходящее время.

Когда Писарев увидел на платке следы крови, то пожалел, что затеял этот острый разговор, и сразу решил завершить его.

– Виссарион Григорьевич, я обрываю эту тему... Если вам будет интересно, прочтите, если раньше не читали, мою статью «Пушкин и Белинский»... Бога ради, извините, что заставил вас поволноваться...

Белинский поднял руку и вяло махнул ею. А Дмитрий Иванович так и не понял, что означал этот жест.

Кашель у Белинского прекратился. Оба молчали, и беседа по инициативе Виссариона Григорьевича возобновилась лишь спустя четверть часа.

– Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение о последствиях большевистского переворота в России в семнадцатом году, – сказал Белинский и заглянул собеседнику в глаза.

– Социалистический строй в СССР при всех его ошибках и шероховатостях был вершиной человеческого развития, – сказал Писарев, довольный, что разговор возобновился. – И достичь этих вершин позволила политика большевиков и в экономике, и в культуре. Да, не всё было гладко. Чтобы найти истину, нужно пройти через лабиринты ошибок. У детей рабочих и крестьян появилась возможность получить хорошее образование, чего не было в царской России. Уберите десяток наших классиков девятнадцатого века из русской литературы, и почти ничего в ней не останется. А практически все они были людьми состоятельными. Им не надо было думать о куске хлеба, у них была возможность заниматься литературным творчеством...

– Вот именно, – перебил собеседника Белинский. – В советские годы рядовой гражданин мог достичь очень больших высот в любой области, в том числе и в литературе. Шолохов, Твардовский, да что там, появились десятки писателей и поэтов мирового уровня. Наше счастье, что после смерти Ленина страну возглавил Иосиф Виссарионович. Пока он был жив, СССР шёл от одной победы к другой. И не только в экономике и науке. А как стремительно развивалось музыкальное искусство. Неужели всё это было, но прошло?.. Правильно говорил Сталин. Дословно не помню, но за смысл ручаюсь. Пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимы. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, и они лишатся всякой силы и превратятся в пустышку.

– К великому сожалению, это и произошло, – уныло констатировал Писарев. – Но меня больше всего бесит, что клевета как из рога изобилия продолжает сыпаться на Иосифа Виссарионовича.

– Верно заметил как-то режиссёр Бортко, Сталин – самая оболганная личность в истории двадцатого века. И мы до сих пор пожинаем плоды этой лжи. Множество исторических процессов в СССР после тысячи девятьсот пятьдесят третьего года указывали на развитие советского общества в сторону от коммунизма, назад к капитализму. Коммунизм как идея после смерти Сталина объективно проигрывал в классовой борьбе, развернувшейся во всех сферах общества, в том числе и внутри самой партии. Сам факт, что юридический запрет КПСС произошёл с согласия генерального секретаря, всего состава Политбюро, ЦК и при полном бездействии местных организаций, говорит о том, что причина реставрации капитализма в СССР кроется в классовом поражении внутри руководства КПСС. По сути – в измене.

– Современный капитализм – это тот же людоед, что и сто лет назад, – добавил Писарев. – С той лишь разницей, что сейчас он пожирает под соусом научно-технической революции. Не существует капитализма с человеческим лицом. Есть капитализм, одевший маску гуманизма. И к тому же живём, не имея никакой национальной идеи...

– Это не совсем так, а скорее совсем не так, – не согласился Белинский. – Идеологическим фундаментом буржуазного строя современной России является антисоветизм и православие.

– Да, наверное, это так... И всё-таки России крупно повезло, – уверенно сказал Дмитрий Иванович. – Взяв на вооружение марксизм-ленинизм, Россия выстояла, преодолела все невзгоды, сделала головокружительный скачок в своём развитии. Жаль только, что россияне отступились от этой прогрессивной идеологии.

– Временно отступились, – поправил собеседника Белинский. – Революция и контрреволюция – это сообщающиеся сосуды, иллюстрирующие законы диалектики. А идеи марксизма-ленинизма уничтожить уже невозможно. Они как дамклов меч будут висеть над «головой» любой буржуазной власти. Учение Маркса всеильно, потому что оно верно.

– Так-то оно так, но посмотрите, – с интонацией разочарования сказал Писарев. – Почти никто из россиян работы Маркса, Энгельса, Ленина сегодня не читает. Историю СССР по документам, а не по выступлениям участников ток-шоу не изучает... Короче, так глубоко не копают, как надо, боятся «лопату сломать». А интеллигенция? Подавляющая её часть – это люди, которые не изучают историю социалистического строительства, совершенно не ориентируются в политических процессах, происходящих в современном мире. Поэтому неизлечимо и страдают болезнью под названием политическая наивность. Те, кто считает себя интеллигентами, – это, как говорится, «интеллигенты на босу ногу». Особенно ярко этот вывод иллюстрируют высказывания видных и действительно талантливых деятелей нашего искусства. Сколько музыкальных шедевров создал Юрий Антонов, а ратует сегодня за монархию в России...

– Что вы хотите от него? У него образование – музыкальное училище...

– Ну, тогда пусть публично не касается политики. Или Людмила Гурченко. Великолепнейшая актриса! Но противно было смотреть, как она расхваливала Ельцина... А Никита Михалков! Он же, просто захлёбываясь от энтузиазма, пытался доказать в своих передачах, какой выдающийся политический деятель был адмирал Колчак.

– Полностью согласен с вами.

– На последних выборах в Государственную Думу большое число избирателей, заражённое политической наивностью, проголосовало за «Единую Россию». А сразу после президентских выборов эта партия резко усилила уровень эксплуатации трудящихся. То так называемая пенсионная реформа, то введение, смешно сказать, налога на сбор ягод и грибов в лесу, то новые штрафы, то инфляция...

Другими словами, нагло оставила своих избирателей в дураках. Ну как тут не вспомнить известную фразу Грушеньки из «Братьев Карамазовых»: «Вот и оставайтесь с тем, что вы у меня ручку целовали, а я у вас нет»... Жить стало уже так противно, что умирать не хочется.

– Когда три козла подписали Беловежские соглашения, бараны промолчали, – зло съязвил Белинский.

– Особенно больно было смотреть, как повели себя представители руководящего состава Министерства обороны, КГБ, МВД во время распада СССР...

– Они, пока служили в период разложения КПСС, научились «переобуваться в воздухе», поэтому и получили генеральские лампасы.

– Ничего, осталось ждать совсем недолго. Каких-нибудь пять-десять лет – и мы увидим новую социалистическую революцию в России! – с воодушевлением воскликнул Дмитрий Иванович.

– Народ безмолвствует.

– Возможно, это заговор молчания. И заговорщиков становится всё больше.

– Никакой социалистической революции в ближайшие годы не будет, – категорически не согласился Виссарион Григорьевич. – Нет рабочей партии, вооружённой революционной теорией, которая возглавила бы массы и довела бы революцию до победного конца. В далёкой перспективе мировая революция неизбежна, но никто не знает, какой лозунг будет написан на знамени этой революции. Вопросов много, но на то они и вопросы, что призывают нас к ответу.

– Не мешайте мне оставаться оптимистом. Пессимистом я стану и без вас.

Будем надеяться. Ведь главная опора в жизни – надежда.

– Любой народ пишет свою историю с ошибками, – с печалью в глазах констатировал Виссарион Григорьевич.

– Мы же видим, – настаивал на своём Писарев, – как быстро складывается революционная ситуация... Посмотрите, на протестные акции выходят уже тысячи. Хабаровск, Минск. Провинция становится столицей общественного мнения.

– Да, действительно, уже «верхи не могут, а низы не хотят». Недееспособны те и другие, но в руках у «верхов» и финансовый ресурс, и силовой, и административный, и религиозный. И готовность пойти на всё ради сохранения своего статуса и активов. И что немаловажно, умелое манипулирование мелкобуржуазной психологией подавляющего большинства «низов». Президент и правительство будут ещё тридцать лет обещать трудящимся счастливый капитализм.

– Политики обещают до тех пор, пока у них не отберут микрофон, – съязвил Писарев.

– Инертность и недееспособность – вот главные характеристики поведения «низов» на сегодняшний день.

– Но ситуация накаляется, и к активности людей подтолкнёт не только пустой желудок, а, скорее всего что-нибудь иное; например коронавирус или другая более разрушительная эпидемия. Или природные катаклизмы. Да и последствий этой эпидемии мы до конца пока, на мой взгляд, не осознаём. Интрига сегодняшней жизни оформится уже завтра. И нам надо спешить. Не зря Твардовский написал: «Смерть – она всегда в запасе, жизнь – она всегда в обрез». Виссарион Григорьевич, вы бы написали статью, как вы видите сегодняшний и завтрашний день России. А эпиграфом к статье поставили бы такие слова: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. А Путин принял Россию с Чубайсом, похоже, что и оставит её с Чубайсом».

– Последнее время я ничего не пишу. Силы кончаются...

– Если силы кончаются, значит они ещё есть. Будем ждать ваши новые статьи.

– Никакой социалистической революции в ближайшие годы не будет, – снова повторил Белинский. – Как говорил незабвенный Станиславский, «не верю».

Писарев заметил, что собеседник опять начал волноваться и у него может разразиться новый приступ кашля. С учётом этого он решил сменить тему разговора.

– Честно говоря, хочу перевести немного в другую плоскость нашу беседу. Виссарион Григорьевич, сейчас меня очень волнует состояние современного литературного процесса в России. Как вы его оцениваете?

Белинский и раньше немало размышлял на эту тему, и потому его ответ не заставил себя ждать:

– Здесь всё взаимосвязано. Как государство относится к писателям? Они же сегодня в отличие от советского периода беспризорики. На какие шиши жить литератору? Гонорары-то в журналах копеечные, а чаще вообще автору ничего не платят...

- А есть десятки журналов, в которых публикация вообще платная... – усмехнулся Писарев.
- Ну, это для графоманов. Уважающий себя литератор на это не пойдёт. Это всё равно, что я сделаю табуретку, вынесу её на рынок и буду предлагать покупателям взять её мало того бесплатно, а ещё и деньги дам за то, что кто-то согласится забрать её.
- Любой графоман-любитель мечтает стать профессиональным графоманом, – пошутил Дмитрий Иванович.
- Вот именно... Так вот, сегодня я насчитал уже около тридцати писательских союзов. И вступить в них проще пареной репы: заплати деньги – и ты уже в писательском строю. Более-менее серьёзные – это Союз писателей России и Российский союз писателей. В них, хотя и не часто, но всё же встречаются стоящие авторы. Идеологически мне, конечно, ближе Союз писателей России, но и там меня слишком многое не устраивает. Больше половины литераторов в нём – это не писатели и поэты, а так называемая окололитературная среда. Да и соглашательская политика с олигархической властью не делает им чести. Опять же заигрывание с религией. Я говорил и не стану повторять, что в словах «бог» и «религия» вижу тьму, мрак, цепи и кнут. Я атеист. В этом есть и заслуга Бога. Если проанализировать взгляды самых выдающихся представителей человечества, то девяносто процентов из них, если не больше, были атеистами, потому что задали себе вопрос: «Если Бог есть, то почему его нет?..»
- А целый ряд знаменитых людей о своих атеистических взглядах высказались в ироничной форме, – добавил Писарев. – Мне, к примеру, нравится, как сказал Генри Менкен: «Церковь – это место, где джентльмены, никогда не бывавшие на небесах, рассказывают о них небывлицы тем, кто никогда туда не попадёт».
- А Марк Твен выразился ещё смешнее: «Чем чаще человек поминает Бога в своих речах, тем усерднее я слежу за своим кошельком». Религия всегда отстаивала интересы только эксплуататоров, этим же она активно занимается и сегодня. Олигархический капитализм современной России настолько озверел, что уровень эксплуатации растёт практически ежемесячно. И что же? Церковь хоть один раз замолвила словечко за интересы трудящихся? Нет! Тысячу раз прав Карл Маркс: «Религия – опиум для народа».
- А меня больше всего бесит просто чудовищный уровень бедности русского народа, – возмутился Дмитрий Иванович. – Именно поэтому он так стремительно вымирает.
- А по-другому и быть не может. Или этот народ будет бороться за своё выживание, или будет безмолвствовать и вымирать. У нас в стране двести долларовых миллиардеров, и у них в совокупности в полтора раза денег больше, чем в Федеральном бюджете России за 2020 год.
- Но мы видим, что русский медведь начинает просыпаться от спячки...
- Да, это так, – неохотно согласился Белинский.
- И кто, на ваш взгляд, на этом фоне будет «героем нашего времени» в русской литературе?
- Уверен, что уже кто-то пишет новый роман, где главными героями будут новые большевики. А вся эта прикормленная оппозиция, у которой хороший аппетит, в глазах народа продолжит терять привлекательность. Сегодня самый лучший способ отслеживать настроения людей – это читать комментарии в интернете. Там их десятки тысяч и почти все угрожающие для власти. Вот и судите, кто в скором времени будет героем в жизни, а значит и в русской литературе.
- А кого вы считаете лучшими писателями и поэтами в двадцать первом веке? – спросил Писарев.
- Кто лучший из прозаиков? На этот вопрос ответить очень сложно. Те авторы, которые получают денежные премии и у которых книги выходят регулярно, по уровню своего таланта безнадежно далеки от наших классиков, в том числе от классиков советского периода. Это другой сорт литературы, рыночный сорт. Эти авторы идут на поводу у читателей, а нужно вести за собой. В их текстах в лучшем случае присутствует добротный художественный язык и больше ничего. Однако уверен, что есть, есть талантливые и даже очень талантливые прозаики, тексты которых или выходят мизерными тиражами, или вообще не продвигаются дальше сайта «проза.ру». Ну а там, в потоке графомании, заметить их просто невозможно. К такому выводу прихожу по той причине, что нет-нет да и прочтёшь рассказ какого-нибудь совершенно неизвестного автора, и этот рассказ не даёт покоя несколько дней.
- Ну а вот роман Михаила Попова «На крессах восточных» или роман Александра Родионова «Князь-раб»? – предложил в качестве эталона Дмитрий Иванович.
- Не спорю, хорошие романы, но событием в русской литературе они не стали...

– Может, потому, что изданы смешным тиражом и не дошли до читателей?..

– И по этой причине тоже, – согласился Белинский. – Но главное всё же, на мой взгляд, кроется в другом. Происходит смена поколений читателей. И у новых читателей художественный вкус деформирован. Этой цели буржуазное государство добивается уже тридцать лет. Молодому читателю в основной своей массе нужны легковесные тексты: Акунин, Донцова, Устинова, Маринина...

– Кстати, о Марининой, – оживился Писарев. – Раньше ничего у неё не читал, а вот недавно увидел её книгу «Горький квест» и решил узнать, что там она вещает про Алексея Максимовича. Произведение в трёх томах, на многих страницах пустота. Но есть у этой книги один большой плюс: герои постоянно возвращаются к тексту повести «Дело Артамонова» и не только, подробно обсуждают образы, их взаимоотношения и так далее. Всё это поможет особенно молодым читателям лучше понять творчество Горького. А что мне категорически не понравилось, так это насмешливо-брезгливое описание советской действительности семидесятых годов. У молодых читателей может сложиться такое впечатление, что жизнь при советской власти была убогой, а вот сейчас хорошо живётся.

– Видел я эту книгу, посмотрел: тираж шестьдесят тысяч экземпляров. Вот именно такая литература и нужна нашей олигархической власти. Но если бы там прозвучали страшные цифры, характеризующие жизнь России за последние тридцать лет, то эта книга вышла бы в лучшем случае тиражом одну тысячу экземпляров. Всё это не русская, а псевдорусская литература.

– Да-а, цифры просто шокируют. Русских в России за последние тридцать лет стало на десять миллионов меньше... Да вы и без меня обо всём этом знаете.

– Самая главная причина плачевного состояния литературы в том, что русская литература патристической направленности у нас запрещена. Да, да, запрещена! А чтобы это безобразие не слишком уж бросалось в глаза, нет-нет да и бросит власть «косточку» в адрес писателей-патриотов. Вот Валентин Курбатов получил наконец-то Государственную премию по литературе, а Николай Зиновьев стал Героем Кубани...

– А вот ещё одна возмутительная иллюстрация, – добавил Писарев. – Книжный магазин «Библио-Глобус» отказался продавать книги издательства «Институт русской цивилизации», которое выпускает в свет произведения таких авторов, как Достоевский, Леонтьев, Бердяев, Ильин, Рязанов, Катасонов и многих других выдающихся мыслителей. Это же издательство, если помните, выпускает и Большую энциклопедию русского народа. Причина запрета на продажу – отказ некоего «общественного совета» работать с книгами данного издательства. При этом залы «Библио-Глобуса» забиты книгами Шендеровича, Акунина и других русофобов.

Через несколько минут собеседники перешли к обсуждению современной поэзии.

– ...А вот талантливому поэту в этом плане проще, – утверждал Белинский. – Текст стихотворения в десятки раз короче. Его легче разместить в печати, читатели быстрее его заметят, а значит, и дадут достойную оценку. Хотя и тут барьеры. Живуча зависть, действует принцип «свой – чужой» и много других факторов. Есть десяток-два хороших поэтов, но до эпитета «выдающийся» они явно не дотягивают. Да и сами писательские союзы плохо работают над «выращиванием» громких имён, не оказывают своевременной и существенной поддержки действительно талантливым авторам. Зачем-то появились «священные коровы», чьи стихи критиковать публично нельзя. От этого страдают прежде всего сами «священные коровы», ибо не имеют возможности ознакомиться с замечаниями читателей. Страдают и читатели, так как не наблюдают творческого роста этих в общем-то неплохих поэтов. Да и писательские союзы при такой политике теряют авторитет в глазах читателей. Вот всего лишь один пример. Я уже упоминал о кубанском поэте Николае Зиновьеве. Талант несомненный. Яркая литературная индивидуальность, которую заметили и читатели, и в Союзе писателей России. Зиновьеву, что бывает очень редко, повезло: обласкан и писательским союзом, и властью, и периодическими изданиями. И в список «священных коров» уже давно попал. И что же? В последние годы не выходят из-под его пера такие же пронзительные строки, какие он писал ранее. А если бы появилась принципиальная и доброжелательная критика в его адрес, возможно, его назвали бы лучшим русским поэтом в современной России.

– Да, согласен. Николай Зиновьев – один из лучших поэтов. Но кто же всё-таки самый лучший, Виссарион Григорьевич?

– Лучшим русским поэтом начала двадцать первого века я считаю Михаила Анищенко...

– Как я рад, что наши оценки совпадают! – воскликнул Писарев и даже подпрыгнул от радости.

– всю жизнь ему не давали хода. Его творчество замалчивали, почти все литературные журналы включали перед его шедеврами красный свет. Я не видел ни одной статьи о поэзии Анищенко, да и узнал о нём, честно говоря, совсем недавно. Не понятно, куда смотрели чиновники Союза писателей России, кстати, членом которого он был, по-моему, с тридцати лет. И что совсем уж печально, до сих пор его творчество не получило достойной оценки. А ведь лучше него поэтическим языком никто не написал о сломе эпох в России и о том, что при этом пережил русский человек. А какой у него поток свежих и удивительно ярких метафор, какая концентрация мыслей и чувств в каждой строфе...

– Что да, то да. На днях мне прислали из Самары только что вышедшее собрание его сочинений в двух томах. Там я прочитал много его стихотворений, которые раньше не встречал в интернете. А вы читали этот двухтомник?

– К сожалению, пока нет. Но я слышал об этом издании. Обязательно найду.

– Так вот, там я прочитал множество страниц, от которых просто дух захватывало. Есть там стихотворение, где лирический герой ведёт разговор с кладбищенским сторожем. Читали?

– Нет, впервые слышу...

– Я его тоже ранее не встречал. А тут прочитал два раза и сразу запомнил. Оно называется «Очень печальное стихотворение». Вот послушайте.

На отшибе погоста пустого,
Возле жёлтых размазанных гор
Я с кладбищенским сторожем снова
Беспросветный веду разговор.

Я сказал ему: «Видимо, скоро
Подойдёт неизбежный черёд...»
Но ответил кладбищенский сторож:
– Тот, кто жив, никогда не умрёт.

Я вернулся домой и три ночи
Всё ходил и качал головой:
– Как узнать, кто живой, кто не очень,
А кто вовсе уже не живой?

Под иконою свечка горела.
Я смотрел в ледяное окно.
А жена на меня не смотрела,
Словно я уже умер давно.

В тихом доме мне стало постыло,
Взял я водку и пил из горла.
Ах, любимая, как ты остыла,
Словно в прошлом году умерла!

Я заплакал, и месяц-заморыш
Усмехнулся в ночи смоляной...
Ах ты, сторож, кладбищенский сторож:
Что ты, сторож, наделал со мной?

– Потрясающее стихотворение, – Виссарион Григорьевич смахнул набежавшую слезу. – Вот это и есть настоящая поэзия. За душу берёт то, что волнует не только сердце, но и разум.

Белинский покачал головой и добавил:

– Правда, мне несколько резанула слух строка «Что ты, сторож, наделал со мной?». А впрочем, простим это выпускнику Литературного института.

Минуты две-три сидели молча.

За окном замелькали пятиэтажки. Состав стал тормозить. Намечалась первая остановка в долгом пути.

Вдруг дверь в купе с лязгом отъехала, и в проёме появился мужчина средних лет в форме прокурорского работника. В руках он держал дорожную кожаную папку, на одном из пальцев правой руки бросался в глаза золотой перстень с бриллиантом. За спиной мужчины стояли двое в полицейской форме.

Вошедший посмотрел на Писарева и громко спросил:

– Писарев Дмитрий Иванович?

– Да, я. А что случилось?

– Я старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России, моя фамилия Абдраханов. Сегодня в отношении вас возбуждено уголовное дело по статье двести семь, часть первая. Решением Басманного суда города Москвы вы с сегодняшнего дня находитесь под домашним арестом. Вот постановление, – и следователь извлёк из папки какие-то документы.

– Ничего не понимаю. В чём меня обвиняют?! – возмутился Дмитрий Иванович.

– Поясняю, – ответил следователь. – Статья двести семь, часть первая – это публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

– Чушь какая-то. И какую же ложную информацию я распространил?..

– Ну как же. Вы же написали и опубликовали статьи «Мыслящий пролетариат», «Реалисты», «Базаров»?

– Ну, я...

– Вот за это и придётся нести уголовную ответственность. Вы отсидели в Петропавловской крепости четыре года, но выводы для себя так и не сделали. Вот я вам и помогу сделать выводы, – усмехнулся Абдраханов.

– Но позвольте... – вмешался Виссарион Григорьевич.

– А с вами не разговаривают. Пока не разговаривают! А если будете и дальше много вякать, то беседовать будем и с вами. Но в другом месте. А вы, – следователь небрежно махнул рукой в сторону Писарева, – быстренько собирайтесь. Через три минуты остановка, выходим...

Через пять минут Дмитрий Иванович Писарев и «сопровождающие его лица» покинули вагон и вышли на перрон.

Поезд постоял всего две минуты и помчался дальше.

А из первого купе долго слышался надрывный кашель оставшегося в одиночестве пассажира.

ГЛАВА 2

Вот она, любовь окаянная...

Во втором купе вагона «СВ» находились двое. Один из них был одет в дорогой модный костюм. Белая рубашка и светлый галстук создавали впечатление, что этот пожилой господин носит только абсолютно новые вещи. Щёки и подбородок были безукоризненно выбриты. Умные глаза смотрели на своего визави доброжелательно. Любители русской литературы несомненно узнали бы в нём Ивана Алексеевича Бунина.

Напротив Бунина сидел седой бородатый старик в посконной рубахе с сурово сдвинутыми кустистыми бровями. Бросались в глаза его крупные натруженные ладони, говорившие о том, что их владелец не чурается физического труда. Имя этого человека знал весь цивилизованный мир. Да, это был граф Лев Николаевич Толстой, которого Владимир Ильич Ленин назвал «зеркалом русской революции».

Хотя беседа шла неторопливо и в спокойном тоне, через некоторое время на лице Бунина начала читаться неудовлетворённость происходящим. Он продолжил свою мысль:

– Чем отличается социализм от капитализма? Если выразиться образно: накормить голодного рыбкой, а при капитализме: дать удочку...

– Не согласен, – перебил собеседника Лев Николаевич. – На самом деле капитализм – это не дать удочку голодному, а продать её в кредит, не давая голодному понять, что ни доступа к рыбному пруду, ни права на отлов у него всё равно нет, так как и пруд, и рыба давно принадлежат тем, кому он теперь ещё и за удочку должен.

– Но согласитесь, Лев Николаевич, если бы большевики пошли не по пути рывка в коммунизм, а как все социал-демократы Европы выбрали эволюционный путь развития от капитализма к более справедливому общественному устройству, то и реставрации капитализма в России в девяностых годах не произошло бы...

– Нет, милостивый государь. Если бы большевики не пошли, как вы выразились, по пути рывка в коммунизм, не состоялась бы у нас индустриализация и культурная революция, а значит, мы бы проиграли Великую Отечественную со всеми вытекающими последствиями. Фактически Сталин спас Россию от катастрофы, но этого до сих пор народы России полностью не осознали. Не знать истории – повторять старые ошибки, не знать науки – совершать новые.

– Да, но что творилось в годы Гражданской войны, вы же помните? Сколько жертв...

– Если бы проиграли Отечественную, жертв было бы неисчислимо больше. А если бы такие дворяне, как вы, которым и терять-то особо было нечего, поддержали большевиков, то и жертв было бы во много раз меньше.

– Но вы же, батенька, метнулись на сторону белого движения.

– Да, было такое, – согласился Бунин и, пытаясь пошутить, добавил: – Ошибки, которые мы ещё не совершили, ждут своей очереди.

– Я знал, что мы с вами будем соседями по купе, и был уверен, что разговор зайдёт и об Октябрьском перевороте семнадцатого года. И специально взял ваш шедевр «Окаянные дни». Слово «шедевр» я, естественно, беру в кавычки. Вот оно... – Толстой полез в старый портфель и извлёк из него книгу, – ваше и политическое, и человеческое лицо образца тысяча девятьсот восемнадцатого года...

Бунин собрался что-то сказать, но не успел.

– И не перебивайте меня, – строго сказал Толстой. – Вот, напомню вам, Иван Алексеевич, я даже закладку сделал, какие гнусные строки вы написали...

– Ради бога, не надо...

– Нет уж, послушайте себя любимого. Читаю: «Опять какая-то манифестация, знамёна, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: “Вставай, подымайся, рабочий народ!” Голоса утробные, первобытные... Восточный крик, говор – и какие мерзкие даже и по цвету лица, жёлтые и мышинные волосы. А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих... и вообще среди русского простонародья – сколько их, этих атавистических особей, круто замешенных на монгольском атавизме!.. Какая у всех свирепая жажда их погибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им». Вот так вы любили народ, который вас кормил, одевал и давал возможность наслаждаться жизнью! Желали самую страшную казнь!

Пока Толстой читал, Иван Алексеевич беспрестанно менял позы и жаждал, чтобы всё это быстрее закончилось. Он помнил каждое слово из услышанного отрывка. И особенно больно было его душе, что этот текст ему прочитал не кто-то другой, а сам Лев Николаевич Толстой, великий русский писатель с мировым именем.

– «Окаянные дни» – это самая большая ошибка в моей жизни. И мне до сих пор за эту ошибку стыдно, – искренне сознался Бунин.

– Суд Истории не рассматривает явку с повинной как смягчающее обстоятельство...

– Каюсь...

– С совестью можно договориться, но осадочек у неё останется. Ну и кто после этого скажет, – уже спокойно продолжил Толстой, – что до семнадцатого года не было классов и классовой вражды и проклятые большевики всё это придумали? Ведь вся эта злоба, брезгливость, презрение, отвращение к людям низших классов – они присутствовали у представителей господствующего класса и до семнадцатого года, и то же самое мы наблюдаем вот уже тридцать последних лет после реставрации капитализма в России. Дожили, всё разваливается. Чиновников всё больше, а толку всё меньше. С каким-то коронавирусом справиться не можем. А воруют сколько?! Ужас! Уже отмычки – это вчерашний день воровских инструментов. Теперь в ходу национальные проекты.

– Лев Николаевич...

– Подождите, я ещё не всё сказал. Тропа заблуждений хорошо утоптана. Чтобы избежать лишних заблуждений, вам, Иван Алексеевич, не надо кичиться получением Нобелевской премии. Пальма первенства быстро сохнет. Кроме того, Нобелевка уже давно покрылась политической ржавчиной. Пастернак, Солженицын – ну какие они гиганты в литературе?.. Солженицын вон собирался стать гением, но вся жизнь ушла на сборы. Про Алексиевич я уже не говорю. Это позор, это уже не лезет ни в какие рамки. Иван Алексеевич, а почему вы раньше не вернулись в Россию? У вас же был шанс вернуться. Если мне не изменяет память, вас и Катаев уговаривал, и Константин Симонов...

– Всегда есть шанс, которым нельзя воспользоваться.

– Ну, ладно. Так что, Иван Алексеевич, не обольщайтесь. Шекспир плохо пишет, а вы ещё хуже! – уже с видимым раздражением сказал Толстой.

Заметив, что лицо Бунина стало покрываться краской, Лев Николаевич решил смягчить разговор и добавил:

– Есть, конечно, у вас и талантливые вещи: «Жизнь Арсеньева», «Митина любовь», десяток рассказов. Я знаю, в годы Второй мировой войны вам было трудно. В голоде, холоде, больным вы продолжали своё рыцарское служение литературе. Были и оставались всё таким же: погружённым в память о России, о русских характерах, природе.

– Лев Николаевич, вы для меня тот человек, каждое слово которого мне дорого. Ваши произведения раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страстную жажду творчества. Иначе я не писал бы в течение нескольких лет книгу «Освобождение Толстого»...

– Ну, спасибо, что не забыли старика... Хотя далеко не со всем я там согласен.

– Я тоже знал, что мы поедem в одном купе и, как и вы, приготовил, так сказать, домашние заготовки. Вот, – Бунин достал из кармана блокнот, – выписал десятка два ваших цитат о любви. Вы много размышляли о любви в своей публицистике, дневниках (кстати, очень хорошо, что они опубликованы), устами своих литературных героев. Так вот, я уже давно делаю выписки из ваших произведений на эту тему. Почитаем, Лев Николаевич?

– Да читайте, мне-то что.

– Вот вы пишете: «Наша жизнь становится радостней, как только в ней появляется любовь». Высказывание больше похоже на юношескую восторженность. Христос любил, но радости ему это не прибавило. Или вот: «Смысл жизни – в любви. А что может быть иначе?» Ох уж этот смысл жизни... А что если для кого-то смысл жизни в познании? Ещё цитата: «Уметь любить – значит, уметь всё». К примеру, Дмитрий умеет любить, значит, руководствуясь вашей логикой, он умеет и переводить с русского языка на японский, и управлять государством, и ремонтировать компьютеры. А вот ещё: «Когда влюбляешься, автоматически начинаешь жить жизнью того, кого любишь». Как это? Видимо, вы не видите особой разницы между влюблённостью и любовью...

– Что вам сказать... – Лев Николаевич запнулся. – Всё это я писал в разное время, в различном возрасте, в том числе и под впечатлением каких-то обстоятельств... Мысли-то рождаются как ощущения, живут как чувства и умирают как слова. Поэтому я вполне допускаю, что в моих дневниках где-то звучат и ложные выводы. Да и вообще, человеку свойственно ошибаться в оценке своих ошибок, – самокритично пошутил он.

– Ну да ладно, давайте сменим тему и поговорим о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, – откладывая блокнот в сторону, предложил Иван Алексеевич. – Эта тема настолько всеобъемлющая, что мы с вами в своих произведениях, как мне представляется, коснулись её лишь, если можно так выразиться, краешком.

– Хорошо, – согласился Лев Николаевич и продолжил – Константин Паустовский как-то сказал: «Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое». Но я подобное мнение не разделяю. Говорить о любви надо. В этом сложнейшем вопросе следует тщательно разбираться. Оскар Уайльд где-то, не помню где, написал: «Любовь, а не немецкая философия служит объяснением этого мира». Он, конечно, что называется, перегнул палку, но тем самым подчеркнул важность этого вопроса в жизни любого человека.

– Лев Николаевич, десятки раз я перечитывал ваши произведения, где вы исследуете любовь мужчины и женщины. Мне просто не дают покоя «Крейцера соната», «Дьявол», о романах уже не говорю. И я постоянно удивляюсь, как при вашем, мягко говоря, суровом отношении к женщинам, вы так пишете о любви, что миллионы читателей приходят от этого в восторг?

– Иван Алексеевич, вы же понимаете, что жизнь – это одна субстанция, а художественное произведение, хотя и отражение жизни, но совсем другая. Хотя у меня неоднократно звучали нелестные высказывания о женщинах, я говорил и повторяю, что любовь – это бесценный дар. Это единственная вещь, которую мы можем подарить, и всё же она у нас останется.

– При всём уважении, я не могу согласиться с вами, например, с такой оценкой женщин, – при этих словах Бунин вновь открыл свой массивный блокнот. – Вот цитирую: «Воспринимать женское общество как неизбежное зло общественной жизни, и избегать его по мере возможности. Ибо от кого же мы учимся сладострастию, изнеженности, легкомысленности во всём и множеству других

пороков, если не от женщин? Кто ответственен за то, что мы теряем такие заложенные в нас чувства, как мужество, чистоту и так далее, если не женщины?»

– Ну вот, и вы туда же, – с досадой промолвил Лев Николаевич. – То, что вы зачитали, вовсе не означает, что я не ценю женщин. Когда я писал «Воскресение», Софья Андреевна резко напала на меня за главу, в которой я описывал обольщение Катюши. Она мне говорит: «Ты уже старик, как тебе не стыдно писать такие гадости». Вот она напала на меня, а когда меня братья в первый раз привели в публичный дом и я совершил этот акт, я потом стоял у кровати этой женщины и плакал!

– Да-а-а... Сюжет, достойный не рассказа, а целой повести, – оценил услышанное Бунин. – И всё же, как мне представляется, мы должны учитывать, что этим миром правят мужчины. Именно они устанавливают законы, формируют и поддерживают обычаи и традиции, которые улучшают бытие им, а не женщинам. Фактически у женщин гораздо меньше возможностей для умственного развития, чем у мужчин. Именно поэтому, если говорить в целом, уровень интеллекта у них ниже, чем у нас. Но к этому надо относиться с пониманием и прощать им их ошибки. Большевики – молодцы: они уравнили в правах не только богатых и бедных, но и мужчин и женщин...

– Да, за годы советской власти все женщины без исключения получили возможность учиться, и многие из них сделали существенный рывок в своём всестороннем развитии, – согласился Толстой. – Но чтобы они поднялись до уровня мужчин, им нужно учиться ещё лет пятьсот.

– Лев Николаевич, мне опять же не понятно, почему вы так жёстко унизили замужних женщин? Вот вы написали, цитирую: «Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак даёт счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человеку платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести, – злоба, глупость, лживость, тщеславие, пьянство, лень, скупость, корыстолюбие, разврат, все пороки, которые нести особенно трудно не в себе, в другом, а страдать от них, как от своих».

– Вы не совсем правильно поняли этот тезис, – Толстой насупился, его лохматые волосы стали выглядеть на голове ещё вызывающе. – Тут речь идёт не только о жене, но и о муже, который, вступая в брак, образно говоря, вручает жене свои недостатки, с которыми она вынуждена жить десятилетиями, а может, и до конца своих дней. Вы вот, Иван Алексеевич, почему разошлись со своей официальной первой женой? Как её?

– Анна Цакни.

– Так почему?

– Она была уж совсем глупа.

– Зачем же вы взяли её в жёны?

– Вы же сами в «Крейцеровой сонате» написали об этом. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не видишь её глупости, а видишь умное. Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то веришь, что она чудо как умна и нравственна. Вы же знаете, когда сердце восторгается, разум мутнеет. Не зря говорится, сердцу не прикажешь. Да и к тому же женщины – уникальные создания: они способны притягивать мужчин, отталкивая.

– Сердцу не прикажешь, но посоветовать можно.

– Ну, это уже когда есть жизненный опыт, – попытался оправдаться Бунин за свои ошибки молодости.

– Жизнь учит только тех, кто склонен к самообразованию; вот ведь в чём фокус... Все мы не идеальные: и мужья, и жёны. Но и те и другие хотят, чтобы их спутник обладал интеллектуальными и другими положительными качествами в максимальной степени. Но так в жизни бывает крайне редко. Именно поэтому крайне редко мужчина и женщина проживут вместе сорок-пятьдесят лет, и все эти годы их души наполнены счастьем...

– У счастливой любви свои несчастья, – не согласился Бунин.

– Чувства – вот цемент, который укрепляет брак, – продолжил свою мысль Лев Николаевич. – А чтобы чувства сохранялись и приумножались, и мужчина, и женщина должны всю жизнь учиться и совершенствоваться. Правильно Халиль Джебран сказал: «Любовь, которая ежедневно не возрождается, ежедневно умирает». Это понимал и Лермонтов, поэтому и вложил в уста Печорина слова: «Любовь – как огонь – без пищи гаснет».

– Не помню, кто сказал, мне запомнилась такая фраза: «Любовь – это огонь. Но ты никогда не узнаешь, согреет он твой очаг или сожжёт твой дом».

– Почему же не узнаешь? – возразил Лев Николаевич. – Если человек обладает не только интеллектуальными, но и положительными эмоционально-волевыми и нравственно-этическими качествами, то он никогда не сожжёт твой дом, а только согреет его. А когда мужчина и женщина стали мужем и женой, тут уж им некуда спрятать свои недостатки. Низкий интеллектуальный, эстетический, этический уровень, эгоизм, ревность, занудство, необоснованные претензии, неряшливость и другие качества со знаком минус – вот те качества как мужчин, так и женщин, которые не дают расти и обновляться чувствам.

– Лев Николаевич, мне было бы очень интересно узнать, как вы оцениваете мои рассказы о любви? Что вам не нравится в них?

– Иван Алексеевич, скажу честно. Ваши рассказы я читал давно, перечитывал только два-три лучших из них. Поэтому выскажусь совсем кратко. Возьмём «Граматику любви». Кроме описания природы, ничего интересного, на мой взгляд, в тексте нет. А описание чувства любви героя, насколько я помню, вообще отсутствует. Удивил меня и другой рассказ – «Кавказ». Во-первых, он скомкан. Его надо было бы развернуть, чтобы читатель увидел, какие чувства муж испытывал к своей жене. Не просто же так он, будучи офицером, узнав, что жена ему изменила (кстати, не понятно, узнал или только догадывался), взял и застрелился. Как-то всё это неубедительно. А вот в повести «Митина любовь», да, убедительно. На мой взгляд, проблема любви в ваших рассказах заключается в мимолётности и непостоянстве этого чувства для одного из её участников, то есть не любви, а увлечении. А это не одно и то же. «Антигона» – из этого же разряда. Поэтому каждая из этих историй имеет, как правило, печальный и трогательный исход. Да в жизни чаще всего так и бывает, ибо подавляющее большинство людей несовершенно, не умны, а для долгой счастливой любви должны быть другие герои: люди, обладающие незаурядными умственными способностями и высоким уровнем культуры. Хотелось бы прочитать о любви именно таких людей. К сожалению, жизнеутверждающей силе этого чувства вы уделили мало внимания. Исключением можно назвать, пожалуй, рассказ «В Париже». Хороший рассказ. Кстати, такой же упрёк я периодически высказывал и в свой адрес. Одним из самых удачных на эту тему я считаю рассказ «Последнее свидание». Читаешь этот рассказ – и щемит на душе, перечитываешь – и опять щемит. Вообще-то любой действительно талантливый текст хочется перечитывать. Именно к этому рассказу я неоднократно возвращался. Да и язык здесь яркий, сочный; читаешь – и получаешь удовольствие от художественного слова. Обычно надолго запоминаются афоризмы, а фразы из прозаического текста запоминаются крайне редко. А вот в этом рассказе до сих пор помню: «Мерин задрал голову и, разбив копытом луну в луже, тронул бодрой иноходью». Запомнил эту фразу потому, что читаешь и живую видишь, как мерин разбивает луну в луже. Прошло несколько десятилетий, как я прочитал эту фразу, а помню до сих пор... И ещё я бы выделил два великолепных рассказа: «Тёмные аллеи» и «Лёгкое дыхание». Вот, пожалуй, и всё, что я могу сказать.

– Спасибо за добрые слова. А с вашей критикой я согласен.

– Возможно, я дал слишком суровую оценку...

– Да нет, всё правильно. Лев Николаевич, вашу «Крейцерову сонату» я перечитывал много раз и пришёл к определённом выводу. Хочу узнать, правильно ли я понял идею этого произведения. Мне думается, что вы хотели рассказать не о том, как у Позднышева появилась болезненная ревность (этот ядовитый цветок в букете любви), которая привела к кратковременному умопомешательству и убийству жены, а совершенно о другом. А именно: ЧТО предшествовало этому трагическому финалу. Мужчина и женщина создали семью, но с первых дней их взаимоотношения не заладились по самой простой причине: глупость обоих во всех многочисленных проявлениях сопровождала их несколько лет и довела до ненависти друг к другу. Именно это является главным содержанием повести. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Вы правильно всё поняли. Именно поэтому сцены ревности и убийства занимают всего несколько страниц...

Поезд начал замедлять ход, разговор оборвался и вскоре показалось массивное здание станции.

Состав остановился у перрона, заполненного отъезжающими, провожающими и просто любопытными, пришедшими посмотреть на Литературный экспресс. Многие вглядывались в вагонные окна, стараясь узнать кого-нибудь из пассажиров. А пассажиры, в свою очередь, разглядывали на

платформе людей, которые могли бы стать, а некоторые, возможно, уже и были героями литературных произведений.

Через пять минут состав дёрнулся, медленно покатился вперёд, а Бунин и Толстой продолжали молча смотреть в окно: толпа на перроне начала понемногу расходиться.

А в эту минуту, о чём-то размышляя, по этому же перрону медленно шла Анна Каренина. «И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день её первой встречи с Вронским, она поняла, ЧТО ей надо делать. Быстрым, лёгким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо неё проходящего поезда. Она смотрела на низ вагонов, на винты и цепи и на высокие чугунные колёса медленно катившегося первого вагона и глазомером старалась определить середину между передними и задними колёсами и ту минуту, когда середина эта будет против неё.

«Туда! – говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углём песок, которым были засыпаны шпалы, – туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя».

Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал её, и было уже поздно: середина миновала её. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило её, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе её целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для неё всё, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми её светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колёс подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колёсами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и лёгким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. «Где я? Что я делаю? Зачем?» Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло её в голову и потащило за спину. «Господи, прости мне всё!» – проговорила она, чувствуя невозможность борьбы... И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей всё то, что прежде было во мраке, затрепала, стала меркнуть и навсегда потухла.

Отходящий от станции поезд внезапно резко затормозил и остановился. Лев Николаевич и Иван Алексеевич продолжали молча смотреть в окно: на перроне воцарилось какое-то непонятное оживление.

Бунин вышел в коридор, выглянул в открытую верхнюю фрамугу окна и увидел возбуждённые лица людей.

- Что случилось? – спросил он стоявшего на перроне мужчину.
- Женщина под поезд попала.
- Жива, нет?
- Нет. Говорят, пополам переехало...

Через полчаса пассажиры поезда узнали, что погибла Анна Каренина.

Происшедшее сильно подействовало на душевное состояние Ивана Алексеевича. У него повысилось кровяное давление, и предстоящую ночь он спал отвратительно. Ему приснилось, будто он едет на поезде. На одной из станций, где состав остановился у первой платформы, прогремел выстрел. Бунин высунулся в окно, увидел какую-то непонятную суматоху и услышал мужские голоса:

- Кого убили?
- Да кого надо, того и убили...

Через минуту Бунин узнал, что казачий офицер среди большой толпы народа застрелил героиню рассказа «Лёгкое дыхание» Олю Мещерскую. «Зачем я её убил?!» – воскликнул Бунин и проснулся. Колёса весело постукивали, за окном царствовала тьма.

Лев Николаевич спал спокойно: он заранее знал, что с Анной Карениной всё так и произойдёт.

Утром кондуктор принёс в купе горячий чай и пачку телеграмм в адрес Толстого.

Лев Николаевич бегло просмотрел поступившие телеграммы и с чувством удовлетворения сказал:

- Все телеграммы касаются гибели Анны и романа «Анна Каренина». Надо же, какая стремительная реакция читателей...

– Гениальное произведение всегда на злобу дня. Этот ваш роман не даёт покоя не только читателям, но и кинематографистам. Уже насчитывается более двадцати пяти фильмов, снятых по мотивам книги.

Причём первая звуковая экранизация «Анны Карениной» была ещё в тысяча девятьсот тридцать пятом году, где главную героиню играла Грета Гарбо. Я смотрел этот фильм, когда жил во Франции.

– Да, был такой эпизод.

– А интересно было бы узнать, что там пишут в телеграммах? – спросил Бунин.

– Если хотите, почитаю. Вот телеграмма от Сергея Довлатова. Он пишет: «Самое большое несчастье моей жизни – это гибель Анны Карениной». А вот что сообщила Анна Ахматова: «Главная мысль этого великого произведения такова: если женщина разошлась с законным мужем и сошлась с другим мужчиной, она неизбежно становится проституткой».

– Резкое заявление...

– А вот длинная телеграмма Достоевского: «В “Анне Карениной” проведён взгляд на виновность и преступность человеческую... Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой...»

– Ненавижу Достоевского! – вдруг со страстью воскликнул Бунин. – Омерзительный писатель со всеми своими нагромождениями, ужасающей неряшливостью какого-то нарочитого противостественного, выдуманного языка, которым никогда никто не говорил и не говорит, с назойливыми, утомительными повторениями, длиннотами, косноязычием. Ах, да что там говорить! – Он с отчаянием махнул рукой.

– У него так всё спутано – и религия, и политика... Но, конечно, это настоящий писатель, с глубоким исканием, не какой-нибудь Гончаров. А мы с Фёдором Михайловичем до сих пор так и не встретились.

– Да вы что? Как же так?..

– Да вот так... И Афанасий Фет откликнулся, – Толстой взял в руки следующую телеграмму. – «Роман “Анна Каренина” есть строгий, неподкупный суд всему нашему строю жизни».

– А вот с этим мнением я солидарен.

– Откликнулась и актриса Татьяна Самойлова, и вот её позиция: «Анна – раскрепощённая женщина, протестующая против чопорного ханжества и свободная в проявлениях своего честного праведного чувства».

– И всё? – удивился Бунин.

– Всё, – ответил Лев Николаевич и, видимо, для шутки перевернул телеграмму и посмотрел на обратную сторону бланка.

– Когда речь идёт о семье, детях и о «честном праведном чувстве», тут надо ещё разобраться в понятии «чопорное ханжество».

– А вот и Салтыков-Щедрин напомнил о себе: «Ужасно думать, что ещё существует возможность строить романы на одних половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется, это подло и безнравственно. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?»

– Михаил Евграфович, я уверен, не знает, что такое страсть и как она способна пожирать молодых людей до самого конца, без остатка, – высказал своё мнение о телеграмме Бунин.

– Каждый делает вывод, исходя из собственного жизненного опыта, – отозвался на реплику Лев Николаевич. – Салтыков – талант серьёзный, я люблю его. И язык у него великолепный, чисто народный, меткий слог, а у Достоевского что-то деланное, ненатуральное. А вот телеграмма из Америки от Владимира Набокова: «Любовь не может быть только физической, ибо тогда она эгоистична, а эгоистическая любовь не созидает, а разрушает. Значит, она греховна».

– Спорный тезис. Чувство любви настолько же многогранно, насколько таинственно и потому до конца не изучено. А у Набокова читал я «Машеньку», плохо написано. А «Лолита» – вообще развратная книжонка, наполненная дикой брехнёй. А вот недавно прочитал короткое, но ёмкое стихотворение о любви какого-то неизвестного поэта и сразу запомнил. Вот оно:

Любовь!
Как звучно это слово!
Как много тайн сокрыто в нём!
Его я повторяю снова,
Душа горит его огнём,

Любовь!
Божественное слово.
В нём скрыта сущность бытия
В нём – мироздания основа.
В нём – смерть. В нём – боль.
В нём – жизнь моя.

– А вот ещё одно интересное высказывание, – Лев Николаевич взял следующий бланк. – Телеграмма подписана так: «Анна, но не Каренина». А текст такой: «Есть любовь, которая становится удавкой для обоих. Кроме раздражения Анна Каренина у меня не вызвала никаких чувств».

Последнюю телеграмму Толстой читать не стал и отложил её в сторону.

– А что там, Лев Николаевич? – Бунин кивнул в сторону отложенной телеграммы. – Оскорбляют вас?

– Да нет, просто про Анну Каренину уже начали сочинять анекдоты, – при этих словах Толстой протянул собеседнику непрочитанную телеграмму.

Иван Алексеевич взял её в руки. Текст действительно состоял из анекдота:

Машинист помощнику:

– Вань, ты «Анну Каренину» читал?

– Нет, а кто это такая?

– Да ладно... Проехали...

Неожиданно в вагоне громко включили радио. Популярную на сегодняшний день песню задорно исполняли сразу три известных певца: Надежда Кадышева, Николай Басков и Глеб Матвейчук. Из динамика громко доносилось:

Постучалась в дом боль незваная.
Вот она, любовь окаянная.
Коротаем мы ночи длинные,
Нелюбимые с нелюбимыми-и-и!..

Поезд набирал скорость. Стук колёс пытался попасть в такт мелодии, но у него это плохо получалось.

ГЛАВА 3

Чувство пути

В одном из купе вагона «СВ» двое пассажиров, наплевав на все правила, о которых робко намекнул проводник вагона перед отправлением поезда, пили шампанское и вели непринуждённую беседу.

В молодом темноглазом человеке, на живом лице которого часто возникала ироническая улыбка, можно было узнать Михаила Юрьевича Лермонтова. Напускное равнодушие, которое он старался поддерживать в разговоре, время от времени сметалось всплеском прорывающихся наружу чувств.

Собеседник Лермонтова был постарше и казался более меланхоличным. Крупные черты его неподвижного лица вызвали ощущение некой монументальности. Холодноватый взгляд светлых глаз только укреплял подобное впечатление. Попутчиком Лермонтова был Александр Александрович Блок.

Несмотря на то что эти люди впервые встретились лично, они довольно быстро нашли общий язык и даже почувствовали какие-то незримые родственные связи. Впрочем, ещё до этой встречи и Блок, и Лермонтов замечали в творчестве друг друга столь много общего, что порой это начинало граничить с мистикой. Ранее что-то подобное уже возникало у Михаила Лермонтова при знакомстве с жизнью и произведениями Джорджа Байрона. Лермонтов объяснял это своими шотландскими корнями. Но в случае с Александром Блоком подобное объяснение не срабатывало.

Однако, оказавшись в одном купе, ни Блок, ни Лермонтов не обмолвились ни единым словом об этом чувстве внутреннего родства. Как будто сразу приняли, что некоторые тайны в этом мире так и должны оставаться тайнами.

Обсудив последние политические новости, собеседники плавно перешли к разговору о литературе, что было вполне естественно для тех, кто посвятил свою жизнь этому виду искусства.

В шутку или всерьёз Михаил Лермонтов стал горячо убеждать Блока, что художественная литература в настоящее время полностью исчерпала себя и должна уступить место новым формам описания мира.

– Признайте, Сашура, – говорил он, – что всё мало-мальски достойное упоминания уже написано. Остаётся лишь разложить по полочкам и отправить в архивы. Чтобы было чем заняться литературоведам и критикам. А впрочем, и эти господа уже совершили всё, что могли. Думаю, не осталось ни одного писателя или поэта, которого не разобрали бы по косточкам. Так что и здесь больше делать нечего.

Блок протестующе поднял руку.

– Что? Не согласны? – с показным удивлением поинтересовался Лермонтов.

– Нет, конечно.

– Интересно, почему. Аргументируйте, пожалуйста.

Александр Блок сделал глоток шампанского и сказал:

– Возни вокруг литературы, конечно, много. На мой взгляд, гораздо больше, чем самой литературы. Но утверждать, что всё досконально изучено, я бы не стал. Думаю, белых пятен ещё достаточно. Да и спорных вопросов немало.

– Спорные вопросы возникают там, где ждут бесспорных ответов, – заметил Лермонтов.

– В литературе ещё много белых пятен, – повторил Блок. – Да что далеко ходить, Мишель. Взять хотя бы ваш роман. Ведь до сих пор среди литературоведов ведутся споры о том, что вы имели в виду, снабдив его таким названием. «Герой нашего времени»! Вы и впрямь считаете, что Печорин соответствует этому званию?

Лермонтов усмехнулся:

– Да уж. Неистребима в людях тяга искать для себя героев. И находить их. Порой даже там, где их нет.

– Так, значит, нет?

– А это для кого как. Для кого-то Печорин будет неприятен, а для кого-то может оказаться героем. Я ведь прямо сказал в романе, предвидя возможные вопросы: «Не знаю».

– Вот эта фраза и поставила в тупик не одно поколение критиков.

– Что ж. Так им и надо. Вот что меня меньше всего волнует. Абсолютно бесполезная орава стервятников.

– Не все, Мишель, не все, – покачал головой Блок.

– Не все, – проговорил Михаил Юрьевич, – но по большей части. А тех, к которым стоило бы прислушаться, так мало, что их голоса легко теряются в общем хоре. И очень, очень редко встречаются критические статьи, от чтения которых получаешь удовольствие и пищу для размышлений. Даже затрудняюсь так сразу кого-нибудь назвать... Разве что Писарев.

– Или Ираклий Андроников.

– Пожалуй, – согласился Лермонтов.

Он задумался, затем добавил:

– Но вернемся к Печорину. Герой он или нет – не так уж и важно. А важно то, что его образ как яркое пятно на сером фоне. Он выделяется. А то, что выделяется, так или иначе будит чувства, провоцирует раздумья. Именно на это, по моему скромному мнению, и надеется каждый пишущий. Кому нужна была бы литература, не будь чувствующих и думающих читателей.

– Понимаю, – кивнул Блок. – Печорин – это не ответ, а вопрос. Это повод задуматься. И не столько о самом человеке, сколько о его окружении, обществе, в котором он существует.

– Вот именно. Печорин чужд обществу, и оно для него чуждо. И вы верно выразились, что он в этом обществе существует. Существует, а не живёт. Болен Печорин или больно общество – каждый читатель решает по-своему.

– А как решил бы сам автор?

– А сам автор свою задачу выполнил, – уклонился от ответа Лермонтов.

Александр Блок не стал настаивать. Разговор постепенно перешёл на обсуждение России девятнадцатого века. Это время оба поэта вспоминали с теплотой и грустью. Для них это было время надежд и свершений. И теперь картины, всплывающие в памяти, казалось, наполняли купе ощущением тех лет. Вспомнили войну с Наполеоном, восстание декабристов. Подняли бокалы за «солнце русской поэзии» – Александра Пушкина.

Глядя на пробегающие за окном пейзажи Сибири, Блок негромко произнёс:

– Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...

– Как вы думаете, Мишель, – задумчиво спросил он, – почему Пушкин не примкнул к декабристам?

– Сколько копий сломано вокруг этого вопроса. Но ясности это так и не добавило. Думаю, ответить мог бы только сам Александр Сергеевич. А так всё домыслы, домыслы, домыслы.

– А вы, Мишель? Вы сами в то время оказались бы на Сенатской?

– Вне всякого сомнения. Я вообще преклоняюсь перед этими людьми. Пусть они и не одержали победу в отличие от участников октябрьской революции 1917 года. Но пролетариату нечего было терять, кроме своих цепей. А декабристам было что терять. И они пошли на это. На такое не всякий способен.

– У всех свой путь, – философски прокомментировал Александр Блок. – Вот только не каждый способен его пройти. Кстати, в событиях октября семнадцатого года принимали участие не только пролетарии. Были и дворяне.

– За что потом и поплатились, – добавил Лермонтов.

Блок с горечью согласился:

– Революций без жертв не бывает. Как ни прискорбно, но это факт.

А Лермонтов продолжал:

– Мне понятно, что могли ожидать от социалистической революции рабочие и крестьяне. Но вы, Сашура, скажите честно, почему вы её приняли?

Блок, не задумываясь, ответил:

– Мне импонировало стремление большевиков принести свет образования всему народу, а не только его отдельной части. Я верил, что мир спасут красота и знание.

– И сейчас верите?

– Верю. Несмотря ни на что. В конечном счёте так и будет. А иначе зачем жить.

– Вы счастливый человек, – сказал Михаил Юрьевич. – Вы видите свет в грядущих веках.

– Да, вижу, – кивнул Блок. – А что вам мешает?

– Жизнь. И опыт.

Под потолком проснулось поездное радио и объявило:

– Уважаемые пассажиры, прослушайте важное сообщение: «В связи с усложнившейся эпидемиологической обстановкой главный санитарный врач Литературного экспресса подписал распоряжение о всеобщей вакцинации лиц, не имеющих медицинских отводов. О порядке проведения вакцинации будет сообщено дополнительно. Просим всех проявить сознательность и неукоснительно выполнять соблюдение санитарных норм».

Лермонтов выудил из бокала с шампанским ломтик ананаса и прокомментировал прозвучавшее сообщение:

– А вот и луч света из грядущих веков. Вам не кажется, Сашура, что пандемия может несколько изменить ваши ожидания? И что мир спасёт не красота, а вакцинация. Ну-ну, не обижайтесь, я пошутил, – добавил он, заметив, что Александр Блок нахмурился и вознамерился было что-то возразить.

Михаил Юрьевич долил в бокалы вина.

– Выпьем за красоту этого мира и за тех, кто способен её увидеть, – предложил он, поднимая бокал.

Стук колёс помешал услышать звон бокалов, но не помешал почувствовать тонкий вкус настоящего брюта.

За окном показались какие-то строения, и экспресс начал замедлять ход.

– Посмотрите, какие колоритные развалины, – произнёс Лермонтов, указывая на полуразрушенное здание с тёмными глазницами на белой кирпичной стене и какой-то красной надписью на фасаде.

– Да, развалин в России теперь предостаточно, – с грустью прокомментировал Блок, – словно время совершило прыжок назад.

– Ну, если время совершает прыжки, трудно удержаться в седле. Тут даже тому, кто видит свет в будущем, немудрено упасть духом. Не правда ли?

Александр Блок смерил собеседника усталым взглядом и спокойно ответил:

– Ценю вашу иронию, Мишель. Но вы ведь и сами прекрасно всё понимаете. Не мне вам объяснять, что упасть духом для поэта не менее важно, чем воспарить над обыденностью. Жизнь состоит из взлётов и падений. И в этом есть глубокий смысл. Поэт должен обладать чувством пути. Он интуитивно должен ощущать этот путь. И следовать ему, даже если сбивает с ног вьюга сиюминутных дел. Только тогда поэт сможет хотя бы частично воспринять духовность этого мира, услышать его музыку. И воплотить эту музыку в стихи... Слушать музыку, – повторил Александр Александрович, – как это прекрасно. И как это трудно...

Михаил Юрьевич в очередной раз поразился, как легко и свободно мог выразить словами Блок то, что он, Лермонтов, зачастую только замечал в душе как лёгкое прикосновение весеннего ветра. Как некое откровение, донёсшееся свыше.

А Блок словно застыл, погружённый в свои мысли. Его неподвижное лицо стало напоминать холодную маску

«И на челе его высоком не отразилось ничего», – подумал Лермонтов.

Тем временем поезд остановился. Купе наших героев оказалось напротив развалин, привлёкших внимание Михаила Юрьевича. Теперь надпись на фасаде здания можно было разобрать.

– Отечество славлю, которое есть, но трижды – которое будет. Владимир Маяковский, – прочитал вслух Лермонтов. – Надо же. Этот революционный трибун и здесь отметился. Вот уж чьи стихи и не понимаю, и не принимаю. Как и вообще претензии футуристов на Будущее.

Лермонтов раздражённо задёрнул занавеску на окне.

– Даже смотреть не хочется.

Блок улыбнулся, и на его лице взамен сброшенной неподвижной маски появился мягкий отблеск прорвавшегося внутреннего света.

– Да нет, Мишель, вы к нему несправедливы. Володя не так прост, как кажется. За гримасами футуризма скрывается тонко чувствующая душа. А то, что его протест против капитализма – этой бездушной машины, перемалывающей всё прекрасное, – принял такие формы... Ну что ж... Он интуитивно обращался к народу на том языке, который был этому народу ближе и понятнее. Мне, как и вам, глубоко чужд футуризм, но Маяковского я уже давно выделяю из этой окололитературной группы. То, что это поэт, несомненно. Просто его демократизм для нас с вами необычен и непривычен. Но это уже наши проблемы.

Михаил Юрьевич не стал возражать. Выпитое шампанское располагало к благодушному настроению, и спорить не хотелось. Поэтом овладели воспоминания. Он вновь ясно увидел вереницу картин прошедшей жизни. Картин, не только сияющих разными оттенками, но и звучащих по-разному.

После некоторого молчания Александр Блок спросил:

– Скажите, Мишель, ваш «Вадим» ещё не готов к публикации? Хотелось бы прочитать законченную вещь.

Лермонтов равнодушно бросил:

– Да нет. Сыроват ещё. Да я как-то уже и остыл к этой безделице. И вообще, меня сейчас больше привлекает живопись. Возможно, позже я и вернусь к рукописям. Кто знает... Ну а вы? Уже много лет как молчите. Ни одной строчки. Я имею в виду поэтические строки. Статьи не в счёт. Ведь вы Поэт. Поэт от Бога. Так почему же вы больше не пишете?

– Я перестал слышать музыку, – ответил Блок.

И от того, как просто он это произнёс, на Лермонтова повеяло такой грустью, что поэт впервые в жизни не нашёл, что сказать в ответ.

ГЛАВА 4

Россия во мгле

Проводник медленно продвигался по вагону «СВ», протирая окна и поправляя занавески на них. Оказываясь возле дверей очередного купе, он задерживался, прислушиваясь к тому, что происходило

внутри. Однако из-за шума, издаваемого вагоном при движении, что-либо разобрать удавалось довольно редко.

Иногда проводник слышал отдельные фразы, но чаще улавливал просто неразборчивую речь. А в некоторых купе вообще было так тихо, словно там и не было пассажиров. Но проводник знал, что свободных мест в вагоне нет.

Пройдя от тамбура до тамбура и убедившись, что на вверенной ему территории всё в порядке, проводник вернулся к себе. Обычно после утренней приборки он позволял себе часок подремать, выбирая большой интервал между остановками. Но в этой поездке всё было не так, как всегда.

Во-первых, служебное купе заняли сотрудники каких-то спецслужб, о чём ему было приказано начальством держать рот на замке. А во-вторых, список пассажиров невольно вгонял проводника в трепет: столько там было известных во всём мире людей. Впрочем, встречались и ничего не говорящие имена. К примеру, Иванов Иван Иванович из седьмого купе. Или Джон Гриффит Чейни из пятого купе. А вот его сосед – Герберт Уэллс. Это имя проводник, похоже, где-то раньше слышал. Только никак не удаётся вспомнить, что было связано с этим именем.

«Стану разносить чай, нужно будет приглядеться к этим иностранцам. У них в купе тихо. Спят, небось, ещё», – подумал проводник.

А в пятом купе действительно было тихо. Но пассажиры не спали. Один из них был постарше, с запоминающимся интеллигентным лицом, на котором выделялись аккуратно уложенные усы, густые брови и веселые внимательные глаза. Этот человек неторопливо потягивал пиво, изучая проносившиеся за окном картины заснеженной сибирской природы и время от времени выжидательно поглядывая на своего попутчика.

Второй пассажир – молодой мужчина – что-то записывал в большом блокноте, полностью погруженный в свои мысли.

Иногда его лицо хмурилось, иногда приобретало мечтательное выражение. Скорость записи то замедлялась, то вновь ускорялась, давая возможность пишущему выплеснуть на бумагу пришедшие в голову мысли.

В списке пассажиров вагона этот человек значился как Джон Чейни, но гораздо больше он был известен под именем Джека Лондона.

Сейчас он был всецело поглощён работой, что несколько удивляло сидящего напротив Герберта Уэллса, привыкшего к более комфортным условиям творчества.

Однако он уважал привычки других людей и даже не пытался нарушить затянувшееся молчание. Впрочем, оно и так вскоре нарушилось.

– Ну вот, на сегодня хватит, – довольно выдохнул Джек и закрыл блокнот. – Пока не напишу тысячу слов – ни глотка.

Он взглянул в окно и заметил:

– Прямо-таки белое безмолвие. Это напоминает мне Аляску. Просто удивительно, как похоже.

Герберт Уэллс вежливо выразил недоумение:

– Что же здесь удивительного? Аляска ведь когда-то была российской.

– Да знаю. Но когда это было. Об этом уже мало кто помнит. По крайней мере, на Аляске.

– А при чём тут человеческая память? Природа-то какой была, такой и осталась. Ну, или почти такой. Я имею в виду природу там, где её ещё не победил человек.

– Да, – кивнул Джек, – к сожалению, таких мест остаётся всё меньше. Ну ладно, хватит о грустном. Как вам русское пиво?

– А вы сами оцените, – улыбнулся Герберт Уэллс. – Для меня будет весьма интересным мнение американского эксперта.

Джек Лондон махнул рукой:

– Какой из меня эксперт. Я, скорее, любитель. Да и вообще предпочитаю виски. А пиво так – ба-ловство.

Джек наполнил стакан и сделал большой глоток.

– Вкус довольно непривычный, – прокомментировал он, прислушиваясь к своим ощущениям. – Не могу сказать, что неприятный, но я бы всё же предпочёл наш напиток.

– Обычный европейский лагер, – заявил Уэллс, – а вы, скорее, привыкли к стауту. Но дело не в этом. Мне бросилось в глаза, насколько местные магазины стали похожи на магазины в Европе.

Россия, несомненно, теряет свою индивидуальность, превращается в общество потребления. А я ведь помню её совсем другой.

– Да, да, – подхватил Джек Лондон, – вы вчера вспоминали, как были здесь в 1914 году. Конечно, она стала другой. Как и наши страны, собственно. Но вы ведь и позднее бывали в России. С Лениным встречались. Я, конечно, читал вашу книгу «Россия во мгле», но было бы неплохо услышать не приглаженные литературно впечатления автора. Расскажите?

Герберт Уэллс не возражал:

– Отчего нет? Если вам интересно.

– Конечно, интересно. Я давно интересуюсь Россией. Даже вынашиваю мысль написать когда-нибудь книгу о революции. Тут такие типажи прорисовываются...

– Ну что ж, – задумчиво произнёс Герберт Уэллс, откидываясь на подушку у стенки купе.

Он немного помолчал, мысленно возвращаясь в прошлое, и сказал:

– Во второй раз я приехал в Россию в 1920 году. Уже после революции. Именно тогда я и встретился с Владимиром Лениным. Я хорошо помню эту встречу. Разговор у нас был долгий и откровенный. Бесспорно, Владимир Ильич был одним из умнейших людей, с которыми мне доводилось беседовать. Он понимал меня с полуслова. Чего не могу сказать о себе, к сожалению. Но одно я понял: у этого человека была мечта, которой он посвятил всю свою жизнь. Мечта создать новую, лучшую жизнь. И он ясно видел, как это сделать. В принципе, у него было почти всё, чтобы осуществить намеренное. Кроме одного. Достаточного числа людей, которые разделяли бы эту мечту. Людей, которые могли бы пожертвовать собой ради достижения светлого будущего для других. Такие люди были, но в столь малом количестве, что вряд ли они могли одержать победу.

А потому картины будущего, которые рисовал мне Владимир Ленин, невозможно было принять всерьёз. Что я тогда видел вокруг? Я видел страну, только что чудом пережившую три войны. Страну, которая, казалось, уже никогда не оправится от потрясений. А тут передо мной сидит человек и рассуждает о светлом коммунистическом будущем. Уверяет, что за десять – пятнадцать лет всё изменится. И фабрики заработают, и пройдёт электрификация. Что это как не утопия? Так Ленин и остался у меня в памяти как кремлёвский мечтатель.

Герберт Уэллс задумался на минуту, а затем продолжил:

– А вообще, в ту поездку Россия меня несколько ошеломила. Я ведь довольно много поездил по миру. Но здесь, вернее там, в России начала 20-го века, многое было для меня возмутительно непонятно. Я оказался в голодной полуразрушенной стране. И на фоне этой разрухи – работающие театры. Помню, попал на выступление Шалапина. Театр был полон.

А школы? Я сам преподавал некоторое время и мог сравнить эти школы с нашими, английскими. И знаете, сравнение было отнюдь не в нашу пользу. Да, школы выглядели довольно убого. Да, не хватало учебников. Но это было вполне объяснимо. А вот ученики меня поразили. Тяга к знаниям зашкаливала. Меня не оставляла мысль, что если так пойдёт и дальше, то эти дети рабочих и крестьян могут в скором времени оставить просвещённую Европу далеко позади.

По возвращении в Лондон я не раз поднимал этот вопрос. Но ко мне не прислушались. Тогда не прислушались. А вот когда уже через 40 лет в Советском Союзе создали первый искусственный спутник Земли, вот тогда всполошились и у нас, и в Соединённых Штатах. И начались споры: Что делать и Кто виноват? Кстати, исконно русские вопросы.

По сути, было лишь два пути: улучшить наше образование и попытаться ухудшить советское. Вот на эти пути и пришлось потратить уйму средств.

– Да, – согласился Джек Лондон, – российская революция оказала огромное влияние на весь западный мир.

– И не только на западный, – кивнул Герберт Уэллс, продолжая погружаться в свои воспоминания: – Я сказал, что многое в России меня удивляло. Тогда, в 1920 году. Но в глубине души я считал, что все эти лозунги, все эти планы не могут быть надолго. И как я был поражён и встревожен, когда побывал в России, уже в Советском Союзе, в 34-м году.

Я увидел, что многое из того, о чём говорил Ленин, перестало быть только мечтами. Оно стало реальностью. Это была уже не та, бьющаяся в агонии послереволюционная Россия. Это была быстро крепнущая и развивающаяся страна. Ленина уже не было, а его слова превращались в действительность. Люди действительно строили светлое будущее. И среди них – вчерашние школьники. И вновь

я подспудно ощутил тревожное предчувствие надвигающейся угрозы для нашего устоявшегося образа жизни.

– Так вы ожидали увидеть ту же Россию во мгле? – спросил Джек.

– Ну, не совсем так. Я ведь интересовался переменами в этой стране. Но я полагал, что Россия несколько отошла от революционного дурмана и будет ближе к Европе. Я всегда считал и продолжаю считать, что будущее за Мировым государством, в которое рано или поздно вольются отдельные страны. И Россия в том числе.

Однако я увидел, что революционный дурман перешёл в дурман самодостаточности. Большинство советских людей на самом деле верили, что смогут построить коммунизм в своей стране, отдельно от остального мирового сообщества. Идеи Троцкого о мировой революции были уже не актуальны. А после разговора со Сталиным я в этом окончательно убедился.

– А, кстати, какое мнение сложилось у вас о Сталине? Об этом человеке столько противоречивой информации.

– Он показался мне очень честным и порядочным человеком. Весьма эрудированным и твёрдо знающим, чего он хочет. К тому же не лишённым чувства юмора. Таково моё личное мнение.

Я, разумеется, знаю о многочисленных обвинениях в его адрес, но вряд ли этого достаточно, чтобы моё мнение изменилось. И это несмотря на то что мы с ним стоим на разных идеологических позициях. Я не приемлю социализм, а он – капитализм. Ну и что? У каждого есть право на собственные убеждения. И на собственные заблуждения.

– Так вы считаете, что Сталин заблуждался? – с улыбкой поинтересовался Джек Лондон.

– Разумеется, я так считаю. Иначе пришлось бы признать, что заблуждаюсь я.

– Логично.

На лице Уэллса тоже заиграла улыбка:

– Ладно, довольно воспоминаний. Вернёмся к нашим скромным персонам. Скажите-ка мне, Джек, как вас, успешного американского писателя, занесло в сети социализма?

Джек Лондон, не задумываясь, ответил:

– Почему я стал социалистом? Да просто потому, что верил и продолжаю верить, что это – будущее человечества. Если, конечно, оно хочет выжить.

Когда я начинал писать, я просто чувствовал, что мне есть что сказать, и хотел хоть немного приблизиться к создателям книг, людям, перед которыми я преклонялся с детства и творениями которых зачитывался. Приблизиться. А уж оказаться в их рядах – это был вообще предел мечтаний.

Это уже потом я понял, что писательская среда – вовсе не какая-то высшая каста. Есть книги – и есть книжонки. Одни делают человека лучше, пробуждают самые светлые чувства. А другие спекулируют на тёмных, низких сторонах, укрепляют людские слабости. Да и как могло быть иначе. В литературе, как и повсюду, идёт извечная борьба добра и зла. Законы диалектики нельзя просто взять и отменить как нежелательные общественные законы. Именно законы диалектики предрекают неминуемую смену капитализма более совершенной формой организации общества. На сегодняшний день таковой является социализм.

– Но ведь социализм потерпел крах, – заметил Уэллис, открывая очередную бутылку пива.

– Да неужели? – по губам Джека пробежала еле заметная улыбка. – И откуда вы это взяли?

– Ну как же. Рухнул социалистический лагерь. Да и мы с вами едем сейчас по стране, которая считалась оплотом социализма. Тут на каждом шагу были лозунги «Слава строителям коммунизма». А сейчас строят капитализм.

– Неудачное воплощение теории в жизнь – это вовсе не крах самой теории. Вам как учёному это хорошо известно. Да, социализм в Европе потерпел поражение. И наши с вами страны сыграли в этом не последнюю роль. И что? Считаете, что на этом всё и закончится? Как бы не так! В истории человечества это всего лишь один из эпизодов, из которых создаётся история. Чтобы увидеть Будущее, нужно ворошить Прошлое. Когда ликвидировали первое социалистическое государство в Южной Америке, тоже считали, что социализм уничтожен навсегда. Но сколько раз с тех пор его ростки пробивались то тут то там по всему миру. Законы диалектики не победить. Их ход можно временно затормозить. Но и только.

Уэллис с интересом наблюдал за разгорячившимся собеседником. За свою жизнь Герберт не раз слышал подобные доводы. Он давно понял, что можно доказать что угодно, если подобрать нужные

аргументы. В паутине слов запутался не один рассудок. И сейчас, слушая американца, Уэллс думал о своём. О времени, когда человечество придёт, наконец, к пониманию необходимости создания Мирового правительства. И о том, куда тогда будут двигать мир законы диалектики.

А Джек продолжал свои рассуждения:

– Да, Советский Союз был очередной попыткой создания справедливого общества. И более успешной, чем все предыдущие. И вновь человечество оказалось не готово. Пока не готово. Но я не сомневаюсь, что попытки будут повторяться. И обратите внимание, Герберт, что если раньше ростки социализма уничтожали военным путем, то с Советским Союзом было уже не так просто. Здесь потребовалась долгая работа в области влияния на сознание людей. Планомерное кропотливое оболванивание масс, отвлечение на негодные цели, подмена духовных ценностей, насаждение многочисленной и самодовольной армии управленцев. И в итоге в очередной раз человечество отброшено назад.

И что мы видим в России? Какая-то дикая смесь капитализма и остатков социализма. Весьма неустойчивая конструкция.

Да её ещё и расшатывают разросшиеся группы так называемых публичных людей. Всё чаще из стана этой самопровозглашённой элиты доносятся сентенции, позволяющие оценить как духовный, так и интеллектуальный уровень представителей людей, ухвативших свой кусок власти и общественного пирога. Да взять хотя бы высказывание небезызвестного деятеля о том, что образованными людьми трудно манипулировать. Манипулировать, естественно, собирается он и ему подобные. Уж они-то образованы дальше некуда. Что ни высказывание, то истина в последней инстанции. Да ладно бы они только болтали. Но их болтовня всё чаще превращается в действия. Тут и повышение пенсионного возраста, и провозглашённая всеобщая вакцинация.

Вроде бы манипуляция обществом пусть со скрипом, но удаётся. Однако и у манипуляторов есть слабое место. Нетерпение. Хочется всего и сразу. Они как-то не учли тот факт, что ещё много людей, которые учились в школе думать, а не слепо впитывать любую информацию. Поторопились.

Это напоминает мне одного моего друга, с которым мы часто ходили в горные походы. Так вот, когда после долгого перехода хотелось на привале выпить кружку чая, у него никогда не хватало терпения дожидаться, пока вода закипит. Его коронная фраза: пар пошёл – вскипело. Да нет, не вскипело. Это только предвестник закипания. А когда закипит и закипит ли вообще – это ещё вопрос.

– А вот здесь я с вами согласен, – сказал Уэллс.

Он взглянул на часы и продолжил:

– Вопросы, вопросы, вопросы. А сколько их ещё будет. Только что так волноваться, Джек? Это ведь российские проблемы. Пусть у россиян голова и болит.

– Российские проблемы? Да нет, Герберт. Это происходит по всей земле. Человечество раздроблено, и повсюду творится одно и то же. Большая часть пассивно терпит кучку активных посредственностей, прорвавшихся к власти и занятых лишь одним: сохранением своей власти. Вам не кажется, что в таком положении дел и есть основной тормоз человечества?

– Кажется, Джек, кажется. А ещё мне кажется, что настало время перекусить. Согласны?

– И когда я отказывался от разумных предложений? – удивился Джек Лондон. – Только умоляю: овсянку не предлагать.

– Да где же её здесь взять? – вздохнул Уэллс.

В этот момент в дверь постучали, и в открывшемся проёме возник проводник.

– Чаю не желаете? – спросил он. И, посмотрев на Уэллса, добавил: – Может, овсянку, сэр?

– Нет, – вырвалось у Джека Лондона.

– Да, – кивнул Герберт Уэллс.

Завершение повести в следующем номере – Берега 5 (51)-2022

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор одиннадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России, лауреат двух Международных и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017», им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. М. А. Шолохова...

ДОНБАСС – РОССИЯ В ТЕЧЕНИЕ ВОСЬМИ ЛЕТ – С ВЕСНЫ 2014 ГОДА ДО ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА

1.

Всё больше вести с Украины,
всё циничней наш звучит ответ,
что, мол, волноваться нет причины –
это лишь их внутренний сюжет.
Да, куда-то подевалась совесть –
наша совесть. Обмелел исток?
Но тогда мы *кто* и *что мы*, то есть
на какой надеемся итог?

Декабрь 2014 г.

Протяни, казалось бы, руку,
помоги хотя бы чуть-чуть,
но, как видно, «высшему» кругу
важен только свой личный путь –

свои шкурные интересы,
где понятия «совесть», «честь»
явно в круге том неуместны –
там другие понятия есть.

2.

За прецедентом – прецедент:
по русским бьют на Украине,
но *так* спокоен Президент,
что дремлет Дума и поныне.
Лишь слышно: «Наверху видней,
другие сверху горизонты».
Но *русских* бьют – им всё больней!
А «сверху» взгляд нейтрально-сонный.

Декабрь 2015 г.

Потому и взгляд хладнокровный
в тёплом кресле, где жезл в руке.
Даже в дни, когда больно кровным –
братьям нашим невдалеке.

Декабрь 2016 г.

4.

Одессу, Донецк, Мариуполь...,
где долго был общий наш дом,
теперь, словно загнанных в угол,
крушит русофобский синдром.

3.

Как приятно быть хладнокровным
в тёплом кресле, где жезл в руке,
только горе ведь: наши кровные
гибнут – братья невдалеке.

Крушит без преград – днём и ночью,
грозя перейти в «навсегда».
Да, «время расставит все точки»,
но *боль* не уйдёт никуда.

Декабрь 2017 г.

5.

Звучат красивые слова,
но вслед – невнятные поступки –
сплошные следуют уступки,
а вместо действий – лишь канва
и пустота звучащих фраз:
«Мы с вами – братья! Не оставим!..» –
поэтому уже у вас
надежд на нас и не осталось.
Ведь слово значимо лишь тем,
что подтверждается поступком,
пока за ним одни уступки,
то веры нет ему совсем.

2018–2021 гг.

С февраля 2022 года

1.

Россия вспряла ото сна –
от восьмилетней вялой спячки,
могло бы всё пойти иначе,
а так... вовсю бурлит весна –
в слезах и в грохоте, с надеждой,
что не останется, как прежде,
здесь Новороссия одна.

И вот теперь уже война,
хоть запоздало, и начало
сулит нам трудностей немало,
однако всё же что-то вдруг
случилось в нашем пробужденье...
Да, долгожданное мгновенье
кого-то привело в испуг
с разноголосицей, молчаньем,
а кто-то даже впал в отчаянье
от мысли, что остался без
надежд на шкурный интерес.

Но *всё-таки* нас большинство,
кто не утратил своего
позиционного начала,
которое нас воспитало
историей побед России,
где справедливость нашей силы
веками переплетена.

Вот и сегодня эта явь –
в какой бы ракурс ни поставь –
похожа на глубокий выдох,
дающий нам достойный выход,
чтоб сделать уже вдох иной –
победной поступью входящий
с недавней спячки в настоящий
активный, долгожданный день.

И цель у нас сейчас одна –
это священная война
не с Украиной, а с фашизмом,
который сквозь любую призму
уже распознан – и сполна,
чтоб корчевать его до дна.

Азартом мести брызжет Запад –
ему такой параграф задан,
в котором что-то не срослось,
а потому и не сбылось,
ведь он совсем не ожидал,
что русский дух только дремал –
забыл, что он неистребим
и мы непобедимы с ним.

Отсюда и звучат слова,
которые несёт молва:
«Донбасс, Россия и весна!»
Где есть и наши имена.

Весна 2022 г.

2.

Добро должно быть с кулаками.
Вот и сейчас в который раз
мы убедились в этом сами,
хоть слишком долго зрел *наш* час.

И наконец пришла пора
всем ощутить – нельзя иначе:
несложно знать, *что* будет значить,
если вернёмся во вчера.

И дай нам бог не буксовать
И не миндальничать с врагами,
иначе *нам* несдобровать.
Добро *должно* быть с кулаками!

Поэтому – только вперёд,
как и тогда – в сороковые,
когда единым был народ
в своём служении России.

Когда не только на фронтах,
но и в тылу шёл труд на совесть,
так было в душах, на устах
у всех, как пламенная повесть.

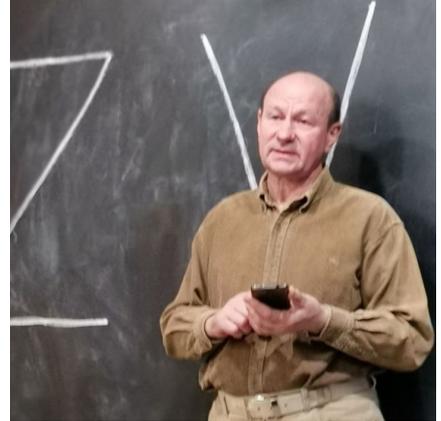
Повесть о том, что *мы* правы
и *что* мы не «лежачий камень»,
а потому идём «на вы»:
добро *должно* быть с кулаками!

Добро – Россия и Донбасс,
а наша вера – наше знамя
и нашей прочности запас.
Добро *должно* быть с кулаками!

Поэзия

Владимир Макаренков

Владимир Викторович Макаренков – поэт, публицист, автор восьми книг стихотворений, аудиоальбома «Я родом из шестидесятых» (радиопостановка поэмы «Таборная гора», стихи, песни), публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова (Смоленск), им. Н. И. Рыленкова (Тюнино Брянской области), «На встречу дня» им. Б. Корнилова (Санкт-Петербург), Южно-Уральской литературной премии (Челябинск). Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей с 2004 года. Член Союза журналистов РФ. Живёт в Смоленске.

ИЗ ЦИКЛА ZV, ИЛИ «РУССКОЕ СЕРДЦЕ»

ПЕРЕДАЙТЕ ВСЕМ НАШИМ ПРИВЕТ!

Мать Россия, сестра Украина
сиротеет в огне и дыму.
Мы отправили старшего сына
по приказу Москвы на войну.

Он служил по призыву, комбату
как отцу доверялся во всём
и остался в войсках по контракту,
не вернулся в родительский дом.

Мы гордились, что стал он мужчиной,
в нём гвардейца признала страна.
Небо грозное над Украиной,
а у нас в волосах – седина.

Мы звоним сыну каждые сутки,
только всё телефон не в сети.
И проходят, как годы, минутки.
Сын, словечком хоть оповести!

Был вчера у него день рождения.
Отмечать нам пришлось без него.
Лишь сегодня пришло сообщенье,
и на сердце слегка отлегло.

Вслух читаем мы снова и снова
в телефоне короткий ответ:
«Всё нормально, все живы, здоровы.
Передайте всем нашим привет!»

ПРОЩАЙ ЖЕ, ДРУГ...

Друг не поздравил с днём рождения,
молчком по-снайперски разя.
Идёт духовное сраженье,
идейно предают друзья.

Что делать, берегите спины,
на Запад обратив щиты.
Легли просторы Украины
Меж нами пашнями вражды.

Сбежала «пятая колонна»,
боясь судейского меча,
а кто остался, только дома
храбры, на публике – молчат.

И вновь, как в трудные години
глубокой русской старины,
патриотически едины
народ и воинство страны.

Прощай же, друг, ты сделал выбор!
А я России не предаю,
ей жребий судьбоносный выпал –
оценку дать земным делам.

О чём бы как не голосили
все зарубежные врази,
а без истории России
не быть истории Земли!

РАЗУМЕТЬ

Не говорите мне про совесть,
когда орудия гремят,
давайте говорить про стойкость
и мужество в боях солдат,
про их отважных командиров,
про лётчиков и моряков,
тех, кто воюет ради мира
и умереть за нас готов.

Их совесть – в воинском приказе,
она – незыблемый залог:
на Украине и Донбассе
преисполнять российский долг;
свершая воинское дело,
громить коварнейших врагов
и выводить из-под обстрелов –
к своим – детей и стариков.

А если кто-то заикнётся,
мол, совести у русских нет,
пусть клеветою поперхнётся,
на ложь есть праведный ответ;
он в языке, как птица в клетки,
лишь нужно выпустить уметь,
ведь слово совесть – от съвѣдѣти¹,
что означает – разуметь.

* * *

Когда на верховную встречу
доставит небесный конвой,
представ перед Богом, отвечу,
что был со своею страной.

Я связан душою и кровью
с землёй, на которой меня
растили с домашней любовью
семья и большая страна.

Везде мне привольно, по сути
я сын поднебесных хором;
родные мне – добрые люди,
Россия – отеческий дом.

¹ В русском языке XI–XVII веков известно слово «съвѣсть» со значениями «совесть, разумение, понимание, знание, согласие, указание, чистота». В таком виде оно появляется в словаре Берынды 1627 года, форма «совѣсть» зафиксирована с 1704 года. Происходит от церк.-слав. съвѣсть, которое построено как калька от ср.-греч. Συνειδήσις («совесть, сознание») и συνείδος («совесть, сознание, совместное знание»). Образовано с помощью суффикса «-ть» от основы глагола съвѣдѣти («знать, разуметь») (*Википедия*).

В години разрухи и смуты
в бессилье я рук не сложил;
печалился, но ни минуты
без веры в Россию не жил.

В развязке уж узел донбасский.
Европа шельмует день Зет.
Диктует мне сердце подсказки:
сбывается древний завет...

На пытку: «Какую дорогу
построил ты в жизни земной?» –
по-русски отвечу я Богу:
«Я был со своею страной».

* * *

Небо глубинное.
Радостно бьётся
сердце, –
скворец залетел
в грудь, как в скворечник.
Приветствую, солнце!
Сколько у нас важных дел!
Чтобы на древних привольях России

нивы,
а не словеса,
зрея отборным зерном, колосились,
к звёздам тянулись леса.
Плыть бы по времени под парусами
сини,
хмелеть от зерна.

Только за пашнями да за лесами
Прогромыхала война.
Солнце весеннее над Украиной
и над Донбассом

в глазах
отображается рвущейся миной,
рваным железом – в сердцах.
Небо глубинное,
мира планете
дай,
затворив, как вино,
дружбу в крови всех народов;
на свете

много нас,
солнце – одно!

Поэзия

Александр Шубин

Александр Шубин – автор трёх книг стихов: «На юру», «Чаруса», «Живица». Публиковался в журналах: «Южный Урал», «День и Ночь», «Литературные Окна», «Симбирск Литературный» (2020); в газетах: «День Литературы» (2020, 2022), РАН «Уральский филиал» (2020), «Hohlev.ru» (Санкт-Петербург, 2021). Главный редактор антологии «Стихи поэтов закрытых городов» «Росатом» (2005), соредактор «Антологии поэзии закрытых городов «Росатома». Призёр (2-е место) VI Международного фестиваля телевизионных программ и телевизионных фильмов «Золотой бубен» (Ханты-Мансийск) за сценарий и режиссёрскую работу к фильму «Семь слов о А. С. Пушкине».

СТИХИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

СЛОВО

Ярился под ярмом бесправия, бессилия
и душу, как дитя из пекла, выносил.
И каждый божий день мне даровал
не крылья,
но слово – лишь оно мне и давало сил
жить по крестьянской вере и традиции,
жить каждый день взахлёб – накоротке
с космической иронией провинции
и умирать – на русском языке.

ОЗЕРО

Плыть во сне исповедальном –
в тёмном озере лесном –
растворяя тайну в тайном
зазеркалье приписном.

Плыть вдоль дышащей границы
подноготной и небес,
где проблёскивают лица
тех, чьей верою воскрес.

Плыть – парить, раскинув руки
над подводною тайгой,
невесомо, без натуги,
тенью облачно-нагой.

Плыть, впивая всею плотью
свет с истоком вдалеке,
привыкая вновь к свободе
и полёту налегке.

ПОЕЗД УХОДИТ

Поезд уходит в полночную осень.
Черти грохочут под каждым вагоном:
Малый: «Догоним, по-строгому спросим!»
Старый: «Чуток – и догоним!»

В каждом вагоне и с каждой скамейки
дни мои грустно таращатся в окна.
Я – как последняя проба ремейка –
в это же действие вогнут.

Перед глазами киношной келейкой –
чёрный квадрат, подсвеченный детством:
кинопись жизни, где склейка на склейке –
в общенародном контексте.

Поезд летит, как в побеге растратчик,
перемежая тоскою дыханье.
Как же сладка из последней заначки
жизнь за прозрачною гранью.

Сириус белым горит, светофорит,
гонит в Аид, в пересуд бесконечный,
где – первым кругом, огнями «love story» –
меченый, мельничный, Млечный.

СОВРЁТ

Ещё до смерти музыканта
его душа гостит в Раю,
и ей поют все птицы сада,
приняв, по праву, за свою.

А музыкант сидит бездумный
в прихожей Ада – в кабаке,
упёршись взором полоумным
в Содом теней на потолке.

Худые выцветшие руки,
вчера взлетавшие легко,
лежат отставленной прислугой,
что задремала под хмельком.

И – за мгновение до краха,
земным на грош не дорожа,
он слышит сквозь припадок страха,
что возвращается душа:

какой-то простенький мотивчик,
полнейший вздор, шестнадцать нот –
но оживает он, счастливчик!
И, подпевая ей, соврёт.

ОДА ЧАЙНИКУ

Здравствуй, чайник мой походный,
собеседничек охотный,
знатный времени транжир –
рад, что ты, как прежде, крепок,
и венчает блеск заклёпок
твой начищенный мундир.

Как зачатое наследье
ты пришёл, впитавши медью
судьбы лагерных широт.
Как по глобусу гадаю
путь твой, пройденный до края
исторических щедрот.

Копоть смыть – не смоешь имя,
за кого ты шёл в полымя
с гордо вздёрнутым рожком.
не изноешь волчьей ночью
стон души чернорабочей,
что крестилась кипятком.

В век потравы и распада
среди гламурного парада
ты один душой горяч:
искрою небесной мечен,
по-земному – человечен,
и по-божескому – зряч.

ПУЛКОВСКИЙ ФРОНТ

Пью за Пулковский фронт, за свинцовые будни поэзии –
за юнцов, чьи надежды по-братски в могилы легли,
чьи мечты и сейчас – в заревом, неподкупном железе –
в неизбывном бою на высотах сыновней любви.
Здесь – где не заживают, не рушатся времени рвы,
здесь высокие сны – вопреки огневью и потраве –
на рубежной черте прорастают травой на крови –
в смертной славе, в золотой царскосельской оправе.

ОН В ХРАМ ВХОДИЛ

Он в храм входил по стеночке, сторонкой,
и в боковину шёл, и молча плакал там
под закопчённой свечками иконкой,
а, покидая храм, глядел в глаза попам
с таким прискорбием, что, сотрясаясь в рясах,
они в огне стыда горели, как в проказе;

Клялись и каялись всю ночь с молитвой,
всю ночь толкли грехи под плачи псалтыря.
Но грезился всё ОН – грозой омытый,
со взором пристальным и ясным, как заря, –
как вышел к ним босой из боковой сторонки,
где Богородица высылась иконка.

Всё виделся его скудельный крестик –
огнь ярый от креста на миг занявший храм –
тьмы страждущих чудес, но чуждых чести,
и тьмы иных, где скрыт непокаянный срам.
Сквозь жидкость стен, качавшихся волною,
был виден рыбий блеск ошую аналая.

Слепые иноки – внезапной бурей
при самом входе в храм поваленные ниц,
оборотясь к раскрывшейся лазури,
впивали свет цветком порушенных зениц:
над ночью горечи, где уж брели без силы –
вдруг вознеслось стремительно светило!

Культию чела, порубленную плетью,
баюкал первый – тот, кто, свой аршин любя,
им мерил коммунизм в тамбовском бреде,
а крестную судьбу прикинул на себя.
Второй кричал: «Где Ржев?!» – горелым глазом
зыркал.

А третий – лоб крестил обрывком бескозырки.

ПОКРОВ

О сроках, родная, не знаю я –
не вспять, и стоп-кран не сорвать.
Наш век под пожарищем знамени –
босая Христова трава:

Расхристана ветром неистовым –
с поклоном уходит под снег,
разгладивший землю бугристую,
затверженную в кривизне.

Но память – дитя передряги –
припрячет истории рвань:
нимб лампы в кромешном бараке.
Гармонь. И в алмазах – герань.

И детский фонарь осознания –
сквозь ветхий чердачный кров,
в ответ на огни мироздания
сигналищий: «Здесь – любовь».

ЖИВОПИСЬ

Забыв о времени, об имени своём,
лишь осенённый чувственным сознанием –
смирненным дикарём в счастливом прозябанье
всю ночь со звёздами плыву за окоём.

И растворяюсь в мире этом – смертном,
где суть: не одинок ни человек, ни Бог,
пока животворит магический исток –
горит проектором Глагол ветхозаветный.

И воскресаю лишь в рассветной нови,
как зритель, для кого Господь крутил кино.
И тщусь перенести на полотно
дуэт стрекоз, подсвеченный любовью.

ЧЕРНОЗЁМ

Виктору Коврижных

Темна и голодна дернина дней созревших:
им отданы миров огни, и голоса,
и времена, где ты – их стык! – остался прежним
на тверди, что не раз меняла полюса.

И жизнь моя – в прирост, в исподник травостоя,
где память бытия – всеобщий кровоток,
таинственный замес, творящий всё живое.
Как щедро в нём разлит божественный желток!

Став притчею веков – мы у порога дома,
где ал-раскаян лист к отечеству припал.
И первый снег – простак и простоты потомок –
скатёркой тишины весь белый свет убрал.

Мы – горняя капель, живущая полётом,
с дарующей руки берущая взаём
мгновенный облик лиц и душу как работу,
которую так ждёт небесный чернозём.

ОСЕННИЙ ПЕРЕДЕЛ

Осенний передел похож на поле боя:
шуга реки хрипит, листвою лес истёк,
а подоспевший снег – медбрат страны покоя –
бинтуя широко, над логом занемог.

Клубятся, восстают туманы дней ушедших,
впитавших образ твой, словарь твоих имён,
какие здесь цвели поверх отавы грешной
и на какие я тобой благословлён.

Как трудно мне вратать в мир нового покроя:
жевать бездушный хлеб, пить мёртвых догм

квасок –

и видеть над собою око всеблагое,
под коим в каждый миг я наг и одинок.

Скажи, зачем стою над памятью-рекою,
что рвёт здесь тень мою, упавшую в поток?
Зачем мне дал познать и видеть – что такое,
когда уходит жизнь, та, что любить я смог?

ПО ЖИВОМУ

Тонкий лёд прогибается с треском,
сполох молний под тяжестью шага:
по-над водами с верою детской,
по-над страхом – с недетской отвагой.

Как припомню морозное чудо,
улыбаюсь я – на небо глядя,
даже если целую иуду,
что жуёт втихомолку проклятья.

Верой греюсь, дышу и – шагаю.
Век страстной прогибается с треском.
Не умею втихую по краю:
по-над бездною – с силою крестной.

По гранитам родимого дома,
что мне кровью отцовою завещан
и что рвёт на куски по живому
набегающей гибельной трещиной.

В осмолённой немислимой выси
словно дратвы сквозные прошивы –
это жилы терпения живы
в свете лживо мерцающих истин.

Елена Александренко

Елена Витальевна Александренко – член Союза писателей России, Товарищества детских и юношеских писателей (Москва). Автор десяти поэтических книг. Публиковалась в краевых, столичных и зарубежных литературных изданиях: журналах – «Берега», «Доля», «Наши современники», «Метаморфозы», «Дальний Восток», «Дальняя Россия», «Подъём», «Александръ»; в альманахах – «Литературный Владивосток», «Сто лет поэзии Приморья», «Зоряна криниця» (Украина), «Воскресенье», «Планета друзей» (Ялта), «Ассоль» (Чехия), «Хортус» (Италия), «Стихи мира» (Нью-Йорк).

Её стихотворение «Пока жива берёза» изучается на уроках внеклассного чтения в Царскосельской гимназии искусств имени А. А. Ахматовой. Авторами-исполнителями написано немало песен и романсов на её стихи. Произведения Елены Александренко переведены на английский, немецкий, испанский, итальянский и украинский языки.

Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей в Ярославле (1996). Лауреат нескольких литературных премий Приморья, журнала «Дальний Восток» (Хабаровск, 2003), Премии Владивостока (2004), Международного конкурса детской и юношеской художественной литературы им. А. Н. Толстого (Москва, 2009), литературно-музыкального фестиваля «ЯЛОС» (Ялта, 2015), премии Людмилы Татьянической (Екатеринбург, 2018), премии «Золотая пчела» (Республика Беларусь) с нагрудным знаком «Золотая пчела», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЧУДЕСНЕЕ И ПРОЩЕ

Я напишу о том, о чём нельзя,
Когда вот-вот заденет нас снарядам,
Лишь в миллиметре от виска скользят...
Когда нельзя, то это значит – надо!

Когда на паутинке мир повис
И я забыла час и день недели,
Качнулась жизнь, сорваться можем вниз
И захлебнуться в глупой карусели.

Остаться кровью ягоды на дне,
Где ночи все бессонно дышат жаром.
Узнать не понаслышке о войне
И прикоснуться к этому кошмару.

Бежать от всех, куда-то наугад,
В мелькании рассветов и закатов,
И ощущать, что ты уже солдат,
Хотя ещё ни в чём не виноватый.

И там, где нет покоя тишины,
Там, где опасность иглами под кожей, –
Искать тропинку к дому без войны
И день вчерашний, как подарок Божий.

...И крепость паутинки той сберечь,
И мотылька пыльцу,
В траве слезинку,
И тёплую мою родную речь
Беречь, как муравейник от ботинка.

Знать все цветы в лицо, по именам,
И птиц по голосам в родимой роще,
И босиком бродить по мирным снам –
Что может быть чудеснее и проще!

УЖЕЛИ МИР СОВСЕМ СОШЁЛ С УМА?!

Как вероломный Вий, война слепа,
И даже если приоткрыть ей веки,
Врага в любом увидит человеке,
Оставит след: в воронках – черепа.

Не начертить от зла защитный круг.
В молитве – чёрное не скоро станет белым.
В огне не разобрать: кто враг, кто друг,
Погибнет кто, а кто вернётся целым.

Здесь каждый Родины своей солдат
Или упырь, что послан сатаной...
И кто здесь прав, и кто здесь виноват,
Когда часы идут взрывной волною,

Сметая и деревья, и дома,
Сжигая города и всех прохожих.
Война – безумье или горе от ума?
Начать – в секунды, а остановить – не можем.

Растим, рожаем, строим, создаём
И покоряем новые вершины,
Но кто-то учиняет вдруг погром,
Находит оправдания и причины.

Ужели мир совсем сошёл с ума?!
И мрачный март растёкся мёртвой кляксой...
В любой стране есть мученик – Хома,
И всякий разворачивает флаг свой.

Куда-то ветер гонит вой сирен,
И детский плач,
И крик немого страха...
Мы в день боёв боимся перемен,
И в этом грохоте оглохла даже птаха.

В подвале тёмном, доживая век
И согревая детские ладони,
Смиранный старец молится о всех,
Ища спасение в глубинном звоне.

Взлетают души тех, кто был убит,
И тают тени тех, кто дал команду.
И Бог забыт, до времени забыт,
А рядом с нами свет и белый ангел.

Дороже всех купюр на свете – Мир!
Небес весенних ситцевое знамя!
И солнце в окнах праздничных квартир,
Где каждый счастлив, Украина с нами!

ДУША – ИЗМЕНЧИВОЕ НЕБО

Мы не привыкли жить без снега,
Без солнца и без тишины.
Душа – изменчивое небо,
И мы в него погружены.

Окружены морозной пряжей,
Теплом из хлопка облаков,
Угрюмой тучи серой сажей
И тьмой ночных черновиков.

Мне дорог плат небесно-синий –
То в золоте, то в серебре,
Дождей спасительные линии –
Поток из точек и тире.

И слёз живительная влага
В моей пустыне неспроста –
Преображается бумага,
Как через флейту – пустота.

К МОРЮ

Все приходят сюда успокоиться,
Слёз беззвучных плывёт мольба.
Море ластится: всё устроится!
Море солоно, как судьба.

Здесь разбиты часы песочные,
И безвременье из песка.
Здесь решение приходит точное
Из глубокого далека.

Обоймёт и теплом, и ласкою,
Покачает: Давай, плыви!
Поглядишь на него с опаскою,
И поднимет волна: Живи!

И я верю, что всё исполнится
И осушится боль до дна.
Говорят, что слезами полнится
Моря грозная глубина.

ЭТУ ЖИЗНЬ НАЧИНАЯ СНОВА...

Вновь весну воспеваешь птаха,
Дарит солнце лучей букет,
Как спасение нам от страха,
Что исчезнет на Свете свет.

Воробьи облепили ветку,
У сорок новостей не счесть,
И весну не упрятать в клетку,
А весна – она просто есть.

У неё золотые глазки
И упрямый зелёный чуб.
Сколько нежности, сколько ласки
В жарком омуте вешних губ!

День доверчивый нараспашку,
И небес широка река.
Снова в выстиранных рубашках
Просыпаются облака.

Эту жизнь начиная снова,
Мы стараемся не стареть
И душой обрести обнову,
Словом каждого обогреть.

Мячик солнца поймать в ладони,
В тихом доме его беречь.
Пусть ложится спать на балконе,
Чтобы утро скорей разжечь.

Может, близко война и плаха,
Всюду вирусные бои,
Но поёт заливаясь птаха,
Хорохорятся воробьи.

Разливается лай собачий,
И куда-то бегут ручьи.
Скачет, скачет солнечный мячик,
Удивляется: чьи вы, чьи?

Сердце радуется и тает...
Капли прыгают с тёплых крыш,
И душа твоя расцветает,
И без страха на мир глядишь.

ВСЕГО МГНОВЕНЬЕ

Вся жизнь из сотворений и крушений.
А даль моя читается с листа...
Я круглый год живу в плену сомнений,
И так летуча – мига красота,

Всё время ускользящая мимо.
Её, как взглядом бабочку, ловлю.
И ничего нет невесомей мига
И значимей того, что я люблю.

Не ведаю, что мне судьба пророчит,
О чём на листьях ветер ворожит...
Но дольше мига нет и нет короче.
Какое счастье, хоть мгновенье жить!

Дышать и слышать ветра дуновенье,
Идти за стадом беглых облаков
И помнить: жизнь – всего одно мгновенье,
Где столько соли, сладости и слов!

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ

А птицы так же радостно поют,
И муравей спешит в свой тёплый дом.
Но всё-таки вершится страшный суд,
И люди сами виноваты в нём.

И в том, что умирает русский лес,
И в том, что мы не пашем и не жнём,
И в том, что слово потеряло вес,
И в том, что праздно и легко живём.

И в том, что слаб непросветлённый дух,
А сердце перестало зорким быть.
Не разорвать вины порочный круг,
И от бессилья хочется завить.

Сегодня вся земля заражена,
И из последних сил цветут цветы.
Мы все больны, и жизнь искажена,
А в наказание – свежие кресты.

Когда гуляет между нами страх,
То мы и тонем прямо на мели.
И человеку человек не брат,
Хотя мы все быть братьями могли.

О помощи молящих – столько рук!
Что помутился белый-белый свет.
Всемирною бедой замкнулся круг,
И выхода из круга нет и нет.

А муравей, он всё ещё в пути,
Соломинку свою он тащит в дом.
Возможно ли за всё людей простить?!
За то, что неразумно так живём.

И сколько нам дано на свете жить?
И кто родится в этот скорбный час?
И тоньше тонкого надежды нить,
И сила веры угасает в нас.

ОТКУДА И КУДА

Откуда и куда же я иду,
Несу свой крест, несу свою беду.
А может, до рождения жила,
И так же, как сейчас, куда-то шла.

Но не сжигала за собой мосты,
А только мелом ставила кресты.
Несла грехи, за мною шла молва,
Несла дрянные, грязные слова.

Не знаю я: куда, куда идти,
Когда двоих расходятся пути.
Но есть бездомный путь в моей судьбе –
Мой одинокий путь к самой себе,

Когда сама рисую свой очаг
И счастье в заблудившихся очах...
Сквозь одиночества беззвучный крик,
Я помню каждый шаг и каждый миг.

Растёт в моей глубине незримый храм,
И светом зарастает старый шрам.
И видится мне небо голубей,
Когда кормлю с ладоней голубей.

А если я смогу другим светить,
То, может быть, и Бог меня простит.
И в этом мире, обречённом, хрупком,
Покровом белым станет мне голубка.

Поэзия

Ираида Кельмелене

Ираида Кельмелене – родилась в Риге (Латвия) в 1952 году. Образование среднее техническое, окончила Даугавпилский техникум железнодорожного транспорта. Стаж работы на Латвийской железной дороге – 44 года. В 2004–2017 годах постоянно печаталась в отраслевой газете «Latvijas dzelzceļnieks». Публиковалась в сборнике «Творчество железнодорожников» и альбоме «Жизнь и творчество Валентина Пикуля». Автор двух поэтических сборников. Лауреат журнала «Берега» (Россия) за 2021 год. Имеет публикации в журналах: «Берега» (№ 4(28)-2018, № 6(36)-2019, № 1(43)-2021), «Настоящее время» (Латвия) (№ 5(51), 6(52)-2019), «Корни». Член МАП, член Пушкинского общества Латвии, общества Кришьяниса Барона. Ведущая вокально-поэтических концертов, координатор музыкально-поэтических программ, координатор Творческого объединения «Созвездие».

МОЙ СОН

Мне сон приснился чудный:
Михайловское, осень...
Собор Богоявленский,
Москва и небо в просинь...

Горбатый белый мостик,
Скамья на острове...
Лисички рыжий хвостик
Мелькнул невдалеке...

Гуляла по аллее,
Кружился листопад,
Шагнула чуть правее
И вышла на Арбат...

Всё так переплеталось:
Сельцо, столица, ночь...
Под утро, оказалось,
Ушло виденье прочь.

Заветное желанье –
Вот воплощенье сна:
В нём есть очарованье
И творчества весна.

Невидимую нитью
На жизненном пути
По сердцу и наитию
Мечтаю обрести

Созвучие с творцами,
Мгновений чудный свет.
Завещанный отцами
Божественный завет.

* * *

Природа, музыка и слово –
Единый творческий посыл.
Лишь гению дано толково
Соединить творений пыл.

Но может труженик смиренный
На поприще своём понять:
Дары божественны, нетленны,
И не резон их распылять.

А тот, кто душу закрывает,
Глаза зашорит и живёт,
Свой дом богатством наполняет
Да сытно ест и сладко пьёт,
Теряет светлые мгновенья
Для возрастания души.
И в час великого прозренья
Взмолится: – Жизнь перепиши!

Но за надменные улыбки
Грядёт расплата в сей же час,
Ведь начертания так зыбки,
Соблазны так смущают нас.

И каждый век дорогой торной
Стремится к Истине, спеша.
Но скрыт чертог донине горний
И плачет грешная душа.

Лишь светлых гениев отрада
И вера этот мир хранит.
Быть может, в жизни так и надо...?
И бьются волны о гранит.

* * *

Пойдём гулять по лету...
Как вкусен запах трав.
Ты помнишь песню эту
Молитвенных дубрав?

Земля нагрета солнцем,
Ждёт влаги дождевой,
А озеро – оконцем,
И аист над водой,

И тихое журчанье
Лесного ручейка,
И нежное молчанье,
Когда в руке рука.

Пойдём по пряным травам
До яновых костров.
Обычаям и нравам,
Преданиям отцов

Мы надивимся вволю.
А папоротника цвет
Раскроет нашу долю
В малиновый рассвет.

Пойдём гулять по лету...

* * *

Что должно – совершить,
Отдать или потерять.
Стараться не грешить,
Вершины покорять.

А дальше, дальше что?
За горизонтом Свет
Или провал в Ничто,
Забыв святой завет.

Озвучит пенье птиц
Руладой письмена,
С исписанных страниц
Исчезнут имена.

Песочные часы
Начнут обратный счёт
Сосчитаны власы –
И все грехи в зачёт.

Покорною главой
Приемли до конца
Дарённый жребий свой
От Сына и Отца.

* * *

Дни идут, проходят, мелькают.
Летят, пролетают и тают...
Растворяются в солнечном блике...
Иногда зависают на пике
И срываются, душу пронзая,
Заливая от края до края,
То восторгом любви, то страданьем,
То крушеньем надежд, покаяньем.
А потом, чётко в годы сплетаясь
И уже ничего не касаясь,
Застилают дорогу судьбы,
Пряча след от неравной борьбы.

* * *

Слова – ловушки мыслей, так ведётся.
Задумалась, заваривая чай.
Во что, в конечном счёте, обернётся
Нам свиток слов, что найден невзначай?

Голгофой дни суровые проходят,
Скрепляя нитью мёртвых и живых.
Но главного, увы, не происходит:
За гранью грань, хоть светится триптих.

Но, может, в необычном хороводе
Из букв и запятых, из вещей снов
Проглянет что-то общее и вроде
Рука в руке и нет земных оков.

* * *

Где ты, моя Любовь?
Явью или во сне
Ты опоздала вновь
Песней звучать во мне.

Шепчется звёздный рой:
Счастьем закрыта дверь.
Просится на постой
Время былых потерь.

Стоит ли ворошить
Память календарей?
Нитью цветною шить,
Чтобы забыть скорей.

Пыль вековых дорог,
Стоптаны башмаки.
Очередной виток
Белым платком с руки.

* * *

На улице дождливая погода.
Скребнут ли кошки на душе – не знаю.
У кошек свойственная им природа,
А я хочу понять, зачем страдаю.

Что мне исправить и во что я верю?
Ведь главное: понять и примириться.
Не увеличить горькую потерю
Того, с чем надо к Богу возвратиться.

И, светлым мыслям волю дав большую,
Взглянув на мир от края и до края,
Я с дождиком иду на мировую
И с кошками мирюсь, не упрекая.

Как важно иногда остановиться,
И, на минуту затаив дыханье,
Под шум дождя со всеми примириться,
И душу отпустить на покаянье.

* * *

Я согласна, я согласна
С вами полностью, мой друг.
Вы сказали, жизнь прекрасна...
И сомкнулся дивный круг.

В этом круге хороводом
Лес, поляны и луга.
В этом круге небосводом
Звёздная летит пурга.

От метели до капли
Год один иль шаг один?
Ласточки и свистели
Родом из моих седин.

Все моря и океаны,
Реки все и ручейки
Омывают наши раны
Тёмной силе вопреки.

Машет мельница крылами,
Тонкой струйкою песок,
Молодыми голосами
Наполняется восток.

Жизнь по кругу или в круге,
Ах, затейливый вопрос.
Я не сомневаюсь в друге,
Круг сомкнулся, в землю врос.

* * *

Дайте ноту, дайте строчку:
Я поэму напишу.
В жизни я не ставлю точку,
А мгновением дышу.

Тучи или небо ясно –
Всё по нраву, всё по мне.
Не напрасно сердце страстно,
Опалимо лишь извне.

А когда пора настанет
По спирали восходить,
Ваша строчка не растает
И высокой ноте жить.

Там, куда душа стремится,
Внемля пламени свечи,
Вся поэма сохранится,
Как небесные лучи.

Михаил Болгов

Михаил Иванович Болгов – родился в 1952 году в Воронеже. Окончил электротехнический факультет Воронежского политехнического института. Поэт, коллекционер, президент старейшего воронежского городского поэтического клуба «ЛИК». Автор статей на краеведческие темы в региональной печати. Живёт в Воронеже.

ВИДАЛЬЩИНА

Поэма

А привиделось диво дивное
Чудо чудное причудилось
Что раскрыта тайна – тайная
И из всех как есть последняя

Не раскрыта даже – взломана
С петель двери сбиты сорваны
Словно храм какой разграбленный
На Руси монголов ордами

Словно были злы татаровья
Ободрали всё повыгребли
А защитники хоробрые
Лежат скорчась в три погибели

Где же я-то был – ума не дам
Хоронился что ли прятался
Почему ж тогда умаялся
И в крови доспехи витязя

Почему и конь мой взмыленный
Словно ехал торопился я
И в мешке к седлу привязанном
Кто-то возится шевелится

Как же так о тайна тайная
Как могло всё так случиться-то
Что ни к месту ни ко времени
Я был там где и не надо бы
Не рубился здесь с ордынцами
Не берёг что любо дорого
Не побил собаку врага
Не прогнал его поганого

Где теперь твоё узорочье
Где искать мне дива дивные
Есть ли где какая невидаль
Чудом чудным уцелевшая?!

Только я всё это вымолвил
Только эхо в храме замерло
Как со стен на меня глянули
Со страданьем нерастраченным
Росписи – а как иначе-то?..
Прояснились лики тёмные
И все образы-подобия
Вдруг поожили-зادвигались
Рукавами отираючи
Очи светом напоённые
Огласились своды плачами
По молитвам истомлёнными...

И влетела стая воронов
Заглушая криком стоны их
Ударяя в стены клювами
Хлопоча по-ворониному
Стала лики расковыривать
Раздирать когтями губы им
И одежды тайна золота
Светолитья чуда дивного

Не успел и обернуться я
Ни орлом ни быстрым соколом
Как с плеча вдруг размахнулся и
Не тем словом поминаючи
Трижды прокрестил по воздуху
Меч в моей руке играючи
Трижды свистнул по-соловьему
Трижды вдоль и трижды поперёк
Да ещё присвистнул – в ножны лёг...

И упала стая замертво
Возгорела мутным пламенем
Зачадила задымарила
И обрюзгшим жирным облаком
Поползла цепляясь за стены

За уступы за шербастины
Норовя взобраться до верху
И была уже под сводами
Собралась уж было до ветру
Да по свету осмыгнулась и
Всей своей обрюзгшей тушей-то
Как скользнула вниз в обратную!..

Поддеваема уступами
Да шербатыми захватами
Так по стенам и размазалась
Нечистотами утробными –
По всем росписям и надписям
Слоем жира-сажи-копотии!..

*«Что-то рано ты расхвастался
Удалой доброй ли молодец!.. –
Вдруг каким-то странным голосом
Со двора меня окликнули. –
Разве стали вышним промыслом
Эти осмыги случайные?..
Лики-образы изгажены
Светолитья испоганены
Всюду веет смрадным запахом
Полно скверны свято поприще!
Пораскинъ-ко умом-разумом
Да смекни уж нет ли способа
Как спасти здесь диво дивное
Соскрести ту копотъ жирную
Что легла уж как бы намертво?
Да всю эту желчь утробную
Деть куда чтоб не изгадила
Ничего вокруг да около?..
Эта службишка – не на людях...
А не сделать – жизнь промаешься!
Хотя я уж знаю загодя –
Без меня ты с ней не справишься!»*

Неужели ж я ослышался?
Да неужто уж почудилось?! –
Так невольно мне подумалось
Когда я на голос вышел и
Стал высматривать выглядывать
Кто же мог так разговаривать...

А округа вся как вымерла
Опустела опостылела...

Вижу только что привиделось
Что вначале мне причудилось
Да я вам уже описывал
Что раскрыта тайна тайная
И последняя по истине
И доселе неприступная...

Не раскрыта даже – взломана
С петель двери сбиты сорваны
Словно храм какой разграбленный
На Руси монголов ордами
Словно были злы татаровья
Ободрали всё повыгребли
А защитники хоробрые
Лежат скорчась в три погибели...

Вижу конь стоит по-прежнему
В пене словно торопился я
И в мешке к седлу привязанном...

Тут и вспомнил я о пленнице
О своей добыче редкостной
О которой вам и сказывать
Не хотел – забыл мол дескать...
Уж извольте как известно
И на том сказать спасибо –
Указав на жанр – *«Отрывок
из поэмы»* – так как это
Всегда делают поэты
Когда чувствуют что исчерпаны
Что убоги стали силы
Что их просто не хватило бы
Взрастить выпестовать детище
А признаться в своей немощи –
Так и так мол люди – стыдно...

Не хотел и вам я сказывать
О своей добыче редкостной
Что в мешке к седлу привязанном
Сидит возится шевелится
Да *видальщину* калеченой
Оставлять – теперь – не хочется
Да и самому не терпится
Узнать чем всё дело кончится
Коль она ещё продолжится...

А продолжить – мысль имеется
Что тем самым странным голосом
Со двора меня окликнула
Коль округа вся как вымерла
Не иначе как та пленница...

Захотев вполне увериться
Всё ли так как я разгадывал
Подошёл к мешку камчатному
Развязал сутяг ременчатый
И улитку брюхоногую
Раз два три четырёхрогую
В человеческий рост огромную
С телом в слизи очешуенной

В раковине перламутровой
Красоты неопишуемой
Да к тому ж ещё завернутой
Не как все по ходу времени
А в священном направлении
Супротив его стремления
Ухватил как поудобнее
Из мешка наружу выдернул
Да встряхнул аж чуть не вытряхнул
Говоря ей с нарочитием:
«Тварь какая брюхоногая!
Чешуя твоя сопливая!
Уж не ты ль своим ли голосом
Со двора меня окликнула?
Хвастовство в словах услышала
Хоть они мне – зелья горького!»

Тут она расквасив рыльце
Не с тем делом скоробливая
Таковым бесцеремонием
С видом очень уж обидливым
Пошевеливая брыльями
Изронила слово чудное
Словно выкатив жемчужину
С золотыми переливами
Говорила так диковинно
Что не понял половины я
Зато помню всё доподлинно
С чего начато чем кончено
Всё что было мной услышано
От той твари брюхоногой... «А
Горевать доброй ли молодец
Что всё этак получилось-то
Коль ни к месту ни ко времени
Ты был там где и не надо бы
Не рубился здесь с ордынцами
Не берёг что любо дорого
Не побил собаку врага
Не прогнал его поганого
Не спеши а прежде выслушай
Всё что лишь тебе и выскажу...
Испокон веков так водится
И с тех пор у вас пословица
“Что желаешь утаить –
То само заговорит”
Молвит слово странным голосом
Явится волшебным образом
И сослужит службу верную
Коль добро какое помнится
За добро и я невольница
Им и речь моя исполнится...

*Далеко в воображении
За пределами видения
Где кончается безвременье
И идёт начало разуму
Простирается великая
Завитая перевитая
На спираль его развития
Раковина изобилия*

*В ней жестока и безжалостна
Живёт мать моя родимая
Её мантия – материя
Её жемчуг – звёзды светлые
Её пища – всё что вымерло
Что исчезло – ею съедено*

*Все кто кажутся ей лишними
На разумный глад пригодливы
Пусть хоть мы ей дети родные
Будут ею в срок отобранны
И проглочены и близилась
По тем срокам моя очередь
За что спас меня от гибели
Даже сам того не ведая
И назвав добычей редкостной
Перенёс в своё видение
Сослужу я службу верную
Да обиду свою первую
На тебя доброй ли молодец
Сброшу вместе с этим обликом
Твари гада брюхоногова...»*

И из раковины выскользнув
Прямо оземь и ударилась
Обернулась девой юною
Разметала русы волосы
И в ладони громко хлопнула
Таковое слово молвила:

– Эй вы твари брюхоногие
Черепные и убогие
Завитые перевитые
И крутыми пирамидами
И завоями пологими

*И смертельно ядовитые
И смиренно необидные
И красивые и так себе
И уродцы безобразные
Травоядные и хищные
С плотоядными утробами
Вас зовёт хозяйка добрая
На пир трапезу великую!..*

Эй обжоры мои милые
Вы придите поспешите-ко
Из строенья многодивного
Скверну гиблую вылизывать
Выскребайте стены дочиста
Чтоб и духу её не было
Угодите добру молодцу
За хозяйкино спасение
Чтобы вновь его видение
Всех дивило чудо-рописью

Чтобы лики заслеплённые
Вновь прозрели и провидели
Вы в глазницы их расклёванные
Вставьте ясные жемчужины
С золотыми переливами

Изукрашивайте рубища
Дорогими перламутрами
По лазоревому светлыми
Чтоб под сумрачными сводами
Сей разграбленной обители
Разыгралось светолитие
Как под сводами небесными!..

Чтобы тьмы и тьмы паломников
Духом схожих с пилигримами
Шли к вратам её с поклонами
Взалкав тайны чуда дивного
Где даны в награду каждому
И красивому и страшному
Будут перлы самокатные
Злата слова самовитого

Чью невиданную раковину
Красоты неопикуемой
Держит он в руках и сидючи
На огромной глыбе каменной
Недвижим как изваяние
Её гулом песней чудною

Как сказанье стародавнее
Коя льётся неоскудная
Не как все по ходу времени
А в священном направлении
Супротив его стремления
Приадумавшись заслушался

И поддавшись искушению
Верить своему видению
Вдруг перо из оперения
Калёной стрелы что кстати так
Уцелела с битв неправедных
Изловчась наотмашь выхватил
На кусках того пергамента
Что разодраны раскиданы
Были ордами татаровья
И оставшихся от надписей
Уцелевших слов таинственных
Не меняя и не двигая
Стал записывать сказания
Да перо своё обмакивать
В днесь растущие стремительно
Волны дивна светолития...

Умолкала дева юная
Брала свечку воску ярова
Кверху комлем её ставила
На погибель всем обидчикам –
Ах, как орд подобных много-то!..

А тем временем расчищены
Прояснились лики тёмные
И все образы-подобия
Все поожили задвигались
Рукавами отираючи
Свои очи просветлённые

Огласились своды плачами
Всё прозревших и провидевших...

Поэзия

Владимир Стрижов

Владимир Васильевич Стрижов – родился в Ленинграде в 1954 году. Вырос в городе Зеленоградске Калининградской области. Окончил физико-математический факультет Калининградского государственного университета. Круг интересов, кроме искусства, – Мироздание и Человек. Четыре главных вопроса: Что? Как? Почему? и главное – Зачем?!

* * *

Искусство существует потому,
Что мир людей непроходимо скучен
И заточён в трёхмерную тюрьму,
Где властью тела до смерти замучен.

Художник существует потому,
Что через Лету видит правый берег.
Но здесь, сейчас, на левом берегу,
Он бьётся лбом в незапертые двери.

И лодочник по имени Харон
Спокойно ждёт означенного срока
На переправе окончания времён,
Когда исполнится предвестие Пророков.

* * *

Человек рождён для свободы,
Хоть зависим во всём и всегда.
Но небес безграничные воды
Омывают его берега.

Свет недавно забытого Дома
Горизонта скрывает черта.
И нездешняя, с ветром знакомым,
Долетает оттуда тоска.

Только вольные мысли как птицы –
Не встречают преграды нигде.
Вслед за ними, когда мне не спится,
Я иду к Горизонта черте.

И туда, куда солнце уходит,
Строит каждый свои корабли.
Потому как – рождён для свободы.
Потому как – рождён для любви.

* * *

Осколки прошлого
разбросаны повсюду.
По ним не стоит босиком гулять.
И уж тем более
надеяться на чудо:
Обратно в целое разбитое собрать.

Там в зеркалах твоих
законы отражений
Меняют правое на левое всегда.
И бродят в памяти
придуманные тени.
И полнят сказками историю года.

* * *

Когда останешься один,
Неплохо б знать, с кем ты остался?
Тот, кто был всеми так «любим»,
Ты с ним знаком? Не обознался?

Что здесь является твоим?
Свобода, мысли, дом, работа?!
Когда останешься один,
С тобой останется хоть что-то?!

И есть ли ты один без всех,
С кем ты, казалось бы, общался?
И был ли Тот, кто в этих тех
ТЕБЯ любил? С ТОБОЙ встречался?

Да что ты знаешь о СЕБЕ?!
Для идентичности, хотя бы...
И Что в дороге по судьбе
Тобой рулит по всем ухабам?

* * *

Опасней Женщины
 игрушки нет на свете.
 И если ты Мужчина – должен знать о том,
 Что нет печальней о
 Ромео и Джульетте
 Повествования в собрании людском.
 Играть в войну?! Так «там»
 рискуешь Этой жизнью.
 А в играх с Женщиной рискуешь жизнью Той!
 Война – хотя бы долг:
 служить «Своей Отчизне».
 А в танце с Женщиной – там вальс уже не Твой!

* * *

Насколько разные ответы
 И тайны ждут в конце пути:
 Для Тёмных – это конец света,
 Для Светлых – это конец тьмы.

Насколько разные желанья
 Диктует рукопись проблем:
 Одним – заботы «выживанья»,
 Другим – «Что дальше? И... Зачем?»

* * *

«Чем гуще тьма, тем ярче звёзды»
 В ночи сияют высотой,
 Когда не рано и не поздно
 Светить над грешною землёй.

Пока сакральную незримость
 Чернильный занавес хранит,
 Есть лишь покой и недвижимость.
 И Тот, кто Смотрит. Кто – не спит.

* * *

Создатель – тот,
 Кто конструирует Реальность.
 Но Бог!
 Он есть Источник Бытия.
 Так Вдохновение предшествует Созданию,
 Так и Любовь –
 есть Мать Соития.

Поэт –
 разрозненное в Целое слагает
 И с Музой ночь проводит до утра.
 Себя –
 он Автором бессовестно считает.
 Но Дух велит движениям пера.

* * *

Печаль моя о судьбах мира,
 По человеческим делам.
 Сижу в измученной квартире –
 То пьяный в дым, то трезвый в хлам.

То странно этим наслаждаясь,
 Как блеском кортика в руке.
 То постоянно ожидая
 Удар, таящийся в клинке.

Как скор и дерзок он в отваге!
 Спешит отсечь стальным пером
 Куски исписанной бумаги,
 Что были девственным листом.

Нет! Самому рубить придётся
 Слов наседающую рать,
 Пока, до чёртиков, неймётся
 Пером, как сабелькой, махать!

* * *

Он знал её, как узнаёт мгновенно
 Прикосновением рука
 Чертоги тайны сокровенной
 За шёлком завеси окна,

Когда, испуганным движеньем
 Раздвинув тяжести гардин,
 Он с ужасом и облегченьем
 Вдруг осознал, что с ней – один.

Он знал, что под бельём и кожей,
 Как яркий, сочный апельсин,
 Она скрывает мякоть. Всё же
 Среди неё – он был один.

И полудетские стенанья,
 Что мир немислим, слеп и глух,
 Она с лукавым оправданьем
 В кольце топила своих рук:

«Какой же ты ещё Ребёнок! –
 Шептали губы у виска. –
 Ну, хватит плакать из пелёнок,
 Что нет в песочнице песка».

Он знал, что без неё не сможет
 И ею лишь одной храним.
 Так ночь питает день. Но всё же
 Он без неё и с ней – один.

Поэзия

Анатолий Мартынов

Анатолий Мартынов – родился в городе Советске Калининградской области. Имеет высшее филологическое образование. Работает в Калининградском художественно-промышленном техникуме мастером-ювелиром. Пишет стихи, прозу. Им изданы четыре поэтических сборника и сборник повестей, рассказов, пьес. Возглавляет два литературных объединения и «Эклога».

САМ ЗАПЕЛ ВДРУГ СОЛОВЬЁМ

Ночью дождь прошёл желанный,
Жажду клёнов утолил он
И моих любимых лилий.
Это туча щедрой дланью
Одарила отчий край –
Так она встречала май.

В липах зазвучали гаммы
Новой солнечной программы,
Автор – местный соловей.
Я с простудою своей,
Как обычный с виду хроник,
Опершись о подоконник,
Принял парацетамола,
Что-то про себя промолвил...

Тут меня и осенило:
Это же моя Россия.
Боже, как она красива!
Из раскрытого окна
Синь её очей видна.
Глядя в них, как в водоём,
Сам запел вдруг соловьём.

Я «ВТОРОЙ НАТУРЕ» ВЕРЕН

Перепёлкой ранний луч
Пробежал по лугу.
Следом – тени, солнца слуги,
И лисица – редкий случай.
А ещё, через мгновенье,
Вижу я другие тени.
Это гуси день весенний
Нам несут на крыльях пенных.
Да и сам я тем же следом,
Только на велосипеде.

Я «второй натуре»¹ верен –
Страсти, может быть, чрезмерной,
К рыбной ловле под лазурью
Неба в вечности разумной.
В этой вечности – повисший
Голос жаворонка вещий:
У весны святая внешность.
Набухают почки вишен...
Я сижу у тальника
С лёгкой удочкой в руках.

ПОРТРЕТ

С утра портрет свой растреножил.
И вот опять я кисть тревожу.
Мешаю краски и ищу
Цвет радости и вдохновенья.
И этим цветом напишу
Я твой портрет, моя царевна.

А за окошком бел и свеж
Ложится снег на побережье,
На все дома и церкви крест...
Зима нам пишет свой портрет.

Я – ЧЕЛОВЕК, ЗЕМЛИ СОЗДАНИЕ

Я выключаю темень,
Ищу себя потерянного.
А в ней моё земное время
И то, живущее вне нас,
Немерное пространство,
Где нет границ, лишь Божий глаз
Без всякой надобности странствий
Отслеживает звёздный пласт
И все законы мироздания.

¹ Привычка.

Я – человек, Земли создание.
 И между будущим и прошлым
 Я – только миг, тростинка, но
 Весь этот мир всегда со мной.
 Я счастлив в нём как в час пороши,
 Так и в дождливый перепляс.
 И первый раз в свой первый класс
 Спешит мой младший внук.
 А у меня от радости захватывает дух.

ЭТОТ МИГ

Месяц высветил в пене волн
 Манускрипта седого пророчество:
 В этот час на пустынный перрон
 Поезд выплеснет два одиночества.
 Им бы слиться – ещё не поздно.
 Этот миг... Отчего он зависит?
 С неба падают жаркие звёзды,
 Обращаясь в осенние листья.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мотыльком невесомым, отчаянным
 Залетел он в судьбу вашу женскую.
 Поздравляли и что-то кричали вам
 И кружились легко в вальсе венском вы.
 Он плескался в бокалах шампанского,
 На гитаре играл, семиструночке,
 И стихи, переводы с испанского,
 На балконе читал, стоя с рюмочкой.
 Поиграл бы в снежки, как в юности,
 Но зиме-то у нас не зимуется.
 Да и время сейчас – время августа.
 Но зато по-мальчишески запросто
 Утвердился легко в своём авторстве
 И пришёл, как всегда, потаённой тропой
 День рождения тридцать восьмой.

МАЛОСТЬ

Мне нужна такая малость,
 Чтоб жила подольше мама,
 Чтобы в люди вышел сын,
 Чтоб жена моя косынкой
 Не махала мужу вслед
 В дни тревог и смертных бед,
 Чтоб всегда в семье был хлеб,
 Чтобы Русь моя святая
 И жила и процветала
 Всем Америкам на зависть –
 Вот такая моя малость.

Я ТЕБЯ ВЛЮБИТЬ ХОТЕЛ БЫ

Я тебя влюбить хотел бы в эту березь,
 в эту прелесть,
 Что листом плакучим стелет под ногой
 твою аллею.

Я тебя влюбить хотел бы в эту солнечную речку,
 В это сладкое журчанье, именуемое речью.

Я тебя влюбить хотел бы в свой рояль,
 давно который
 На тебя, моя Изора, без конца бросает взоры.

Я тебя влюбить хотел бы в наши
 солнечные камни,
 Что зовутся необычно и так ярко янтарями.

Я тебя влюбить хотел бы в друга лучшего,
 да только
 Шип очей твоих бездонных входит в сердце
 сладко, колко.

БОЛЬШЕ ТЕХ, КОМУ ВСЁ МАЛО

Человеку надо мало.
 Но таких на свете мало.
 У меня забор украли.
 У соседа десять соток
 Откарманили земли.
 А на ней свечной заводик
 Этак ловко возвели.
 На вчерашнем хлебном месте¹
 Выросло домов «штук» двести,
 Дорогих, поди, усадеб.
 Газ, вода, в шесть соток садик
 Ну и прочие удобства,
 Лишь бы дальше от холопства.
 С обитателями явно
 Согласишься разве спьяну.
 Не забыли и заборы,
 Ведь вокруг такие воры!
 Как сказал сосед мой Боря:
 – Совесть прячут за забором.
 Задаю вопрос не праздный:
 – Дважды ль в жизни платит жадный?
 Да и есть ли совесть в жадном,
 Коль такого душит жаба.

¹ Хлебное поле.

Геннадий Петренко

Геннадий Вячеславович Петренко – родился в 1964 году в селе Александровка Павловского района Воронежской области. Окончил Павловское педагогическое училище, исторический факультет Воронежского педагогического института.

Член литературного объединения «Донские родники». Публиковался в районных газетах, коллективных сборниках, в журналах «Подъём», «Волга – XXI век», в виртуальных изданиях – на сайте «Российский писатель», в электронных журналах «Literra: Территория литературы и искусства», «МолОко» («Молодое Око»), на сайте журнала «ЭкоГрад». Автор книг: «Из истории села Бабка» (2002), «На распыляющих ветрах...» (2019), «Как дождь ни лей» (2020), «Дом на восьми ветрах» (2020).

Дипломант и лауреат поэтических фестивалей: «Калитвянский причал», «У Шиповой дубравы», «Батька Дон», «Воронцовая Русь» и др. Обладатель Гран-при фестиваля «Калитвянский причал» (2019). Живёт в Павловске.

ЖИЗНЬ НА БЕРЕГУ

* * *

Туман горбатится над речкой – выше трав...
Спешу проторенной дорожкой к дому,
а нагота растрёпанных дубрав
всё тянет ветви к солнцу золотому.

Он, этот день, особенно красив:
осенней прелестью осыпана округа,
и не смолкает шум плакучих ив
над жухлой зеленью нескошенного луга.

В их робкой песне столько грустных тем,
но – жизнь сквозит в их трепетном движенье!
Букет расцветших белых хризантем
тебе несущая, родная, в день рождения...

* * *

Вот она, дикая груша,
в яркий осенний цвет!
Тронет красою душу...
А будто б – ей дела нет:

стоит, напитавшись ветром,
в гниющих плодах, в траве –
от берега в паре метров
в естественном божестве...

Плоды б в чугунок – да в печку!
И детство напомним вдруг
их сладостный, густо-млечный
грушёвый – нет! – русский дух.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ...

А Родина – и озеро, и речка,
и на ладони капли родника,
с лежанкой русская натопленная печка
и нежные над лесом облака...

Старинной книги ветхая обложка,
церковная сторожка на селе,
за огородом узенькая стёжка
и поле на распаханной земле.

* * *

Обнажились вороньи жилища,
понависли на голых суках...
Их жильцы пропитание ищут
на раздольных полях и лугах.

Здесь, в глубинке, им – воля-раздолье
на дорожных густых полосах!
Гулы ветра пронзительно-больно
обвивают тропинки в лесах.

Всё одно: темноватая осень,
чёрствый след – и парит воронья.
И меня, может, кто-нибудь спросит:
«Здесь ли было жилище твоё?..»

* * *

Перекричать бы эту тишину
и, не боясь не сказанного слова,
из бездны Истину вычерпывать одну,
к поверхности водицы родниковой.

* * *

А что до вишен загнанной собаке?
 В зверином мире красная – лишь кровь
 и плоть...
 Вот гон мышей в цветущем злаке
 ей снился – в радость,
 да хозяина любовь...
 Терпеть под деревом пусть тесную – но будку,
 носить короткую, с ошейником, но цепь –
 лишь для него...
 Загавкала б не в шутку
 на вольную задумчивую степь!..
 Зачем теперь ей сад у дяди Вани?
 Пусть птицам впрок пойдут созревшие плоды –
 устала, спит...
 Последнее дыханье
 взлетает ввысь до утренней звезды.

ДНЕВНОЙ ДОЗОР

Рассеян, с утренним туманом
 над меловой горою, день
 шёл по заветренным полянам
 вдоль старых русских деревень...

И, только колокольным звоном
 в обеденный пробившись час –
 во тьме исчез за Тихим Доном,
 утратив с нашим веком связь.

* * *

Зажав узлом четыре уха,
 я в тряпке осень унесу –
 рыжеволосая старуха
 ещё не сбросила красу:
 плащом помахивает рваным,
 заплаты дождь к асфальту бьёт...
 Но в продырявленном кармане
 не удержать Вселенной ход.

И я сменю четыре уха
 на одноногий инструмент,
 чтоб белоснежные краюхи
 сгребать – до новых перемен.

* * *

Прощальный взмах осеннего листа,
 полёт по ветру в бездну... Приземленье.

Здесь от печали нет нам избавленья –
 лишь скорби след, да неба пустота,
 да мокрый след осеннего листа...

КОЛОДЕЦ

Предчувствуя слепое невезенье
 и горькие превратности судьбы,
 сильней, как цепь, натягиваю звенья
 в процессе добывания воды.

В святом глотке оттягиваю время,
 укореняясь прочно на земле,
 зачерпывая тайны исцеленья
 Вселенной, потянувшейся ко мне.

НА БЕРЕГУ

Прошлогодний камыш
 скошен намертво режущим ветром,
 из уложенных стрел –
 горы мусора на берегу...
 Что же нового здесь,
 в позабытом краю неприметном,
 в зеленеющих тропях
 на просторном весеннем лугу?

Те же воды текут
 и впадают в моря-океаны,
 то же солнце вверху
 греет спины проснувшихся рыб.
 И в низины заходят,
 облаками движимы, туманы –
 мимо белых берёз
 к старым ивам в затонный изгиб.
 А крапива –
 ещё ниже маленьких сочных травинок –
 тянет вверх бахрому,
 пелену нежным листьям прядёт...

Но, свидетель дорог,
 шаткий мост из дубовых жердинок
 растревоженно скрипнет –
 и в сердце печаль снизойдёт.

* * *

Пахнет печка древней Русью.
 Невесомый дым с трубы
 веет бабушкиной грустью
 прожитой уже судьбы...
 Куличи с большой горбушкой
 сладко стынут на столе,
 и лампадка в избушке
 чуть коптит на фитиле.
 Вот и яйца расписные –
 Пасха, Пасха на дворе!..
 Корни наши родовые –
 в алой утренней заре.

Валентина Гордова

Валентина Сергеевна Гордова (Беляева) – родилась в городе Цивильске Чувашской АССР, окончила Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Литературный институт имени А. М. Горького (семинар С. Ю. Куняева). Под псевдонимом «Валентина Беляева» опубликованы сборники стихотворений «Аритмия» (2002), «Мирское» (2010). Кандидат медицинских наук, преподаёт гистологию в Балтийском федеральном университете имени И. Канта.

СПУСКАЯСЬ К МОРЮ

По ступенькам обледеневшим
Моря шум послушать спускалась.
Кто-то верит, что может вещим
Сон быть, верит, что жить осталось

Столько, сколько решит кукушка,
Сколько скажут руны и карты.
Кто-то верит, что жизнь – полушка,
Если два рубля до зарплаты

Остаётся с того аванса,
Раз за разом и постоянно,
Кто-то верит, что раз пасьянсы
не сошлись, то в судьбе неладно.

Что судьба? Да откуда знаешь,
Сможешь ли ты с утра проснуться?
Кто-то что-то. А ты желаешь
Со ступенек не навернуться

Скольких, к морю сейчас желаешь
Без потерь спуститься неспешно
и на каждый шаг повторяешь:
«Боже, милостив буди мне грешной».

* * *

Жизнь – до чего она проста,
По ряду да по петельке,
От Рождества до Рождества,
От Сретенья до Сретенья.

Не гневайся, не множь стыда,
Молись – и всё устроится.
От Пасхи и до Пасхи да
от Троицы до Троицы.

Когда-то ж надо верить в ложь,
Но наступает выслуга –
Уже не веришь. И живёшь
От приступа до приступа.

ХОР АВТОРЕМОНТНОГО ЗАВОДА

Менялась, столько раз менялась мода,
Никто не повторит наверняка
Тот хор авторемонтного завода
На деревянной сцене РДК.

Умели петь они иль не умели,
Те люди, что стояли в два ряда,
Но дети с восхищением смотрели
На то, что не вернётся никогда.

А в песнях тех советские солдаты
Домой с войны дорогой шли степной,
Вели орлят безусые комбаты,
Шёл через рощи парень молодой,

В тех песнях Ленин жил в весне и в каждом,
Летел в туман клин белых журавлей...
Умели петь? Да разве это важно,
Когда концерта не было главней

Для тех детей, которые от сцены
Восторженных не отрывали глаз, –
На сцене папа пел и мама пела...
И не осталось ничего сейчас

От городка, не то что от завода,
Не возвращайся – детства не найдёшь.
Но кто поймёт, что ты не мимоходом
порой про степь донецкую поёшь?

НИКУДА ВДОГОНКУ

Но небо здесь какое-то чужое,
хоть звёзды я в созвездья собираю,
и вот он, ковш большой, но из него
не то что выпить, не налить ни капли,
такой он тут зимою вертикальный...
И да, мне всё равно, что скажешь ты
про то, что мой стишок несовершенен,
поскольку никому никто не должен
уж ничего, вообще, совсем от слова,
мне не слабо предлоги переставить,
ты всё равно читать его не будешь,
два года, как прошло с последней встречи,
букет бордовых роз – и до свиданья,
хотя бы я с тобою попрощалась,
и, знаешь что, я всё ещё не верю,
что мы с тобой могли не повстречаться,
и всё тогда сложилось бы иначе,
но вот я здесь, смотрю в чужое небо
и по привычке собираю звёзды
в знакомые по атласу фигурки,
и пусто оттого, что мы бы вряд ли,
останься ты в живых, поговорили,
переросла тебя, как ты хотел. Успела.
А ты ведь так и не узнал об этом.

* * *

Вот оно и подалось,
Это нежное сердечко,
Не увидимся, конечно,
Это даже не вопрос.

Вот пошёл обратный счёт,
Вот пока что на недели,
И хоть что теперь ты делай,
Не успеешь на расчёт.

Мне не страшно уходить,
Мысль об этом не довлеет.
Пусть успеет, кто успеет,
На прощанье навестить.

Отпуск взять, купить билет
И приехать повидаться,
Может, с кем-то, только, братцы,
Это не со мною, нет.

Не проститься, не простить.
Этот бой без перерыва.
Мчитя тройка вдоль обрыва.
Только вожжи отпустить.

* * *

Мотив знакомой старой песни,
из полого в пустое лить.
– Скажи мне, что в остатке, если
дождь – и на мыло разделить?

Кому ночные слёзы сладки,
кому полынью бланманже.
– На мыло дождь делить с остатком
давно не пробуют уже.

Всё слишком было. С лишком было.
Довольно Кесарю монет.

.....
А ты всё делишь дождь на мыло,
И всё не сходится ответ.

ПРОБНАЯ ПОПЫТКА ЭЛЕГИИ

Когда понимаешь, что хватит терпения,
что хватит ума, и рассудка, и смысла,
тогда превращается стихотворение
в застывшую копию проблеска мысли,
лишённую той непосредственной радости,
что вмиг выбивает слова из размера.
Но разве кто может вкуснее тех сладостей,
которые мама готовить умела,
тех самых порой пригоревших пирожных,
того мармелада и той карамели?
По правилам строчки как надобно сложишь,
но промысел Божий ничто не заменит.
Да сколько угодно ваяй для эстетики,
и пусть восхищаются люди искусством;
спаяешь созвучия и арифметику,
и вот на листе уже даже не пусто.
Червонной ли дурью, тоской ли вокзальной
тебя обоймёт, по живому обгложет,
по этому поводу универсальное
есть средство: работай, молись, и поможет.

* * *

Подчеркни или вычеркни лишнее, на посмеяться,
не люблю не тебя не постель не твою не согрею,
а святым ли пророком пришёл, Дорианом ли Греем,
проходящим ли мимо пришёл, от судьбы ли паяцем,
подчеркни или вычеркни лишнее, чтоб понимала,
забежал просто так, есть дела, дома кофе весь вышел,
пригласить погулять, потихоньку поехала крыша,
много в мире причин и предлогов по ходу немало;
подчеркни или вычеркни лишнее, хватит лукавить,
просто выбери что-то поближе и сделай пометы,
без оглядки на мнения и без поправки на лето,
без надежды прийти ещё раз, чтобы что-то исправить.

* * *

Если ты мне приснишься, то я улыбнусь – к дождю,
И возьму с собой зонт, и, конечно же, он пригодится.
Это просто вода, если хочешь, водичка, водица,
я когда-то решила, что если с тобой не водиться,
то избавлюсь от этого на непонятное «Тю!».

Если ты мне приснишься, то я улыбнусь – зачем
перекушала на ночь пельменей, залив майонезом.
Мы с тобой никогда не разбавим наш рэйв полонезом.
Отвалилась нога, так её заменяют протезом,
а душа отвалилась – её не заменишь ничем.

Если ты мне приснишься, то я улыбнусь – опять
у него рецидив этих вечных любовных мучений,
или, может, от скуки он ищет себе приключений,
или где-то в миру он настолько огрѐб огорчений,
что ему и за счастье ночами меня проверять.

Если ты мне приснишься. Хотя улыбнусь и так.
Мне не надо причин, чтобы утром уметь улыбаться.
Я и снов-то не помню, не то чтоб сквозь них продираться.
Тот, кто ищет, всегда обнаружит к чему бы придраться.
Редкий день, выходя, не хватаю с собою – зонта.

ДЕЖУРНАЯ САНИТАРКА

«Вот что значит загнать себя на подлодку,
под расчёт получить баланду и две колодки», –
говорит она, впрочем, всегда в охотку,
когда выпьет четвёртую стопку водки.

Говорит она сирым альтиком и тихо плачет,
что уже так давно для него ничего не значит,
хризантемы совсем повяли на старой даче
и давление как-то странно берёт и скачет.

Всё слова и слова, подожди – и ждала, покуда
вдруг не стала из ловких рук выпадать посуда,
десять лет всё никак не кончатся пересуды,
а любовь, ведь она не долг, не кредит, не ссуда.

Не вернёшь, что отдал, ни судом, ни мольбой, ни боем,
сколько взглядом своим по ночам ни буравь обои,
только кто согласится платить за любовь любовью,
вот и небо опять издевательски голубое.

А когда-то он был медбратом, пошёл учиться,
улыбался, когда стучал по её ключицам,
говорят, много кто готов у него лечиться,
и теперь с ней уже ничего, ничего уже не случится.

Берега юбилеев

К 130-летию Константина Паустовского

Николай Головкин

Николай Алексеевич Головкин – поэт, прозаик, публицист. Стихи переводились и издавались на болгарском языке. Публиковался в литературных альманахах, журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Туркмени, Болгарии. В 2010 году стал лауреатом Международного Рубцовского конкурса «Звезда полей». Автор восьми книг стихов и прозы. Книга «Птица-память. Стихи и эссе к 70-летию Великой Победы» награждена Золотым дипломом VI Международного славянского литературного форума VI Славянского форума искусств «Золотой Витязь» (2015). Член Союза писателей России. Член Союза писателей XXI века. Член Союза театральных деятелей России. Член Союза журналистов России. В 2017 году Комитетом по общественным наградам России Союза Городов-Героев и Городов Воинской Славы (председатель – дважды Герой Советского Союза генерал-майор лётчик-космонавт В. В. Горбатко) награждён орденом «За службу России». Живёт в Москве и Дмитрове.

«НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕЛЬЗЯ БРОСАТЬ СВОЮ СТРАНУ. И СВОЙ НАРОД...»

31 мая исполнилось 130 лет со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968). Мастер лирической, философской прозы, пронизанной христианскими мотивами, этот классик русской литературы и ныне один из самых читаемых не только в России, но и далеко за её пределами.

Господь зримо и незримо присутствует в произведениях писателя на протяжении всей его жизни. В декабре 1920 года в своём дневнике Паустовский сделал такую запись:

«<...> Бог прислал меня на землю с даром красок. Поэтому я – художник. Я остро чувствую краски и настроения дней, хотя близорук. И в людях я чувствую краски их души. Пишу, и слова ложатся мазками, как краска на холст, и вся моя мысль – в этих тонах... золотеющих, насыщенных внутренней теплотой. <...> Я мыслю сердцем. Может быть, потому так быстро сгорает жизнь. <...> Я вряд ли создам что-нибудь дельное. Но я могу написать несколько прекрасных строк о свете лампадок и вечернем чае в тёплой, уютной столовой <...>».

А чуть дальше в дневнике есть такая запись:

«<...> Святки, Рождество и Пасха – самые душистые праздники в жизни <...>».

...За свою жизнь Константин Георгиевич неоднократно менял профессии, очарованный «музой дальних странствий», набирался впечатлений, которые потом очень пригодились на писательской стезе.

Когда Паустовский стал журналистом и писателем, география его поездок ещё больше расширилась – он объездил почти весь Советский Союз, позже, уже хорошо известный за рубежами Отечества, бывал во Франции и Италии, Англии и Болгарии...

«<...> Почти каждая моя книга – это поездка. Или, вернее, каждая поездка – это книга <...>», – напишет писатель в своей автобиографии.

...В 1960-е для многих советских читателей, и верующих, и неверующих, кого привлекло своей гуманистической направленностью творчество писателя, Константин Георгиевич был не только мастером слова, но и – что так важно в писателе – эталоном порядочности.

Когда в 1963 году в Советском Союзе проводился опрос о самом читаемом в нашей стране писателе, таковым, к радости его почитателей, был назван Паустовский.

Незаметно из выдающегося русского писателя, жившего в советскую эпоху, Паустовский стал величиной европейской и мировой культуры.

Вот и сегодня его творчество привлекает внимание всё новых и новых поколений читателей.

* * *

«Москва златоглавая» – родной город будущего писателя. Здесь он родился 31 (18) мая 1892 года в семье отставного унтер-офицера II разряда, железнодорожного статистика Георгия Максимовича Паустовского.

У Константина ещё были старшие братья Вадим и Борис и сестра Галина. Оба брата писателя в один день погибли на фронтах Первой мировой войны.

В романе «Романтики» (1935) он посвятит Москве такие вдохновенные строки:

«<...> Ничем нельзя убить Москву. Уничтожить её сущность, её душу – нельзя.

<...> Сквозь пожары и революции, великие войны и колокольный звон, бунты и покаяния, сквозь море народных движений, приниженность и скуку – она пройдёт, как монолит, и сохранит свой облик – во сто крат более прекрасный. На перевале веков, культур он станет особенно чётко – этот облик Москвы, вечного города, которому будет молиться вся Россия, всё человечество <...>».

...Семья Паустовских имела украинско-польско-турецкие корни и проживала в Гранатном переулке Москвы.

«<...> Место рождения писателя в Гранатном переулке не сохранилось, – рассказывает московский экскурсовод Ирина Чичкина. – По схеме, нарисованной им, это был один из флигелей усадьбы Зубовых-Леонтьевых, выходивший окнами на Спиридоновку <...>».

Дедушка писателя по отцовской линии, Паустовский Максим Григорьевич, был казаком, служил в армии Николая I обыкновенным солдатом. В ходе русско-турецкой войны он попал в плен и привёз домой жену-турчанку. Бабушка писателя при рождении получила имя Фатъма, но после принятия христианской веры её звали Гонората.

По линии отца Константин Георгиевич являлся прямым потомком гетмана Сагайдачного.

«<...> Крестили мальчика в церкви св. Георгия Победоносца на углу Малой Никитской и Георгиевского (ныне Вспольного переулка) 11 августа 1892 года, – рассказывает Ирина Чичкина. – В метрической записи были указаны родители – отставной унтер-офицер 2 разряда из вольноопределяющихся из мещан Киевской губернии, Васильковского уезда, Георгий Максимович Паустовский, и законная жена его Мария Григорьевна, оба православного вероисповедания. Восприемниками были: числящийся из армейской пехоты поручик Иосиф Григорьевич Высочанский (дядя) и вдова надворного советника Терезия Ивановна Минят. Крестил священник Сергей Садковский. <...> В этом храме венчался П. И. Чайковский с А. Милюковой. Снесли церковь в 1932–33 годах и выстроили “Дом радиовещания и звукозаписи” (Малая Никитская, 24) <...>».

Бабушка писателя по материнской линии, Викентия Ивановна, жила в Черкассах. Она была из старого польского рода Высочанских, часто брала с собою маленького Костю, когда он гостил у неё, в католический храм, что вызывало негодование отца.

* * *

В 1898 году семья Паустовских переехала из Москвы в Киев. Когда Косте было двенадцать лет, он стал учеником Первой киевской классической гимназии.

4 июня 1912 года состоялся 99-й выпуск окончивших Первую гимназию. Аттестат зрелости Паустовского гласил:

«Дан сей аттестат зрелости сыну мещанина Константину Георгиевичу Паустовскому, вероисповедания православного, родившемуся в городе Москве мая 18 дня (31 мая по новому стилю. – Н. Г.) 1892 года, в том, что он, вступив в императорскую Александровскую киевскую гимназию августа 20 дня 1904 года, при отличном поведении, обучался по 4 июня 1912 года и окончил полный восьмилетний курс».

* * *

Семья Константина Георгиевича переезжала часто. В детстве и юности он жил и в Киеве, и в других городах Малороссии и центральной России, возвращался в Москву и вновь жизненные обстоятельства звали его в дорогу.

«<...> В юношеские годы, – рассказывает Ирина Чичкина, – Паустовский познакомился с первопрестольной столицей заново и полюбил, несмотря на несходство с любимым родным Киевом. Гимназистом старших классов он приезжал в Москву, где жила мать с братом-студентом и сестрой Галей. В 1914-м он перевёлся из Киевского в Московский императорский университет. Но начало Первой мировой войны и мобилизация вынудили его оставить на время учебу и помогать матери. Он стал настоящим знатоком города, работая вожатым, а потом кондуктором Миусского парка конно-железных дорог <...>».

Об этом периоде его жизни, как и о многих других, ярко рассказывается в автобиографической «Повести о жизни», одном из главных произведений мастера.

«<...>Трамвайной своей службе, – вспоминал Паустовский, – я обязан тем, что хорошо изучил Москву, этот беспорядочный и многоликий город со всеми его Зацепами, Стромынками, трактирами, Ножевыми линиями, Божедомками, больницами, Ленинками, Анненгофскими рощами, Язунами, вдовьими домами, слободами и Крестовскими башнями. <...> И вот изо дня в день происходила одна и та же канитель: одной салопнице надо было к “Николе на курьих ножках”, другой – к Троице-Капелькам, третьей – к Георгию на Всполье. Нужно было терпеливо объяснять им, как проехать к этим церквям, после чего старухи вытаскивали из карманов в нижних юбках платки с завязанными по уголкам деньгами. В одном уголке были копейки, в другом – семишники, в третьем – пятикопеечные монеты <...>».

* * *

Первой супругой писателя была Екатерина Степановна Загорская. Она родилась в селе Подлесная Слобода близ Луховиц под Рязанью в семье Степана Александровича, священника церкви Введение во храм Божией Матери, и сельской учительницы Марии Яковлевны Загорских. Отец умер ещё до рождения дочери.

...Познакомились Константин и Екатерина во время Первой мировой войны, когда Паустовский служил санитаром, а Загорская – медсестрой.

В те суровые годы будущий писатель не только встретил свою любовь. Через многие испытания прошла и окрепла его вера.

Об этом читаем в эссе «Ночь в монастырской гостинице» бывшего ректора Одесской духовной семинарии, протоиерея, лауреата литературной премии имени К. Г. Паустовского Александра Кравченко (1930–2005):

«<...> Мартовской весной 1915 года Паустовский выехал с фронта за санитарными двуколками в Одессу, куда прибыл вместе с одним из санитаров поезда. Переночевав на Афонском подворье у вокзала, Паустовский ощутил непреодолимое желание провести хотя бы несколько дней у моря, тем более что двуколки не были готовы.

<...> Паустовский снял комнату в монастырской гостинице на Большом Фонтане.

<...> Занималось утро, раздался звук монастырского одинокого колокола, туман его не гасил. Звук повторился, растекаясь по округе. Начиналась повседневная монастырская жизнь: колокол звал к молитве.

Прошла ночь в монастырской гостинице. Идти в город было рано, заснуть так и не удалось, и Паустовский пошёл на призывный звук колокола. В полумраке церкви мерцали лампы, теплились одинокие свечи в подсвечниках. Размеренное чтение на клиросе прерывалось печальными великопостными песнопениями. Седой, иссохший старец-иеромонах на амвоне произнёс слова молитвы удивительно чистым юношеским голосом. Знакомые с юности слова по-новому вошли в сознание:

“Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми!”

Как всё просто, думалось Паустовскому, глубинная мудрость чувствуется в этом молитвенном вздохе человеческой души. Если праздность – мать всех пороков, то уныние ведёт к отчаянию, к без-

надёжности, к отсечению мечтаний. И просит, и утверждает себя человек в отходе от этого духа, как и от духа желания кичиться властью и употреблять её во зло. Не даждь ми, Господи, и ненужных слов, праздных разговоров, засоряющих жизнь.

“Какое благо мысль, – подумал Паустовский, – даже время остановилось”. А священник после земного поклона продолжал слова молитвы великого восточного подвижника IV века Ефрема Сирина: “Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему”. И пока он творил вновь земной поклон, продолжал Паустовский раскрывать для себя слова молитвы. Мудрость в сохранении себя от нечистоты душевной и физической, а величие познаётся в непоказном смирении. Терпение по отношению к окружающим людям украшает и помогает созиданию своего “я”, как и любовь, на которой держится этот мир.

И когда прозвучали последние слова молитвы: “Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждать брата моего”, – Паустовский понял и приблизился ко многим мечтаниям, ранее казавшимся ему бесплодными.

В задумчивости вышел он из церкви. Солнце разогнало туман, воздух был чист, напоён ароматом моря и близкой степи. Пешком Паустовский направился в город. На Большом Фонтане светились белым расцветшие сады.

В этот же день Константин Георгиевич вместе со своим спутником выехал из Одессы в Люблин к санитарному поезду. Всего одну бессонную ночь провёл Паустовский в гостинице монастыря.

С молитвой, которая ему открылась в монастырской церкви на Большом Фонтане, прошёл Паустовский всю жизнь, стараясь прикоснуться к тем идеалам, которые заложены в её строках. В минуты тяжкие она вспоминалась ему и поддерживала <...>».

* * *

К своему счастью Константин Паустовский и Екатерина Загорская шли долго. Были встречи и разлуки, многочисленные письма.

В апреле 1916 года, за несколько месяцев до их венчания, Константин написал Екатерине письмо, в котором есть такие строки:

«<...> Пасха и одиночество, ласковые звоны церковей, Христос радостный и близкий <...>».

...Подлесная Слобода – место очень дорогое для невесты. Поэтому летом 1916 года Константин и Екатерина обвенчались именно в этой маленькой церкви.

Об этом сохранилась запись в дневнике писателя:

«<...> Поля, перелески, синия дали – ея Родина. <...> Просто и радостно. Готовились к венчанию... В церковь. Торжественно... Спокойствие, ясность. Связаны наши жизни. Хорошо и ясно на душе <...>».

...Деревянные церкви в Подлесной Слободе, первая из которых стояла в селе с 1616 года, сменяли друг друга до 1863 года, когда началось строительство ныне существующего каменного храма.

Его главный престол – Введения во храм Божией Матери – был освящён в 1874 году, расположенные в трапезной части престолы мученицы Параскевы и святителя Николая – в 1878 году.

Храм, который в советское время был закрыт, стал восстанавливаться после возрождения в 1994 году.

...В 2002 году, в год 110-летия со дня рождения Паустовского, вместе с моей коллегой Надеждой Евгеньевной Бредис, большим почитателем творчества писателя, мне довелось побывать в Подлесной Слободе на литературном празднике.

В этот день на церкви Введение во храм Божией Матери была открыта мемориальная доска в честь венчания здесь Константина Паустовского и Екатерины Загорской, в память о них была отслужена панихида.

* * *

Судьба тесно связала писателя и с Крымом. Впервые он оказался на «райской крымской земле» в четырнадцать лет. Следуя любимому девизу «Жить нужно, странствуя», Константин Георгиевич в разные годы вновь и вновь приезжает в Крым.

Дом творчества писателей имени А. П. Чехова в Ялте – одно из любимых мест Паустовского в Крыму. В 1935–1936 годах, а затем после Великой Отечественной Константин Георгиевич здесь частый гость.

«<...> В 1951 году, – вспоминает внучка ялтинского священника, протоиерея Михаила Семенюка Анна Николаевна Гаранкина, – мне было тогда 5 лет, мы – дедушка, бабушка, мама и я – приехали в Крым по приглашению владыки Луки (Войно-Ясенецкого). Мы жили в маленькой комнатухе возле Александро-Невского собора в Ялте, настоятелем которого дедушка служил.

<...> Дедушка был дружен с Константином Георгиевичем Паустовским. И всегда, когда Константин Георгиевич приезжал в Ялту, он, остановившись в Литфонде, шёл к нам. Он очень много помогал священникам, вдовам интеллигентов: Нине Николаевне Грин, вдове Волошина Марии Степановне Заболоцкой.

Константин Георгиевич был человеком щедрой души и глубокой веры. У дедушки в тетрадке рукой Паустовского было записано, кого нужно поминать, – дорогие, родные ему имена. Он тайно приобретал нужное для храма, а нас, детей, одаривал конфетами, и мы всегда очень ждали его приезда. Конфеты для нас тогда были большой редкостью и радостью. Обычно с детворой мы могли только любоваться красивыми коробками в витринах знаменитого 1-го гастронома на набережной Ялты. Среди них была наша любимая, раскрытая, как книга, а в ней лежали завернутые в невероятной красоты блестящие бумажки конфеты. Однажды Константин Георгиевич пришёл без конфет и дал мне денег, чтобы я сама “купила сладенького”. Сумма казалась фантастической! Мы, дети, гурьбой побежали в 1-й гастроном и купили на всех ту драгоценную коробку самых дорогих конфет <...>».

* * *

Здесь, в Крыму, после Великой Отечественной Константин Георгиевич, писатель уже широко известный в нашей стране, работает над «Повестью о жизни».

Выразительные названия шести частей «Повести о жизни» Паустовского – «Далёкие годы» (1946), «Беспокойная юность» (1954), «Начало неведомого века» (1956), «Время больших ожиданий» (1958), «Бросок на юг» (1959–1960), «Книга скитаний» (1963) – помогают нам, читателям, представить, как складывалась жизнь Константина Георгиевича, его писательская судьба на тернистых дорогах-этапах отечественной истории.

«<...> Без чувства своей страны – особенной, очень дорогой и милой в каждой её мелочи – нет настоящего человеческого характера. В те годы, во время моей службы на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки <...>» («Беспокойная юность»).

В «Беспокойной юности» Паустовский определил цель и смысл своей деятельности кратко и точно – найти отзыв в душе читателя:

«<...> В каждом сердце есть струна. Она обязательно отзовется даже на слабый призыв прекрасного <...>».

Все его книги, как камертон, настроены на эту «струну».

...Из Крыма, как известно, после трагического противостояния в годы Гражданской войны, ярко описанной в «Повести», некоторые наши соотечественники отправятся в эмиграцию.

Паустовский искренне объясняет, почему остался в стране, раздираемой Гражданской войной:

«<...> Это – дело совести. Я считаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя бросать свою страну. И свой народ <...>».

И эти слова писателя актуальны сегодня, когда ряд либеральных политиков, бизнесменов, журналистов, представителей шоу-бизнеса, артистов, осудив СВО на Украине, покинули Россию.

* * *

Особое место в жизни и творчестве Константина Георгиевича наряду с Мещёрой («второй родиной» – так назвал этот край Паустовский!) и Крымом занимала и Таруса.

Писатель пользовался уважением и любовью местных жителей, стал первым почётным гражданином Тарусы. Он словно принял на себя негласное нравственное обязательство – заботиться об этом уголке русской земли.

Паустовский отдал много сил бытовому благоустройству калужской глубинки, сохранению исторического лица города.

С этим тихим, маленьким приокским городком средней полосы России связаны его поэтические эссе и новеллы: «Уснувший мальчик», «Городок на реке», «Избушка в лесу», «Наедине с осенью», «Ильинский омут»...

Константин Георгиевич обосновался здесь в середине прошлого века, в 1954-м, провёл 13 своих последних лет, творчески плодотворных, счастливых.

Паустовский, женившийся в 1950 году в третий раз на актрисе Татьяне Арбузовой (в этом браке родился сын Алексей, герой многих его рассказов), приезжал сюда из суетной Москвы, жил с семьёй всё лето и работал порой до поздней осени, «до белых мух». Как гимн звучат слова писателя:

«<...> Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску<...>».

В 1955-м было приобретено полдомика в небольшом тупичке (улица Пролетарская, дом 2) над крутым скатом к речке Таруске, потом к нему были сделаны пристройки.

Уже через несколько лет на пустыре рядом с домиком радовал глаз настоящий сад. Здесь теперь открыт музей писателя.

От дома Паустовского хорошо видна белая церковь в Бёхове на другом берегу Оки – рядом с нею похоронен великий русский художник Василий Дмитриевич Поленов.

Отсюда, из «тарусской обители» писателя, можно отправиться вдоль берега Таруски к Ильинскому омуту, существовавшему на земле, вероятно, с незапамятных времён – новелла Паустовского сделала это место знаменитым на весь мир:

«<...> Одно из неизвестных, но действительно великих мест в нашей природе находится всего в десяти километрах от бревенчатого дома, где я живу каждое лето. Я думаю, что слово “великий” применимо не только к событиям и людям, но и к некоторым местностям нашей страны, России... То место, о котором пойдёт рассказ, называется скромно, как и многие великолепные места в России: Ильинский омут... Оно не связано ни с какими историческими событиями или знаменитыми людьми, а просто выражает сущность русской природы. В этом отношении оно, как принято говорить, “типично” и даже “классично”.

Такие места действуют на сердце с неотразимой силой. Если бы не опасение, что меня изругают за слащавость, я сказал бы об этих местах, что они благостны, успокоительны и что в них есть нечто священное <...>».

Концовка этой новеллы стала хрестоматийной:

«<...> Нет, человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца! <...>».

* * *

Настоятельной потребностью собрать воедино, как «крупинки золотой пыли», мысли о творчестве и поделиться этим неисчерпаемым богатством с читателями была рождена «Золотая роза» – одна из самых его знаменитых книг, которой зачитывались и многие советские интеллектуалы разного возраста и профессий, и школьники моего поколения, раздумывающие о выборе жизненного пути.

Ярко проявляется здесь гражданская позиция автора, который по-своему интерпретирует евангельскую притчу о зарытом таланте:

«<...> Голос совести, вера в будущее не позволяют подлинному писателю жить на земле, как пустоцвет, и не передать с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого <...>».

* * *

Константин Георгиевич скончался в Москве 14 июля 1968 года. Он завещал похоронить его на городском кладбище в любимой Тарусе.

«<...> Татьяна Алексеевна, – вспоминал сын писателя от первого брака Вадим Константинович, – вопреки своему желанию не стала отпевать его в церкви открыто, ограничившись заочным отпеванием.

Была выбрана церковь Илии Пророка Обыденного у Пречистенских ворот. Причём, по-видимому, неспроста. Ведь в двух шагах от неё во 2-м Обыденском переулке Паустовский впервые обосновался в Москве в середине 1920-х годов.

<...> Отцу, конечно, было известно, почему переулок назывался Обыденским, однако знакомым, особенно приезжим, он раскрывал это не сразу.

<...> Дело в том, что в старину на Руси было принято порой возводить деревянные церкви необычным образом – всего за один день. Это делалось “по обещанию” в случае эпидемии или других чрезвычайных обстоятельств. Начинали стройку ранним утром с тем, чтобы к заходу солнца установить кресты на куполах или шатрах. Такие церкви называли обыденными, то есть построенными в течение дня.

Храм Илии Пророка, давший наименование окрестным переулкам, именно так и был возведён по случаю засухи, причём в 1592 году, ровно год в год за 300 лет до рождения Паустовского.

В начале следующего века он был, как принято, заменён каменным. Затем – получил приделы и пристройки.

Всего через несколько лет после отпевания отца, в этом же храме отпевали безвременно умершего Алёшу Паустовского, а ещё через два года – Татьяну Алексеевну, его мать.

Похоронены они в Тарусе, недалеко от отцовской могилы. Над могилами Татьяны Алексеевны и Алёши установлен общий крест, в головах могилы отца лежит большой камень – гранит.

Сама Татьяна Алексеевна не раз говорила о своём заветном желании – чтобы на могиле Паустовского был установлен большой крест. Она как бы завещала это желание всем остающимся и при этом добавляла: “Как только это станет возможным”... Ныне такое время настало <...>».

Место на городском кладбище в Тарусе, где находится скромная могила Паустовского, было выбрано самим писателем.

Отсюда, с высокого холма, окружённого деревьями с просветом на реку Таруску, он словно смотрит в вечность.

Каждый год в день рождения Паустовского и в день его кончины на его могиле в Тарусе появляется корзина с еловыми шишками.

Одна из лучших лирических новелл писателя о встрече в лесу знаменитого композитора Эдварда Грига с девочкой Дагни, дочерью лесника, так и называется «Корзина с еловыми шишками».

Эта новелла, как и всё творчество писателя, наполнена христианскими мотивами, музыкой и красотой, чистотой и радостью и открывает перед нами «то прекрасное, чем должен жить человек».

Как тут не вспомнить его письмо-завещание, которое заканчивается большой душевной болью за будущее России:

«<...> мы жили на этой земле. Не давайте её в руки опустошителей, пошляков и невежд. Мы – потомки Пушкина, и с нас за это спросится <...>».

«<...> Любимые всегда кажутся нам бессмертными», – утверждал Константин Георгиевич. К нему с полным правом можно отнести его слова о Чехове:

«<...> Он был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком. Он знал, где лежит дорога к человеческому благородству, достоинству и счастью, и оставил нам все приметы этой дороги <...>».

Берега юбилеев

К семидесятилетию Михаила Болгова – Композтора

Вячеслав Лютый

Вячеслав Лютый – литературный критик, публицист, заместитель главного редактора журнала «Подъём», член Правления Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей России. Публиковался в журналах: «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наши современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Дом Ростовых», «Волга – XXI век», «Приокские зори», «Странник», «Сибирь», «Огни Кузбасса», «Берега», «Родная Ладога», «Невский альманах», «Нева», «Сибирские огни», «Аргамак», «Новая Немига литературная», «Простор», «Гостинный двор», «День и ночь» и других; в альманахах: «Тёплый стан», «Академия поэзии», «День поэзии XXI век – 2012 год», а также в газетах «Завтра», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы»,

«Российский писатель», «Общеписательская литературная газета».

Автор книг о современной литературе: «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014), «Предназначение» (2022). Лауреат премии журналов «Подъём», «Русская речь», «Русское эхо», «Аргамак», премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово-2017», премии «Кольцовский край», международной литературной премии «Югра». Лауреат сайта «Российский писатель» (трижды), газеты «День литературы». Награждён медалями имени В. М. Шукшина, Ф. И. Тютчева, И. А. Бунина.

ВОЛШЕБНЫЕ СОЗВУЧИЯ

Воронежская поэзия последнего полувека содержит в себе имя, чьё присутствие в литературе Черноземья повлияло на многие художественные пути. Речь идёт о Михаиле Болгове, который известен также под творческим псевдонимом Композтор. В середине 1970-х годов он стал негласным вожаком молодых поэтов – участников литературного объединения при Воронежской организации Союза писателей. Густая, почти вулканическая образность его лирики и властность поэтической интонации обладали редким магнетизмом и неуловимо воздействовали на вполне самобытные поэтические опусы лирических соратников, оставляя в их текстах приметы болговского словоупотребления или же постановки голоса.

В те годы Композтор был безоговорочным приверженцем белого стиха и верлибра, который в его транскрипции обладал поэтической убедительностью редкой силы. Пружина той или иной лирической истории мастерски растягивалась автором до необходимой точки – и потом моментально «схлопывалась», сжималась в финале стихотворения, давая его эмоциональный итог и смысловую развязку поведанной истории. Как правило, эти стихи были отчётливо сюжетными, их действие происходило в отвлечённом метафорическом пространстве и к зримой действительности имело только ассоциативное отношение. Для поэзии подобное построение лирического рассказа вполне закономерно – образность жанра даёт автору в этом смысле все возможные права. Здесь важно лишь одно: сюжет не должен уходить от действительности слишком далеко, дабы читатель-слушатель не утратил желания иметь дело с увлекательным и ярким материалом, но всё-таки – отчасти непонятным и потому – не близким. В последнем случае определяющую роль играет постановка голоса поэта – как звуковая, так и личностная.

Болгов обладал редчайшим свойством интерпретировать жизненную историю как вневременную и над-пространственную, когда все социальные указатели в тексте становились не прямыми, а косвенными, и более того – образными.

В стихотворении «Исповедь Композитора» показан процесс возникновения музыки как Вселенной, в которой из непостижимой бытийной смеси появляется время, звук, мелодия и композиция мира, чьи черты пока только робко угадываются:

Пузырями нот вскипала музыка...
И выпал год, как пропуск её такта...
Её развалин стон – мелодиюгу душит...
Уставились пустые глаза нот
В её ввалившийся мертвот...

Напротив, «Рассказочка» основана на русской традиции сказа, и каждый смысл, появляющийся в строке в свою очередь, замечательно прост и выразителен:

По степи гулял ветер северный,
Собирал букет полевых цветов.
Собирал букет своей злой жене
Вьюге северной, душесгубливой.

Он дышал на них – цветы вянули,
Прижимал к себе – стебли лопались,
Перебрал всю степь по цветочку он,
До листочка всю до последнего.

Он унёс цветов ровно полстепи,
Ровно полстепи не цветёт теперь,
Удивить хотел север пасмурный
Красотой земли, её запахом...

Плотная, порой подавляющая смысловое начало образность свойственна целому ряду произведений поэта тех лет. Чем-то она напоминает начального Маяковского, за одним исключением: перед нами – верлибр, а не регулярный стих. Уже название одного из стихотворений подтверждает такое наблюдение: «Поцелуй железными губами». Но, фактически, в то же самое время Болгов пишет вполне прозрачную миниатюру «Небо задумалось». В последующие десятилетия в его творчестве «паستозный образный мазок» будет постоянно соседствовать с выверенной линией «сюжетного рисунка».

Постепенно верлибр в поэзии Михаила Болгова начинает уступать место сказовому развитию сюжета, обретающему более обширные мистические границы и пути собственного развития. Разговорная речь и просторечие легко уживались в художественном пространстве с отвлечёнными понятиями и всё более строгими рифмами, которые дисциплинировали версификацию и сообщали творческому облику автора какие-то новые, прежде ему не свойственные черты. Так, поэма «Змей-присуха» в формальном отношении уже довольно далека не только от феерических вещей первого творческого периода поэта, но и от поразительной по звучанию и игре словами драматической баллады на почвенном материале «Воронежье»:

Воронежье
воронезивое воронезное
воронезелезная твоя воля
воронезеланная твоя доля

На белой груди перо брошено
Вороно перо ворона крыла
На конце пера капля кровная
Вороной крови да запекшейся

Стоит заметить, что внутренняя свобода поэта, прежде апробировав себя в самых разных лирических ипостасях, утвердилась в системе образов и определила наиболее важные смыслы. Наверное, кому-то стихотворения Композитора покажутся предельно отвлечёнными от действительности. Однако пространство мифа, в котором живёт художественное alter ego автора, требует от читателя доверия – и тогда в его ладони упадёт «криптографический ключ», который позволит ему открыть вход в мир этой ни на что не похожей поэзии.

Вот один из первых опытов в такой системе, которая впоследствии будет испытывать самые разные преобразования, сознательно ведущие к расширению драматургических возможностей сонета и извлечению совершенно новых интонационных оттенков благодаря особенностям его построения.

ДАКТИДИЛЛИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Одно сознание первозданной истинности,
И – всё уступит самородку в драгоценности.
Он создан в чистоте случайной дерзостью,
Без всё и вся легирующих примесей.

Но неуютен мир и мне, и человечеству,
Как неуютен сей сонет Дактидиллический,
Из-за того, что бедн находкой редкостной,
Будь то алмаз иль чувство кристаллическое.

Родившийся заведомым старателем,
Покорный слову, как инстинкт, дремучему,
Ищу неведомые россыпи кристалльные.

Но все нейдут на ум волшебные созвучия,
Которые б сложил я в заклинание,
Подобное велению: «По-щучьему...»

Тематика сонетных вариаций Композитора довольно широка. В ней есть циклы о любви, многие вещи погружены в творческий обиход стихотворца, иные – по-новому интерпретируют сюжеты мировой мифологии. И почти везде властный голос автора оказывается той нитью, на которую нанизаны различные толкования, ракурсы и взаимоотношения певца с Музой русской поэзии. Умозрение соседствует с предметами вполне лапидарными, мимолётные отсылки к смыслам сложным, не лежащим на поверхности, не очевидным для человека нашего времени, – погружены в развёрнутые рассуждения поэта о существе вопроса, который его занимает.

В современной русской поэзии примеры лирического размышления над проблемой, которая не даёт покоя автору, встречаются крайне редко, хотя полвека тому назад похожие сюжеты были привычным обыкновением – скажем, поэмы и стихи Василия Фёдорова. Однако почти всегда тема развивалась в рамках вольного повествования, в крайнем случае, использовалась та или иная авторская строфа.

«Сонетный узел» Михаила Болгова развёрнут вокруг онтологического вопрошания: для чего живёт на земле человек? Форма этого произведения напоминает венок сонетов, но является объединением 14-строчников, связанных между собой только драматургией лирического монолога. Разговорность интонации, казалось бы, совершенно не свойственная практике сонета, здесь царит изначально и является тем способом, который может оживить классическую структуру, одновременно взяв на вооружение свойственное ей противоборство смыслов.

Допустим, что уже вполне реально
Ты отыскал в космической пустыне
Собратьев по уму, сдружился с ними,
И всё, что вы творите, – гениально:

Весомо, зримо, сплошь материально!
Какие корабли! Какие дыни!
Какие женщины!.. И не рабыни!..
Во всём единство форм и содержания!

Шедевры сплошь – стихи, и – сплошь! – картины!
И музыка вся-вся сплошь гениальна!
Труд – радостен! Стремление – вертикально!
Какое счастье жить и быть такими!
Чтобы и впредь, как это ни фатально,
Жить, чтобы лучше жить!..
Чего во имя?!

<...>

И у меня вопросов больше нету,
Чего во имя жизнь свою прожить,
Какую видеть цель, чему служить
И что вычёркивать из головы планеты.

Так затянулся узел мой сонетный.
Кто хочет убедиться –
развяжи.
А развязав и уличив во лжи –
Хоть вей верёвку вздёргивать поэта...
Феци квод потуи ¹.
Но индуизм
С наукой нынешней мне всё ещё пророчат
В конце пути грядущий катаклизм:
Пралайю – он,
она – сверхплотный ком!..
И вижу вдруг, как Правнук – мой – хохочет!
И, глядь, пошёл совсем другим путём!..

Лёгкая ирония в позднейших стихотворениях Композитора, кажется, отодвигает в сторону драматизм его творчества ранних лет. Противоборство добра и зла, любви и равнодушия, душевной широты и нравственной узости становится у него почти невидимым, уж во всяком случае – не акцентным. Само это обстоятельство важно понять, оглядываясь на картину современной поэзии, которая трагедийна и печальна сегодня почти по умолчанию. Редкий жизненный оптимизм и душа автора, настроенная на творчество, понимающая вдохновение как океан энергии, из которого в мгновения упадка сил можно получить поддержку, – это не только особенность и даже не совсем свидетельство таланта, скорее – характеристика личности.

В стихах Михаила Болгова облики света и тьмы обозначены порой с удивительными деталями, и такая пунктуальность глаза и мысли, вкупе с образной свободной речью, говорит о даровании поэта куда весомее, нежели иные публицистические построения в рифму.

Упрёки в рациональности поэтического ума – почти дежурные сентенции в адрес Композитора. Они впервые прозвучали в восьмидесятых годах прошлого века и не затихли до сих пор. Между тем самобытность и уникальность этой фигуры очевидна, и её нужно принимать как некую художественную данность. Примерно так же укорительно век тому назад Александр Блок говорил о Николае Гумилёве, что совсем не отменяет драгоценный вес последнего имени в истории русской литературы.

Михаил Болгов – бессменный председатель воронежского клуба поэтов «ЛИК»². Его идеи и концепции, словно некий художественный циклон, как уже упоминалось, вовлекали в сферу своего влияния многих авторов Черноземья, чьё творчество при том совершенно не теряло своих ранее признанных достоинств.

Стихотворная переписка членов «ЛИКа», при всей шутливости огромного числа текстов, хранит в себе литературные находки, которые могут украсить любые «серьёзные» строки.

Огромная по объёму редактурная рукопись поэта Валерия Исаянца, поданная читателю как лирика «Поэтарха Айяса», позволила сохранить хаотические черновики этого странного автора, одновре-

---

¹ Feci quod potui... – Я сделал всё, что мог...

² «Литературный Клуб».

менно показав дистанцию между конечным воплощением его сочинений и изначальным текстом, вышедшим из-под руки бесприютного стихотворца.

Разрозненная лирика Александра Ромахова после внезапной кончины поэта была собрана воедино благодаря неугомонной инициативе Михаила Болгова. И тогда стало возможным издание «Ромкиных» избранных произведений «Солнце тихое» (Воронеж, 2011), где сравнительно широко представлена панорама его творений.

Стараниями Композтора был развёрнут своего рода художественный полигон для исследования выразительных возможностей русского сонета. В этом самозабвенном погружении в стихию давней лирической формы участвовали едва ли не все воронежские авторы из числа «ликов».

Поэтическая судьба Михаила Болгова есть удивительная, ни на что не похожая страница воронежской литературы. В течение десятилетий Композтор как будто представляет собой её теньную сторону и не выходит на официальную авансцену. Однако никогда нельзя с уверенностью сказать, что какое-то имя хоть малой строкой, но останется в истории русской словесности. Примеров забвения качественных литературных имён – великое множество. Михаил Болгов уже своим парадоксальным подходом к творчеству, образами, не оставляющими сознание читателя, заставит академического филолога застыть над псевдонимом «Композтор». А дальше возникнут иные лица и взаимоотношения, иное понимание литературы – никак не альтернативное, но придающее ей необходимую и важную полноту.

Пойти к судьбе. Ударить ей челом.
Преподнести дары – чем наделили
Меня природа, боги и кумиры...
Отдать ей светоч свой, и лиру, и перо.

Златое время. Можно – серебро
Отдать. Коня крылатого. И свиток,
В котором песнь хвалебная излита...
И это – всё, что есть у духа моего.

Поэтическая седмица

Андрей Галамага

Александр ОРЛОВ:

СТУДЁНЫМ УТРОМ ВСТАТЬ ДО СВЕТА

Андрей Галамага так и живёт, каким и представляет себя в стихах читателям. Его образ прорисован самим автором с такой основательностью, что неразделим никем и никогда. Но всё же в лирическом герое поэта, так монолитно объединённом с самим автором, открывается и главная черта, которая присуща всем нам. Автор не боится раскрывать перед читателем пламенеющие христианские чувства и едва заметное самосожаление, в котором и происходит борьба добра и зла. И в этот поединок втянуты все мы. В этих стихах сумрак, приходящий от самолюбия и самонадеянности, поглощается светом Христовым, поэтому и хочется прочитать прожитое поэтом ещё раз.

ВСЕНОЩНАЯ

Земля погружена в тяжёлый сон,
Тревожна ночь и непроглядна темень.
И снова тесный храм заполнен теми,
Кто верует, что свет – непобеждён.

Взор устремив, кто долу, кто горе,
Застыли все в недвижимом ожиданье;
Весь мир притих и затаил дыханье,
Лишь теплится молитва в алтаре.

Но вот – как бы незримая черта,
Что отделяет ночь от воскресенья,
Разрушится в единое мгновенье,
И – растворятся царские врата,

Как будто бы невидимо простёр
Господь с престола руку нам навстречу.
И возгорятся восковые свечи,
И грянет тысячеголосый хор;

И хлынет необъятный свет с небес,
И разом вся вселенная проснётся,
Когда под купол трижды вознесётся:
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

РАССТРИГА

Как же я любил тебя, Ивановская горка;
Белый храм напротив древнего монастыря.
Сладок плод свободы, да раскаяние горько:
Что скопил – рассеял, что стяжал – растратил зря.

Слишком поздно сам себе сознался виноватым,
Что оставил стадо, как заблудшая овца.
Честным людям не достоин называться братом,
Не достоин сыном быть небесного Отца.

Грозный ангел вострубит, и разогнутся книги,
Всё, что было тайным, всё объявится на суд;
И низверженную душу падшего расстриги
Демоны в огонь неугасимый повлекут.

Но и падший может жить в последнем упованье:
Даже если в битве с духом побеждает плоть,
Может, за ничтожнейшее доброе деянье
Мне неисчислимы грехи простит Господь.

Оттого и возвращаюсь каждый раз упрямо
И стою, терзаем страхом вечного огня,
На замёрзшей паперти отринутого храма
И прошу входящих, чтоб молились за меня.

* * *

Москва. Весна конца восьмидесятых.
Тысячелетней церкви торжество.
Меня не то чтоб приняли, как брата,
Скорее, я сошёл за своего.

Я в свете богословских категорий
Был недостаточно воцерковлён,
Что, впрочем, не мешало петь мне в хоре
И даже делать доски для икон.

В то время было всё гораздо строже;
У старожиллов странный был подход,
Те с ходу отвергали по одежке
Всех, кто посмел не соблюсти дресс-код.

А я не мог понять, свои проступки,
Свои грехи безжалостно кляня,
Чем, например, девчонка в мини-юбке
Для Бога неугоднее меня.

И, поднимаясь всякий раз на клирос
Иль стоя на молитве дотемна,
Я сомневался в том, что Божья милость
Меж избранными распределена.

Я шёл к себе. Путиами непростыми.
Грешил, отчаивался, унывал.
Что ж, на ступеньку рядом со святыми
Я никогда и не претендовал.

Но верил, словно истинный ревнитель,
Сквозь разочарование и боль,
Спаситель примет всех в свою обитель
И упразднит досужий фейс-контроль.

* * *

Не тоска – а уходить пора.
Над рекою месяц звёзды удит.
Завтра будет то же, что вчера;
Это значит – ничего не будет.

Дом остыл, как ветхий монастырь,
И огонь в печи гудит, не грея.
На столе – старинная Псалтирь,
Образок Апостола Андрея;

Письма Пушкина (десятый том);
Твой забытый адрес на конверте...
Белый лист с не начатым письмом
Так и пролежит до самой смерти.

Листопад – который день подряд
Всё вокруг окутывает прахом.
Может, съездить в Сергиев Посад?
Помнишь, мне хотелось стать монахом?

Срок истёк – как видно, пожил впрок
Бывший странник в нашем мире странном.
Если вспомнишь – помолись разок
О твоём Андрее первоизванном.

* * *

Серый снег декабря, будто вор на доверии,
Точный час улучив и поклянчив взаимы,
Отобрал эйфорию осенней феерии,
Подменив на депрессию пресной зимы.

Месяц с лишком казалось, что всё только
снится мне;
Но под утро крещенского, щедрого дня
Снегири – мультипликационными птицами, –
Прошумев за окном, разбудили меня.

Дотянуть до весны или, лучше, до Троицы,
Слиться с ливнем, полощущим по площадям,
И понять, что ещё не пора успокоиться
И не самое время платить по счетам.

Всполашатся чуть свет кредиторы, но пусть они
Тщетно шлют мне вдогонку словесный портрет.
От Страстного бульвара до Оптиной Пустыни
Тополиный июль застигает мой след.

ЧЕРНОГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Полумесяц потонул в заливе,
Померцал и в глубине исчез.
До чего же ночи здесь красивы.
Чуть колышется прибрежный лес;
Ослепительно сияют звёзды,
Дышит влагой терпкая трава;
И звенит ночной прозрачный воздух,
Как натянутая тетива.

Память на случайности горазда,
В прошлое стучится наугад.
Черногорцы тут стояли насмерть
Полтысячелетия назад.

Было так, – когда незванный кто-то
В вольный край дерзал войти с огнём,
Просыпался неприступный Котор,
И святой Покров лежал на нём.

Испокон веков не имет срама
Тот народ, что верою богат;
И на месте разорённых храмов
Воскресали краше во сто крат.
Час настал, сошлись клинки из стали,
До глубокой ночи длился бой;
Огненные звёзды заблистали
И скрестились в небе над водой.

И тогда, от злобы обессилев,
В первый день Великого поста
Полумесяц потонул в заливе,
Побеждённый силою креста.

Поэтическая седмица

Валерий Дударев

Александр ОРЛОВ:

И ЛЮБОВЬ, И СМЕРТЬ В РОССИИ ЕСТЬ....

Валерий Дударев не торопил время, когда переступил жизненную черту зрелости. Он был молод – и этого ему помогла добиться его духовность. Он оставался независимым от времени. Я спрашиваю себя, почему? И ответ находится мгновенно. Он был поэт. Теперь он преодолел другую черту, за которой мы будем видеть и слышать его, потому что поэты не умирают. Они вечны, если они настоящие, а именно о таком поэте идёт речь. Сквозь строки на нас будут смотреть его глаза, излучающие сердечное тепло, будет заметна нисходящая улыбка, ощущаться мягкое рукопожатие. Все мы, кто знал и любил его, верим, что спустя неминуемо много дней и ночей мы встретимся и будем читать вместе стихи, да так, что нас будут слышать на небе и на земле.

* * *

Есть в России тихие долины,
Где горят огни, а вечер тих,
Это жгут подруженьки лучины,
Ожидая суженых своих.

Есть в России тихие погосты,
Где растут забытые цветы,
В небесах заботливые звёзды
Плачут, одиноки и чисты.

Даже в тёмном вихре снегопада
Мне снежинок ласковых не счесть.
Господи, чего же людям надо?!
И любовь,

и смерть
в России есть!

* * *

Осень.
Звёзды.
Тень причала.
Резкий след на вираже.
Я хочу,
чтоб ты молчала,
Недоступная уже.

С кузовком гвоздики алой
В полумраке вечных лип.
Я хочу,
чтоб ты молчала,
Словно я давно погиб!

Я хочу,
чтоб ты встречала
Тот последний пароход,
Что у этого причала
Никогда не пристаёт.

Только лилий одичалых
Упоительный изгиб!
Я хочу,

чтоб ты молчала.

Я хочу,
чтоб я погиб.

* * *

Бог со мной. И больше никого.
Спал потоп. Сияние земное
Катится. Я думаю о Ное,
Чей ковчег, приставший роково.

Господи, в пучину нет возврата!
Как же это вдруг произошло?!
Гулкое гуденье Арарата
Голубя поставит на крыло.

У случайно уцелевшей речки,
Что питала пропасти надясь,
В кущах светлоокие овечки
Станут одинаково пастись.

Где пахать и что потом посеять?
Хворосты таскаю на горбу.
Пусть потом слепцы и фарисеи
На мою позарятся арбу.

А пока – чумазый и премудрый –
В шалаше, где звёзднее всего,
Я займусь с девчонкой златокудрой
Продолженьем рода своего.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Есть высшая доля:

однажды,

Всю жизнь отложив на потом,
Пойти одиноким, миражным,
Просёлочным, диким путём.

Но в той навалившейся доле,
Когда опускается мгла,
Есть счастье добраться до поля,
Увидеть, как дремлет ветла,
Печальную кликнуть старуху
В глухом, в незнакомом селе,
Свою разделить с ней краюху
На этой вечерней земле,
А там уж, совсем по старинке,
Как будто столетья назад,
Испить из предложенной крынки
Под долгий, внимательный взгляд,
А после скупого прощанья
Услышать:

«Исусе, спаси!» –

Сдержат вековые рыдания
И дальше пойти по Руси.

ПОПЫТКА ПСАЛМА

Что на кресте, что на холсте –
Смешно и зримо!
Неповторимы муки те.
Неодолимы!
То в немоте, то в колготе,
А мимо, мимо!
Неповторимы храмы те.
Несотворимы!
Ни в пестроте, ни в тесноте
Иного Рима
Неповторимы взоры те.
Неопалимы!
Как одиночная мольба,
Звезды касаясь, –
Лишь повторяется судьба,
Не повторяясь.

* * *

Чужеземье миров и эпох,
Где всю ночь простоял не дыша...
Ветер плыл, серебрился и глож
В родниковой глуши камыша.
Так, наверно, звучала свирель
До игры, до рождения мглы...
Непролазная сельская сель,
Где тропинка цепляет стволы,
Где стряхнуть не посмеет рука
С подорожника гроздья росин,
Ни шмеля отогнать с василька.
Так, наверно, звучал клавесин...

* * *

Ю. Г.

Мне помнить вечное во мне.
Так бродит оторопь кругами.
Не в этом сне, не в этой гамме,
Но в этой белой тишине,
Что хлынет новою водой,
Ликуй, предательская нота!
Душа, достигшая чего-то,
Сладка, как клевер молодой.
О, очертанье глаз Иуды!
Зеленоглазые паскуды,
Вас обвенчают зеркала,
И ветра чёрные этюды,
И писем тонкая зола.

СЕНЬ

Россия не поёт.

Россия умирает.

Как мертвенно-бледны! – и брошены стога.
Безропотны леса...

И время замирает...

Ужели эта Русь была мне дорога?

Напрасно горевать, попутку ожидая, –
Отсюда не сбежать, не вырваться уже.
Лошадка на холме – понурая, худая,
Да несколько лачуг на дальнем рубеже –
И всё!

И так везде – без смысла, без подвоха
На сотни долгих вёрст, на сотни гиблых мест
На всех одна душа, на всех одна эпоха,
Лошадка, и стога, и лунный перекрест.
Кого искать в полях?

Пророка?

Скомороха?

Деревня умерла – не плачет, не болит.
Лишь у колодца хмур, лаская кабыздоха,
Далёкой той войны последний инвалид.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Моим стихам, написанным гортанно,
Как цокот птичий, засвист трелевой,
Не достаёт ракетниц, и фонтана,
И новгородской свары вечевой.

Филолог-Бог, кудесница Марина,
Когда птенец проклонется вот-вот,
Моим стихам не то что магазина –
Листа бумаги даже не найдёт.

В них птица вещая – привычная ку-ку,
Как дата смерти на чужом веку.
Поэт не Жуковский и царь не лесной,
Чьи дочери-вёглы – чужой стороной.

Мой Царь Лесной, а вдруг... и Вы нам
Земных забот?
Моим стихам, моим грехам и винам
Найдётся свой народ.

ПРОВИНЦИЯ

Пока вселеновы ковши
Над нами счастье проливают –
Ты целый мир любить спеша,
Куда б ни вывела кривая!
Прощанье – что?
Прощанье – дым!
Дымит, прощается эпоха.
Ты на земле необходим,
Здесь без тебя кому-то плохо.
Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из вёсен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире вёрст и вётел!
В забытых Богом городах
Который век кипит работа!
В них цел языческий размах,
В них византийское есть что-то.
В них вишня каждая цветёт
На грани ада или рая,
И отрок ясный пропадёт,
Судьбу Рублёва избирая.
Пока часовни на Руси
Ещё остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и короче!
Провинция!
Вот часослов!
Ни грай,
ни публика столичья
Не затемнят колоколов
Её скитаний
и величья.

* * *

Я не участвую в истории.
Весь исторический процесс
Моей не знает территории.
Здесь поле, стог, река и лес.
Хожу-ищу грибочки рыжие.
Солю на зиму огурцы.
И слава богу, снятся хижины
Гораздо чаще, чем дворцы.

БОГИНЯ

Какое пространство молчало!
Какие сбывались мечты!
Светило то жарко, то ало,
Стеснялось своей наготы.
То вёрсты,
То вёглы,
То ветры, –
О, даже при мысли о Ней! –
То самые тёмные ветви
Тотчас становились темней.
То золы каминные пели
В трубе, словно в царстве теней.
В лесах погребальные пеплы
Кострищ становились темней.
Лучам Её не было ниши!
Надтреснута завязь в узле!
Слабея,
темнее и тише
Мы ждали Её на земле.

ГЕНИАЛЬНОЕ

Неутолимо хванчкары
Глоток упряма, родим и светел,
И серебрит меж вётел ветер
Сонеты солнечной игры.
Напитан звуками клавира,
Форель бурна, овечка блеет –
И в этом жизнь.
Так любит мир.
Но лишь поэт любить умеет.
Когда, судьбу свою итожа,
Он различает –
час настал!
Любовь и смерть –
одно и то же!
И возникает мадригал.

Екатерина Фёдорова

Екатерина Сергеевна Фёдорова – доктор культурологии, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук, научный куратор ГОУДМШ им. С. И. Танеева. Выпускница филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Создала и более десятилетия ведёт два научных проекта МГУ: «Идеи века в истории рода», «Возвращение культурного наследия эмиграции в Россию» (в частности, семьи Альбрехт). Составитель сборника «Ars docendi. Искусство научить. К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Фёдорова. М.: ПСТГУ, 2015».

ИНТЕРВЬЮ О КРУГЕ ИНТЕРЕСОВ, РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЛЮБВИ В ЖИЗНИ КНЯЗЯ НИКИТЫ ДМИТРИЕВИЧА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКОГО

О ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ ЛОБАНОВЕ-РОСТОВСКОМ

Е. Ф.: В Вашей книге «Эпоха. Судьба. Коллекция», вышедшей в 2010 году, есть интересные сведения о Дмитрие Ивановиче Лобанове-Ростовском, славном военном, министре юстиции и члене Госсовета. Особенно значимым в его ратной жизни был эпизод, когда ему предстояло провести дипломатические переговоры. Они закончились успехом. А когда Вы впервые узнали о деятельности Дмитрия Ивановича, в связи с чем Вы стали интересоваться его личностью?

Н. Л.-Р.: По совершенной случайности. Лет 20 тому назад, когда книжник и антиквар Алик Рабинович послал мне копии рисунков чернилами, его изображавшие верхом на лошади, которые оказались в каком-то его альбоме. Конечно, я видел его портрет в Русском музее, лет 50 тому назад. И уже тогда мне хотелось получить качественную фотографию портрета. И как ни странно, не удалось, хотя у меня есть хорошая знакомая, Татьяна Куракова, в музее.

Е. Ф.: Я знаю, Ваш дядюшка, Николай Иванович Лобанов-Ростовский, тоже интересовался жизнью этого предка и оставил некоторые высказывания по поводу него в своих мемуарах. В неопубликованной рукописи из Вашего архива Николай Иванович, до октябрьских событий – чрезвычайный и полномочный посол Российской империи в Албании, – пишет о предках Дмитрие Ивановиче и Алексее Борисовиче Лобановых-Ростовских с «исторической горечью»: «Это были ветви, близкие к трону. Они были отторгнуты прочь, их слава была затёрта среди постоянных посетителей “Жокей-клуба в Париже” или среди старейших завсегдатаев Ментона, Ниццы или Канн». Заинтересовавшись этой фигурой, какими путями вы стремились увековечить его память, помимо купленного на аукционе портрета и подаренного Посольству РФ в Париже?

Н. Л.-Р.: Статьи в журналах о нём и в моей серии «Рюрикович» мне кажутся минимальными, ибо он настолько огромная личность, у него столь блестящие военные и государственные достижения, что все до сих пор сделанные мною усилия – «уколы комаров». Мне было приятно подарить портрет Дмитрия Ивановича Посольству в Париже, чтобы посол – при визитах к нему разных лиц – мог подводить их к портрету и рассказывать

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский

*Дмитрий Иванович
Лобанов-Ростовский*

о нём, ведь вся тильзитская история представляет собой символ дружеских отношений России и Франции. Такие картины на английском называются conversation piece (предмет для разговора). В Англии принято начинать разговор о погоде. А потом можно перейти к тематической беседе.

Е. Ф.: *Вы считаете, что уместно, чтобы в Посольстве висели именно портреты, а не жанровые картины, например, или пейзажи?*

Н. Л.-Р.: Увы, у меня нет жанровых картин и нет цели дарить Российскому посольству классическую русскую живопись, а есть цель – дарить портреты личностей, строивших Российскую империю, в частности портреты членов Дома Романовых. Что я и делаю. И мои друзья.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Е. Ф.: *А как это коррелирует с Вашей идеей создать в России Национальную портретную галерею?*

Н. Л.-Р.: Национальная портретная галерея – моя мечта, но я понимаю, сколь это предприятие убыточно. И если бы я считал возможным в ближайшее время реальное осуществление НПП, я бы не дарил портретов из своей коллекции посольствам и МИДа, а хранил бы их для галереи. Негативное отношение руководителей российских музеев к НПП происходит потому, что они боятся лишиться доходов. Но это – не главное. Они боятся лишиться командировок в капстраны, когда они одалживают свои портреты Парижу, Нью-Йорку и Токио. И они забывают, что моё предложение – не расстаться с портретами, а только одолжить на время. Картины остаются на балансе местных музеев, а их периодически отдают на шесть месяцев Национальной портретной галерее. Но это обстоятельство главы музеев утаивают в своих официальных возражениях и, конечно, борются за свои командировки.

Е. Ф.: *Даримые Вами портреты в общественные места РФ за рубежом ведь несут аналогичную функцию – визуально знакомят посетителей с историческими фигурами, строившими Российскую империю?*

Н. Л.-Р.: Главное здесь – масштаб. НПП в Лондоне в год посещает 1 миллион 400 тысяч человек, то есть где-то 4000 человек в день. Это сравнимо с Эрмитажем. А в другие художественные госучреждения России ходят – ну, может быть, 300 или даже 500 человек в день. Все равно, несравнимо по масштабу, который бы был при наличии НПП в России.

Е. Ф.: *Я не про масштаб, а про основную идею?*

Н. Л.-Р.: Основная идея – визуализация и, таким образом, индивидуализация героев российской истории для широкого круга российского населения, от древних времен до наших дней. Она должна быть не спорадической, а повсеместной. И масштаб тут играет первостепенную роль?

НОСТАЛЬГИЯ ПО РОДИНЕ

Е. Ф.: *Вот Вы переехали в свободный мир, жили в Париже, потом в Лондоне. Чувствовали ли Вы тайную ностальгию по тому месту, где родились?*

Н. Л.-Р.: Абсолютно никакой ностальгии. Было ощущение пережитого ужаса и чувство огромного удовольствия мыслить и говорить, что хочешь, при всех обстоятельствах. Это непонятно русскому человеку, который привык всегда жить в диктатуре – при разных её воплощениях, как в царской России, так и в коммунистической, так и сегодня. Человек, который жил в зависимом мире, тем более понимает, что такое быть свободным.

Е. Ф.: *Но есть же такое ощущение – на уровне физиологии, грусть, щемящее чувство, которое охватывает при воспоминаниях о месте рождения?*

Н. Л.-Р.: Я всегда очень рад бывать в Болгарии. Каждый год бываю там, где родился. И я сохранил всех школьных друзей! К сожалению, из них остался только один. Но я никогда не хотел бы вернуться и жить в Софии, боже упаси. Деревня...

Дом Берлина в Хеддингтоне, Оксфорд

Исайя и Алин. Оксфорд. 1974 г.

ИСАЙЯ БЕРЛИН

Е. Ф.: Русского читателя всегда интересует фигура Исайи Берлина. О нём написано несколько книг, одна из них – книга Анатолия Наймана, очень востребованная.

Н. Л.-Р.: Анатолий Генрихович Найман – конъюнктурный писатель. Не стоит читать то, что мне кажется дезинформацией.

Е. Ф.: *Согласна с Вами.*

Н. Л.-Р.: Найман пишет про себя. Чтобы себя выдвинуть. Книга Михаила Игнатъева «Жизнь Исайи Берлина» – объективна.

Е. Ф.: *Вы уже неоднократно рассказывали, что «на заре туманной юности» Исайя Берлин дал Вам бесценный совет – не тусоваться, а учиться. А как Вы с ним познакомились, как часто встречались?*

Н. Л.-Р.: С Исайей Максимовичем я познакомился сначала на обеде в Оксфорде в 1953 году у моей крёстной, Кати Ридлей-Бенкендорф. Знакомство перешло в дружбу, чему помогло следующее обстоятельство. В Париже Avenue d'Iena идёт от Триумфальной арки, как и другие пять проспектов, подобно тому, как располагает свои пальцы лапа утки. Они все связаны с историей Франции. Дом номер 52 на Avenue d'Iena – особняк герцогини де Муши. Один из самых престижных адресов Парижа. Мой дядя женился на её дочери, графине Сабин де Ноай, и поэтому проживал на одном из этажей четырёхэтажного дома. А в особняке рядом, номер 54, жил барон Гинзбург. Его дочь Алин была подружкой герцогини де Муши и моего дяди Вырубова. Через них я попал в её круг знакомых. Когда я приехал в Оксфорд в 1953 году, она была замужем вторым браком за известным физиком Штраусом, они жили в Хеддингтоне, на окраине Оксфорда... Когда на обед заказывалось вино, Штраус давал ключ лакею, чтобы он пошёл в погреб за вином, а затем отбирал ключ и возвращал себе в карман. Даже лакею не доверял ключи от винного погреба. Алин не выдержала его скупости и развелась. И у неё завязался роман с Берлиным. У Берлина (как и у Сталина) были затруднения с повреждёнными связками левой руки, и он был очень полным человеком. Так что в смысле физической привлекательности я просто не мог для себя их сопоставить – она была спортивная, подтянутая, элегантная, привлекательная, очень богатая – и чрезвычайно умная. Алин наполовину или даже мажоритарно владела гостиницей «Риц» в Париже. Зато Берлин был настолько обаятелен как человек, взволнованный, с повышенной чувствительностью, что это качество делало в нём незаметными все его недостатки. Да, ещё дело и в тембре голоса – живого, одновременно глубокого, мягкого и трепетного. Приехал из Риги эмигрант-еврей, «наш человек» – и все увидели в нём блестящий ум, сочетающийся с особенной человеческой доброжелательностью. Это естественно соответствовало его натуре. Единственный случай в Оксфорде, когда на его лекциях – в самом большом зале, люди стояли на лестнице – настолько они были увлекательны. Не вмещала людей аудитория. Он же получил титул сэра от королевы Елизаветы, ибо на приёмах королевы его всегда сажали рядом с ней. Потому что он заводил такие интересные разговоры, что мгновенно благоприятно располагал к себе людей. Знаете, он был подобен Высоцкому или Евтушенко, которые проявляли в выступлениях артистический дар.

Я помню, у Евтушенко был вечер в Софии, который устроил поэт и писатель Любомир Левчев. После двухчасового выступления мы пошли ужинать. Евтушенко за столом от нервного истощения после того, как выложился на вечере, положил лицо на тарелку и так и заснул. Я испытал неудобство, но что делать?.. Так и Исая Максимович, выступал как актер, блестяще.

Е. Ф.: *Какие ещё темы Вы затрагивали с Берлином?*

Н. Л.-Р.: Большинство моих ужинов с Берлиным проходило в присутствии Жени Ламперта¹ и его супруги, моей крёстной, Екатерины, внучки царского посла в Лондоне графа Бенкендорфа. Речь заходила о философах, прежде всего это был Бердяев, которым занимался Женя Ламперт, велись разговоры о русской литературе. В то время я был абсолютной невеждой в этих темах. Сидел и слушал.

УЧЁБА

Е. Ф.: *Вам нравилось учиться в Оксфорде по специальности геология? Вам было это приятно?*

Н. Л.-Р.: Не только приятно. Я желал этого с 14-летнего возраста или даже раньше. Я увлекался минералогией. Большинство моих друзей по школе были увлечены геологией, разными её разделами. Одни стали геохимиками, другие палеонтологами, но все мы в школьные годы ходили собирать минералы. К счастью, столица Софии является бывшим дном озера, окружённого горами. И в этих горах в те времена все леса были вырублены. А были каменные карьеры, которые взрывали, и тогда открывались породы – в них можно было напасть на пегматитовые жилы, где находились чудные кристаллы. Этим мы занимались каждые выходные. И я знал достаточно, по крайней мере в минералогии, чтобы мне удалось попасть в Оксфорд. До того как я поступил на геологический факультет, я посетил Минералогический музей, и один из преподавателей, который потом меня учил, сопровождал экскурсию по музею. И я делал свои комментарии по поводу минералов и других ископаемых, окаменелостей животных и растений, он увидел, что я знаю и интересуюсь, а не просто поступаю ради диплома. Это тоже помогло мне поступить.

Е. Ф.: *Сам процесс обучения Вас удовлетворял? Это было то, что Вы ожидали?*

Н. Л.-Р.: Да, абсолютно.

Е. Ф.: *Вы захотели освоить новую, финансовую стезю, но с болью ли Вы устремились в другую специальность? Отрывали ли от сердца геологию?*

Н. Л.-Р.: Нет. Потому что я видел, что в капстранах, например в США, если вы хотите иметь значительные деньги, в те годы их нельзя было заработать, будучи инженером. Ни одна из нефтяных компаний в США не возглавлялась геологом. Изредка во Франции и Германии главой такой компании мог стать геолог, но только тот, который получил дополнительное образование. А в Америке – главами были или бухгалтеры, или адвокаты. Поскольку я строил свою жизнь для того, чтобы жить в Соединённых Штатах, я понял, что нужно изучить азбуку бухгалтерии и финансовых дел.

Е. Ф.: *А само по себе финансовое дело и бухгалтерия Вам были интересны?*

Н. Л.-Р.: Абсолютно нет! Бухгалтерия настолько скучна. Это прагматическая наука. Что значит, прагматическая? Вы должны принимать как аксиому, что такое-то правило является на данный момент образом действия. Как это происходит и в юриспруденции, куда я никогда бы не пошёл, чтобы снова окунуться в эту «стерильность», или в систему богословия, где вы принимаете аксиомы, с моей точки зрения, совершенно не соответствующие действительности...

Е. Ф.: *Значит, Вы умеете рациональным подавлять чувства?!*

Н. Л.-Р.: Когда надо – это необходимо.

Е. Ф.: *Многим необходимо, но они не умеют. Я не умею.*

Н. Л.-Р.: Не хотят!

Е. Ф.: *Нет. Это должен быть такой встроенный механизм в натуре человека, как у Вас. С другой стороны, графологический анализ, сделанный по Вашему почерку, когда Вы должны были занять крупную должность в банке, утверждает, что Вы очень чувствительны. Да я сама так думаю. Получается оригинальная картина. Вы глубоко чувствительны – такие люди не умеют до конца подавлять чувства. Значит, в глубине себя Вы носите их груз. То есть Вы рассказываете так, как*

¹ Евгений Ильич Ламперт (1914–2004) – философ, филолог, исследователь православной культуры. Ученик прот. Сергия Булгакова; в Париже был секретарём и учеником Николая Бердяева.

Доктор Дж. В. Харрисон рассказывает о геологии студентам

Никита. Крайст-Черч. 1954 г.

рассказываете, а на самом деле у Вас всё немного сложнее. Душа-то по геологии всё-таки болела, вспоминалась она?

Н. Л.-Р.: Постоянно... Я продолжаю мыслить в контексте геологии. И самое главное, что я оставил большую часть своего состояния для создания факультета планетарной геологии в Оксфорде, а не для создания факультета бухгалтерского дела! Вот значительное доказательство.

Е. Ф.: *Значит, Вы всё-таки страдали немножко, будучи вынуждены заняться другой сферой, я так всегда и думала. Кого Вы назовёте, помимо Вашего главного учителя Кента, чьи высказывания, соображения, образ жизни, одежда влияли на Вас или поразили в эпоху Оксфорда? И кому Вы старались подражать и в чём?*

Н. Л.-Р.: Мой преподаватель Харрисон (Dr. J. V. Harrison) – шотландец – был очень доброжелателен. Через несколько лет после окончания учёбы в Оксфорде я его навестил и принёс ему большой горшок с цветами. Он был очень тронут и сказал, что я единственный студент, который через много лет принёс ему цветы. У меня есть фотография с ним – в тот момент, когда на экскурсии он рассказывает о геологии студентам.

БЫТ

Н. Л.-Р.: Что касается одежды, для меня образцом был дядя, Николай Васильевич Вырубов. Я ему подражал. Он всегда ходил в свежей рубашке, в костюме, всегда был прибран, даже когда ему было за 90 лет и болезни его одолевали. Он всегда был подтянутым, в любых условиях.

Из приятелей-студентов на меня, несомненно, влиял Питер Зиновьев, тоже эмигрант, который был геологом и старше меня. Он мне очень помогал в изучении минералогии. Он любил музыку, играл на рояле и впоследствии стал профессиональным исполнителем современной музыки. «Таймс» посвятил целую страницу его некрологу, когда он скончался. Мы много вместе слушали музыку. Когда вы занимаетесь петрографией, то есть смотрите породы под микроскопом, – вы часами их изучаете. И это может стать занятием, в конце концов, монотонным и скучным. У Зиновьева тогда был проигрыватель, с магнитофонной лентой, на котором мы слушали Моцарта и Баха. Очень хорошо подходил нашим занятиям почему-то Концерт Моцарта для кларнета (*нависывает тему*). Оперу слушали мало, главным образом – камерную музыку. Иногда Дворжака, например. В музыке главное открыл для меня ещё в Болгарии Данчо Иванов, впоследствии известный певец. В отличие от других студентов каждую субботу и воскресенье мы с Питером Зиновьевым тайком ходили в здание геологического факультета. Что значит – тайком? – На выходные всё было заперто. Но можно было пластмассовой карточкой как-то открыть дверь. И мы входили – никого нет, простор! Сидишь себе спокойно над микроскопом, пьёшь горячий чай и слушаешь хорошую музыку. К счастью, мой приятель интересовался учёбой столь же серьёзно, как и я.

Е. Ф.: *Никита Дмитриевич, а в Оксфорде Вы голодали?*

Н. Л.-Р.: Главным образом голодал я в Болгарии. Да, приходилось и в Оксфорде. Потому что денег было мало. Потому я и разболелся в годы учёбы, подхватил пневмонию с плевритом, и последствия этой болезни остались на всю жизнь.

Е. Ф.: *А скажите, эти типично английские вещи, которые коробят тех, кто к ним не привык, как-то осложняли Вам жизнь, например холодные комнаты?*

Н. Л.-Р.: Тяжело. В те времена, после войны, а в Англии сильнее, чем в других местах, просто ничего не было. Ведь Англия задолжала огромные деньги США (которые окончательно выплатила только в 2015 году, через полвека). Например, я привозил мясо из Франции, когда бывал на каникулах. А чтобы в комнате было отопление, нужно было положить в ячейку монетку. Которой часто не хватало. Кроме того, сильная влажность и частые дожди – всю зиму.

Е. Ф.: *Англия испортила Вам здоровье?*

Н. Л.-Р.: Да.

ИНТИМ

Е. Ф.: *У Вас был во времена Оксфорда роман с сербской княжной Елизаветой Павловной Карагеоргиевич. Вы были сильно влюблены?*

Н. Л.-Р.: Ещё бы!

Е. Ф.: *А она?*

Н. Л.-Р.: Предполагаю, что да, иначе бы она не приезжала в Оксфорд.

Е. Ф.: *Почему ж вы расстались?*

Н. Л.-Р.: Потому что я был молод, денег не имел, был совершенно неперспективным женихом. Её отец, князь Павел, был бы для меня идеальным тестем, потому что он был очень значимым коллекционером искусства – мирового класса. Его большое собрание стало основой музея изобразительного искусства в Белграде. Я дружил с её матерью, которая была сестрой герцогини Кентской. Так что у нас было много общего. Но денег у меня не было! – И у неё не было.

Е. Ф.: *И это препятствие?*

Н. Л.-Р.: Да. И дед мой, Василий Васильевич Вырубов, почему-то не очень был воодушевлён этим романом.

Е. Ф.: *А вот у Вас в дневнике есть запись: «К сожалению, теперь Элизабет меня больше не любит». Вы это почувствовали...*

Н. Л.-Р.: Через известное время она меня бросила. Я болел в то время и ужасно выглядел, лежал в госпитале, где она меня навещала. Может быть, она испугалась моего вида. Это был предлог...

Е. Ф.: *Да, при влюблённости это бывает, она может внезапно исчезнуть, если «вид не тот», любовь такие вещи убивают...*

Н. Л.-Р.: Увы...

Е. Ф.: *Ваши первый страстный настоящий роман с учительницей Лили описан Вами и Вашими биографами ярко и откровенно, а ранние школьные влюблённости бывали?*

Н. Л.-Р.: Были, но мимолётные. Первым романом был тот самый, с Лили, сердце стало жить самостоятельной жизнью лет с 16.

Е. Ф.: *Вы сожалеете, что первый брак Ваш был столь ранним. Вы влюбились в Нину или она была «якорем спасения» от одиночества?*

Н. Л.-Р.: Нет. Какое одиночество?! У меня всегда была туча знакомых, я прекрасно жил в Нью-Йорке, в замечательных условиях, в шикарном, самом элитарном доме Манхэттена. И я влюбился. И она влюбилась! Наверняка! Несмотря на то что до нашей свадьбы у неё уже было предложение руки и сердца, – она была помолвлена с бароном Жансенем, сыном главы огромной фармацевтической компании в Бельгии. Первые годы были счастливыми, и для меня и, полагаю, для неё.

Е. Ф.: *Что же было «сломом», что испортило Ваш брак?*

Н. Л.-Р.: Самое сильное ощущение того, что всё испортилось, у меня произошло, когда мы переехали в Лондон. Потому что в Нью-Йорке я работал – чтобы не преувеличить – не менее 12 часов в день, у меня почти никогда не было свободного времени. В банке я заведовал странами с разными часовыми зонами, поэтому был занят круглосуточно. И у меня не хватало времени обращать внимание на взаимоотношения с Ниной. Работа же в Англии для меня казалась такой комфортной, как будто я попал в санаторий. Я заканчивал рабочий день в шесть часов. Ну, иногда оставался, если нужно, до семи-восьми вечера. Но у меня появился избыток времени. И тогда я стал часто бывать с Ниной. И стал замечать, что она постоянно стремится меня «исправлять-улучшать». Я надену галстук – она

*Княгиня Елизавета Павловна
Карагеоргиевич и Никита.
Париж. 1955 г.*

*Лили Дюлгерова и Никита.
София. 1952 г.*

*Нина и Никита на балу.
Нью-Йорк. 1967 г.*

часто скажет: «Этот галстук не подходит тебе, нужен вот такой». Или: «У тебя сегодня мятый костюм, пожалуйста, переодень его». Или: «Эти ботинки не подходят». Это очевидные детали. Но их было множество. Переизбыток. В застольях, которые у нас часто бывали, потому что Нина очень хорошо готовила, – скажем, два раза в неделю мы принимали у себя, и два раза в неделю бывали у других, – Нине всегда было необходимо оставить последнее слово за собой: Она права! – И я вообще перестал разговаривать. Даже как-то перестал социально жить.

Е. Ф.: *Она этого не почувствовала?*

Н. Л.-Р.: Нет, продолжала ту же линию. И продолжает до сих пор. Так что когда я захожу её проведать, скажем, раз в месяц, я лишь сижу и слушаю. Её не очень интересует, что я делаю, чем занят в настоящий момент. Она хочет доминировать и говорить-говорить-говорить. А стоит мне высказать что-то своё, в ответ я получаю упрёк, что не то и не так говорю или делаю. Значит, продолжение совместной жизни на каком-то этапе стало невозможным. И я сказал: или я уйду, или сойду с ума.

Е. Ф.: *А Вы не пытались «сесть и поговорить», объяснить словами, что Вам неприятно?*

Н. Л.-Р.: Не только обсуждали, но и часто ходили к психологу, чтобы найти какой-либо приемлемый выход. Я заметил, что даже психолог был в недоумении...

Е. Ф.: *Мне кажется, что Ваше решение уйти далось Вам нелегко и вызвало этот «выстрел» в сосуды глаза и начало диабета?*

Н. Л.-Р.: По времени совпадает, но это не так. Диабет был и раньше, его лишь открыли в это время.

Е. Ф.: *Для Вас – освобождение, для неё – трагедия? И она до сих пор не простила, как мне кажется...*

Н. Л.-Р.: Может быть. И Нина так и не нашла спутника, который мог бы выдержать её «повреждённый» характер. При том что интеллектуально она изумительно интересный человек. Таким же был её отец, блестящий французский дипломат.

Е. Ф.: *За что Вы ей благодарны, какими вещами она Вас обогатила?*

Н. Л.-Р.: С ней было очень интересно. У Нины потрясающая память, она как энциклопедический словарь. У неё высокие общие интересы. Она очень помогла систематизировать наше собрание. И при этом мы никак бы не смогли накопить определённое количество денег для покупки наших листов, если бы мы не жили на её зарплату – а на покупку коллекции я тратил свою зарплату. Так что я очень, очень обязан ей, несомненно.

Е. Ф.: *А помните ли Вы моменты счастья в молодости или зрелости?*

Н. Л.-Р.: Я думаю, что, прежде всего, для меня являлось счастьем – быть с матерью. Я безумно её любил. И она меня любила беззаветно. Потом я чувствовал себя очень счастливым в моменты интимности и объединения с учительницей Лили, моей первой любовью. Затем я был по-настоящему

*Джун и Никита. Лондон.
30.07.2022 г.*

счастлив, когда сдал экзамены в Оксфорде. Я помню, как отправил дедушке Василию Васильевичу Вырубову телеграмму на латыни, начиналась она так: «Carus avus! Successus! – Дорогой дед! Успех!» Ламперты в своём доме сдавали комнаты студентам. Среди них был Миша Кульман, сын Марии Кульман, основательницы Пушкинского дома в Лондоне. Я к поступлению в Оксфорд так хорошо изучил латынь, которую в Софии мне никогда не преподавали, что утром за завтраком мы с Мишей Кульманом, который тоже жил у Лампертов, разговаривали по-латыни! Так что я, к счастью, здорово преуспел, читая и Цицерона, и Цезаря. Помню и сейчас, как начинаются «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря: «Gallia est omnis divisa in partes tres»...

Е. Ф.: *Последний раз когда Вы были счастливы?*

Н. Л.-Р.: О-о-о, сейчас я постоянно счастлив в браке с Джун. Постоянно. Ежедневно. И я это говорю ей каждый день.

Е. Ф.: *А она Вам?*

Н. Л.-Р.: Она мне говорит, скажем, один из пяти раз, когда я говорю ей об этом.

Е. Ф.: *Вот есть роман-фантазия Наталии фон Гентшиенфельде «Диалектика любви» о Вашем предке, князе Алексее Борисовиче Лобанове-Ростовском, успешном и превосходном дипломате, который действительно на три года оставил своё поприще ради возлюбленной, бежав с ней в Ниццу. Автор, которая в Вас была влюблена, проводит параллель между ним и Вами, не в пользу Вас, как она это понимает. Она показывает, как Вы похожи, очень преданные делу, сосредоточенные на служении карьере люди, аккуратно относящиеся ко времени. Однако посол мог, будучи захвачен чувством и попав в те обстоятельства, где надо было выбрать или любовь, или должность, – сделать любовь делом своей жизни. Возлюбленная Алексея Борисовича была женой французского посла в Константинополе, где послом России был и князь Лобанов, и спасти свою любовь можно было только бегством. Во всех интервью, которые Вы давали по поводу этого поступка Алексея Борисовича, у Вас видно явное недоумение, Вы сами себе его объяснить никак не можете. А Вы бы так разве не могли поступить в подобных обстоятельствах – Вы же страстный и любящий человек?*

Н. Л.-Р.: Нет. Почему? Чувство ответственности взяло бы верх. Алексей Лобанов был крупным сановником Российской империи, у него было блестящее будущее. Он поступил как джентльмен, но нерационально. Я нерационально поступать бы не стал. Объяснения, почему, могут быть какими угодно. Но факты здесь – самое главное.

Е. Ф.: *Вы говорите, что бухгалтерский учёт – материя скучная, а околофинансовая жизнь с её хитросплетениями, о которой Вы так интересно рассказываете в разных интервью, Вас увлекала?*

Н. Л.-Р.: Очень. Я настолько увлёкся работой, что, если бы ещё представилась такая возможность, я бы продолжал делать своё дело даром, просто даром. Потому что я стал состоятельным человеком и мне было безразлично заработать или нет ещё какую-то сумму.

Е. Ф.: *Получается, что преодолеть учение Вам было скучно, но и финансовая специальность стала Вашей большой любовью?*

Н. Л.-Р.: Да, я был влюблён в эту специальность! Мне было интересно встречаться с большими личностями. Когда вы одалживаете деньги государству, вы ex officio, по необходимости, встречаетесь с высшим руководством стран, деятельными и интересными людьми. Например, на мой взгляд, выдающимся человеком был Владимир Алхимов, глава Центробанка СССР.

Е. Ф.: *Когда Вы проходили ступени банковского служащего, как к Вам относились окружающие?*

Н. Л.-Р.: В Америке очень хорошо. В Нью-Йорке не было никакой дискриминации. В этом привлекательность Америки. Частично этому я должен системе взаимоотношений с работодателем – так проявляется капиталистическая закваска. Работодатель интересуется тем, что из вас можно «высосать».

Ему безразлично, кто вы, что вы и откуда вы? – Вопрос в том, можете ли вы помочь ему заработать деньги или нет? – этот подход мне очень помог, как и многим другим эмигрантам.

Е. Ф.: *А дружбы в финансовой сфере завязывались?*

Н. Л.-Р.: Да, конечно, и остались прочными и навсегда – и с моим начальством, и с коллегами.

Е. Ф.: *Вы так успешно и быстро росли по карьерной лестнице, зависть и неприязнь Вас не сопровождали?*

Н. Л.-Р.: Постоянно. Почему? Я как раз обсуждал это вчера в самолёте. Рядом со мной сидела девушка, которая учится психологии. Я спросил её, какие книги она читала. Она ответила, Дейла Карнеги. Я ответил, что Карнеги – один из двух авторов, которые оставили самое сильное впечатление в моей жизни. И вот Карнеги утверждал: если вы делаете на 10–15% больше, чем остальные, то вы неизбежно продвигаетесь. Благодаря тому что я был чемпионом Болгарии по плаванию, у меня была масса энергии и крепкое здоровье, я вкалывал гораздо больше, чем мои коллеги например. Полёт из Сан-Франциско, скажем, в Тегеран – 18 часов. В те дни летал «Боинг 7–47», где в первом классе наверху есть комната с большим столом. Возвращаясь, я в течение восьми часов писал свои отчёты. Так что, появляясь на службе, я сразу давал их секретарше для перепечатки и тут же включался в текущую работу. Другие коллеги, когда возвращались из загранкомандировки, в течение трёх дней занимались писанием своих отчётов. Ибо в самолёте они ели и пили на халяву и тусовались. Конечно же, мне завидовали! Почему я вдруг приезжаю со всеми готовыми докладами, а они их только начинают?..

Е. Ф.: *Как же это выражалось? Подножки подставляли?*

Н. Л.-Р.: Постоянно. Да.

Е. Ф.: *Как Вы отбивались?*

Н. Л.-Р.: Иногда просто фактами. Иногда удавалось отбиться письменным доказательством. Например, начальник отделения нашего банка в Лондоне Гари Париш пожаловался, что я приехал в Лондон, не уведомив его, что полагалось делать. По протоколу, сотрудник банка, приезжающий в страну, должен уведомить об этом главу банка в данной стране. К счастью, у меня была копия телекса к Паришу, где было указано, что я приезжаю в Лондон и буду там посещать такие-то арабские банки. Я предоставил этот телекс моему начальнику. Увы, моему оппоненту ничего не грозило – он был женат на дочери главного акционера банка. Иногда удавалось отбиться... Но часто мне приходилось и получать нагоняи. Подобное бывало и в компании Де Бирс. Георгий Васильчиков соврал однажды, указав, что я не согласовал очередную командировку в Гохран. Опять выручила меня копия телекса. Однако и Георгий Илларионович не пострадал, будучи любимцем Ники Оппенгеймера, наследника алмазной монополии.

Е. Ф.: *Личности уровня сэра Исайи Берлина, которые бы на Вас интеллектуально влияли, существовали в финансовой сфере?*

Н. Л.-Р.: Да. Очень ярким примером был председатель совета директоров банка Эрнст Абракл. Однажды мы поехали с ним в Анкару. И он попросил сходить с ним на рынок. Я удивился. Он внимательно изучал цены на продукты. Я задал вопрос: «Что вас интригует?» Абракл ответил: «Я сомневаюсь в статистике, опубликованной в печати. Мне важно видеть, что платит народ за продукты и привести это в соответствие с его зарплатой». Меня этот пример навёл на рациональный подход – сомневаться в финансовой пропаганде, а углубляться опытным путём в суть вопроса.

Е. Ф.: *А чему особенно Вы научились у финансистов, быть может, не прямо в банковском деле, а в других сторонах жизни?*

Н. Л.-Р.: Например, тому, что стоит менять профессию каждые 10 лет. Этот же человек Эрнст Абракл был ранее президентом университета Стаффорда, а ещё ранее – президентом рекламной компании. Его принцип был в том, что человек после 7–10 лет пребывания на том же месте перестаёт быть новатором, а становится менеджером повседневных дел, перестав быть локомотивом нового в своём деле. И потому нужно регулярно менять профессии, потому что каждая понуждает вносить в вашу деятельность нечто новое. И мне удавалось – по разным обстоятельствам, так складывалось – менять профессию примерно раз в семь лет.

Е. Ф.: *Ну и сейчас у Вас возникла новая специальность – Вы создаёте книги, посвящённые своей жизни и судьбам Ваших предков, в которых есть исторический, документальный и искусствоведческий аспекты, и как видно, успешно продвигаетесь в этой деятельности.*

Н. Л.-Р.: Не специальность. Сейчас просто занятие.

СОБРАНИЕ

Е. Ф.: *Какие художественные находки Серебряного века были самыми радостными, самыми неожиданными и самыми запоминающимися?*

Н. Л.-Р.: Я прихожу к антиквару Роботу Каши на 74-й улице Ист в Манхеттене. Графика лежала у него в ящиках. И вот он вынимает из ящика лист декорации Ларионова к балету «Шут». – Это я понял мгновенно, в полсекунды. Я не поверил своим глазам. Это величайшая вещь! Я был в обмороке, я был в восторге оттого, что смог купить за доступную мне цену редкую, красивую работу Ларионова.

Е. Ф.: *Как Вам удалось сразу угадать произведение?*

Н. Л.-Р.: Я знал Ларионова, знал его живопись, часто бывал у него дома. Мне не удавалось у вдовы покупать значительные вещи из-за высоких цен. А тут – одна из ключевых работ Ларионова, да и мне по карману!

Ещё я хотел иметь как можно больше работ Александра Бенуа к «Петрушке» и «Павильону Армиды». И когда его сын, художник Николай Бенуа, сказал мне, что у него есть папка с эскизами всех персонажей к «Петрушке» и он согласен мне их продать, это было моментом величайшей важности для меня. И то же произошло с эскизами к «Павильону Армиды». Сам Александр Николаевич подготовил эскизы для всех персонажей для подарка Валечке Нувелю, композитору и деятелю «Мира искусства», но не успел это сделать. Дочь Александра Николаевича, Анна Черкесова-Бенуа, показала мне это собрание и согласилась продать мне все эскизы.

Ну и, конечно, шок, который у меня был, когда мы с Ниной в Афинах зашли в кафе «Петроград», где стены были увешаны работами Павла Челищева! И нам их позже продал Ники Яковлев, хозяин заведения!

Е. Ф.: *К шокам и восторгам приобретателя относится Зинаида Серебрякова и её творчество?*

Н. Л.-Р.: Нет. Это не было шоком неожиданной находки. Я часто бывал в доме Екатерины, дочери Серебряковой, сознательно стремился купить её работы.

Е. Ф.: *Вы собирали всех театральных художников Серебряного века, чтобы собрать систематическую коллекцию. А кто Вам не нравился, кого Вы недолюбливали из Вашего собрания?*

Н. Л.-Р.: Да, вот, Эрте – псевдоним Петра Тыртова, у меня есть одна его работа, для систематичности, а остальные я отдал в Метрополитен-музей. Мне мешала его явно «нетрадиционная ориентация». А вот у Николая Калмакова, скопца и странного человека, чудные и глубокие работы. Причём чудачество простиралось так далеко, что он не подписывал свои работы, а вместо подписи рисовал стилизованный член...

Е. Ф.: *Вы с Ниной заранее намечали концепцию собрания или, наоборот, Вы собирали-собирали, а концепция сама стала вырисовываться, исходя из материала?*

Н. Л.-Р.: Концептуально мы собирали следующим образом: Нина всегда стремилась иметь полный подбор к данному балету. А я всегда стремился, из-за того что у нас было ограниченное количество денег, найти по 2–3 работы от наибольшего количества художников.

Е. Ф.: *И только в этом было Ваше расхождение в коллекционировании?*

Н. Л.-Р.: Расхождений не было. Были разные подходы.

Е. Ф.: *Когда впервые у Вас возникла мысль – дарить России, у Вас одного или у вас обоих?*

Н. Л.-Р.: Конкретно в 1970 году, когда я купил у вдовы Судейкина его архив. И так как я был в переписке с Ниной Коган, которая в Москве писала о Судейкине книгу, я понял, что этот художник важен для России и никак не важен для Нью-Йорка, каким бы ни был он удачливым художником в Америке.

Е. Ф.: *И с тех пор дарение России тоже сделалось Вашей очередной «профессией»?*

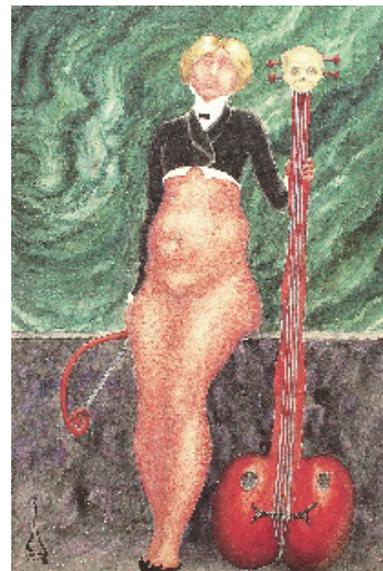
Н. Л.-Р.: Да.

Е. Ф.: *Что, Вы считаете, эмигрантам следует дарить России, если они расположены ей дарить утраченные раритеты?*

Н. Л.-Р.: С моей точки зрения, каждой стране необходимо иметь материальные и художественные доказательства о своём прошлом, потому что их наличие утверждает нацию как таковую. Огромное количество письменных доказательств русского прошлого оказалось вне России. На одном из Всемирных конгрессов соотечественников был доклад одной из организаций, ассоциированных с МИДом, которая имеет финансирование на приобретение свидетельств русского прошлого. Я подошёл к автору доклада и сказал: «Коль у вас есть средства, закажите и купите программу в интернете, которая вам

Декорация к балету «Шут».
М. Ларионов. 1921 г.

Эскиз костюма виолончелиста.
Н. Калмаков. 1908 г.

будет указывать, например, где продаются архив Корнилова или живопись Серова. Сводки будут поступать ежедневно. Выбирайте то, что вам интересно и покупайте для российских архивов. Вот мое конкретное предложение».

Е. Ф.: *Вы всегда настаиваете на рациональности Ваших поступков, но, на мой взгляд, она вовсе не исчерпывает высоких порывов Вашей личности, потому что Ваши инициативы – проект памятника героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе, памятника Народного единства в Севастополе, где белый и красный стоят рядом, каждый в своей правоте и скорби, – это же символы, нечто иррациональное, выраженное в монументальном искусстве. Вы считаете, что, когда появляются такие символы, что-то сдвигается в сознании людей, в обществе?*

Н. Л.-Р.: Несомненно. Это именно реально, рационально и весьма осязаемо. На Поклонной горе – огромный монумент, который виден каждому прохожему и проезжающему, нельзя его не заметить. Он меняет панораму. И там постоянно происходят церемонии, связанные с военными датами.

Е. Ф.: *Значит, это вновь Ваш рационалистический взгляд на влияние искусства на людей, не идеалистический? Вот многим до сих пор кажется, что если вынесут останки Ленина из Мавзолея, то в обществе что-то глобально переменится, и это, конечно, было бы символическим действием...*

Н. Л.-Р.: У меня всё-таки рациональный подход преобладает. Человек видит некое художественное воплощение события и поневоле начинает о нём узнавать и думать. До появления монумента героям Первой мировой войны в России вообще было запрещено разговаривать о её героях и её жертвах. А теперь память воплощена въяве.

Е. Ф.: *Вот памятник Народному единству в Севастополе. Вы же не будете отрицать, что этот «надлом» между белыми и красными существует и по сей день? Символ, воплощённый в камне, может приблизить затягивание разрывов?*

Н. Л.-Р.: Со временем это непримиримое поколение умрёт. И если будущие поколения будут видеть историю, рассказанную в камне, скульптурную группу, которая огромна и видна в Севастополе со многих сторон, следовательно, они будут знать об этом историческом периоде и его последствиях. Важно – знать. Диктатура в России и Германии лишь спорадически проявляется в том, что накладывает некие ограничения на действия человека. В Китае же правительство через интернет и ТВ сознательно промывает мозги всему населению. Это беспрецедентный факт приведет к тому, что будущие поколения будут подсознательно настроены действовать как роботы и как хочет их правительство.

Е. Ф.: *Эра ментального рабства, худшего, чем физическое?*

Н. Л.-Р.: Абсолютно. Китай до этого дошёл.

Е. Ф.: *Ваша следующая книга из серии «Рюрикович» будет называться «Житьё-бытьё многогрешного раба Божьего Никиты». Ждём новых открытий в ней и новых Ваших, всегда неожиданных и острых мыслей.*

Юлия Воинова-Жунич

Юлия Владимировна Воинова-Жунич – есаул Союза казаков Кубани, действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина, Почётный член Международной академии современных искусств; глава и учредитель «Русско-Сербского Центра поддержки традиционной культуры»; Президент I Международного фестиваля школ искусств и детско-юношеского творчества «Мы выбираем МИР! За мир без нацизма»; директор Международной школы искусств «От Чистого Истока»; специальный корреспондент ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ФОНДА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ «Столетие» на территории Сербской Республики; руководитель «Международной студии документальных фильмов»; национальный куратор Международного конкурса юных чтецов «Живая классика» в Республике Босния и Герцеговина; член «Землячества Донбассовцев» в Москве и Российского творческого Союза работников культуры.

Официальный сайт: <https://yuliyakino.com/>

I МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ШКОЛ ИСКУССТВ И ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

«Мы выбираем МИР! За мир без нацизма» родился в начале января 2022 года на многострадальной Сербской земле.

Это первое масштабное мероприятие Международной школы искусств «От Чистого Истока», которая по Промыслу Божьему объединила мастеров высочайшего уровня – педагогов и организаторов из разных государств (среди них – доктора наук, известные деятели искусств, дипломаты, историки, военные и др.).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ИСКУССТВ
«ОТ ЧИСТОГО ИСТОКА»
«Содружество деятелей искусств и ценителей художеств
(Друштво умјетника и пријатеља умјетности)»
(Република Српска)

Торжественное открытие
27 февраля в 18:00 (мск)
в онлайн-формате
(платформа Zoom).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ШКОЛ ИСКУССТВ
И ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА
«МЫ ВЫБИРАЕМ МИР»

ПАРТНЕРСКАЯ ПОДДЕРЖКА:

- Международная Академия современных искусств (МАСИ)
- Абрамцевский филиал ФГБОУ ВО «МГХПА им. С.Г.Строганова»
- Государственный академический орден Дружбы народов и Святого благоверного великого князя Дмитрия Донского I степени (РПЦ) Кубанский казачий хор
- РОО «Землячество Донбассовцев»
- Центр поликультурного образования и многоязычия «Мир просвещения» (Ростов-на-Дону);
- Севастопольский Дом офицеров Черноморского флота Российской Федерации (ДОФ)
- Русское просветительское общество им. Императора Александра III

Информационные партнеры:

Вестёнок КЗ Информационная ПРАВДА

В ВЕСТАЖИ ВЕСТИ КАТЕМ

Prnjavorinfo.com СТОЛЕТИЕ

СЕРБИЯ

DP info dpa.gov.me

Соорганизатор фестиваля: «Содружество деятелей искусств и ценителей художеств» («Друштво умјетника и пријатеља умјетности», Республика Сербская). Председатель организации – действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина Желько Жарко Жунич.

Фестиваль прошёл при активном участии президента Международной академии современных искусств (МАСИ), доктора изобразительных искусств, профессора, почётного деятеля искусств России и мира Татьяны Гаврииловны Петровой-Латышевой.

В наш век постмодернизма, расчеловечивания, подмены понятий и возрождения нацизма и других радикальных течений очень важно сохранять традиции и истинные ценности наших предков.

Педагоги Международной школы искусств «От Чистого Истока» представляют разные области знаний, но их объединяет общая цель – правильное творческое воспитание и просвещение молодого поколения, основанное на традиционных духовно-нравственных ценностях.

Фестиваль проникнут общей идеей укрепления мира и добрососедских отношений между народами, чему мы учим и на чём воспитываем наших детей. Фестиваль призван развивать культурные традиции народов, воспитывать духовность и настоящий патриотизм, а также чувство солидарности с другими народами, а не мир, основанный на правилах.

Международный фестиваль школ искусств и детско-юношеского творчества «Мы выбираем МИР!» имеет огромное значение не только для всестороннего развития детского творчества в любом уголке мира с качественным педагогическим сопровождением, но является серьёзной площадкой для общения народов разных стран, представителей разных культур. Все мы объединены общей созидательной целью, что поможет фестивалю успешно действовать, глобально расширяться, собирая вокруг себя множество друзей – единомышленников в области подлинного традиционного искусства и культуры и осуществлять естественный культурный обмен между участниками фестиваля.

Важным является то, что участие в фестивале проходит на благотворительной основе для всех желающих (возраст участников от 6 до 23 лет).

Наши номинации: Хореография. Цирковое искусство. Вокал. Инструментальный жанр. Художественное слово. Литература. Журналистика. Театр малых форм. Скульптура. Живопись. Иконография. Фотография. Кино. Художественная керамика. Художественная обработка металла, камня, кости, дерева. Исторический костюм.

***Сердечно благодарим наших друзей-партнёров!
Фестиваль прошёл при партнёрской поддержке:***

РОО «Землячество Донбассовцев» в Москве;
Севастопольского Дома офицеров Черноморского флота;
Абрамцевского художественно-промышленного колледжа им. В. Васнецова (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова»);
Издательского дома академии Жуковского;
Информационно-аналитического издания Фонда исторической перспективы «Столетие»;
Детского журнала «Качели» (Минск, Республика Беларусь);
Российского информационного агентства «Ветеранские вести» (Москва);
Центра поликультурного образования и многоязычия «Мир просвещения» (Ростов-на-Дону);
Государственного академического орденов Дружбы народов и Святого благоверного великого князя Димитрия Донского I степени (РПЦ) Кубанского казачьего хора;
«Поколения уверенного будущего».

Информационные партнёры:

Литературно-художественный журнал «Берега» (Калининград);
«Столетие» – информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы;
Российское информационное агентство «Ветеранские вести» (Москва);
Информационное агентство ЛНР «Дикое поле» (dikoe-pole.info);
Республиканская общественно-политическая независимая газета «Крымская правда»;
Детский журнал «Качели» (Минск, Республика Беларусь);
Детский журнал «Наш Вестёнок» (Москва);
Телевизионный канал КЗ (Республика Сербская);
Литературно-общественный журнал «Голос эпохи»;
«Переправа» – культурно-просветительское сообщество;
Prnjavorinfo.com (Республика Сербская);
Электронное издание «Русская стратегия»;
«Казачий Информационно-Аналитический Центр» (МОО «ОРКСМИ “КИАЦ”»);
Международная студия документальных фильмов Юлии Воиновой-Жунич.

Выражаем благодарность и низкий поклон за молитвенную поддержку:

Митрополиту Изюмскому Елисею (Иванову);
Архиепископу, настоятелю Схалты преподобному Спиридону;
Епископу Ипполиту (Хилько);
Епископу Ялтинскому Нестору (Доненко);
Епископу Беловодскому, викарию Луганской епархии Павлу (Валуйскому),
Игуменье Антонии (Рыбинцевой), настоятельнице Свято-Рождества-Богородичного женского монастыря Луганской епархии;
Иеромонаху Кириллу (Зинковскому), наместнику ставропигиального Николо-Угрешского монастыря;
Игуменье Анне (Морозовой) настоятельнице Николаевской обители села Никольское Волноватского района Донецкой области;
Архимандриту Игнатию (Хоменко), настоятелю храма Рождества Пресвятой Богородицы села Крестище Славянского района;
Архимандриту Всеволоду (Георгице), духовнику Свято-Иоанновского скита Святогорской Лавры;
Архимандриту Никону (Дубляженко), насельнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры;
Протоиерею Кириллу Шкарбулю, настоятелю православного прихода в Тайбэй;
Протоиерею Виталию Тарасьеву (настоятелю храма Святой Троицы в Белграде, подворья Московского Патриархата в Сербии);
Монахине Ангелине (Лаврик), скитоначальнице Дивеевской обители;
Протоиерею Александру Лаврику, настоятелю храма Святителя Николая в Ямполе;
Иеромонаху Роману (Кропотову), насельнику Рождества Богородицы Свято-Пафнутьева Боровского монастыря;
Протоиерею Геннадию Ерёменко, иеромонаху Никите (Звереву), протоиерею Константину Кобелеву, протоиереям Вадиму и Константину Качаловым, протоиерею Никите Панасюку и всем, кто возносит святые молитвы о нашем делании.

Особая благодарность педагогам нашей школы:

Галине Мейкшан, Владиславу Талалаеву, Ирине Комаровской, Ольге Зелениной, Витомире Билян, Виктору Золотоногу, Алине Яровой, Александру Гончаруку, Николаю Трошкину, Светлане Еланцевой-Саузон, Ноне Шушанидзе;
Директору школы искусств № 2 г. Хотьково Альмире Шакуровне Солодиловой;
Заместителю директора Абрамцевского художественно-промышленного колледжа им. В. Васнецова Татьяне Николаевне Максutowой;
Педагогам – артистам Донецкой государственной музыкальной академии им. С. С. Прокофьева и Донецкой государственной академической филармонии Елене Трофименко, Татьяне Петровой, Нане Агумавой, Елене Шагун;
Народному артисту России Яну Осину;
Заслуженной артистке Республики Тыва Виктории Цыгановой;
Заслуженным артистам России Владимиру Дахненко и Инессе Рахваловой;
Деятелю искусств, музыканту-исполнителю, лидеру фолк-группы ИХТИС Адриану Гусейнову;
Деятелю искусств, сербскому музыканту-исполнителю, лидеру рок-группы «S vremena na vreme» Асиму Сарвану;
Рок-группе «Зверобой»;
Священнослужителю, художнику, путешественнику Фёдору Конюхову;
Балетмейстеру I категории, педагогу-хореографу, члену танцевального совета ЮНЕСКО Светлане Симиной;
Почётному президенту Академии современных искусств, художнику, деятелю искусств Николаю Седнину;
Журналисту, общественному деятелю Владимиру Головкину.

Волонтерам:

Людмиле Чайковской, Елене Сониной, Кире Бабушкиной, Илье, Элле и «ThePaseka».

Господа, дорогие друзья, приглашаем Вас к сотрудничеству. Вы можете выступить в качестве участника фестиваля, благотворителя или волонтера наших проектов. Необходимую информацию можно найти на сайте <https://yuliyakino.com/mezhdunarodnyj-festival-my-vybiraem-mir/>. Интересующие Вас вопросы и предложения, пожалуйста, присылайте по электронному адресу: sekundafoton@gmail.com.

***Благословение Митрополита Изюмского и Купянского Елисея (Иванова)
организаторам и участникам Международного фестиваля школ искусств
и детско-юношеского творчества «МЫ ВЫБИРАЕМ МИР»:***

«Бог благословит вас на великое и доброе дело. Сегодня, как никогда, весь мир нуждается в том, чтобы мир был в наших сердцах. Если мир будет в нашем сердце, то мир будет в нашей жизни. Дай Бог же вам здоровья, милости Божией, чтобы никогда в вашем сердце не охладевала любовь. Чтобы всегда вы помнили, что мы, прежде всего, являемся последователями Святых Апостолов. Мы являемся детьми Христа Спасителя. Мы являемся носителями Его заповедей, Его учения. Что именно Его учение должно проявляться в нашей жизни. Чтобы мы помнили, что любовь в этом мире, которую нам даровал Христос, выше всего и выше любви Божией нет ничего. И дай Бог же, чтоб мир, любовь, вера всегда пребывала в мире, а также пребывала у нас в Отечестве. Спаси Господи, за ваши добрые и великие дела. И да поможет вам Господь в дальнейшем. Храни Господь вас! Аминь!»

Предисловие к поэтическому сборнику, которому фестиваль подарил своё название:

Эта книга создавалась в сердцах людей, которые ни о чём друг с другом не стоваривались, но сердца их пламенеют одной огромной любовью к Родине: Донбассу, России, Небесному Иерусалиму. Словно драгоценные крупички, вошли в неё стихи и проза талантливых творческих людей, не просто любящих свою землю, а страдающих за неё и вместе с ней.

Сборник современных авторов «Свете Тихий – защитникам Отечества», был издан в городе Луганске, на героической земле Новороссии Луганской Народной Республики, весной. Родился благодаря стараниям и трудам поэтессы Светланы Тишкиной и её единомышленников.

Низкий поклон издателю Игорю Викторовичу Агибалову, взявшему на себя миссию переиздания книги. Благодаря его инициативе наш I Международный фестиваль школ искусств и детско-юношеского творчества «Мы выбираем МИР! За мир без нацизма» подарил дополненному сборнику своё название. Обогастил книгу и поэтическими, патриотическими произведениями, которые прозвучали на Гала-концерте в Московском Доме национальностей 15 мая 2022 года. Организаторы: Международная школа искусств «От Чистого Истока», «Содружество деятелей искусств и ценителей искусств (Друштво умјетника и пријатеља умјетности)» (Республика Сербская), при участии Международной академии современных искусств (МАСИ).

Наш фестиваль пока что младенческого возраста, на свет появился в январе, но уже сумел охватить 12 стран мира: Россию, Белоруссию, Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Республику Сербскую, Сербию, Грузию, Ливан, Египет, Перу, Австрию, Великобританию. Делание это – наш посильный вклад в борьбу за мир, что подтверждают слова члена жюри инструментальной номинации, ведущего концертмейстера кафедры академического пения Донецкой государственной музыкальной академии им. С. С. Прокофьева Елены Михайловны Трофименко: «Мы слушали ваши записи в ежедневно обстреливаемом Донецке. И на время этих прослушиваний, под музыку, которую исполняли дети, нам удавалось забыть о том, что рядом с нами взрываются снаряды и есть страх за жизни наших близких. Отступали, ставшие постоянными, напряжение и тревога, а возрождались терпение и вера. И даже одним только этим вы работаете на мир! Все, кто играет хорошую музыку, все, кто учит играть хорошую музыку, – вы приближаете мир везде, где сейчас неспокойно!...»

Пусть же эта книга живёт и пробуждает в людских душах любовь к Родине, желание её защищать, молиться о ней и о своём народе, не сдаваться и не пасовать перед трудностями и даже перед смертельной опасностью! И главное, воспитывать в духе героизма и патриотизма наших детей!

Мы выбираем мир, мы выбираем жизнь, мы выбираем музыку, мы выбираем веру, надежду и любовь!»

Приветствие членов жюри:

«Добрый день, дорогие друзья, уважаемые коллеги! Вас приветствуют члены жюри номинации «Инструментальный жанр» Международного фестиваля «Мы выбираем мир», музыканты из Донецка. Закончились конкурсные прослушивания, мы подвели итоги и хотим поздравить юных участников конкурса, а также их преподавателей, которые вложили большой труд в то, чтобы ребята показали максимально хорошие результаты», – *Татьяна Сергеевна Петрова (солистка-инструменталистка Донецкой государственной академической филармонии, преподаватель-методист высшей квалификационной категории, заведующая отделом народных инструментов КУДО музыкальной школы № 2 г. Донецка, лауреат международных конкурсов).*

«Поздравляем родителей, которые воспитывают таких замечательных, талантливых детей, во всём их поддерживают, радуются их успехам, помогают в восхождении к вершинам мастерства, проходят с ними путь, который никогда не заканчивается, потому что искусство – вечно, а музыка – Божественная составляющая нашей жизни.

Хочу сказать самые искренние слова благодарности в адрес всех концертмейстеров, сопровождавших выступления юных музыкантов. Пианисты на высоком профессиональном уровне поддержали своих солистов, дали им возможность раскрыться в полной мере, показали ансамблевую чуткость и музыкальность! Ваша помощь – неоценима!

Мы слушали ваши записи в ежедневно обстреливаемом Донецке. И на время этих прослушиваний, под музыку, которую исполняли дети, нам удавалось забыть о том, что рядом с нами взрываются снаряды и есть страх за жизни наших близких. Отступали, ставшие постоянными, напряжение и тревога, а возрождались терпение и вера. И даже одним только этим вы работаете на мир! Все, кто играет хорошую музыку, все, кто учит играть хорошую музыку, – вы приближаете мир везде, где сейчас неспокойно. И мы благодарны вам за это, низко кланяемся за это всем вам!

Выражаем огромную благодарность организаторам фестиваля, людям, которые вкладывают в него жизнь, душу и сердце! Успехов им в развитии этого важного дела в дальнейшем!

Фестиваль имеет обширную географию, объединяет творческих людей многих стран! Участие юных талантов даёт нам надежду на хорошее будущее. Именно эти дети идут вслед за нами. Мы уверены, что они будут во многом лучше нас, и мы им этого искренне желаем! Мы выбираем мир, мы выбираем жизнь, мы выбираем музыку, мы выбираем веру, надежду и любовь!» – *Елена Михайловна Трофименко (концертмейстер-аккомпаниатор Донецкой государственной академической филармонии, ведущий концертмейстер кафедры академического пения Донецкой государственной музыкальной академии им. С. С. Прокофьева, дипломант международных конкурсов).*

«Хочется пожелать фестивалю в дальнейшем иметь возможность осуществлять этот проект, поддерживать детей и расти в будущем!» – *Нана Уласовна Агумава (солистка камерного оркестра «Виола» и струнного ансамбля «Ричеркар» Донецкой государственной академической филармонии, ведущий концертмейстер кафедры струнно-смычковых инструментов Донецкой государственной музыкальной академии им. С. С. Прокофьева, лауреат международных конкурсов).*

«Всем участникам конкурса, родителям и педагогам хочется пожелать терпения, успехов и, самое главное – мира! Мы, члены жюри из Донецка, прислали в подарок конкурсу записи своих выступлений. Пусть они вдохновят кого-то на то, чтобы совершенствоваться и идти своим путём дальше. Всем мира, счастья, любви и Божьего благословения», – *Елена Анатольевна Шагун (солистка камерного оркестра «Виола» и струнного ансамбля «Ричеркар» Донецкой государственной академической филармонии, старший преподаватель кафедры струнно-смычковых инструментов Донецкой государственной музыкальной академии им. С. С. Прокофьева, лауреат международных конкурсов).*

Берега истории

Александр Орлов

Александр Орлов – поэт, прозаик, публицист, директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года. Член Литературного форума «Мир слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви, жюри Международного детско-юношеского конкурса им. И. С. Шмелёва «Лето Господне», жюри Международного открытого конкурса «Просвещение через книгу», жюри Международного литературного конкурса им. С. Т. Аксакова ИС РПЦ, Совета экспертов Патриаршей литературной премии им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Публиковался в широком круге изданий: «Берега», «Бийский вестник», «Волга – XXI век», «День и ночь», «День Поэзии – XXI век», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Наши современник», «Народное образование», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная», «Подъём», «Под часами», «Родная Кубань», «Родная Ладога», «Роман-газета», «Север», «Сибирь», «Сибирские огни», «Странник», «Сура», «Юность» и др. Его стихи были переведены на болгарский, испанский, итальянский, сербский, якутский языки. Автор 11 книг, лауреат премии им. А. Платонова, Н. Лескова, имени Д. Мамина-Сибиряка, М. Лермонтова и др.

ГИБЕЛЬ ЧЕРВОННОЙ РУСИ

С XIII века от Рождества Христова восточные славяне, исповедующие православную веру, хорошо знакомы с агрессивной политикой «просвещённой Западной Европы». Мы не забыли первый приход рыцарей Тевтонского ордена, мы помним и последнее кровавое нашествие, за которое народы объединённой России заплатили миллионами жизней.

Ровно сто лет назад христианские народы Галицкой, Карпатской и Буковинской Руси подверглись жесточайшим этническим чисткам в ходе Первой мировой войны.

Ещё до начала военных действий в Австро-Венгрии были составлены чёрные списки, в которые входили не просто подозреваемые в связях с Россией, а все проживающие на территории Австро-Венгерской империи лица, считающие себя русскими, исповедующие православное или греко-католическое вероисповедание, хранящие традиции восточнославянских племенных союзов, исторически именовавшие себя белыми и чёрными хорватами. Впоследствии эти списки были расширены по заявлениям поляков и украинофилов – в них включили людей, предположительно симпатизирующих России.

В сентябре 1914 года после успешных боевых действий русскую армию радушно встречали по всей территории Галиции и в Закарпатье, а в это самое время на родине Моцарта и Шуберта был создан концентрационный лагерь Талергоф, в который свезли галичан и буковинцев. В лагере смерти не было барачков, заключённые встречали новый 1915 год на промёрзшей земле.

Недалеко от города Грац у подножия Альп замерзающим узникам, среди которых были дети, скормливали гнилые отходы, им прививали заразные болезни. По всей территории альпийской Голгофы были расставлены столбы с висельниками. Сегодня власти Австрии стыдливо именуют Талергоф лагерем для интернированных и дипломатично говорят о неподготовленных условиях для заключённых.

Но именно в этом лагере для принудительного поселения было подвешено за одну ногу головой вниз – это так называемая фирменная двухчасовая пытка Талергофа – 48 львовских студентов, назвавших себя русскими...

В колыбели лагерей смерти экзекуционное дело было поставлено с размахом и выдумкой. Именно здесь, в провинции Штирия, одиннадцать человек насмерть загрызли вши, именно в условиях австрийского лагеря под открытым небом ежедневно от сыпного и брюшного тифа умирало тридцать-

сорок заключённых. К весне 1915 года мученики лагеря смерти были переведены в выстроенные бараки, которые вместили десять тысяч человек.

В жесточайших застенках «цивилизованной» империи Габсбургов находились лучшие представители народов Червонной Руси: писатель и политический деятель Николай Глебовицкий; поэт, литературовед, историк, исследователь фольклора Василий Ваврик; историк, публицист, политический деятель Николай Антонович; преподаватель Бродовской гимназии, основатель и воспитатель бursы им. Ф. Ефиновича Роман Дорик; профессор Перемышльской духовной семинарии Юлиан Кустынович; доктор богословских наук Михаил Людкевич; доктор богословских наук Николай Малиняк; доктор медицинских наук Михаил Собин; священники: Евгений Кушнир, Владимир Полошинов, Иосиф Шандровский, Григорий Спрыс, Александр Селецкий, Иосиф Черкавский, Аполлинарий Филипповский, Нестор Полянский, Корнилий Литвинович, Владислава Коломыйц, Михаил Кузьмак, Евгений Сингалевич, Николая Гмитрик, Ивана Серко, Иероним Куновский, Иоанн Дуркот, Михаил Шатынский, Олимп Полянский, Василий Курдыдик, Казимир Савицкий...

В 1996 году Архиерейский собор Русской православной церкви за границей причислил к лику святых зверски казнённого за православную веру в лагере смерти Талергоф священника Максима Сандовича. Через этот лагерь с 1914 по 1918 год прошло более 30 тысяч человек. В чём заключались преступления свыше десяти тысяч русинов, уничтоженных «цивилизованными» западноевропейцами в австрийском Талергофе и Терезине на севере Чехии за полтора года? Их преступления – это память о предках, их религиозное братское единение, их язык, такой понятный каждому жителю России.

Год 1915-й явил миру многострадальную Червонную Русь, усеянную свежими могилами и массовыми захоронениями. Осатаневшие солдаты австро-венгерской армии в храмах размещали конюшни, а в алтарях устраивали отхожие места, во дворах храмов на деревьях и оградах неделями висели прихожане. Главной целью являлось уничтожение москвофильского униатского и православного священничества, а также полное беспощадное уничтожение русинов и всех сочувствующих Российской империи и православию. Исконных жителей Галиции, Буковины и Карпат расстреливали и вешали десятками, заживо сжигали в хатах, закалывали штыками... Мужчины, старики, женщины, дети – все они стали заложниками политики геноцида империи Габсбургов. Поклонники Штрауса и Кальмана хватили людей и сажали в тюрьмы, этапировали в концентрационные лагеря или просто уничтожали на месте за русскую открытку, за чтение Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева, за разговоры на русском языке в публичных местах...

После ухода русской армии массовым репрессиям подверглись все жители Галиции, которые имели неосторожность продавать русским солдатам табак, поднести кувшин с водой, не говоря уже о тех, кто посмел пустить на постой, обстирывать или кормить. Даже указ императора Австро-Венгрии Франца Иосифа не прекратил террор. Галицко-русский политический деятель, депутат Галицкого краевого сейма и австрийского парламента от Русской народной партии, публицист, узник Терезинской крепости Дмитрий Андреевич Марков в 1915 году в своём последнем слове на политическом процессе, организованном военными преступниками в Вене, сказал: *«Меня защищает сила правды, а её сила непреодолима, эта правда – моя национальная идея, идея культурного и национального единства русских племён. Я убеждён, что она найдёт дорогу к свету».*

Последних приговорённых русинов спас русский император Николай II. Воздействуя через короля Испании Альфонсо XIII, он добился замены смертной казни на пожизненное заключение, а спустя почти два года все русины были амнистированы новым монархом Австро-Венгрии Карлом I, который писал: *«Все арестованные русские невиновны, но были арестованы, чтобы не стать виновными...»*

На сегодняшний день насчитывается более 120 тысяч жителей Галиции, Буковины и Закарпатья, пострадавших от австро-венгерского террора, из которых примерно 40 тысяч русинов, 300 священников. Итогом массового истребления русинов стало уменьшение числа проживающих во Львове вдвое, 100 тысяч русинов были вынуждены отступать с русской армией, их оставленные дома были сожжены австро-венгерскими властями. Только через правду можно прийти к подлинной свободе. Пока человечество лжёт, оно остаётся рабом лжи. Поэтому мы помним всех наших братьев, отдавших свои жизни за истинную свободу человечества в Талергофе и Терезине, Бухенвальде и Дахау, Кульмхофе и Лисничем, Малом Тростенце и Майданеке, Маутхаузене и Освенциме, Саласписле и Саймиште, Собиборе и Трешлинке...

Сегодня только мы, русские, открыто смотрим в лицо новоявленного мирового фашизма...

Берега истории

Александр Андрееenko

Александр Андрееenko – родился 5 октября 1952 года в городе Ставрополе Куйбышевской области. Поэт, прозаик, переводчик. Окончил Калининградский государственный университет в 1975 году. Филолог. Долгое время преподавал русский язык и литературу в средней школе № 46 (Калининград). Состоял в литературном объединении «Балтийские зори» (Зеленоградск). Был редактором альманаха этого объединения. Печатался в различных сборниках, журналах. Издал три книги стихов, повестей и рассказов. Член Союза свободных писателей России. В настоящее время живёт и трудится в городе Липецке.

ПЕКАРНЯ НА КОСТЯХ

Попытки перевернуть историю, исказить её, подогнать под свои амбиции были всегда. Сейчас, в связи с событиями на Украине, тема эта приобретает новую остроту. Нагло и самоуверенно поднимают голову нацисты и неонацисты разных мастей. Очень велико их стремление обелить фашизм и сделать героями убийц. Поэтому своевременным и важным полагаю сейчас обсуждение материалов Нюрнбергского процесса – первого в мировой практике суда над военными преступниками.

Я не преследую цели научных изысканий, дополнений, а тем более открытий. Я лишь хочу поделиться своими впечатлениями от знакомства с документами, воспоминаниями и фильмами об историческом явлении, имя которому – Нюрнбергский процесс. Первая моя встреча с ним состоялась в 1969 году благодаря книге Бориса Полевого «В конце концов». Написанная в форме дневников, она поразила моё подростковое воображение. *Такого* о войне я не слышал и не читал. Одно дело – атаки, бои, героическая оборона, освобождение или взятие городов, и совсем другое – методичное, расчётливое, хладнокровно-целенаправленное истребление сотен тысяч мирных жителей. Самое страшное во всём этом – «научное обоснование» такой необходимости.

«Нюрнбергские дневники», исполненные художественной эмоциональности, включают в себя не только оценочное описание судей и подсудимых, не только изложение протокольных речей и документальных свидетельств, но и чисто человеческое, эмоциональное восприятие всего того, что он видел и слышал – как в зале суда, так и за его пределами.

Практически все факты бесчеловечного обращения с человеком в той или иной интерпретации можно легко найти в различных исследованиях, посвящённых этому международному разбирательству. Но есть и такие свидетельства, которых мне более нигде встречать не доводилось. И свидетельства эти столь чудовищно-реальны, что привели в ужас не только судей, но и самих подсудимых. Это были не документы и даже не кинокадры – это была материальная, зримая, осязаемая демонстрация того, в какие извращённо-горячечные формы воплощена бредовая теория арийского превосходства, маниакальное стремление сформировать нацию «сверхчеловеков». Здесь для большей убедительности и наглядности я позволю себе вставить фрагмент из «Дневников».

«На столе, под стеклянным колпаком, на изящной мраморной подставке была человеческая голова. Да, именно человеческая голова, непонятным образом сокращённая до размера большого кулака, с длинными, зачёсанными назад волосами. Оказывается, голова эта была своего рода украшением, безделушкой, которые “изготавливали” какие-то изуверские умельцы в концлагере, а потом начальник этого лагеря дарил эти “безделушки” в качестве сувениров знатным посетителям.

Приглянувшегося посетителю или посетительнице заключённого убивали, потом каким-то способом через шею извлекали остатки раздробленных костей и мозг, соответственно обрабатывали, и съевшуюся голову снова набивали, превращая в чучело, в статуэтку».

Не считаю возможным хоть как-то это комментировать: нет необходимости. Равно и следующий фрагмент, который сам к себе комментарий.

«Но оказывается, что это ещё не всё, что в запасе обвинения есть новые и новые ужасающие улики. Такие улики мы видели сегодня. Суду была предъявлена серия кустарных изделий из человеческой кожи. Оказывается, жена начальника одной из фабрик смерти тяготела к искусству. Она решила создать единственную в мире коллекцию татуировок. Да, да, татуировок, которые иные люди делают себе, накалывая под кожу сажу, синьку или фуксин. Этим особенно увлекаются моряки. В портовых городах есть специальные заведения, где самые затейливые татуировки делаются по рисункам художников и представляют собой своего рода творчество.

Так вот эта нацистская фрау, которая слыла женщиной набожной, хорошей матерью и добродетельной супругой, собирала эти татуировки. Разумеется, вместе с кожей. Когда появлялся в лагере заключённый с татуировкой, ей немедленно об этом сообщали. Глазом знатока она оценивала изображение. Если оно ей нравилось, человека умерщвляли, свежесвали, вырезали кусок кожи с нанесённым на неё рисунком, вымачивали в жиру, а потом выделяли по какому-то специальному способу. Лучшие оригинальные экземпляры шли в коллекцию фрау. Из тех, что попроще, выделялись абажуры, настольные бювары, сумочки и всякая галантерея. Несколько толстых альбомов с образцами татуированной кожи из коллекции этой женщины были сегодня представлены суду. Показывались также абажуры и бювары, которые эта дама дарила как сувениры высокопоставленным знакомым и жёнам начальников».

При знакомстве с каждым новым документом и доказательством, любого из которых вполне хватило бы для вынесения самого сурового приговора, не доступным человеческому разуму, непостижимым в своей циничности представляется отрицание подсудимыми своей вины. Ганс Михаэль Франк, генерал-губернатор Польши – один из немногих, кто вину свою признал. Мне не удалось найти имён остальных «немногих». Но едва ли это важно: во всех материалах, которые довелось мне просмотреть, подчёркивается, что **не раскаялся ни один**. Да хоть бы и раскаялся – никому и ничему это бы не помогло и ничего бы не изменило.

В первые дни процесса **все** подсудимые выглядели как самые обычные люди, ни на одном из них не было видимого дьявольского клейма. Да и вели они себя на заседаниях пристойно-учтиво. За исключением Геринга и Гесса.

Первый с самого начала демонстрировал надменное высокомерие, полное пренебрежение к суду и к недавним своим соучастникам по разбою. До начала процесса корреспонденты виднейших американских и западноевропейских газет брали у него интервью. И столь велики были самоуверенность его и гордыня, что на вопрос, считает ли он себя военным преступником, Геринг не просто дал отрицательный ответ, он с этакой барской вальяжностью бросил – совершенно мимоходом – реплику: «Я даже не понимаю, как я мог в этих списках оказаться». Сказано это было без удивления и вообще без каких-либо эмоций. Это явно должно было показать как несерьёзность вопроса, так и неразумность задавшего этот вопрос.

Гесс прилежно симулировал амнезию, психическое расстройство и старательно изображал полнейшее безразличие ко всему происходящему. Он не надевал наушников, он не слушал выступавших – он подчёркнуто читал принесённую с собой книгу. Искусственность этого равнодушия была видна всем. Она красноречиво свидетельствовала о том, насколько озабочен Гесс исходом процесса и своей судьбой.

Но с каждым новым днём, с каждой новой уликой эти маски как размокшая папиросная бумага сползали с лиц подсудимых. И с какою же беспощадной неприглядностью обнажалась их отвратительно-жалкая суть!

Много нового и поучительного в Нюрнбергском процессе. И – прежде всего – его уникальность. Много на нём было впервые – и с юридических, и с технических позиций. Это первый в истории международный суд, ставший основой Гаагского трибунала. Это первое столкновение различных судебных систем. Это первый синхронный перевод. Это первое с 1917 года сотрудничество России советской и России царской: княгиня Трубецкая напряжённо и плодотворно работала в группе советских переводчиков. Попутно отмечу, что в американской группе было 600 переводчиков, а в нашей – 40. При том же объёме работы. И ведь справлялись! Разумеется, как во всём, что делается впервые, неизбежны разногласия, недоработки и взаимное недопонимание. И обилие неясностей, и даже наличие парадоксов. Один из них явился участникам ещё до начала процесса: в ходе судебного следствия предстояло доказать не только вину подсудимых, но и самый факт преступления. Так, неоднознач-

ным стал вопрос о том, является ли преступлением война. Чуть не договорились до того, что «нет, не является». А раз нет преступления, то, разумеется, нет и преступников. Кого же тогда и за что судить? Юридически вроде некого и не за что. Фактически – вот они, преступники, налицо: наглые, самодовольные, уверенные в безнаказанности. Ведь у каждого свой адвокат. Казалось бы, ну какие адвокаты могут быть у этих изуверов, этих выроdkов, этой нечисти! Ан нет – положено. Коль скоро есть суд, то должен быть и адвокат. Несмотря на то что всё во мне бунтует и кипит уже при одном упоминании ненавистных имён, я вынужден был согласиться с аргументом американского судьи: «Международный суд не должен превратиться в месть».

И были 218 дней разбирательства. И были опрошены 236 свидетелей. И было изучено 5 330 документов. И протокол Трибунала составил 25 тысяч страниц. И суд состоялся. И не скатился до мести. И были определены разные сроки заключения – включая пожизненное. И были вынесены 12 смертных приговоров. Казнь состоялась утром 16 октября 1946 года – в спортзале. Потом этот зал «использовался для разных целей». Одно время была там и пекарня. Вот уж действительно – «пекарня на костях».

Ни американцы, ни англичане, ни французы не пылали любовью ни к Советскому Союзу, ни к его политическому строю. И всё же, несмотря на разногласия, на суде они делали общее дело: судили «коричневую чуму». Значит, для них она была много страшней и опасней, чем «красная зараза». И ни разу не возникло сомнений относительно того, кто начал Вторую мировую войну.

Почему же сегодня всё упорнее и всё охотнее распускаются и подхватываются небылицы о нападении СССР на Германию и Украину? Уж не потому ли, что слухами этими так удобно прикрывать, а вернее, оправдывать собственные теперешние преступления? Да и не только преступления, но и полнейшее невежество. Ведь любой, кто хотя бы поверхностно знаком с материалами Трибунала, не станет позориться, изрекая подобные нелепицы. А вот Яценюк опозориться не боится: ему куда как важнее таким заявлением оправдать человеконенавистническую политику Порошенко и ему подобных. Не случайно же Порошенко и Саакашвили так безобидно нашли друг друга. Вот бы кого на скамью подсудимых в Нюрнберг! Но почему же молчит Европа и бездействует Гаага? Почему по Риге совершенно легально маршируют эсэсовцы, а на Украине открыто резвятся бандеровцы? А причины, вероятно, лежат на поверхности: ничем не обоснованный страх перед нашей страной и бессильная ненависть к нам – ненависть за свой же собственный страх. А ведь у страха, как известно, глаза велики. Особенно – у страха придуманного. И чем больше европейские наши соседи ему поддаются, тем необузданнее и воспалённее их псевдоисторическая фантазия.

Берега истории

Григорий Некрашевич-Поклад

Григорий Константинович Некрашевич-Поклад – родился в 1961 году в деревне Беки Гомельской области. Срочная служба: 1979–1981, Закавказский военный округ, ВДВ. В 1988 году окончил ВВВАИУ, квалификация «техник-механик». В 2002 году окончил Калининградский юридический институт МВД России, юрист по специальности «юриспруденция». Подполковник полиции. Последняя занимаемая должность: заместитель начальника (по учебной работе) Центра профессиональной подготовки УМВД России по Калининградской области. С 2014 года в отставке. Член общественного объединения «Минское собрание наследников шляхты и дворянства». Автор книги «От благородного рыцаря до почётного хлебороба». В журнале «Великороссь» опубликован очерк об истории фамилии Поклад «Из польской шляхты – в казачество». Проживает в Калининградской области.

* * *

Юрий Поклад: Десять лет назад, когда Григорий Константинович Некрашевич-Поклад решил заняться историей своей фамилии, он не ставил перед собой глубоких задач, просто захотелось, чтобы дети и внуки знали, кто были их предки. Но когда он, человек добросовестный и упорный, окунулся в проблему, то понял, сколь она сложна и многогранна. Он работал с архивами Варшавы, Москвы и Житомира, Минска, Санкт-Петербурга и Киева, переписывался и встречался со многими людьми, имеющими фамилию Поклад и Некрашевич-Поклад.

В результате исследований в 2019 году в Калининграде, где Григорий Константинович живёт, вышла книга «От благородного рыцаря до почётного хлебороба», в которой история фамилии Поклад прослежена с XVII века до наших дней. Оказалось, что фамилия эта возникла в Польше семьсот лет назад, и происходят Поклады из кашубов – польских рыбаков. С тех давних пор многие носят эту фамилию, с полным основанием считая себя русскими, поляками, украинцами, белорусами, так как выросли в культуре этих народов.

Изучая историю своей родовой фамилии, Григорий Константинович осознал главную свою задачу, о которой сначала даже не догадывался: историческая общность этой фамилии способствует единению братских славянских народов, несмотря на все политические интриги и провокации последнего времени. Эта мысль дала Григорию Константиновичу свежий заряд силы и вдохновения. На основании исторических изысканий были написаны новые очерки о фамилии «Поклад», один из которых – «Из польской шляхты – в казачество» – был опубликован в литературно-историческом журнале «Великороссь», очерк «Служители церкви из рода Поклад» – предлагается для рассмотрения журналу «Москва».

СЛУЖИТЕЛИ ЦЕРКВИ ИЗ РОДА ПОКЛАД

Продолжая дальнейшее исследование истории фамилии Поклад (Покладов, Некрашевич-Поклад), я обратил внимание на служителей церкви, имевших и имеющих эту фамилию.

Мне удалось найти информацию о протоиереях из рода Поклад – братьях Павле и Анатолии Степановичах Покладовых.

О протоиерее **Павле Степановиче Покладове** более подробно рассказано в книге «Древо Жизни Земной», автором которой является его племянница Антонина Васильевна Левченко (по материнской линии Покладова).

Участник Великой Отечественной войны, Павел Степанович Покладов родился 12 июля 1927 года в городе Черкесске. В школе Павел проявил себя очень усидчивым ребёнком, учился только на «отлично». Окончив школу, он пошёл в столярное училище, которое окончил с красным дипломом.

1 декабря 1944 года был призван в армию Черкесским ОВК Ставропольского края, курсантом. Затем число – ВПП (военно-пересыльный пункт) 356-го ЗСП (запасного стрелкового полка). Прибыл в часть 1 сентября 1945 года. Последнее место службы 6-й УСП (учебный стрелковый полк) в Подмоскowie, на должности преподавателя.

Павел Степанович женился на Екатерине Павловой, внучке сельского священника Иоанна Боговских. Стал бывать в церкви. Покладов продолжал службу в армии, впереди была перспективная карьера и воинские звания, но однажды, на Пасху Господню, Павел вдруг увидел необыкновенной красоты лучи солнца, пробившиеся сквозь облака и коснувшиеся земли. Павел был так поражён этим явлением, зашёл в ближайший храм и помолился, как умел. С тех пор жизнь Павла изменилась, он понял, что ему уготовано иное поприще. Командование части наотрез отказало Павлу, когда он подал рапорт об увольнении. Подумали, что на человека просто блажь нашла. Но Павел цель для себя уже поставил. Он поступил в Московскую духовную семинарию. По её окончании стал священником и служил в разных приходах. В семье отца Павла было семеро детей: Татьяна, Александр, Любовь, Игорь, Вера, Сергей и Надежда. С 1975 по 2000 год он служил в церкви Воскресения Словущего. Жители Клинского района Московской области вспоминают протоиерея Павла Степановича Покладова с благодарностью и теплотой.

Павел Степанович ушёл из жизни 4 апреля 2000 года.

Протоиерей Анатолий Степанович Покладов родился 18 мая 1937 года в городе Черкесске Ставропольского края в семье простых тружеников и глубоко верующих людей, от которых и получил первые уроки христианского воспитания.

Здесь прошли его детские и юношеские годы, здесь он приобщился к православию и полюбил богослужение и церковное пение, и уже тогда у него зародилась мечта стать священником. В трудные годы массового наступления безбожников на Церковь родители будущего пастыря не только сохранили крепкую веру, но и приумножили её в детях.

После окончания восьмилетней школы в 1953 году Анатолий Покладов два года работал в строительных организациях Ставропольского края. В 1955 году восемнадцатилетним юношей он поступает в Московскую духовную семинарию, а через два года – в Московскую духовную академию.

С академической скамьи, в 1959 году, его призывают в ряды Вооружённых сил. Демобилизовавшись из армии в 1961 году, Анатолий Степанович продолжает учёбу в Академии, которую успешно оканчивает в 1965 году. После чего становится профессорским стипендиатом при МДА. В январе 1967 года отец Анатолий переводится на диаконское служение в храм Ризоположения, в Москву.

За тридцать шесть лет усердного пастырского служения отец Анатолий был отмечен многими церковными наградами. Воспитанный благочестивыми родителями, отец Анатолий всецело посвятил себя служению Богу, глубоко осознавая всю ответственность пастырского предстоияния перед Богом за вверенную ему паству.

Отец Анатолий был всесторонне образован, много читал, причём не только духовную, но и светскую литературу, всегда мог дать исчерпывающий ответ любому вопрошающему. Особо одарён он был музыкальным талантом. Во время учёбы в Духовной академии управлял церковным хором.

В семье Анатолия и Елизаветы Покладовых родились три дочери: Нина, София и Александра.

22 ноября 2002 года, на 66-м году жизни, после долгой болезни, протоиерей Анатолий Степанович Покладов отошёл к Господу. В отпевании приняли участие двадцать три клирика. Проститься с почившим пришли его друзья и прихожане. Погребли отца Анатолия на Ваганьковском кладбище в Москве. Вечная ему память.

Узнав историю протоиерея Анатолия Покладова, где указывается их племянник – протоиерей Валентин Васильевич Корнеев, мне пришла мысль познакомиться с ним. Очень был живой источник, который сможет указать верный путь поиска родословной Покладовых, проживавших и проживающих на Кавказе. Мне удалось узнать, что протоиерей Валентин Васильевич Корнеев переведён из Черкесска в Подмоскowie. Вскоре мы познакомимся.

Протоиерей Валентин Васильевич Корнеев (по матери Покладов), родился в 1961 году, он настоятель Богородице-Рождественского храма в селе Вороново и Богородице-Рождественского храма в селе Якоть Московской области.

Светское образование: 2009 год – СИДНК; 2013 год – МИПП.

Духовное образование: 1987 год – МДС Хиротонисан; 1993 год – Академия МДА.

Награды: набедренник при рукоположении (1988); камилавка (1994); наперсный крест (1997); протоиерейство (1999); палица (2004); крест с украшениями (2010); медаль «За содружество во имя спасения» (2010); грамота Благодарственная митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (2018); право служения Божественной литургии с отверстыми царскими вратами по «Иже Херувимы...» (2018); медаль «За усердное служение» III степени (2020).

Антонина Васильевна Левченко, сестра Валентина Васильевича, рассказала о её предках Поклад, выходцах из Воронежской губернии, в своей книге «Древо Жизни Земной». Книга читается, как волнующая повесть, в ней рассказывается о том, как наши общины предки устраивали, в заботах, тревогах, трудах и радостях, свою жизнь на Воронежской земле, а потом и на Кавказе.

Первое упоминание о семье Покладовых относится к 1861 году, когда по приказу помещика был до смерти забит розгами прадед Антонины Васильевны и Валентина Васильевича – Степан Антонович Покладов. Это произошло из-за того, что он, в свой единственный за весь месяц выходной день, отказался идти работать на хозяина.

Фёдор Покладов, дед Степана Антоновича Покладова, участвовал в Кавказской войне в 1878 году. После окончания войны он перебрался с семьёй из села Покладова Оленековской волости Бирючанского уезда Воронежской губернии на Кавказ, в станицу Бекешевскую, где до 1917 года арендовал землю.

Жена Фёдора Покладова, Татьяна, принадлежала к панской фамилии, в девичестве была также Покладова. Данный факт является подтверждением того, что всё же первопроходцы, основавшие хутор Покладово, могли быть дворянского сословия из служивого люда, так как могли держать в аренде землю. Просматривая метрические книги, я обратил внимание на то, что при бракосочетании были записаны невеста из Курской губернии, а жених – из Воронежской губернии, или наоборот. Где также упоминается фамилия Поклад.

Следует отметить, что в исторических материалах по Бирючанскому уезду в Оленековской волости, ещё на старых картах, времён Екатерины II, был указан хутор Покладов, при речке Иванах (Ивановой). Земли этой волости принадлежали графу П. Б. Шереметьеву. Сын фельдмаршала, граф Пётр Борисович, согласно Указу о единонаследии, по завещанию отца стал главным наследником родовых вотчин, получив 60 тысяч крепостных. Приданое жены удвоило его состояние. За женой, Варварой Алексеевой, урождённой княжной Черкасской, в род графов Шереметьевых и перешла Алексеевская вотчина (позднее – Бирючанский уезд Воронежской губернии). Все три брата, помимо родовых имений, получали новые земельные владения, как награду за службу или в качестве приданого за жёнами. Так, Пётр I пожаловал фельдмаршалу графу Б. П. Шереметьеву Борисовскую вотчину (позже – Грайворонский уезд Курской губернии). Она значится за фельдмаршалом с 1705 года. Основным контингентом новопоселенцев являлись переселенцы с Украины.

Поклады проживали на землях графов Шереметьевых. Остаётся только гадать, какого сословия были Поклады. Исходя из численности основных групп населения в юго-западных уездах Воронежского наместничества конца 18-го века, к Покладам проживавшим в Бирючанском уезде, могли относиться и войсковые обыватели привилегированные.

Никольский собор в станице Баталпашинской (так в начале прошлого века именовался Черкесск) считался символом православия на Кавказе. Он был построен «всем миром». Пятиглавый белокаменный собор был освящён и назван Никольским. Глас вечевого колокола разносился окрест, собирая православных на молитву. Но красавец-собор простоял всего восемнадцать лет. В 1934 году, по указу большевистских властей, он был снесён в три дня.

Валентин Васильевич Корнеев (о. Валентин) вложил огромный вклад в строительство (возрождение) Никольского храма в Черкесске.

19 декабря 1998 года отец Павел, секретарь митрополита Ставропольского и Бакинского Гедсона, освятил первый камень в фундаменте и вручил о. Валентину икону Святителя Николая, предназначенную для будущего храма.

Храм воздвигали общими усилиями – прихожане, администрация города, предприниматели, но финансирования всё равно хронически не хватало. Случались у о. Валентина моменты полного отчаяния, когда ему не верилось, что храм удастся достроить. Но дело всё-таки двигалось. Жители Черкесска приходили к будущему храму и любовались замечательной по красоте кладкой стен, куполами. Потом – были установлены кресты, колокола. Люди отзывались на просьбы о. Валентина и не просили за свои услуги оплаты. Так, один автокран прибыл из Краснодара, второй – из Ставропольского края.

Благочинный о. Валентин был главной движущей силой строительства. Никольский собор, без преувеличения, – его детище, не случайно говорили в Черкесске о том, что он «здесь положил здоровье».

21 апреля 2012 года состоялось освящение Никольского собора, которое возглавил Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий.

С 2015 года протоирей Валентин Корнеев настоятель Богородицерождественского храма села Якоть и села Вороново Дмитровского района Московской области Московской епархии.

В 1937 году храм в селе Якоть был закрыт. В помещении храма находился склад. Когда о. Валентин впервые увидел здание храма, это были полуразрушенные кирпичные стены, своды и купола были полностью разрушены, местами оставались остатки настенных росписей.

Приход был малочисленным и малоодоходным. Своими силами выполнить все проектные разработки научно-проектной документации, а также восстановительно-реставрационные работы приход был не в силах.

В 2015 году приход Богородицерождественского храма в лице о. Валентина подал заявку в Благотворительный фонд, и храм вошёл в программу Епархиального Благотворительного фонда Православной религиозной организации Московской епархии Русской Православной Церкви по восстановлению порушенных святынь. Опыт, приобретённый о. Валентином (Корнеевым) в Черкесске, очень пригодился, прошло шесть лет, и в августе 2021 года планируется Великое Освящение восстановленного под руководством энтузиаста и замечательного человека, протоиерея Валентина Васильевича Корнеева, храмов Богородицерождественского и Новомучеников и исповедников Российских села Якоть Дмитровского района Московской области Московской епархии.

По благословию Преосвященного Фомы, епископа Сергиево-Посадского и Дмитровского, назначен день освящения 22 августа 2021 года.

Муж матушки Антонины Васильевны – протоиерей Владислав Юрьевич Левченко. **Протоиерей Владислав Юрьевич Левченко** родился 22 ноября 1966 года.

Светское образование: Азербайджанский сельскохозяйственный институт (1988); Институт дружбы народов Кавказа (2015).

Духовное образование: Ставропольская духовная семинария (1993).

Диаконская хиротония: 07.01.1993. Иерейская хиротония: 04.04.1993.

Места служения: с 2017 года по текущий день – храм Казанской иконы Божией Матери, село Татарка, настоятель; Ставропольская духовная семинария, преподаватель.

Награды: Крест с украшениями (2013); Отверстие Царские врата до Херувимской песни (2018).

У Владислава Юрьевича Левченко и Антонины Васильевны Левченко (Покладовой) есть сын Николай.

Антонина Васильевна родилась в городе Черкесске 13 июня 1966 года в семье священника. Окончила Ставропольское духовное училище. В настоящее время работает методистом кафедры Теологии в Институте дружбы народов Кавказа г. Ставрополя. Является директором и предводителем в Воскресной школе при храме и регентом в хоре.

В человеческой судьбе семьи Покладовых есть такие характеры, которые при любых обстоятельствах остаются верны себе, тем исконным духовно-нравственным устоям, которые, кажется, впитали с молоком матери, с Православной верой.

Не случайно говорится, что история любой фамилии – часть истории человечества.

Берега истории

Людмила Еремеева

Людмила Николаевна Еремеева – родилась в Самаре, в Калининградской области живёт с 1977 года, в Светлом – с 1984-го. Более двадцати лет работала в местных СМИ, главный редактор газеты «Светловские вести», удостоена Почётного знака «За заслуги перед профессиональным сообществом» Союза журналистов России, обладатель медали «За заслуги перед Калининградской областью», первый председатель Ассоциации муниципальных газет Калининградской области, Почётный гражданин округа. Автор книги «На качелях судьбы». В настоящее время занимается волонтерством, член клуба активного образа жизни «Восход».

НАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ

Вспомним всех поимённо,
Горем вспомним своим.
Это нужно – не мертвым!
Это надо – живым!

Роберт Рождественский

Прошло 77 лет с окончания самой страшной войны в истории человечества. Но до сих пор продолжается поиск пропавших без вести. Ежегодно на местах боёв находят и хоронят останки тысяч павших воинов. Почему продолжают поиски погибших? Потому что мы – русские люди. Как говорил великий русский полководец Александр Суворов: «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат». Каждый неизвестный – это чей-то сын, брат, муж, отец, дед, прадед.

В Светлом почему-то бытует мнение, что это место бои обошли стороной. Но однажды афганцу, бывшему начальнику штаба батальона Ограниченного контингента советских войск Михаилу Адамову на глаза попала статья А. Иванова в «Светловских вестях», в которой говорилось о том, что в годы Великой Отечественной войны за бои в районе Циммербуде, Пайзе, Неплекена (будущий город Светлый) два советских воина были удостоены звания Героя Советского Союза (майор Иванов С. И., капитан Ткаченко Я. Т.). И это послужило для него толчком к поиску подробностей этих боёв, захотелось найти эти места, как-то увековечить подвиги советских воинов.

23 апреля 2016 года клубом активного образа жизни «Восход» в составе председателя Михаила Адамова, членов клуба Владимира Гордиенко, Александра Лукина, Василия Новосельцева был установлен памятный знак на том месте, где в апреле 1945 года стрелковый батальон под командованием майора Сергея Иванова замкнул кольцо

окружения фашистской группировки в районе Циммербуде, Пайзе, Неплекена. За бои в Восточной Пруссии, проявленные при этом мужество и героизм майор Сергей Иванович Иванов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Но, как позже выяснилось, в этих же местах 6–8 февраля 1945 года было ещё одно наступление войск Красной армии, закончившееся неудачно.

6 февраля 1945 года в ходе Восточно-Прусской операции Красной армии части 24-й гвардейской стрелковой Евпаторийской Краснознамённой дивизии перешли в наступление в направлении за-

7 мая 2022 г. Открытие Народного мемориала

Народный мемориал

лива Фишхаузенер Вик (ныне бухта Приморская). В тот момент, когда до залива оставалось около сотни метров, яростный артиллерийско-миномётный и пулемётный огонь противника с дороги – дамбы, ведущей вдоль берега залива, остановил атаку. В результате сходящегося удара немецких войск с севера из района Блюдау (Кострово) и с юга из района восточнее Неплекена уже утром 6 февраля прорвавшиеся к заливу 72-й гвардейский полк и один батальон 71-го гвардейского полка оказались в полном окружении севернее населённого пункта Неплекен, зажатые между Кёнигсбергским отводным каналом и рекой Форкенер Флис (Нельма).

На рассвете 7 февраля войска по приказу комдива с боем прорвались из окружения к основным силам дивизии. В этом бою потери дивизии составили убитыми 106, ранеными 197 воинов. Сегодня установлены имена 49 не вышедших из окружения героев, в том числе 10 офицеров. Тела воинов были оставлены на поле боя. Предположительно, захоронены немцами в ближайших воронках. Их память на сегодняшний день не увековечена, останки воинов до сих пор лежат на поле боя во всеми забытых, поросших кустарником и бурьяном могилах. Сегодня практически невозможно отыскать и установить точные места всех этих первичных захоронений. Но сейчас открываются архивы и появляется возможность назвать поимённо всех павших смертью храбрых в том страшном бою. Михаил Адамов и его товарищи считают своим долгом увековечить память о них. Ведь без памяти о прошлом не может быть будущего.

Клуб активного образа жизни «Восход» подготовил проект на создание небольшого мемориального комплекса на месте этих боёв и приступил к работе. Решили назвать его «Народный мемориал советским воинам в Приморской бухте» и строительство разбить на три этапа.

В ходе первого были установлены металлоконструкции с планшетами – описанием подвига советских воинов, картами боевых действий и списком погибших героев.

На втором этапе залит фундамент под памятный камень, выложена булыжником смотровая площадка.

На последнем, третьем этапе благоустроена территория, установлены скамейки, высажены деревья.

7 мая 2022 года, в канун Дня Победы, состоялось торжественное открытие Народного мемориала. Присутствовало много людей, среди которых юнармейцы, ученики школ, ветераны войны и вооружённых сил Светловского городского округа, депутаты Балтийска.

Хочется отметить, что строительство Народного мемориала проходило при поддержке неравнодушных руководителей и простых людей, для которых слова «любовь к Родине» оказались не просто словами. Вот имена светловчан-энтузиастов, благодаря которым и состоялся этот народный проект: М. Н. Адамов, В. М. Гордиенко, А. М. Лукин, В. И. Новосельцев, И. Н. Зазуля, Л. Н. Еремеева, С. Петров, А. И. Иванов, ставший инициатором этой патриотической идеи.

Народный мемориал – яркий пример нашей общей памяти о событиях, произошедших в ходе Великой Отечественной войны. В то время как в Европе памятники советским воинам сносят, уничтожают, россияне строят новые мемориалы, чтобы наше и будущее поколения всегда чтит память о войне.

Берега Новороссии

Валерий Герланец

Валерий Ильич Герланец – известный в Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

В 2007 году «За духовное воспитание подрастающего поколения страны» писатель был награждён «Почётным Знаком» Украинской православной церкви Московского патриархата, в 2009-м удостоен почётного звания «Золотое перо Донбасса», а в 2010-м – отмечен медалью А. С. Грибоедова Московской городской организации Союза писателей России.

Большой вклад также внёс в краеведческую литературу, участвуя в многотомном книжном проекте «Донецк в лицах» и написав ряд книг о родном крае и его людях: «УкрНИИВЭ – вчера, сегодня, завтра (1957–2007)», «Дорогу осилит идущий...», «Донецкий политех в моей жизни», «Проккофьев», «Театр и кино Донецкого края (вторая половина XIX в. – 2020 г.).

Ряд прозаических и поэтических произведений давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве.

ПУШКИН И ДАЛЬ – ВЗАИМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

История дружбы двух гениев

В обширной плеяде выдающихся деятелей русской словесности одно из первых мест давно и по праву занимает Владимир Даль – писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач. Всемирную славу принёс ему многотомный «Толковый словарь живого великорусского языка», на составление которого он потратил более полувека. Этот труд принёс его автору звание академика, многочисленные награды, славу и, конечно же, безграничную благодарность потомков.

Будущий лингвист родился 10 (22) ноября 1801 года в посёлке Луганский завод (ныне г. Луганск, ЛНР) в семье лекаря горного ведомства Ивана Матвеевича Даля и его супруги Марии Христофоровны, урождённой Фрейтаг. Отец мальчика был обрусевшим датчанином, мать – наполовину немка, наполовину француженка. В его жилах бурлил коктейль из кровей трёх разных национальностей, хотя, став взрослым, Владимир Даль идентифицировал себя исключительно русским человеком, о чём свидетельствуют многие сохранившиеся до нашего времени письма и записи лексикографа.

Спустя четыре года семья Даля-старшего переехала в Николаев, где её глава вскоре стал старшим лекарем Черноморского флота. Получив дворянское звание, Иван Даль обрёл также право на обучение своих детей в Петербургском морском кадетском корпусе за казённый счёт. Владимир вместе с младшим братом Карлом был принят в это учебное заведение, окончив его в марте 1819 года. Во время учебного плавания кадет Даль посетил свою историческую родину, после чего написал следующие строки: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, моё отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё – Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков».

После нескольких лет службы на флоте Владимир Даль поступил в Дерптский университет на медицинский факультет (ныне г. Тарту, Эстония). Стихи и прозу под псевдонимом «Казак Луганский» стал печатать в петербургских периодических изданиях начиная с 1827 года.

Первая книга, которая принесла Владимиру Далю известность, вышла в столице в 1832 году и получила название «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским». Правда, известность она принесла автору скорее скандальную, так как за этот труд Даля сочли неблагонадёжным. Автор книги был арестован, а почти весь тираж «Русских сказок» уничтожен. От репрессий молодого талантливого писателя и собирателя фольклора спасло заступничество поэта Василия Жуковского, который при дворе российского императора был наставником цесаревича Александра Николаевича. Он же обещал познакомить Даля с Пушкиным.

Но Владимир Иванович принял смелое решение лично представиться знаменитому поэту и вручить ему один из уцелевших экземпляров вышедших недавно в свет «Русских сказок». Свой первый поход к Пушкину он описал так: «Я взял свою новую книгу и пошёл сам представиться поэту. Поводом для знакомства были “Русские сказки. Пяток первый Казака Луганского”. Пушкин в то время снимал квартиру на углу Гороховой и Большой Морской. Я поднялся на третий этаж, слуга принял у меня шинель в прихожей, пошёл докладывать. Я, волнуясь, шёл по комнатам, пустым и сумрачным – вечерело. Взяв мою книгу, Пушкин открывал её и читал сначала с конца, где придётся, и, смеясь, приговаривал: “Очень хорошо”».

Александр Сергеевич, будучи автором многих стихотворных сказок, чрезвычайно обрадовался подарку собрата по перу и в качестве ответного жеста подарил Владимиру Ивановичу рукописный вариант своей новой сказки «О попе и работнике его Балде», сделав следующий автограф: «Твоя от твоих. Сказочнику Казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Вот так в первый же день знакомства гении дружески обменялись запрещёнными произведениями. Тираж собранных и литературно обработанных Далем народных сказок был уничтожен, а пушкинская сказка «О попе...» при жизни поэта к печати цензурой не допускалась. Лишь после смерти «солнца русской поэзии» В. А. Жуковский подготовил её к печати, переименовав попа в купца Остолопа.

Во время первой встречи Пушкин поинтересовался у Даля, над чем тот сейчас работает, и Владимир Иванович рассказал ему о своей всецело поглотившей его страсти к собирательству и толкованию русских слов, которых на тот момент было собрано уже около двадцати тысяч. «Так сделайте словарь! – страстно воскликнул Пушкин. – Нам позарез нужен словарь живого разговорного языка. Да вы уже сделали треть работы, не бросать же теперь ваши бесценные запасы». А о собранных Далем пословицах и поговорках отозвался не менее восторженно: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» Поэт вдруг смолк, задумался, а затем продолжил: «Ваше собрание не простая затея, не увлечение. Это совершенно новое у нас дело. Вам можно позабывать – у Вас есть цель. Годами копить сокровища и вдруг открыть сундуки перед изумлёнными современниками и потомками!»

В 1833 году Владимир Даль переводится в Оренбург чиновником особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском. Вскоре, 18 сентября этого же года, туда приехал и Александр Пушкин, чтобы собрать материалы и живые свидетельства для задуманной им книги «История Пугачёва», которую цензура заставила впоследствии переименовать в «Историю пугачёвского бунта».

До своей поездки на Урал в «восточные провинции» Александр Сергеевич проделал огромную исследовательскую работу, изучив сотни печатных и рукописных архивных документов, касающихся истории пугачёвского бунта. Всё больше вникая в реальные факты событий 60-летней давности, Пушкин приходит к выводу о том, что ему непременно нужно побывать в местах, где проходило восстание, поговорить с его ещё живыми очевидцами.

Пребывая в Оренбурге, Пушкин в сопровождении Владимира Даля побывал в Неплюевском военном училище, Гостином дворе, который первоначально строился с военно-оборонительной целью по типу крепости, Меновом дворе, а также городском архиве, где просмотрел ряд заинтересовавших его документов, сделав из них выписки.

Главным событием для столичного гостя стала его поездка с В. И. Далем и директором военного училища К. Д. Артюховым в Бёрды, населённый пункт, ставший центром повстанческой армии. Сотник Оренбургского казачьего войска и наказной атаман станицы И. В. Гребенщиков, заранее

предупреждённый губернатором, собрал бёрдских старожилов, в числе которых была и казачка И. А. Бунтова. Она рассказала Александру Сергеевичу о взятии этой крепости Пугачёвым и о том, как он творил суд и расправу.

В этот же день Пушкин вместе с Далем осмотрели и раскинувшуюся близ Оренбурга на берегу Урала казачью слободу Форштадт, которая появилась одновременно с городом в 1743 году. В ней доживали свой век другие очевидцы пугачёвской осады, тоже поведавшие поэту много интересного.

Александр Сергеевич достаточно быстро собрал интересующие его материалы о пугачёвском восстании, хотя сделать это было не всегда легко. Дело в том, что жители края, в своё время понёсшие жестокие наказания за поддержку бунтовщика и лжецаря, опасались каждого неизвестного им человека. К тому же большинство из них были старообрядцами и поэта за его внешний вид, особенно смуглую кожу, длинные ногти и перстни на руках, первоначально вообще приняли за антихриста. А вот Даль даже за короткое время своего пребывания в Оренбуржье успел завоевать доверие местного населения, и это доверие очень пригодилось прибывшему сюда из столицы Пушкину.

Сохранились записи Владимира Даля о его совместных с поэтом поездках, опубликованные в книге «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников и письмах», изданной в 1910 году в Москве: «Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, а на другой день перевёз я его оттуда, ездил с ним в историческую Бёрдинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачёвым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместье, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, – на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачёву, на зауральскую рошу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, – о так называемом секретаре Пугачёва Сычугове, в то время ещё живом, и о бёрдинских старухах, которые помнят ещё “золотые палаты” Пугача, то есть обитую медной латуной избу...»

Даль описывает, как в пути Пушкин рассказывал ему о своих литературных замыслах. Например, о написании истории, а затем и романа о Петре Великом. Он цитирует слова поэта: «Я ещё не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим ещё к нему близко, – надо отодвинуться на два века, – но постигаю это чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я ещё много сделаю!»

Вместе с Далем поэт объездил все ключевые места пугачёвских событий и, вернувшись домой, быстро написал задуманную книгу, одобренную к тому же самим императором. Признательный за оказанную ему помощь и гостеприимство, Пушкин в 1835 году выслал в Оренбург три подарочных экземпляра книги: губернатору Перовскому, Далю и капитану Артюхову, который организовал поэту отличную охоту, потешал охотничьими байками, угощал пивом и парил в своей бане.

В 1836 году губернатор Василий Перовский был возведён в сенаторы и перебрался в столицу. С собой он взял и Даля, определив его, как «надёжного человека», к своему брату Льву Перовскому – министру внутренних дел, у которого Владимир Иванович занял пост начальника министерской канцелярии, то есть, по сути, стал правой рукой министра.

Пушкин радостно приветствовал возвращение друга, многократно навещал, интересуясь его новыми лингвистическими изысканиями. Александру Сергеевичу очень понравилось услышанное от Даля ранее неизвестное ему слово «выползина» – шкурка, которую после зимы сбрасывают змеи, выползая из неё. Зайдя как-то к Владимиру Ивановичу в новом сюртуке, Пушкин весело пошутил: «Что, хороша выползина? Ну, из этой выползины я теперь не скоро выползу. Я в ней такое напишу!» – то ли полусхотливо, то ли полусерьёзно пообещал поэт. Кстати, в день дуэли с Дантесом Пушкин был именно в этом сюртуке. Поэтому, чтобы не причинять раненому поэту лишних страданий, пришлось «выползину» с него осторожно спарывать.

Узнав на следующий день после дуэли о ранении Пушкина, Даль помчался к нему домой, даже несмотря на то, что не получил от его родных официального приглашения. Как военный врач, он активно участвовал в облегчении страданий Александра Сергеевича. Рядом с поэтом кроме его близких находились домашний доктор Иван Спасский, придворный лейб-медик Николай Арендт и ещё три

доктора медицины. Все понимали, что рана, полученная Пушкиным от пушечной пули, смертельна, и уповали только на чудо. Арендт прямо сказал поэту: «Рана ваша очень опасна, и к выздоровлению вашему я не имею надежды».

Когда же к дивану, на котором лежал Пушкин, подошёл Даль, тот поприветствовал его и, взяв за руку, спросил: «Скажи мне правду, скоро ли я умру?» На что Владимир Иванович как профессиональный военный врач корректно ответил: «Мы за тебя надеемся, право, надеемся, не отчаивайся и ты». После этих слов Пушкин заметно оживился и даже попросил морошки, а его жена Наталья Николаевна с уверенностью проговорила: «Он будет жив! Вот увидите, он будет жив, он не умрёт!»

Под руководством лейб-медика Арендта Даль начал вести дневник истории болезни раненого поэта. После кончины Пушкина именно Даль вместе со Спасским провёл вскрытие его тела, которое было детально запротоколировано. Вот фрагмент этого написанного рукою Даля протокола: «Пуля пробила общие покровы живота в двух дюймах от верхней передней оконечности подвздошной кости правой стороны, потом шла, скользя по окружности большого таза, сверху вниз, и, встретив сопротивление в крестцовой кости, разбила её и засела где-нибудь поблизости».

Дантес выстрелил на расстоянии 11 шагов крупнокалиберной свинцовой пулей. Пуля проскочила между тонкими и слепой кишкой «в одном только месте, величиной с грош, тонкие кишки были поражены гангреной. В этой точке, по всей вероятности, кишки были ушиблены пулей».

Даль не отходил от умирающего друга до последнего его вздоха. Он оказался тем самым доверенным врачом, на руках которого скончался великий поэт. Однако некоторые пушкинисты как прошлого, так и настоящего почему-то не считают его близким другом Пушкина, отнеся просто к многочисленным знакомым. Так ли это на самом деле? Разве просто знакомым дарят драгоценный для поэта перстень-талисман? Почему именно Даль, а не домашний доктор Иван Спасский закрыл глаза усопшему гению русской литературы? Почему некролог о смерти поэта составил не придворный лейб-медик Арендт и Спасский, а всё тот же Даль? Почему пушкинский сюртук-«выползину» с дыркой от смертоносной пули Наталья Николаевна передала опять же Далю? И таких «почему?» возникает очень и очень много...

Однако все эти вопросы разом отпадают, если принять, что с первой же встречи между Пушкиным и Далем возникла взаимная приязнь двух литераторов, беззаветно любящих русскую словесность, её живительные народные истоки. И дело тут не в количестве встреч или писем, шумных кутежей или споров. Просто они оба сразу почувствовали, что чрезвычайно близки друг другу по мыслям, взглядам, морально-нравственным воззрениям о долге и чести – они люди одной крови. Казак Луганский был настоящим другом великого поэта – надёжным, преданным, благодарным, никогда не спекулируя этой дружбой, а тем более не получая какую-либо выгоду для своего литературного имиджа.

Вот что Владимир Даль пишет в своих воспоминаниях: «До приезда Пушкина в Оренбург я виделся с ним всего только два или три; это было именно в 1832 году, когда я, по окончании турецкого и польского походов, приехал в столицу и напечатал первые опыты свои...» Однако их дружеские отношения в значительной мере укрепились после встречи в Оренбурге и продолжались до последнего часа поэта. И об этом Даль тоже оставил потрясающую своей искренностью запись: «Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты, – я ответил ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира».

Могут ли после таких слов возникнуть какие-либо сомнения по поводу крепости дружбы между великим русским поэтом и великим русским лексикографом, хоть она и продолжалась всего-то неполных пять лет.

*Памятник А. Пушкину и В. Далю
в Оренбурге (скульптор – Н. Г. Петина,
архитектор – С. Е. Смирнов)*

Берега прочтения

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Поэт, прозаик, культуролог. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой (2010), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021), международных литературных премий им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), премии им. С. Т. Аксакова (2019), премии им. Ф. И. Тютчева (2020), премии журнала «Север» (2020), премии им. Н. Н. Благова (2021), премии им. С. Сергеева-Ценского (2021) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

ЛЮБОВЬ НАВСЕГДА

Обзор журнала «БЕРЕГА», № 3-2022

Какое чудо – плыть. Плыть и плыть – по волнам времени, по волнам текстов, всматриваясь вдаль, стоя то под палящим солнцем, то под проливным дождём, то под суровым холодным ветром... время разнолико, оно к нам то нежно, то жестоко, а журнал «БЕРЕГА»?.. что журнал «БЕРЕГА», вот он, плывёт неустанно, он в золотой ладье перевозит нас, читателей и авторов, на берег Иного Времени: того, где нас могут не узнать в лицо, а могут и заплакать от радости, увидев, услышав нас, долгожданных, живых.

Живых – вот в этой удивительной, потрясающей материи: в живо, страдально и счастливо рождённых СЛОВАХ. Сколько же лиц на челне! Сколько душ живых!..

И возможно погрузиться в драгоценную атмосферу каждой; и возможно понять, узнать, открыть, влюбиться до безумия, поспорить до хрипоты, обнять крепко – мысленно или наяву, это уже всё равно. Пока мы живы, пока мы здесь и сейчас – мы сомгновенники. «Нас было много на челне; иные парус напрягали...» (А. С. Пушкин...)

За нами, да, за нашими плечами – крылья наших Ангелов, бьющиеся сердца наших великих учителей.

Русская культура славна духовными путешествиями.

Поплывём и мы – от Берега к Берегу, от времени к времени, от сердца к сердцу.

Вячеслав Куприянов: «Орден Полярной звезды»... Вслушайтесь в название повести! Оно завораживает. Завораживает, затягивает и тематика, вернее, мегаобраз этой прозы. Отец – изобретатель, конструктор, великий учёный; сын – астронавт, и его всю жизнь, с детства, готовят к исторической миссии, да, он полетит в космос, да, он будет славным, сверкающим, невероятным, гордостью Земли, цивилизации, культуры...

«И он, будущий сосуд всеобщего нового времени, в отличие от личностей, оставивших в человеческой истории цепочку значительных следов, был включён в сонм бессмертных, ещё не совершив заданного подвига. Это было обоснованно, ведь, когда он совершит свой подвиг и замкнёт кривую своего полёта, его встретят (согласно теории относительности) уже другие поколения, и они едва ли будут помнить даже кого-то из его достойных современников, ибо не будет для них такого свершения в прошлом, сравнимого с его неизбежным подвигом ради их будущего. <...>»

Разве мы, люди, человечество в совокупности, мечтаем не об этом? Разве мы молча не поджидаем, когда пробьёт час и мы встанем вровень с беспредельным Космосом, вровень с богами неведомых созвездий? О, дерзко – встать вровень с Богом! И люди и сейчас уже посягают на всесущую теократию, становясь из демиургов – теургами: им (нам!) хочется заново сотворить Бога. Повторить сотворение Мира. Но как тогда быть с чашами весов, где лежат безумная дерзость творения и откровенное безумство не знающего Божьего страха, забывшего Божий страх человека?..

Следует окончание повести... ждём его...

Юрий Серб изумляет (наверное!) старою орфографией в рассказе «Сонь подь шубой». Я очень понимаю писателя: это не только и не столько возврат в прошлое, не ретроспекция, это, с одной стороны, жёсткий намёк на то, чего мы лишились, – язык = народ, его зык – его вечный звук! его письмо – не просто буквы-буквицы: это сакральная наша, священная, полная силою Духа русская вязь, славянское благословение, начертание (фиксация) Божьей речи. Автор талантливый так или иначе – проводник речи Бога. И сочетание блестящей фантастики, искромётности (и горечи!) жанра и старорусской языковой метелицы, внутри которой идёшь, рукою защищаясь от ветра, от сильного ветра ночных, иных времён, – вот что поражает на самом деле:

«– Интересно, что чувствует женщина, производящая нынешних классиков? Гордость?

Удовлетворение?

Гостья уловила въ вопросъ подвохъ и не захотѣла остаться въ долгу.

– Классики, нынче... – въ ея улыбка блеснула издёвка, и она со смакомъ, нараспѣвъ повторила русское слово: – Ныи-и-нче!.. классики!.. – потому что ребята издаются классическимъ способомъ, за счётъ издателя. А безпризорники, патриоты и прочая шушера имѣютъ полное право издаться, какъ поётъ реклама – бесплатно, тиражомъ отъ одного экземпляра, по льготной цѣнѣ – и выставляйте свой экземпляръ въ интернетъ на продажу. На русскій авось!

И, побѣдно глянувъ на погѣтителя, она тряхнула гривой:

– Ужъ не интервью ли вы берёте, молодой человекъ? Имѣйте въ виду: интервьюеры хорошо пополняютъ мой бюджетъ по судебнымъ рѣшениямъ!.. <...>»

Рассказ – на животрепещущую писательско-издательскую тему; и прекрасно узнаваема открытая метафоричность в названии известного в писательских кругах, зашифрованного имени героини; но дело даже не в этом. А в том, что фантастика эта, слишком, остро-больно похожая на правду, – на самом деле о распаде и соединении, о разрушении, которое иные «культурные» сообщества воспевают в откровенных слоганах: «РАЗРУШЕНИЕ ОЖИВЛЯЕТ», и о созидании, об уничтожаемой истине и торжествующей лжи.

Как быть? Как выбрать путь? Как разобраться в драгоценностях Мира и в его позоре и ужасах? И что есть тогда литература, слово, великий Божий Логос, и зачем его человек бичует, извращает, приспособливает, предаёт... и даже – и это страшно! – убивает? А ведь призвание художника, писателя – рождать, утверждать, исповедаться... и превыше всего – любить.

Роман «Особняк» Анастасии Черновой сразу погружает нас в переключку времён, событий, в перекрестье судеб, а они, как планеты, крутятся вокруг сверхплотной звезды – городского особняка, обладающего странной и трагической притягательностью; он – своеобразный магнит, и его сила необъяснима:

«Здание, которое напоминало мощную планету, вокруг которой кружили остальные дома, улицы, памятники. Другие города, страны и галактики. Туманы, дожди, потоки солнечных лучей и ветер. <...>»

Как разгадать загадку времени? И надо ли? Может, время вовсе не течёт, а стоит на месте? И каждый из нас хочет счастья. Хотя вся жизнь – вереница несчастий, и от беды не скроешься. И просвечивает сквозь изображения живых, реальных людей другая реальность, нечто ирреальное, потустороннее, пугающе непонятное... Только верующий в Бога человек может преодолеть этот экзистенциальный страх смерти и бездны.

«– Поля, – сказал после Данила, – о чём задумалась?

– О жизни, которая нас ждёт... Ты даже не представляешь, как будем мы счастливы... – она положила голову ему на плечо и ткнула пальцем вверх. – Вот там горят звёзды, и одна из них – наша. Неужели эта звезда горит и сегодня? Даниле стало смешно.

Вот стадион на месте бывшего церковного кладбища. Над ровным асфальтом туманно вздымалось что-то похожее на кресты, и человек, обвитый белым полотном, стоял поодаль. <...>»

И миллионеру Тирольскому по прозвищу Тролль герой романа Данила готовит нечто страшное... Смерть ходит рядом. Ужас Ада – тоже. «Отрицаешься ли сатаны и всех деяний его?» – спрашивает во храме иерей крещаемого. Протагонист и антагонист – Данила и Тролль – неразъёмное соединение несочетаемого. Что есть ненависть? Она ещё сильнее прилипает к человеку ненавидящему; крепче любого горя. Продолжение следует... но и продолжение жизни тоже, а в ней ох как много таких вот Троллей и таких Данил... И никуда не деться от зависти, злобы, ненависти, мести и войны.

И задача писателя, что поставил себе творческой целью не только обнаружить, но и изобразить объёмно, исследовать глубоко и досконально трагический феномен насилия, не так-то проста, но всецело благородна. Ибо если не мы, то кто же? Если мы сами, современники, сомгновенники, не заглянем внутрь себя, не поймём, почему мы до сих пор не можем побороть ненависть, откровенное зло, а поддаёмся ему, мы не сможем идти по высоченной, нескончаемой Лестнице Иакова дальше. Выше. В небеса. Дойдём ли?.. Но упование велико. И любовь наша – велика! И без неё мы – никуда!

И ещё одно, важное, хлеб насущный наших раздумий. Вот если бы зла в Мире не было – как бы мы различали, отличали, понимали, обнимали добро? Как бы узнавали его, добро, в лицо? Добро и Бог, добро и любовь в нашем представлении – наближайшая родня. Но есть один потрясающий парадокс! И о нём знают не только философы. Звучит он так: есть зло, которое в результате оказывается высочайшим добром. И есть добро, что в итоге несёт смерть, горе и боль. Вот как тут быть? И где, по какому лезвию бритвы пролегает дорога спасения, избавления? Анастасия Чернова смело поднимает эти вечные вопросы в своей прозе. «Особняк» нужно, необходимо читать. Он – о том, без чего мы не живём, без чего нам нельзя жить на свете.

...как тепло, как искромётно-счастливо стало на душе после прочтения рассказа Олега Черницына «Пленэр»... Художник на природе, на вольной воле, сидит и пишет этюд... а картина – уже в памяти, в сердце, она родится потом, позже; ведь главное в замысле – любовь. Любовь ко всему существу. К каждой минуте и каждой секунде быстротекущего Времени. К невероятной красоте родной природы – увидеть эту красоту дано всем, но не всякий сможет её равновелико запечатлеть... и такой дар – да, счастье.

Всё есть счастье, Мирь надо только любить. Любить самому, ибо бытие – Божье. И мы, люди, живописуем его кто как может. И тем самым дарим – вкладывая в изображение, в искусство все драгоценности души нашей – людям...

«Золотисто-розовое солнце спустилось к облакам, парящим белыми перьями над горизонтом. Уставшее за долгий день, собралось с силами, зарделось, подпало небо, небосклон блеснул розовым, завязался малиновым. Горящий диск играючи прожжёт облака, и лес вспыхнул, занялся верховым пожаром – яростным, на полнеба.

Живописец встал, прищурился на зарево, напрягся. Ноздри его шевелились, улавливая мягкие ароматы вечера. Павлу показалось, что живописец сейчас, на его глазах, создаёт своё лучшее полотно: смешивает краски на невидимой палитре, не скупясь на самые яркие, точными, щедрыми мазками одаривает бескрайний холст.

Вот и река взялась огнём – смотри, закипит! Алый горячий полукруг завис над горизонтом – секунда, и солнце рухнуло в пожарнице, подняв в небо сноп золотых искр. Заря медленно гасла».

А писатель-то, писатель, глядите, сам Олег Черницын – каков художник... какие самоцветные, переливающиеся живым перламутром, мощно-весомые слова он находит для изображения великости, неповторимости дивной Природы... Живопись словом – большое искусство. В рассказе оказались равномогущны и его герои – писатель Павел, и художник Аркадий, и сам автор, незримо встающий за их спинами, за их жизнями...

Драгоценна жизнь... из каждого слова этого рассказа бьёт ударами сердца: любите её, творите, обнимайте, воспевайте... не упустите ни мига из её великих даров...

В рассказе Эвелины Азаевой сразу впечатывается в память фраза: *«И тут появляется русский человек. Его сразу видно. У русских говорящие глаза».* Какой штрих! Не штрих даже, а выражение глобальной, космической, вселенской СУТИ России. Глаза светятся, глаза говорят, глаза даже кричать

могут! Глаза и когда молчат – у русского говорят. Шёпотом. Сердцем. «Глаза – зеркало души» – гласит старая русская поговорка. Самолёт, и рейс из Канады в Москву.

И две женщины, попутчица-немка и русская, журналистка Анна, беседуют... долгий полёт.

«– Вот чего вам не хватает в Канаде? – продолжает допытываться собеседница.

Русская с минуту соображает. В Канаде много хорошего, и всего ей хватает. Кроме главного.

– Мне России не хватает, – говорит».

И эти слова тоже врезаются в сердце!

Да, нам в чужих краях, в иных странах, в иных землях не хватает – России!

А я вспомнила одного канадского профессора, филолога, из университета в Виндзоре. Он каждый год летал в Россию, хотя не русским был, а хорватом, и увезли его в Канаду ещё ребёнком. Я спрашивала его: «Любомир, ну вот чего вам не хватает в Канаде, такой замечательной, красивой, удобной, безопасной стране?» И он серьёзно отвечал: «Мне не хватает трагедии. Я еду в Россию за трагедией. Там у нас всё так прилично... всё так, да, безопасно...»

А на дворе стояли безумные, шлопутные, страшные, кровавые, обманные, и правда трагические, русские 90-е годы...

Потрясающе заканчивается рассказ. На огромной силы эмоции. Но это не просто эмоция! Это как ветер. Зимний вихрь. Метель. Ураган. Он захлёстывает. Он кого-то другого ломает, но не русского человека.

«Отоспавшись после полёта, Анна выходит в соцсети и пишет: “Мы отвратительны тем, что не сдаёмся. Ни в большом, ни в малом. Ни даже в крохотном. Мы не боимся трудностей, считаем, что «двум смертям не бывать, а одной не миновать», и сторонимся греха, напоминая тем самым грешникам Европы и Америки, как низко они пали. Мы бельмо. Похитители спокойствия. Божий набат в глухие уши и покрытые жиром сердца. Как нас любить?»

Избавление придёт, когда мы поймём, что нам не нужна их любовь, признание.

Русские – не народ, а цивилизация. А цивилизации самодостаточны.

Русские – счастливицы. У нас всё ещё говорящие глаза...”»

Как счастлива я встретиться с поэзией Андрея Шацкова! Шацков – реинкарнация воина Куликова поля. Иначе не скажешь. Идут полки! Блестят на солнце шлемы! Вздываются к зениту копыя... За землю Русскую, за кровь родную, за народ, за Родину, за любовь, за великую силу времён выступает воинство; сколько любви и боли!.. Любовь и боль – наша судьба. И обе – русским солнцем осиянны.

*Ну вот и наша сотня. Поутру / Мы встанем с нею около Непрядвы.
И заполющут стяги на ветру, / Взыскующих единой русской правды!*

*Под клёкот лебединых верениц / Святая Мать за воинство заступит.
И Красный Холм – Мамаю ринет ниц / И в степь отбросит, словно чёрта в ступе.*

Стихи Андрея Шацкова абсолютно сакральны, трагичны, святы, светлы. Свет и святость – одного корня. Древний славянский бог прозывался Световид, а на Божественной Литургии иерей восклицает, подъявши руки горе: «Слава Тебе, показавшему нам Свет!»

Вот такая это поэзия. Поэзия беспредельного Света. Сквозь мрак, сквозь трагизм, сквозь кровь и смерть.

*В Диком поле рыщущую смерть, / Колченогой тенью Тамерлана...
А над Русью – дождь и коловерть, / Низкие осенние туманы!
А над Русью в стае облаков / Вспыхнет омофора позолота.
Зазвонит печаль колоколов / Дмитровской родительской субботы.
И взойдут озимые сквозь твердь / Колосом пшеницы и крестами,
Чтобы память попирала смерть / Свода летописного листами!*

Елена Пиетилайнен... светлая, светлейшая, тресветлая её поэзия – плоть от плоти и дух от духа сияющего, чисто-прозрачного Севера... Север подарил Елене силу и нежность, насытил её поэтику глубиной своих озёр, ширью-простором своих беспредельных далей... Стихи Елены одновременно и драматичны, и солнечны. Они знают краски заката, но печаль побеждает сверкающая, радостная

мистика восхода. Любовь – это тоже восход. Бездна любви, женственности в этих, насыщенных силой родной природы стихах! У кого горе, у кого боль и несчастье – идите к стихам Елены Пиетийнен за счастьем, как ходят в Карелии в лес по ягоды и грибы, как глядят в Карелии в полночное звёздное небо, на роскошную игру Северного Сияния!

*Позови за собою, / туда позови,
Где в сосновых стволах – / отражённое озеро.
Даже если разлукой / уже подморозило
Родники в заповедниках / нашей любви.*

Какую нежнейшую любовь к Мiру и человеку надо нести в своём сердце, чтобы высказать это, заповедное, потаённое, единственное:

Проливалась / заря, / как вино, / На небесную светлую скатерть...

И какая вечно-женственная, вечно-прощальная музыка, какая далёкая песня звучит в строках, что словно бы рождаются сами собой, без участия в том человека, поэта... это первый признак того, что строки эти – от Бога:

*Завтра встану рано-рано – / Проводить тебя в дорогу.
Проводить тебя в дорогу / С забелённого крыльца.
В наши окна будет странно / Ночь глядеть луною строгой.
Не одна звезда прольётся / С почерневшего лица.*

А вот поэт Сергей Пахомов, он живёт в деревне Мережа Вологодской области. И ему внятн нервный, драматический пульс времён. И его тревожат, причиняют ему боль минувшие годы – страшные, грозные, незабываемые, в громах рвущихся снарядов и бесчисленных смертей – опять за Родину, за счастье жить. За это платят жизнью на войне, и Сталинград не вытравить из души, не выжечь калёным железом.

*Созревшим эхом виноградин / стучит над оттепелью град,
Гудит земля, которой ради / я твёрже стал, / чем Сталинград.
Душа оплавленной воронкой / зияет в сумрачности лет:
Потрёпанная похоронка / хранит / рыданий горьких след...*

А вот радостное свидание с Владимиром Хохлевым из Санкт-Петербурга! Любовь захлёстывает нас с первых строк подборки. Любовь разлита во всех его стихах, в каждом слове, даже в каждом вздохе, в молчании между строк. А ведь между строк часто хранится главная тайна!.. Питерская культура просвечивает и играет в словах поэта весенней водой, бликами освобождённой ото льда Невы; поэзия Владимира Хохлева – свет, а не тьма, он весь направлен, протянут к радости, и вектор этой радости не скроешь, его видно-слышно везде, и счастье для человека – вступить в такую полосу жизни, где даже не пишутся – поются, шепчутся такие стихи:

*И главное! Без тебя не вижу смысла существования.
Жду твоего взгляда, нежности... твоего внимания.
Теку к тебе мыслью, чувств сердечных рекой...
Садись же в свою лодку, плыви ко мне, беспокой...
Бери меня силой, волей... свивай из меня нити,
будоражь мой просторный ум миражами наитий.
Иди по мне – по живому мосту – к звёздам...
Пока я ещё есть... здесь... И пока не поздно.*

Чудо любви... без неё истинной поэзии нет, как ни крути... поэзия – не рациональный (или безумный) набор красивых (и даже порой красивеньких...) слов, не искусное сочинительство; в лучшие свои минуты, в лучших своих вариантах она – песня и молитва.

*Мечтать, бродить... вдвоём, как раньше в детстве.
Рука в руке, душа в душе... Весна,*

*не просчитав ни рисков, ни последствий,
связует двух в одно... Любовь сильна!
Нас встретил март, сияющий, счастливый.
Мы вместе улыбнулись февралю...
Твои глаза шепнули снова: «милый».
А я сказал забытое: «люблю».*

Продолжает лиричнейшую, светящуюся музыку Владимира Хохлева поэт Галина Капецкая. Её словесные акварели притягивают, погружают в особое состояние... и она, сквозь все невзгоды, тянется к радости. Чересчур печальна порою наша жизнь. Печаль тоже нужна; как без неё? «Что такое жизнь? Трагедия. Ура!» – воскликнул глухой Бетховен. Но человек идёт от страдания к радости, от ненависти к любви! И, Господи, это так прекрасно! Именно это состояние души и духа, это миро-воззрение, этот чувственный настрой!

*Капля из фонтана радости, / облачко из аромата обаянья,
мелодия из гимна счастья, / лепесток доброты,
светлое дыханье нежности, / лёгкий ветерок радости,
глоток надежды, / крепкая основа веры,
все краски Мира, / вся музыка мечты
и все оттенки счастья – / в бесценном цветке Любви!*

И словно переводишь взгляд на другой конец коромысла, что от века несёт на плечах женщина, возлюбленная, дочь, мать, – Татьяна Ярышкина, она обращает лик к вере, она охвачена сомнениями, её лирика философская и одновременно полная ярких и сильных чувств... и она светится сердоликовой печалью, той самой тютчевской, фетовской печалью, когда ты любишь Миръ и хочешь жить вечно, потому что ты рождён для вечной любви, – и ты прекрасно осознаёшь конечность всего и вся на земле:

*Подо мною печаль земли. / Надо мною небес печаль.
Времена ещё не дошли / До начала своих начал.
Не замкнули ещё собой / Предначертанного кольца.
Ни под небом, ни над землёй / Не исчерпана до конца
Та печаль – а конца и нет. / Потому ли, что Сам Творец,
Возглашая: «Да будет свет!» – / Дал начало, но не конец?..*

И ты – да, ты сам, один перед лицом всех времён – осознаёшь Бесконечное и горячо, неистово любишь то, что должно уйти навсегда...

Поэт Александр Орлов представляет русских поэтов в проекте «Поэтическая Седмица».

Как это прекрасно придумано – показывая творчество современных мастеров, предварять их подборки кратким, живо очерченным поэтическим портретом, словно бы вводя нас за руку в вербальную сокровищницу автора, в его святая святых; друг-поэт говорит о друге-поэте, как песню поёт; и прислушиваешься к словам той песни, и внимательней читаешь и того, кто доселе тебе незнаком, и старого друга, давно любимого, знакомого наизусть:

Александр Логинов

«...душевное одиночество, направленное на постижение всего созданного, земного и небесного, явственного и непостижимого...» (Александр Орлов – об Александре Логинове).

*Ровно в полночь, когда над землёю небесный пастух
На прогулку выводит весёлое звёздное стадо
И, томясь ожиданьем, восстаёт человеческий дух,
Тёмных сил и страстей прорывая глухую осаду,
Где-то там, в закутке даже самой заблудшей души,
Родилось что-то светлое, лёгкое, как дуновенье...
Это семя любви проросло в заповедной тиши,
А навстречу ему пролились волхованье и пеньё.*

Олег Рябов

«...стремление к гармонии, нравственному совершенству вызывает у Рябова чувство сопротивления злу, это противостояние словом не оставляет автора ни на минуту...» (Александр Орлов – об Олеге Рябове).

*Я в выборе не волен: сам Господь / Меня сюда направил, я – лишь путник,
Без посоха, без торбы, без сапог. / Не сомневаясь в чём-то ни минуты,
Я был обласкан выбором таким, / Который сделал Он, и я доволен.
Я буду здесь творить, писать стихи, / Через страданье исполняя волю.*

Николай Алешков

«...он не пытается разгадать святыне тайны, а принимает небесное таинство смиренно и беспрекословно...» (Александр Орлов – о Николае Алешкове).

*Лука за Камой. Полночь. Блеск зарниц. / И быть, и небыль!
Над всей рекой отсутствие границ / Между землёй и небом.
На крыльях сна в ту ночь хочу вспорхнуть. / Там ангелы летали.
И вспыхивал над миром Млечный Путь – / Не для меня ли?*

И что же? Вот явное и тайное родство этой поэтической троицы, недаром объединённой Александром Орловым в светло-ромашковый венок русских полей и русских образов в красном углу. Вот тайна и счастье словесной Седмицы, этой поэтической Пасхи. О Боге, о Боге звучат, шепчут, поют поэты, выстанывают Его через страдание, взхлёб кричат о даруемой Им радости! И это, это и есть благодать! Это заповедное пространство журнала даже проектом трудно, неверно, назвать, поименовать таким холодным и отстранённым словом; это и вправду место Божьей силы, здесь поэт может вольно высказать своё самое таинственное, самое насущное, самое православное-кровное: неубиваемую веру свою.

Листаем журнал дальше, дальше...

Берега юбилеев...

Анастасия Маряч рассказывает нам о Сергее Дягилеве: имя предельно знаковое, для начала XX века, для действий и состояний великой русской культуры за рубежом – не имя, а просто реющее в выси знамя! Слово «знаменитый» родня слову «знамя». Дягилев, знаменосец русской красоты, – в сердце Европы, в придиричивом Париже, законодатель мод, что знает наизусть сундук с мировыми сокровищами, что видывал виды... Столько революций! Столько войн! Столько потрясений и катастроф... А знамя Культуры высоко воздымается, а пламя факела Культуры рвётся на Вселенском ветру. Вчитаемся. Вслушаемся.

«Сезон 1907 г. по-настоящему стал европейской сенсацией: пять “Исторических русских концертов” на сцене парижской Гранд-опера, что называется, “разведка перед боем”, как писали впоследствии исследователи, изучающие жизнь и деятельность С. П. Дягилева. Впечатляющие сила и мощь русского искусства, представленного творчеством Михаила Глинки, Николая Римского-Корсакова, Модеста Мусоргского, Александра Бородина, Сергея Рахманинова, Александра Скрябина, покорили европейскую публику. Море оваций и аплодисментов, восторженные крики – именно так провожали после концертов русских артистов...»

Да, именно так: покорили! А слышится: завоевали! Иной раз любовь и свободу, упование и счастье надо завоевать. Русская культура несла в Мирь – Мир. Будем помнить это. Будем жить так, как жили они, любимые, незабвенные:

«“Истинное искусство всегда нравственно”, – А. Чижевский;

“Невозможное сегодня станет возможным завтра”, – К. Циолковский;

“Внутренними свойствами добра определяется жизненная задача человека, её нравственный смысл состоит в служении добру чистому, всестороннему и всеильному”, – В. Соловьёв. <...>»

В рубрике «Берега Новороссии» культуролог, кандидат философских наук, преподаватель Луганского государственного педагогического университета Нина Ищенко рассматривает, объёмно, подробно, образно, вдохновенно, с любовью, стихотворение Александра Сигиды-сына «Русский Лавкрафт».

Война – не упоительная фантастика, не захватывающее фэнтези, не истеричное жонглирование смыслами, не компьютерная игра. Война это война. Она жестока, реальна, неизбежна. Но эпоха накладывается на эпоху, образ прослаивается образом, мысль сшибается с мыслью. И на стыке рождается новое пространство-время – и нам дано его узнать, понять, осознать, восстать против него или обнять его и крепко прижать к груди, к сердцу. Так в искусстве непредсказуемо трансформируется Время. Так один автор – через года, а бывает, через века – незримо встаёт с другим автором плечом к плечу в тяжёлой, иной раз и последней битве.

*Если б я был / Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу / Всё не поделят шарик земной.*

*(...)Говард, пора. / Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных / Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и / Русский Лавкрафт
Время – вперёд... / Снова уходят в поход ледяной.*

«...в стихотворении “Русский Лавкрафт” ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты – жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше, чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж – шахты, степи – проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить».

Кровью сердца написаны Ниной Ищенко эти слова. Их вдыхаешь глубоко, всеми свободными лёгкими, навсегда, чтобы любить и сражаться, чтобы жить.

Новороссия не покидает нас. Елена Заславская пишет-поёт о Пережитом. Да не поёт, а плачет! Эти, по Астафьеву, затеси – маленькие такие, задыхающиеся, то нежные, то железные записи, мгновенное запечатление улетающей жизни – да, выплаканы, вырыданы. По-женски. По-матерински. По-бабьи. Страшно, высоко, душераздирающе. Но художник поднимается над своим рыданием. «Художники пламенны, они не плачут», – сказал когда-то Бетховен. Проза Елены Заславской так похожа на стихи. Её и надо впивать, вбирать в себя, как стихи; пить, как вино или молоко, как холодную воду в жару. Глоток воды в самой сердцевине смертного боя! Вот что это такое.

«Док говорит: между залпом града и ответкой можно сделать четыре затяжки (он любит красный “Бонд”). Четыре затяжки – всё что успеется, перед тем как по тебе долбанёт, перед тем как тебя на четыре стороны с комями земли. Док помнит, как у ротного зенки из черепной коробки выкатились, незабудками зацвели.

Док говорит, что приехал сюда помирать, да нечаянно выжил. Те, у кого удача поживе, здесь лежат в новых могилах братских, в наших степях донбасских, укрытые ковылями и разнотравьем Дикого поля, зимою – снегами по пояс.

Все мои сказки об этих героях».

И вот они, родные «БЕРЕГА», Берега Янтарного края...

Валерий Громак соединяет в своей прозе всё: воспоминания, живые впечатления, философские раздумья, голоса людей... не только автор тут звучит – звучит многоголосый хор тех, кто глотнул войны и чуть не захлебнулся, кто намертво сцеплен, сжат был в её жутких объятиях... Валерий Громак хоронил друзей. Валерий Громак ставил поминальные свечи. Валерий Громак мужественно возвышает голос свой – и громко говорит нам о том, что НЕЛЬЗЯ забыть.

«Чтобы сделать снимок разбитого аэропорта, полез в пролом в заборе, но меня остановил крик племянника: “Там мины!” Назад пришлось возвращаться по собственным следам.

Человеку, далёкому от войны, трудно осознать эту реальность. Но в ней живут люди, за четыре года привыкшие к смерти. Родственница Яна водила меня по своему огороду, показывала дыры в заборе от снарядов, изрешечённые пулями стены, а в сарае – оперение от “Града”. Пожилая женщина спокойно рассказывала, как отличить на слух танковый снаряд от мины, определить направление его полёта и как в таких случаях поступать. <...>»

Вот только вдумайтесь: разве к насильственной смерти – за много лет – можно ПРИВЫКНУТЬ?! А вот люди – привыкли. Не дай бог вам, люди, занять такую привычку! Она есть мета войны. Притом долгой, затяжной, изнуряющей, с этой длящейся в небесах и в душе пыткой – ОТЛИЧИТЬ на слух...

Валерий Громач говорит про культ палачей. Про ужас народной бедности, нищеты. Призрак военного голода рядом, он ходит коварно-близко. Говорит про великий обман – Украина ещё не в НАТО, а НАТО уже на Украине. Как быть? Людям живым, любящим свою, Богом данную Родину, можно только сражаться. И есть война подлая, а есть Война Священная.

Сергей Рослин окунается в прошлое. Плывёт в нём вольным стилем. Наши воспоминания – быть может, самое драгоценное, что есть у нас за пазухой; это наша любовь к Времени, это наше его прощенье, наше – его, уже умершего, ушедшего, канувшего – воскресение. И здесь все мы немножко демиурги...

«Время было трудное, изобилия не было, да и денег у нас лишних не водилось. Новый год у меня всегда ассоциировался с запахом апельсинов и мандаринов, которые по великому благу приносила нам наша знакомая, работавшая на овощной базе. Когда я уже подрос, в мои обязанности входило ходить в подвал за углём и щепой и топить нашу печь. Дело это было мне вполне по душе. Это был целый ритуал. Я любил подносить спичку к аккуратно сложенной горке щепок и наблюдать, как они ярко вспыхивают в топке. Печка потихоньку оживала, через несколько минут уже весело гудела. Затем нужно было только вовремя накидать совком угля, пока не прогорели дрова. Комната постепенно наполнялась теплом, было радостно и уютно на душе в эти морозные зимние дни. Вообще мне очень нравился огонь. <...>»

«...очень нравился огонь...» Огонь – жизнедающая, жизнь дарящая сила. Ребёнок сидит у огня, у пылающей печи... Это есть символ времени. Дитя – хранитель огня и возжигатель его, согревающего. Да, огонь опасен! И да, он благодатен. Детство, зима, Новый год, запах еловой хвои и мандаринов... дух праздника... треск горящих в печке поленьев... Счастлив тот, кто на весь век свой, на веки вечные несёт свой Детский Праздник – в себе. В сердце.

Берега истории...

Войдём под своды Всесокрушающего, да, но и Всерождающего Времени...

Екатерина Фёдорова, доктор культурологии, профессор МГУ, рассказывает о князе Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском и обо всём его роде. Безмерен интерес наш к нашему прошлому! К истории рода, тем паче такого именитого, к роскошному генеалогическому древу!

«Лобанов-Ростовский крупная личность. Огромная планетарная система, живущая по своим законам. Высокий интеллектуализм – в постоянном процессе самоусовершенствования. Не похож ни на кого, только на самого себя. Ну и, конечно, генетическая аристократическая статья его предков – князей Лобановых, Лопухиных, Кропоткиных, Львовых, Куракиных, маркизов Траверсе, графов Кушелевых, дворян Вырубовых, Кожиных, Галаховых, Шенишиных – высказалась в этом потомке Рюриковичей со всей возможной полнотой».

Вдумайтесь, ведь в соцветии родовых фамилий, в подкупольном многозвёздном, галактическом пространстве знаменитых предков князя – вся история Руси, России...

Григорий Некрашевич с любовью и всемерным знанием повествует о своем славном праотце, потомке старинного шляхетского рода, Иосифе Григорьевиче Некрашевиче-Покладе. Ах, на старой фотографии Иосиф Григорьевич бравый какой – лик крепкий, скульптурной лепки, крепко и мощно сбитый торс, воинственные усы, взгляд сверху вниз, властный, а голову сейчас повернёт – и понимающий, и всепрощающий... В русско-турецкой войне поручик Некрашевич-Поклад принимал участие. В конце 1886 года справил свадьбу с Евгенией Соколовой, произведён в штабс-капитаны, позже – в капитаны, чуть позднее – в подполковники... Какая картина встаёт за скупыми словами исторического отчёта!.. «26.02–23.12.1904 – подполковник Некрашевич-Поклад находился под огнём

неприятеля при осаде и бомбардировке крепости Порт-Артур. <...> И вот Иосиф Григорьевич уже полковник, и вот ему пожалован орден Святой Анны... И вот он – генерал-майор...

И – взрывом на полнеба – трагедия Революции, и на кораблях – в неизвестность туманного, страшного будущего – прочь из Крыма, из Феодосии, из России, из всего того, что станет теперь лишь во снах родным соловьём петь над ним – на ветвях чужих стран... Судьба на обрыве, на краю... и вот он, обрыв, и эта пропасть – навсегда. Сперва Константинополь, потом Черногория.

«Жизнь русских эмигрантов в Черногории была не сладкой, требовалось каким-то путём зарабатывать на пропитание. Генералы, офицеры, научные деятели брались за любую работу, чтобы прокормить себя и свою семью.

В конце 1925 года Иосиф Григорьевич тяжело заболел и был помещён в военный госпиталь в г. Каттаро (КСХС; ныне г. Котор, Черногория). Источник журнала “Русский вестник Черногория” указал, что генерал-майор Некрашевич-Поклад Иосиф Григорьевич 23 декабря 1925 года умер в военном госпитале и похоронен на православном кладбище в селе Шкаляри (ныне район г. Котор)».

И сверкающей формулой памяти – в небесах времён – звучат слова автора, потомка славного генерал-майора: *«По древнему народному поверью, когда герой уходит в мир иной, падает с неба звезда и гаснет. Но не пропадают бесследно дела его, – они бессмертны, ибо в них живёт дух народный, его история».*

Виктор Ширяев публикует автобиографические записки «Моряк и воин». Мне они тем более важны и дороги, что отец мой Николай Крюков, прежде чем стать художником, был моряком – после Военно-морского училища имени Фрунзе в Ленинграде: сначала матросом, а во время Великой Отечественной войны – штурманом-рулевым на знаменитом ледоколе «Дежнёв» (во время войны – СКР-19). Да ведь и наш он, Виктор Иванович, нижегородец, в Нижнем родился в 1926-м, ровесник матери моей! Детство в Нижнем (Горьком). Война. Вот Виктор – курсант военно-морского подготовительного училища в Баку... С нетерпением жду, дорогой Виктор Иванович, продолжения уникального рассказа о большой, драматической, неохватной жизни...

Зоя Колесникова из Воронежа представляет читателю книгу Лидии Владимировны Довыденко «Сила русской мысли» (Калининград, 2021).

Да, это – Берега прочтения!

Глубоко в сердце, на всю жизнь, на всю нашу горячую и благодарную память врезаются строки Зои Колесниковой, соединённые, сплетённые с мыслями Лидии Довыденко и с позициями русского философа Ивана Ильина:

«“Кто возьмёт человечество на ладони любви?” – мудро вопрошает Лидия Довыденко. Таким образом, Лидия Владимировна подводит читателя к мысли философа И. Ильина о том, что “духовная рана современной культуры – утрата священного”».

А разве не так? Разве не исчезновение, истаивание в воздухе, полном ядовитых культурных (вернее, без-культурных!) миазмов, великого Русского Сакрала, великой и высокой ориентации на Священное определяет возможность совершить преступление – без мыслей о том, что впоследствии наказание? Пусть даже наказание Божие – это ещё страшнее и ещё справедливее!

Но есть, есть эта сила, – что сопротивляется, борется, отодвигает ужас распада, разрушения.

«...Лидия Владимировна уверена, что ныне, как никогда, русская литература, обращаясь к Богу, на главном своём направлении выявляет живые связи языка, воскрешает основы народного мышления, раскрывает душу народа, его сердечные думы и чаяния».

Да, наша страна литературоцентрична! Она не перестала быть такой! И в этом наша надежда, наша крепость, наш вектор; так мы движемся вперёд сквозь все бури. Писатель по-прежнему плывёт, зорко видя вдали обетованный Берег. «Нас было много на челне...» Помним, помним, шепчем-повторяем великого Пушкина...

Великолепно говорит о книге Василия Килякова «Посылка из Америки» писатель Эдуард Анашкин! Оба равносильны, в одной святой атмосфере художества и веры живут и дышат! И быть может, самое главное, самое животрепещущее и истинное подметил Эдуард Анашкин в прозе Василия Килякова:

«Василий Киляков обладает несчастным сегодня талантом объёмного, одного замеса с народным языком и мышления, из которого проистекает также несчастное ныне качество. Имя ему –

народная художественность. А возникает она из обрётённого с младых лет не просто знания, но чувствования русского языка. Знания-то пополняемы книжным путём, словарей диалектных слов хватает, да вот только книжное знание народного наречия не даст писателю того ощущения подлинности, про которое говорят, что не язык – рабочий инструмент писателя, а писатель становится инструментом того яркого, самобытного народного наречия. Его не спутаешь ни с каким другим, и на него сразу и безошибочно отзывается душа русского человека. <...>»

И не про все рассказы Василия Киякова, что в книге, подробно пишет Эдуард Анашкин. А про один рассказ из книги «Посылка из Америки» – «Письмо Сталину». Парнишка Колька пишет Сталину, вождю, письмо... Сразу вспомнят все Чехова и его Ваньку Жукова...

«И вот грамотный (письменный, по выражению матери, гордящейся грамотностью сына) Колька не удержался и написал всё-таки Сталину. Но не про мать, которая ругает вождя народов. А письмо с просьбой устроить его в желанное суворовское училище. С адресом на конверте, правда, как и у чеховского Ваньки Жукова, у Кольки тоже вышли проблемы. Ванька написал “на деревню дедушке Константину Макарычу”, сделав на века фразу крылатой. С “письменным” Колькой получилось примерно то же самое:

«...Высунув язык от усердия и слизывая набегавшие, как назло, сопли, яростно шмыгая носом, написал: “Москва. Кремль. Вождю всех времён и народов И. В. Сталину”. И подумав, добавил: “Любимому и дорогому”. Потом подул на перо, опять пошмыгал носом и вывел в уголке, в самом низу конверта: “Лично в руки. Жду ответа, как соловей лета!”».

Письмо вернули... Кольку ждала выволочка... Мать упасла его от тяжёлой руки отца... Но... задумайтесь. Наша страна... с её потрясающими контрастами... с криками и воплями раскулачивания, о котором мне, вся в слезах, рассказывала мать – и с заботой правительства об образовании, о медицине, о БУДУЩЕМ людей... Опять случай из жизни нашей семьи... и тоже – письмо Сталину!.. Капитан ледокола «Дежнёв» Александр Гидулянов написал письмо Сталину – с просьбой определить талантливого штурмана-рулевого Николая Крюкова, что так любил писать портреты команды боцманскими малярными красками, после службы на флоте и после войны, в Академию художеств в Питере. Колька Крюков, отец мой, прибыл в Москву на побывку с этим драгоценным письмом капитана в чемодане... Пошёл в Кремль... без надежды, без всякой надежды!.. а Сталин – принял его. Да! Это не фантастика. Это быль. Я изобразила эту уникальную встречу, сто раз увиденную мною внутренним взором во время рассказов о ней отца, в книге «Старые фотографии»... Поэтому рассказ Василия Киякова я понимаю и люблю как никто...

Лидия Довыденко представляет книгу Андрея Шацкого «Сказы Куликова поля» («Опять ветра заводят перебранку...»). И сразу, сразу, с первых горящих строк, Лидия Владимировна говорит нам о святости мироощущения Куликова поля, о благословенности этого Русского Пространства – ибо над ним простёрла свой омофор Матушка Богородица:

«Куликовец Андрей Шацков, рукой которого действительно руководило высокое вдохновение, во вступительной части своей поэтической книги “Опять над Полем Куликовым” обращается к пророческим словам Александра Блока, назвавшего битву “символическим событием русской истории, которым суждено возвращаться...”, потому что силам зла нестерпим свет России, над которой простирает свой покров Богородица, приснившаяся Блоку: “Ты сошла в одежде, свет струящей, не спугнув коня”, пришедшая во сне поэту Шацкову, благословив на стихи о Куликовом поле. Она стояла в свой день Святого Рождества над Куликовым полем, её образ появился в небе перед началом штурма Кёнигсберга и взятия его Красной армией 9 апреля 1945 года. <...>»

Разве это небесное, вышнее Богородичное знамя не передаём мы из рук в руки – через года и века? Лидия Довыденко в своей статье о новой книге поэта Андрея Шацкого подмечает самое существенное, самое звёздно-истинное у поэта:

«Язык Шацкого загадочен и непредсказуем. Живое и живущее в его “Сказах” не привязано к быстро текущему времени, оно возвышается над вечной Русью, Россией, а её небесный дух, её красота, где-то наивность и доверчивость – под покровительством Богородицы.

Давно не ощущала такой высоты, какая в книге Андрея Шацкого, как близко душе его поэтическое видение и созерцание, как тепло от родственности с его творчеством, и безбрежная благодарность – за духовное стояние на ратных полях России».

Ратные России великой поля! Сейчас тоже они расстилаются перед нами... И недаром в своих раздумьях Лидия Довыденко проводит пылающие параллели с тем, что происходит сейчас на Донбассе, с нынешними сражениями, с сегодняшним Русским Воинством...

Это и есть Русский Сакрал, соединяющий, сплавливающий времена.

Валерий Скрипко в статье «Мытарства творческой души» размышляет о романе иркутского писателя Анатолия Байбородина «Боже мой». Вчитаемся в то, во что вчитаться, вдуматься просто необходимо:

«“Боже мой” не просто название романа. Это своего рода морально-нравственный код или ключ к пониманию истинного смысла жизни героев книги. Эти два слова употребил в одной из своих статей в районной газете Василий Оздобихин. В контексте всех дальнейших событий в его судьбе восклицание “Боже мой!” стало звучать как сигнал тревоги за наше духовное настоящее и будущее. <...>»

Да, мы тревожимся о будущем. Мы печёмся о настоящем, часто не зная, как подступиться к решению тех или иных вопросов – загадки времени неоднозначны, предельно трудны. Мы совершаем ошибки. Нас губит то, что когда-то Александр Грибоедов назвал «Горе от ума», навек впечатав эту формулу в свою полынно-горькую, знаменитую, сияющую незакатным солнцем комедию (а точнее – трагедию!). Валерий Скрипко мечтает о том, чтобы по роману Анатолия Байбородина был бы снят фильм... Сколько же насущных, важнейших русских фильмов, так выходит, мы не увидели в последние годы! Однако писатель сам снимает свой фильм – посредством книги. И имеющий глаза и мысль – не только читает; он – ВИДИТ.

Ваагн Карапетян (Канада) показывает отрывки из романа-эссе «Великий блеф под названием “МАСТЕР И МАРГАРИТА”». Уже звучит интригующе!.. Задача этих разветвлённых изысканий – найти в тексте романа, уже, пожалуй, заученного наизусть поколениями читателей, несоразмерности, нестыковки, нелепости и даже (о ужас...) неграмотности... Задача, прямо скажем, и трудоёмкая, и даже, возможно, нравственно (иному литератору) непосильная. Со многими положениями фрагмента романа-эссе можно поспорить. Но на то и исследователь, и его работа, часто направленная именно на рождение спора, на подземные и подводные культурные возмущения.

«...Он (М. А. Булгаков) описывает события, ситуации, действия превосходно. Мы смакуем, наблюдая за филигранно-ювелирной словесной игрой мастера, но не задумываемся, насколько логично поведение героя и не зашкаливает ли абсурдная обстановка, в которую, как в ловушку, вовлекает нас автор, и настолько она необходима для решения общей концептуальной задачи. Своим виртуозным умением жонглировать словами он, словно экстрасенс, опутывает нас мелкими деталями, и сквозь них мы не видим общей картины. Мы, как в болоте, погрязаем в этих деталях, не решаясь выбраться, и по сей день остаёмся в этом пленении. <...>»

Спорьте! Опровергайте! Соглашайтесь! Сражайтесь! «В споре рождается истина» – максима древняя, а кто-то и с нею, быть может, готов поспорить...

Вот неделикатно, может, говорить про своё произведение в журнале. Но хотя бы в финале статьи о нём упомяну. В № 3 «БЕРЕГОВ» 2022 года – большой фрагмент из моей работы «РАСКОЛ. Книга огня».

Скажу только: трудный это текст, архаический, внутри него, в самой ткани прозы, музыка и ритмика стиха; я давно, ещё со времён «Юродивой», «Серафима» и «Иерусалима», люблю такое высказывание. В «Расколе» я напрямую обратилась к древней русской силлабике, и даже к ещё более древней, полузабытой музыке речи. Но дело не только и не столько в архаике. Мне важен был архетип Огня, архетипическая, громадных масштабов личность Аввакума, моя собственная свобода кочевья по временам – и, конечно, важно было соотнесение времён Раскола с нашим днём, с тем, ЧТО мы переживаем сейчас. Полтора года работы над вещью – и вот вся жизнь любви к Старой Вере, к мощи Аввакумова слова, к пламени Духа, которое горит и посейчас, на которое и мы с вами – свидетелями – глядим.

Ну вот из этой музыки, вырвала наудачу:

«...кровь, солёно, хинно, полынно, горько, горячо, текуче, встают народы, войска и семьи, династии, военные тучи, она, свободная, широко и нагло льётся меж всеми, кровь с кровью сплетается, люди друг друга опять зачинают, тому кровь чужая, убей, а тому, о, прости, родная, кровь, вязкий

плов чужеземной победы, кровоподтёк на месте оков, кандалов, забытые снежные Веды, кровь берут в полон, кровью клянутся, кровью на песке пишут заклинанья, кто в запретную кровь влюблён, нынче скотом пойдёт на закланье, кровь на морозе дымится, летит красным и белым паром, всё, что омыто кровью, всё пришло неслучайно, недаром, кровь, батюшко Аввакуме, я тебе бормочу, не слушай, для иной, небесной музыки отверзи слух свой, открой крылатую душу, кровь, это музыка, отче, это целый громадный оркестр, это варган, это жалейка и дудка и лира, я слышу кровь окрест, я вижу алый флаг ея – на пол-Мира, в крови шибаются, плачут, летят тела, выпирают локти, кулаки гранатами вон вылетают, кровь, а может, любовь, несвятая, да брось, святая, всё красное свято, алой заплатой кровь на мне, на тебе, на тех, кто был и кто будет, морды коней, танков гусеницы, человек в крови, это страшно, больно и гордо, кровь, рода клеймо, дымы крематориев, пылающих изб, госпиталей, полных красных криков до неба... кровь, ты ей не прекословь, отче, она же тебе насущнее хлеба... кровь даждь нам днесь... Мирь, гляди, в крови весь... это Раскол, разрубили нас, разрубили... на душистое сено – и вопли измены... на святую молитву – и хищную, в задыханье, ловитву... на Положенье во Гроб – на дикий, последний вопль на могиле – и на Второе Господне Пришествие, в торжестве, во славе и в силе...»

Мир без границ...

Палестинский поэт Абдулла Исса в переводах Светланы Савицкой звучит, как горячий голос пустынного ветра, сияет, как солнце над призрачными горами и песками-миражами, бьёт солёным и терпким морским прибоем в наши, открытые, жизни, души:

*Тень не имеет цвета, / И запаха, и вкуса.
Эхо стонет в лёгких ветра. / Где рождается душа?
Какая буря уносит её пепел? / Какой жертвенный агнец
поднимает колокол моей жизни, / Как купол твоих отпущенных грехов
Над твоими могильными травами? / Какой крест я должен нести, чтобы искупить их?*

Олег Мраморнов, замечательный переводчик, представляет нам стихи Петара Негоша в подборке «Балканские мотивы»:

*В знаменитых Балканах, / в неприступных горах,
на Высоких Дечанах / старый сербский монах
слёзно Господа просит / о собратьях своих,
по-славянски возносит / он молитвы о них.
Не в своём парамане, / с посохом и в скуфье –
в косоварском капкане / он привиделся мне.*

И как же великолепно заканчивается номер журнала, какой мощный последний аккорд звучит под его сводами – именно из этой, балканской, привольной, горной и морской, широкого дыхания подборки Петара Негоша в переводах Олега Мраморнова:

*<...> Не верь, что мы стали чужими, / что воздух растерзан и пуст,
глазами ты бухту обymeшь, / и вывется имя из уст.*

...После прочтения третьего номера журнала «БЕРЕГА» за 2022 год хочу воскликнуть: какое счастье жить!

Какое же счастье жить и творить, дорогие мои!

Любите жизнь. Любите искусство.

И, борясь со злом, сражаясь с тьмой, помните: какое счастье на земле – любить друг друга.

Дарить любовь.

Она и есть величайший смысл Культуры и Бога.

Она есть душа нашей огромной, сияющей, великой и вечной РОДИНЫ.

Её необозримые БЕРЕГА.

Берега прочтения

Наталья Советная

Наталья Советная – автор публикаций в журналах и многочисленных альманахах: «Литературная учёба», «Наши современники», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Окно», «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Симбирск», «Родная Ладога», «Берега» и др. Автор книг поэзии и прозы, в т. ч. «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Венчики золотые», «На земном подсвечнике», «Пучок травы». Награждена орденом «За веру и верность» (Москва, 2016), медалями «Святой Благоверный Великий князь Александр Невский», «Василий Шукшин», «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)», «За вялікі ўклад у літаратуру» (Минск, 2016) и др. Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле – 2015» (Псков), Всероссийской литературной премии им. А. К. Толстого.

ПО ЗОВУ ЯНТАРНОГО КРАЯ

По приглашению редактора литературного журнала СП России «Берега» Лидии Довыденко мне, как автору и члену редакционного совета издания, посчастливилось принять участие в презентации очередного номера журнала (№ 3 (49) – 2022) в калининградской библиотеке имени космонавта А. А. Леонова (заведующая – Лариса Владимировна Пшеницына).

Несмотря на летнее отпускное время, 24 июля 2022 года в прекрасном читальном зале храма книги собрались многочисленные почитатели литературы. Из Москвы прибыл заслуженный деятель искусств Ювеналий Калантаров, театральный режиссёр, в прошлом двадцать лет проработавший в драматическом театре города Калининграда, где помнят поставленные им спектакли до сего дня. Он же автор книги статей и эссе о культуре, театре, политике «Выбранные места из переписки с Президентом». В своём выступлении гость особо подчеркнул талант главного редактора журнала, умеющего любить каждого автора, восхищаться его профессионализмом и радоваться успехам.

Автор журнала Валерий Громак, известный журналист и писатель, победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, лауреат премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство», высоко оценил уровень «Берегов» и его значение, поблагодарил главного редактора за публикацию статьи «Украина: НАТО и культ палачей. Из блокнота украинского “иноземца”». Капитану первого ранга в отставке, со стажем в Вооружённых силах СССР и России тридцать восемь лет, родившемуся на Украине, служившему срочную в Белоруссии, в ракетных войсках стратегического назначения, вышеназванная тема близка, понятна и болезненна. Записки о поездке в прифронтовой Мариуполь и в Донецк написаны непредвзято. Это реалистический, беспристрастный взгляд человека думающего и неравнодушного к волнующим событиям, связанным с военными действиями на Украине.

Заслуженно привлёк внимание присутствующих Сергей Рослин, ветеран флота рыбной промышленности, увлекающийся историей и культурой Янтарного края, член областного клуба краеведов, сотрудник музея форта № 11 «Дёнхофф». Его рассказ о Балтийском районе Калининграда 50–70-х годов прошлого века, демонстрация фотографий того времени были весьма познавательны и пробудили массу ассоциаций и светлых воспоминаний. В журнале опубликована повесть Рослина «Балтрайон – мир моего детства».

Григорий Некрашевич, историк, генеалог, автор ряда книг, потомок древнего дворянского рода, служившего России, рассказал о своих предках рода Некрашевич-Поклад и представил родственника по крови, с которым познакомился недавно. В третьем номере «Берегов» опубликовано исследование

«Потомок старинного шляхетского рода. Служа царю и Отечеству. Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад», которое свидетельствует и о тесной связи предков автора с Белоруссией: Браславщина, Мстиславль Могилёвской губернии.

С интересом слушали участники презентации Наталью Дроздову, родственницу автора журнала Виктора Ширияева, капитана первого ранга в отставке, командира подводной лодки, которого она хорошо знала и очень уважала за его преданность флоту и высокую культуру – предмет гордости всей семьи. Тридцать три года Виктор Ширияев отдал службе на Северном флоте, в «Берегах» опубликованы его автобиографические заметки «Моряк и воин», к сожалению, сам он не успел увидеть их напечатанными.

Мне же было приятно рассказать, как началось знакомство с журналом «Берега» много лет тому (спасибо петербургскому писателю Юрию Сербу), о минской встрече с главным редактором в музее Якуба Коласа, на одном из мероприятий Минской городской организации Союза писателей Беларуси, где Лидия Довыденко также презентовала свой журнал; о моих первых калининградских впечатлениях (к тому времени мы уже успели побывать в городе Янтарном, где я родилась).

С радостью передала библиотеке свои книги, питерский литературно-исторический сборник «Береста Онфима» (составители Ирина Катченкова и Татьяна Никольская) и один из многочисленных словарей Анатолия Бесперстых, известного лексикографа из Беларуси.

После официальной части мероприятия свободным микрофоном воспользовались многие присутствующие, среди них друзья Лидии Довыденко. Наталья Гагарина – автор журнала, Мария Шелкова, читательница, приехала из Испании. По её словам, испанцы живут спокойно, лениво, размеренно, словно в мире не происходят те глобальные катастрофы, за которыми мы следим отнюдь не равнодушно.

Гости искренно благодарили хозяйку мероприятия, восхищались журналом, предвкушая уже новый, юбилейный номер «Берегов», который читатели ждут с нетерпением. Журнал издаётся с 2013 года, в нём множество разделов, среди которых главное место занимают проза и поэзия, но вдумчивый читатель оценит «Берега искусства и культуры», «Берега истории», «Берега Новороссии», «Берега прочтения» и даже «Берега “страстей по Европе”». Из номера в номер появляются новые рубрики, заменяя собой устаревшие или потерявшие актуальность. География авторов журнала не устаёт удивлять, потому что здесь находят приют писатели из Сибири и Беларуси, Мурманской области и Москвы, Орла и Воронежа – всех не перечислить. Встречаются имена знакомые и очень уважаемые, происходят открытия новых интересных авторов. «Берега» заслуженно удостоены многих наград, в том числе отмечены Международным литературным форумом «Золотой Витязь».

У меня же остались самые светлые и радостные воспоминания и от встречи с читателями, и от самой библиотеки, и от Янтарного края, и от того радушного приёма, который оказали мне Лидия Владимировна и Владимир Иванович Довыденко, познакомив с Калининградом, Янтарным, Балтийском, Светлогорском и Зеленоградском. Погода благоприятствовала, Балтийское море было ласковым и тёплым, но об этом – в будущем обширном очерке.

Берега прочтения

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – литературный критик, член Союза писателей Беларуси, лауреат Международной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (Минск).

«ПРЕДОЩУЩЕНИЕ ЛЮБВИ»

О книге Валентины Поликаниной
«Исцеление верностью»

(Минск: Четыре четверти, 2022)

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полёт всех планет,
Громовые раскаты в тиши...
А пока – в неизвестном живём
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнём,
Обжигаем себя и других...

Александр Блок. *Есть игра*

«Исцеление верностью» – восемнадцатая книга Валентины Поликаниной, известного поэта, переводчика, публициста, члена Союза писателей Беларуси, Союза российских писателей и Международной федерации русскоязычных писателей, лауреата престижных республиканских и международных литературных премий, обладателя медали им. А. С. Пушкина. Казалось бы, к её творчеству довольно часто обращаются литературоведы, критики, писатели. Но, вместе с тем, каждая новая книга автора по-прежнему не оставляет читателя равнодушным, не проходит незамеченной и вновь открывает доселе неизвестную грань дарования. В чём же феномен её популярности? Признаюсь, однозначного ответа нет. А тайна есть. Значит, мы имеем дело с настоящей поэзией, интерес к которой никогда не угасает! Может быть, потому, что всё происходящее поэтесса описывает с любовью, иногда – с улыбкой, подчас – с затаённой болью.

Очаровывает музыкальность, мелодичный ритм стиха, что легко ложится на сердце, искренность и проникновенность трепетной строки замечательного лирика. Валентина Поликанина улавливает этот ритм тонкой настройки, лишённой вычурности, и естественной, как стук дождя по крыше, как попытка быть камертоном в той музыке, какая у каждого читателя своя, быть первым звеном в ассоциативной и насыщенной цепочке образов. Слово надо любить и чувствовать. Тем же, чем цвет, краска для живописца, звук, инструмент для композитора, тем же, чем объём и пространство являются для скульптора и архитектора, – тем же самым является для писателя слово. И здесь, пожалуй, трудно отыскать столь чувственного художника слова, равного Валентине Поликаниной.

Словесное искусство включает в себя сложное переплетение эстетических категорий: язык тела, язык художественного образа, музыкальный, ментальный язык – всё то, что может совместить земное и высшее. Чтобы друг друга сдерживать, чувству и мысли надлежит пребывать в гармонии. У Валентины Поликаниной тоже звучит своя особая симфония предощущений, своя сокровенная тема в искусстве изящной словесности, свой музыкально-поэтический язык. Благодаря точному образу, его духовному потенциалу лирическое произведение поэтессы всегда коротко, всегда предельно исчерпывающе. Между тем за внешней сдержанностью и чёткой выверенностью строки стоят непреходящие истины бытия.

«О, музыка – душа живая!»

Самые, возможно, любопытные и захватывающие страницы в книге содержит раздел «На ладонях музыки и слова», полностью посвящённый искусству:

Взывают к музыке слова, / Ища союз с душевной речью,
Где только истина права, / Где места нет противоречьям.
У Слова – вечные права: / Парить над миром синей птицей.
Взывают к музыке слова, / Чтоб сердцем с ней соединиться.

Как видим, Валентина Поликанина задействует всю полифонию культур, являя нам духовное и эстетическое постижение жизни, реалистически многогранное восприятие в своём первозданном неразрывном единстве мира и человека, природы и Создателя-Творца, о чём говорит и профессор-языковед, лингвист Мария Жигалова (Непреходящий свет жизни // Нёман. 2020. № 8). Стоит заметить, что у Валентины Поликаниной искусство не столько отображает, сколько меняет окружающую действительность. Невероятно богатую гамму переживаемых эмоций – от простейших жизненных ощущений до утончённых впечатлений, даруемых искусством, находим мы в книге «Исцеление верностью»:

Мир сетей... Фальшивые уловы / Лжи и злобной горечи ушат...
На ладонях Музыки и Слова / Сладко исцеляется душа.
Звуки услышав, вранья оковы / Разорвёшь и сбросишь тяжкий гнёт.
На небесной высоте духовной / Музыка великая плывёт.

Именно словом исцеляют болезненный разлад в человеческой душе. Тут стоит заметить, что Валентина Поликанина отличается ярко выраженной творческой индивидуальностью, ведь она давно обрела собственный почерк, уникальный авторский стиль женщины-поэта, чутко улавливающей современные интонации времени и в очередной раз убеждающей в том, что тихая и задушевная лирика не терпит фальши. На лжи нельзя построить стиха, уверена она. В ней живёт идеальная вера в лучшие человеческие качества, а главное – вера в Бога – самое таинственное и глубокое духовное состояние человека, которое спасает от всего. Особенность её творчества – передать через Слово и Веру любовь к читателю. Круговая порука, связующая людей, – любовь.

«Нужно сильно чувствовать, чтобы заставить чувствовать других», – точно замечал Паганини. И Валентине Поликаниной, как никому другому, это дано. Рассыпанные по книге наблюдения автора над искусством отличаются философичностью, ёмкостью суждения, лаконизмом и меткостью выражения, делающими их ценными абсолютно для самых разных читателей. Ницше когда-то изрёк неоспоримую сентенцию о том, что «без музыки жизнь была бы ошибкою». Да, наша жизнь неотделима от музыки, и поэтесса посвящает ей целый цикл лирических произведений, наполненных переживанием и восторгом:

О, музыка – душа живая! / Чиста, восторженна, нежна...
Как будто пледом, укрывает / Волною ласковой она.
И, словно солнце на восходе, / Теплом касается руки,
Внезапным импульсом проходит / Сквозь сердце, мозг и позвонки.

Мощная полифоническая нота – образ над чувством и мыслью – музыка, дающая ощущение полёта над пространством. Что слышится в этой сверхмелодии? Вероятно, прообраз самой музыки – её небесный эйдос – небесная матрица:

Надмирны звуки клавиши, струны. / У них дорога к вечности – прямая.
Мяжки ладони музыки, нежны, / Они к вершинам душу поднимают.
Жемчужны волны мелодичных рек, / В них шелковистость самых зыбких тканей.
Как в лоне материнском – человек, / Легко плывущий в водах музыкальных.
Звучи! Звучи всегда в моей судьбе! / Мы все преграды вместе одолеем.
Я благодарна, музыка, тебе / За то, что будни делаешь светлее.

Надмирность – крушение и возрождение одновременно – такова непостижимая власть искусства. Эта – почти божественная воля одним мановением музыкального ритма изменить мир! Здесь и магия

выразительной афористичности строки – лучшее доказательство мастерства художника. По блистательному афористичному слову легко определить уровень подготовки поэта. Валентина Поликанина запоминается необычными лапидарными фразами: «Во всяком деле – неискусства нету»; «В великой музыке есть тайна / Предощущения любви» – вот оно искусство вечной недосказанности – та невидимая грань, когда гораздо важнее недосказать, чем сказать больше.

Непостижимая загадка творчества – два музыкальных гения: Моцарт и Шопен, которые вдохновили автора на создание произведений, проникнутых драматизмом и светом. Классическим страстным пером поэтесса пишет музыкальный портрет двух художников:

Шопен и Моцарт... Страсти половины. / Весны концерты хочется прожить.
Смычки, как иглы, колют воздух в спину, / И, напряжённый, он слегка дрожит.
Шопен и Моцарт... Две картины рая. / Спросить о главном и найти ответ.
Рояль и скрипки так с душой играют, / Что мотыльком лечу на мягкий свет.

Поэзия, музыка... Как бесконечная человеческая судьба, которую вместила в себя эта необыкновенная книга. Паганини справедливо считал (и был прав), что «истинное соответствие – редкая вещь...». Более того, нравственные координаты Валентины Поликаниной крайне высоки, вся жизнь и творчество поэтессы развиваются по вертикали – непростое восхождение ввысь, от книги к книге. Обладая изысканным литературным чутьём и вкусом, она представляет нам воссозданный ею образ звучащего Моцарта. Сквозь призму времени перед нами вырисовывается личность композитора, артиста, пианиста, удивительнейшего человека, феномен которого заставляет обращаться к нему не только специалистов в области истории музыки и исполнительства, но и людей любых профессий и интересов, в том числе вызывая к себе пристальное внимание писателей. Согласитесь, искусство слова оказывает поразительное, сильнейшее воздействие на воображение если не слушателей, то читателей. Это отражение исключительного влияния поэтического искусства всегда волновало всех мировых художников. «И сыплет Моцарт звуки клавесина / С подмостков легкокрылых облаков», – композитор внутренне гармоничен вселенной, в такт мелодии ему отзывается и поэтическое слово. Важно – передать, воспроизвести сам дух великого искусства, его исполинский гений:

Лететь... Парить... Не просыпаться... / Звучать, звенеть в мажорном сне...
О, как играют эти пальцы / В их белоснежной белизне!
Весь мир для пианиста – сцена. / Стелы для нас, заблудших, гать!
Не хватит тонкости Родена, / Чтоб эти руки изваять.

Воистину – это был талант, который достиг вершины совершенства. Но к мудрости и мастерству в своём искусстве Моцарт пришёл через мучение, через боль и страдание... Величие и трагичность его пророческой судьбы Валентина Поликанина виртуозно выразила в одноимённых стихах «Моцарт»:

Звучал, когда б ни попросили, / Смолк с лихорадкой в конце...
Жил – как играл на клавесине / Милейший Моцарт свой концерт.
Вкус, стиль, душа – всё было вкупе. / Он бредил звуками до слёз.
Чего за гильдены не купишь, / Знал вдохновенный виртуоз.
Есть радость в музыке прелестной, / Но слышен и душевный плач.
Весёлый гений, мот, повеса, / Лихой картёжник, не ловкач...

Жизнь и смерть столь искусного мастера оставили больше вопросов, чем ответов. Его история обросла легендами и мифами. В чём разгадка его таинственного феномена, поражающего то солнечной, то сумрачной тенью?

Сиял, как солнце, слыл кумиром, / Сгорел, как алый уголёк.
Тогда добрейшему транжиру / Земля открыла кошелёк.
Он, одарённый с колыбели, / Сумел поспешно просиять.
Так мало очи голубели – / Всего каких-то тридцать пять!

Существует понятие «эффект Моцарта» – лечебный эффект музыки, несущей оздоровление, которая подобно поэзии также спасает человеческие души! Эти два искусства передают большие чувства,

если они подвластны истинным художникам! Искусство, музыка, несомненно, являются магическим врачующим средством:

Сравнимы звуки с отблесками солнца. / Они нужнее в горестном году...
Скорей входи в наш дом, светлейший Моцарт, / Давай с тобою победим беду!
.....
Где взял ты силы, у какого знания? / Отдай крупичу жителям Земли.
Уйми волнение в ритме их дыханья – / И радостью чудесной исцели.

Огромным было воздействие личности, необыкновенной биографии Моцарта на современников. Однако музыку величайшего композитора всех времён и народов по достоинству оценили посмертно. Надо сказать, что и сегодня в ряду выдающихся музыкантов он занимает исключительное место. Валентина Поликанина выделяет наряду с трагичным одиночеством художника и радостную парадигму мышления, вмещающую время потерь и время надежд:

О нет, впечатленье ничем не сотрётся, / Хоть тысячу вьюг на подмогу зови...
Весна – это в воздухе царственный Моцарт, / Симфония нежности, света, любви!
Концерт двадцать третий – как море, как чудо, / Где солнце с мечтой пианиста плывёт,
И вся переливчатость цвета оттуда. / А сердце не айсберг – растопит свой лёд.

Что примечательно: сама атмосфера искусства, которая царит на страницах книги, достоверно и отчётливо выявляет творческий облик двух художников. Моцарт и Шопен – колоссальный дар Создателя человечеству. Согласно последней воле Шопена, на его похоронах был исполнен «Реквием» Моцарта, которого он пережил всего лишь на четыре года. Однажды познакомившись и с грандиозной Судьбой Шопена, забыть о ней уже невозможно. Это то, что помогает возвыситься душе, отступить от обыденного и настроиться на созерцание вечности.

Шопен... Он в звуках неисчислен... / Возьми сладчайшее из блюд!
Космичен, словно скорость мысли, / Его двенадцатый этюд.
Чудацеств милые моменты / Смог современник огласить:
Шопен подходит к инструменту / И просит свечи погасить...

Мистическая полифония завораживает: восприятие переносится за пределы реальности, устремляясь к чему-то совершенно исключительному, неповторимому – планетарно-космическому. И начинает звучать музыка свободы, музыка просторного полёта романтика и вдохновлённого лирика Шопена. Его жизнь – это и восхитительная поэма о самоотверженных любящих, пронизанная роковой тайной:

Ноктюрны, вальсы, баркарола — / Ворота в музыкальный сад.
Прочь, одиночества уколы / И расставание с Жорж Санд!

Классическое искусство входит в нашу жизнь и вершит наши судьбы, и роман пианиста с писательницей Жорж Санд, как ни странно, имеет своё неожиданное продолжение:

В каком из воскресений / Свою увижу цель?..
Заплакал дождь весенний, / Похожий на апрель.
Звучит Шопен в миноре. / Век грусти и потерь...
Радеть о тех, кто в ссоре, / Мне суждено теперь.

Вальсы Шопена напоминают своеобразный «дневник», замечал его современник, известный музыкант и педагог Ференц Лист. Нечто общее можно отнести и к поэзии, не исключаяющей своей ведущей – исповедальной, сокровенной ноты. Стихи и музыка идут рядом. К тому же песенное искусство играет значительную роль в творчестве Валентины Поликаниной: она давно и плодотворно сотрудничает со многими признанными композиторами, на её стихи написано около 200 песен, многие из которых вошли в репертуар современных популярных исполнителей.

«Душа очнулась ото сна...»

Новая книга Валентины Поликаниной – это прежде всего и книга познания, дающая оптимистический посыл движения вперёд. Ведь современная изящная словесность может и должна отвечать на многие проблемные вопросы и вызовы времени. Но кто приходит к познанию истины? Вечные слова Эхила – знание через страдание – печальным изречением отвечают на этот печальный вопрос? Автор уверена, что правильно поставленный вопрос в искусстве, пожалуй, важнее ответа. Реальная мера вещей – вот что главное. Никогда не поздно отыскать разумный выход.

Клавиши дождя перебирая, / Травы ловят солнечную нить.
Музыка печальная играет. / Боль в душе, и некого винить.
Знаю, в бедах собственных повинна, / Но душа очнулась ото сна...
Вспоминает горькая рябина, / Как была по осени красна.

Музыка печали, музыка дождя, она порой длится бесконечно... Душа часто живёт параллельно жизни человека и с телом не умирает. Но она может действовать лишь телесно, иначе она беспомощна. Душа умиротворяется, если есть надежда, которая подчас остаётся единственным и последним нашим утешением. Так настоящей нравственной катастрофой, разразившейся во всём мире, стала вирусная эпидемия ковида, унёсшая миллионы жизней. Чтобы понять причины этой вселенской катастрофы, необходимо подключить нравственное измерение, имеющее лишь одно направление – добро и зло, – между которыми осуществляется выбор. В стихах Валентины Поликаниной явственно проступают границы противостояния добра и зла, и всё тревожнее, и всё более одиноко с каждым днём блуждать нам в лабиринтах собственной души.

Мы всё усложняем задачу раздоров / И горести множим, на слёзы деля...
Хворает природа: от глада и мора, / От войн бесконечных устала земля.

Задумайтесь: не поэтому ли наказано человечество? Подлинное творчество – разговор с Богом и со своей совестью. И лирическая героиня не боится честного разговора, открыто выходя навстречу добрым силам. Низкое и бездуховное рано или поздно должно уйти. Сегодня всем необходима правдивая картина жизни:

Откуда теперь людям силы набраться? / Нахмурилось небо и плачет дождём.
Но ангелы ждут, встав невидимой ратью, / Когда мы, творенья, к Творцу припадём.
(2020)

Неужели мы фатально обречены на эгоизм, напрочь забывая о чувстве вины, о милосердии и сострадании?

Век разделений правды, веры... / К гордыне кривда привела.
Бедя всемирного размера / Пронзает душу, как стрела.

Прислушайтесь к звукам, пробивающимся через страницы книги, и вы узнаете многое о себе, узнаете противоречивое время нашей истории, примите до боли реалистичные и взволнованные строки поэта:

Довольно нам скорбей и бед, довольно... / Покаемся, чтоб больше не грешить.
Дано услышать голос колокольный, / Чтоб стал он звучным голосом души.
Не время потакать шутам-халдеям. / Огонь не в шутку искры разнесли.
Горят, как порох, лживые идеи / И гарь впиталась в плоть и кровь земли.
(2020)

И всё же Бог сотворил человека из земного праха, вдохнув в него свою маленькую частицу – творческую искру, чтобы он делал мир прекрасным. Эта Божья искра и есть дар поэзии. Не случайно Монтеня волновала такая вещь, как понимание поэтического слова, которому тоже надо учить: «...у нас больше поэтов, чем истолкователей и судей поэзии. Творить легче, чем разбираться в ней». Он считал, что искусство поэзии красиво и божественно! Что оно выше правил и выше нашего разума. Показательный тому пример – стихи Валентины Поликаниной:

С безмолвной грустью неразрывно слиты / Скупые вести завтрашнего дня.
Не рядом ты... Но чувствую молитвы – / Те, что Творцу возносишь за меня.
Приму твои советы, как от сына. / А может, Отчий замысел таков,
Что ты поставлен стражем неусыпным / Моих созревших бережных стихов?

Автор учит нас умению видеть Божий свет в любом его преломлении: собственный психологический опыт, психологическая выразительность слова, прочерчивающая мыслью жизнь, события, самих людей, придают её творчеству свою неброскую оригинальность, свою индивидуальную неповторимость. Художническое прозрение поэта до гениальности просто и ясно: праведники и грешники спасутся молитвенным словом. И стихи гораздо выше обыденной нравственности. Они подобны молитве, её божественной природе:

И только слову заповедь дана, / И только в слове – вечности крупица.
Есть в нём одном и совесть, и вина, / И этот мир, уставший торопиться.
.....
Величьем смыслов запасаться впрок, / Дарить от сердца свете тихий лицам...
Судьба Поэта – в наивысший срок / Уйти в глубь слов... и в Слове возродиться.

Иногда нужно понимать, что есть вещи, которые делаются без цели. Не надо во всём искать какую-то цель. Искусство поэзии относится к трудно объяснимой магической субстанции. Пусть оно не всегда влияет на судьбу мира, ведь у него нет каких-либо внешних возможностей, но зато это достижимо через внутреннее изменение себя. Поэзия может затронуть отдельную человеческую душу, о чём и стоит думать художнику, направляя свой литературный дар во благо людей.

Продолжая откровенный разговор с читателем, Валентина Поликанина ведёт и диалог с собой. Осознание безумия времени и происходящей нравственной катастрофы – тоже смелый шаг! Она поднимает глубинные эмоции народа, для неё первостепенно – чувствовать человека и знать, что тебя также чувствуют. Неимоверно сложно выстраивать смысловые координаты и сохранять сущностные связи в век морального разлада, буквально на разломе эпох, о чём автор говорит в своём стихотворении с таким же названием:

Разлом эпох... Поймём до дрожи, / Ни стыд, ни страх не утаим:
Одной ногой стоим над прошлым, / Другой – над будущим стоим.
Но сотни лет лишь десять правил / Хранят спасительную суть.
Ещё не поздно всё исправить – / Ошибки все перечеркнуть.

2020 год был ознаменован появлением ещё большего трагизма, какой-то постоянной неуловимой тревоги. Валентина Поликанина использует традицию «эзопова языка», поэтому сами собой возникают параллели трагических событий XX века, которые не миновали и век нынешний. Оттого абсолютно закономерны и объяснимы стихи, посвящённые Варламу Шаламову. Для современного поэта его судьба – всегда нравственный пример:

О, сколько послано смертей / Глухим местам!
Нет в Колыму благих путей, / И он был там,
Где в ад распаивают дверь, / Где тьма голов,
Где человек, как дикий зверь, / Не знает слов,
Где ничего нет своего, / Где пуст резерв...
Немое мужество его – / Душе пример.

Шаламов, неся до конца своих дней, полных испытаний, «страданий след» – как он их оценивал, – считал, что «стихи дают возможность сохранить себя как личность». Он был убеждён, что, пережив страшные события в лагере, нельзя о них рассказывать: они за пределами человеческого опыта, и после них, видимо, лучше вообще не жить. Есть вещи, выжигающие тебя изнутри. И Валентина Поликанина права – нет слов. Вспомните героев Виктора Астафьева, прошедших ад войны, трагедия которых заключалась в том, что их сердца уже не могли любить так, как прежде. Хотя, что бы ни случилось, человек будет бороться за своё право оставаться человеком.

«Вновь к детству образы стремятся...»

Вы удивитесь, но талант Валентины Поликаниной родом из детства. Прочитав не одну книгу поэта и публициста, поняла, что лично для меня это уже не является секретом. Однако в любом случае я с удовольствием вновь отдаю должное той сказочной поре, когда всё чудесное – ещё впереди. Энергия памяти детства питает её поэзию. С той потаённой мудростью, которую даёт только время, она старается подключить к своему разговору и читателей. Тут очевидна высокая культура стиха, причём сказываются ум и такт писателя, человеческая деликатность и сдержанность, выстраданные судьбой и творчеством. Нельзя не отметить и авторскую позицию в компоновке литературного материала: в третий, заключительный, раздел книги вошли стихи спасительные, утверждающие и возрождающие человека к жизни.

Действительно, всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. Время детства окутано тайной. Но это время безрассудного счастья!

А я мечтаю, как в кино, / Чтоб день не спрятался за горкой,
 Чтоб нам успеть смолоть зерно / И выпечь хлеб с хрустящей коркой...
 Дождём омытое стекло, / Блины в сметане, мёд на блюде.
 Ах, детство, коль во сне пришло, / Дай с чистой радостью проснуться!

С изумлением ощущаю, какая радость исходит от этих, казалось бы, незамысловатых строк. Сколько восхитительного предчувствия того, что в меня войдёт такая же радость и никогда уже не покинет... Именно в детстве живёт сила мечты, возвращающая к родным истокам:

Мечта и радость, путь познаний, / Удач и невезений путь.
 Есть свиток всех воспоминаний, / Его нетрудно развернуть...

И увидеть, что детство – точка притяжения – состояние очарованности. Предвосхищение всего – недостижимый, эфемерный мир. Светлые думы переносят лирическую героиню в прошлое:

Не знаю ещё ни соблазнов, ни бед, / Ни века, бегущего лихо.
 Мне годиков пять, рядом бабка и дед. / Я снова в Орловщине тихой.

Маленький человек и целое Мироздание – необъятный космос. Время, когда всё было иным, а сегодня это два разных мира, взаимоисключающих друг друга. Тогда хватало музыки тишины, а ведь лишь в гармонии с тишиной и может существовать музыка. Детство раскрашивает мир в прозрачные акварельные и чистые полутона:

Июльских плодов и цветов перелив, / Ни облачка в небе высоком,
 И спеет на солнышке белый налив, / Густым наливаются соком.

Любя науку доброты, поэтесса находит слова самые трогательные, трепетно-нежные. Детство – тоже маленький личный Рай – равновесие и полнота. Неограниченное время и пространство:

Живёшь заученными сказками, / Безмерно веришь доброте.
 И детство пишет чудо-красками / На сером жизненном холсте.

Но можно ли вернуться туда, где сильнее пахло поле, громче был гром, обильнее дожди и выше трава, вкуснее испечённый в деревенской печи хлеб? Ждут ли нас в старом доме детства, в котором «кирпич надтреснет, капнет батарея / И скрипнет пол, отпугивая злость». Увы, мечты о потерянном Рае не сбываются и уходят безвозвратно: «Да, дом стареет, как и мы, стареет, / Но в каждой вещи детство улеглось...» Только в детстве время медленное, оно тянется, но потом берёт разбег и к концу жизни уже летит. Определённые смысловые ассоциации порождает насыщенная метафоризация текста. Кроме того, Валентине Поликаниной всегда было присуще оптимистическое восприятие бытия.

Как много трав согнётся под косою, / Но глубь земли траве не даст пропасть.
 Все мысли вслух теряют невесомость, / Над сердцем устанавливая власть.
 Разгорячились спорами – о чём мы? / Но радость жизни нам не отпугнуть.
 Гудят в цветах задумчивые пчёлы, / Так по-библейски впитывая суть.

В её стихах прочитывается евангельское начало русской поэзии – ключевая духовно-философская составляющая творчества, излучающая любознательность и святость. Вся книга вмещает в себя одну совокупную молитву, что полнится пронзительной правдой и спокойной мудростью. Бережное отношение автора к Евангелию, к высшей сущности десяти основных заповедей, означающих важные морально-этические законы, которые она возвела в кодекс жизни, подчёркивает профессор М. П. Жигалова. Как же достичь царственной гармонии Православной веры, её ясности и чистоты? Поэтесса имеет свой незамутнённый пронзительный взгляд, отвечая самой себе и читателю:

Всё слабее догадки, сомнения, / Всё понятней молитвенный стих.
Время зрелости – время умения, / Постижения истин святых.
Всё большее злословия тернии, / Всё призывней молчания скит,
Всё нужней свет Отца Милосердного, / Пред Которым вся жизнь предстоит.

Как гласит Священное Писание: «Царство Небесное силою берётся и употребляющие усилие восхищают его» (Мф., 11:12). Впрочем, одного слова проповеднического мало. Необходимо, действительно, усилие собственной души. Не разрушающий эгоизм, не голос самоутверждения, не голый материализм, а понимание другого до самоотвержения, примирения. Способность прощать может спасти и отдельного человека, и общество в целом. Один из путей преодоления эгоизма и времени теплохладного отчуждения – покаяние:

Всё сильнее поток словопрений, / Всё туманней просторы для глаз.
То ли люди запутали время, / То ли время запутало нас.
Вот бы дружно прервать цепь страданий / Хоть одним искупительным днём...
О, когда мы придём к покаянью / И когда мы молиться начнём?

Оказывается, как легко соблазнительное зло может рядиться в одежду добра. Нами забыты вера, милосердие, жертвенность, что когда-то торжествовали ради любви к ближнему. И всё же вечной душе не насытиться временным. Нет общего у света с тьмою. В жизни духовной не бывает мелочей, замечает иеромонах Роман. Значит, нет их и в творчестве, внутреннее состояние которого построено на гармонии:

Проста загадка чёрного холста: / Там Вий живёт, чьё тяжелеет веко.
Искусство, не нашедшее Христа, / Что может дать для сердца человека?

Этот свой благодатный и «непреходящий свет жизни», свою «тайну несказанную» Валентина Поликанина сопрягает с природным умением любить и сопереживать, а ещё с Божественным промыслом, с Его Высшей волей. «Есть Бог, есть мир. / Они живут вовек, / А жизнь людей мгно-венна и убога», – писал Николай Гумилёв. Любовь христианская – вот та божественная стезя, что ведёт и направляет человека. Посему и стихи, посвящённые памяти поэта, переводчика Миколы Шабовича, не пережившего ковидного времени, излучают добро и свет, которые он щедро раздавал людям:

Он нас лечил весельем, добрый лекарь, / И жил лучисто, всех людей ценя.
Мы потеряли чудо-человека... / В поэзии все близкие, родня.

Любить – значит делать Добро! Человеческая судьба так мгновенна и коротка, но остаётся память, полная горькой возвышенной доброты:

Поэта нет, но звуки лиры греют, / В стихах душевных – чувств девятый вал.
Не зря казалось: нет его добрее, / Так радостно он свет свой раздавал.

Исповедальность, обнажающая душу, что присуща лирической героине, нашла своё отражение в «Осенних стихах». Ибо есть душа душевная, а есть душа духовная, равно как и любовь есть душевная, плотская, а есть любовь духовная – одухотворённая. Самая сильная – любовь материнская. И материнская молитва даже со дна моря достанет:

Ветром холодным дунуло, / Клёна зажглась свеча...
Я никогда не думала, / Что буду так скучать.

Это бывает с близкими. / Грусть ото всех тая,
Жаркая, материнская / Бродит любовь моя.

С покаянной страстью говорит автор о своей любви. Женщина – зерно, умирающее в детях. И так будет всегда. Недаром ветхозаветная жестокость была преодолена ради новозаветной любви, которую даровал человечеству Всемогуший Бог:

Человек без Любви дичает. / Заменяет Любовь речами,
Развлеченьями, рынком сбыта... / Без Любви он не может сбыться.
.....
Он Любовью своей большою / Окрылён, ободрён душою.
Наблюдает в себе рожденье / Слёз горячих – во очищенье.

Многие события, происходящие в нашей жизни, связаны с чудным промыслом Божиим. «<...> Случая нет. Всё, что ни случается с нами в жизни, доброе или злое, ожидаемое или неожиданное, – есть Бог в разных видах», – писал в своих «Мыслях и замечаниях» Василий Жуковский. Время скоротечно. Обращаясь к собственной памяти, поэтические наброски о минувшем делает и Валентина Поликанина. Становится тепло, радостно, а порой и грустно от её стихов. Первая зимняя радость приходит обычно с первым снегом. Это знает каждый. Искристый нетронутый снег олицетворяет новолетие. И праздничные мысли о счастье тоже чаще всего приходят под Новый год, в Рождество:

Шального времени гримасы: / Давно не слышала свой смех
В потоке грустных информаций... / И снова эта радость – снег!
Такую редкость видеть стоит: / Кусты, как белые цветы,
И мир расстался с чернотой, / Как будто сделался святым.

Достаточно упомянуть и о том, что русский лирический стих невозможен без радостного мироощущения. Так, художник Василий Перов вложил в уста героя своего рассказа «Новогодняя легенда о счастье» такие слова: «У счастья только один глаз – на макушке, устремлённый в небо, где живёт Бог». Мы все должны служить счастью каждого. Тогда оно приходит – как заслуга. И по праву даётся тем, кто хорошо знает жизнь, кто, по слову Михаила Пришвина, мудр и прежде всего внимателен к душе близкого человека.

В развитии темы верности, чувства любви поэтесса преодолела достаточно сложный путь, и завершается книга вдохновенными стихами, созвучными с её названием:

Все дороги не пройдены. / На земле малой родины
Жизнь открыла путь непростой: / Исцеление вечностью,
Исцеление верностью, / Исцеление добротой.

Хранить верность евангельскому завету – достоинство, познать верность в земной жизни – честь. Господь никогда не лишает человека ли, народ ли – надежды. В это неясное тревожное время Валентина Поликанина несёт нам свет вечной надежды, благословенный свет веры и любви...

Вячеслав Лютый

ТОЧКА РОСТА И ТОЧКА РАСПАДА

*Столкновение добра и зла
в романе Анатолия Салуцкого
«Немой набат»*

В последние десятилетия в русской литературе почти не найти прозы, пронизанной идеей, вокруг которой могло бы вращаться колесо социальной жизни. Или, напротив: произведений, поверяющих здравым и государственным смыслом идеологическую оснастку общества. Изображение коллизий, связанных с героями повествования, часто оттесняет на задний план интеллектуальную подоплёку происходящего, и скрытое содержание, коим пропитаны дни нашего существования, оказывается названо слишком кратко или мимоходом. Практически нет романов, где динамика общественной мысли плотно соприкасалась бы с реальными действиями. Тем не менее в числе крупных прозаических работ, посвящённых девяностым годам минувшего века, можно назвать «Заполье» Петра Краснова; рубеж нулевых и десятых годов наступившего столетия отображён в романе «Крым» Александра Проханова. Однако в названных книгах судьба персонажей заслоняет идейное обрамление сюжета, и многое оказывается недосказанным, лишь обозначенным.

Кажется, единственная большая вещь о настоящем времени – недавний роман Анатолия Салуцкого «Немой набат. 2018–2020»¹ – построен совсем иначе. Всё, что касается героев, носит подчинённый по отношению к идейной подоплёке характер. Можно даже сказать, что самое главное тут – живописание современного российского общества в антагонизме либеральной идеи и практики – и консервативной мысли и действия. Поведенческое обыкновение лиц, предстающих перед читателем, дано совершенно отчётливо и нравственно определёнno. Притом перед нами не контрастный сюжет, в котором «хорошие» противостоят «плохим» – здесь есть оттенки, которые дают представление о человеческом облике и о внутреннем мире первых и вторых.

Российское государство является главным героем этой большой книги. Его изъяны, беды и пороки, прикрепленные к последним годам второго десятилетия нового века, явлены в жестоко неприглядном виде. А само его функционирование пропитано воздействием враждебных русскому началу сил. Хронология книги привязана к процессу транзита президентской власти, и это обстоятельство становится точкой сборки или разрушения России, где агенты чужеземного влияния насыщают практически все структуры власти, тормозят новые государственные проекты, ставят своих людей на важные административные посты, иссушают бюджет и забалтывают живые и созидательные смыслы. Конспирология романа превращается в физиологический очерк продажной отечественной бюрократии наших дней. Здесь хватает упреков и президенту, и его сановникам, но одновременно – на фоне распада власти набирает силу её неявное пока ещё обновление, в котором всё более определёнno угадываются приметы плодотворной русской традиции.

Персонажи романа принадлежат разным социальным слоям. Среди них бизнесмен и политолог, сельский житель и учитель-историк, документирующий общественные события, генерал и внедрённый в сеть влияния сотрудник спецслужб. С другой, противоборствующей им «чёрной» стороны – авантюрист, стремящийся войти в круг важных персон; продажный журналист, ещё сохранивший некоторые нравственные устои... И наконец, американский куратор больших и малых фигур на поле российской политики и в государственном управлении. Главной разрушительной задачей тёмных сил

¹ Салуцкий А. Немой набат. 2018–2020. М.: «Вече», 2021.

становится инфильтрация в структуры власти своих людей, которые отбираются в среде амбициозных неудачников. Их поддерживают финансово, обеспечивают карьерный рост, а они выполняют любую задачу, поставленную перед ними заокеанским резидентом – человеком, не лишённым внешнего житейского обаяния. Вся его деятельность сосредоточена вокруг главного: разложить или низложить ненавистный «путинский режим» и перехватить управление страной.

В романе озвучена важная мысль-предостережение: «люди глубокого залегания», по своей духовной природе чуждые России и русскому человеку, способны успешно присоединиться к любой актуальной для социума доктрине, сохраняя до поры в тайне собственное сатанинское ядро. Многие из них включены в нынешнюю «элитку» и на новом этапе путинской власти показывают себя сторонниками преобразований, проявляя даже наглядную позитивную требовательность по отношению к происходящему. Мимикрируя в соответствии с программой дня и ловко манипулируя консервативными формулами, они остаются «на плаву», на верхних социальных этажах.

Сюжет книги наполнен спорами и дискуссиями, в ходе которых отчётливые черты обретают, казалось бы, привычные характеристики повседневности: деревня хранит государство, в отличие от городов; «кодекс бесчестия» бюрократической среды; московская зараза; существование на скате жизни... Параллельно потрясает картина страны, изъеденной коростой агентуры влияния, родной земли, мучительно пытающейся вернуть себе силу и достоинство.

Образ главной героини «Немого набата» Веры Богодуховой – молодой женщины, не потерявшей чувства чести и Родины, – несомненная удача писателя. В романе её облик вызывает восхищение единомышленников и ненависть антагонистов. Точно и ясно говорящая, она кажется фигурой в большей степени «умственной», чем лирически-женственной. Однако отношение к семье как главному в жизни рождает вполне определённую аналогию: в Вере узнаётся современное воплощение пушкинской Татьяны.

Виктор Донцов, её муж, представитель современного отечественного бизнеса, ориентированного на возрождение промышленности, занимается станкостроением – базовой отраслью индустрии. Выходец из обычной советской семьи, он добился благосостояния, но, сохранив открытость и душевную чуткость, не стал высокомерным.

Надо сказать, что русский бизнес показан в романе деятельным и ответственным. Его антипод – российская бюрократия, самонадеянная и презирающая простого человека. Точка роста противостоит точке распада, и книга Салуцкого изображает их видимое и скрытое противоборство.

Остановив действие романа на отметке 2020 года, автор не завершил многие сюжетные линии. Главная интрига произведения, которую составляет судьба российского государства, также требует своего развития. К тому же перед читателем – очень точно найденная Анатолием Салуцким художественная форма, воплощающая замысел писателя. Очевидно, стоит ждать продолжения этой большой истории, которая так плотно соприкасается с действительностью.

Русский человек – дитя своей веры, он чувствует, что Россия преодолеет все беды. Эта интуиция, по существу, и есть лейтмотив романа «Немой набат».

Берега прочтения

Диана Кан

Диана Елисеевна Кан – родилась в городе Термезе Узбекской ССР. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М. Ломоносова, Высшие литературные курсы. Автор многих поэтических книг, в том числе: «Високосная весна», «Подданная российских захолустий», «Междуречье» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», Всероссийской премии им. Э. Володина «Имперская культура», дважды лауреат премии журнала «Наши современники» и др. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

ДО НЕВЕДОМЫХ ШИРОТ

Геннадий Петренко и его русские стихи

Автор сборника стихотворений «На восьми ветрах» Геннадий Петренко – уроженец не какой-то абстрактной русской глубинки, но именно глубинки воронежской, через которую веками шёл кровавый путь западных цивилизаторов в Россию. Веками выплавившийся и выковавшийся на многострадальной земле воронежской народ обладает совершенно особым характером, что ясно сказывается в творчестве Г. Петренко. Засечная Богатырская черта, первой принимавшая на себя направленные на Россию с Запада удары, конечно же, живёт в характере тамошнего народа – стоическом, но при этом очень душевном и лирическом. Геннадий Петренко – поэт состоявшийся, отнюдь не из числа «подающих надежды», со своим не заёмным и совершенно самобытным голосом и интонацией. Со своим взглядом на Россию, на современность, на историю, на землю и небо:

Высветил месяц высь:
небо темнее сна,
звёзды перевелись...
Хоть бы вошла одна!
Туча над головой
виснет – черней беды!..
Тихий собачий вой
путнику сбил следы.
Но среди всех тревог
месяц осветит путь.
Месяц – он тоже Бог,
если с земли взглянуть.

Стихи поэта, живущего на своей земле, хранящего непререкаемую связь с родовым древом, стремящегося к чистоте родной речи... Сегодня, в пору мутного многословного потока сознания, частенько выдаваемого за стихи, это редкость. Петренко – поэт штучный, со своим негромким, но отчётливо русским голосом, со своей болью за отчизну, вверенную ему предками. Со своим лирическим восхищением родной землёй, поистине сыновним восхищением:

Первый снег, морозом скованный,
хруст капустный под ступнёй,
тёмный омут заколдованный
под замёрзшею рекой...
Вот в саду просторном яблоня
держит жухлую листву...

Торжествуешь ли ты, зяблая,
или плачешь в синеву?
А под небом тропка свежая
от заветренных ворот
вдаль уходит, непроезжая,
до неведомых широт.

Творчество Геннадия Петренко созвучно классическим традициям русской поэзии с её любовью к малому и умением видеть в этом малом большое, со способностью художественно животворить текст большой и малой «кистью»:

Спасаю бедолагу-воробья,
вредителя моих незрелых вишен:
в трубу попал – то ль в поисках жилья,
то ль в увлеченье прыгая по крыше...
Не дался в руки, мигом упорхнул,
лишь приоткрылась грубая заслонка...
Чирик-чирик! – не страшен ветра гул!..
Взялась откуда в крылышках силёнка?
У крохотной пичуги-воробья
второе открывается дыханье...
И мысленно душа летит моя
за трепетную тайной мирозданья.

И есть ещё одно немаловажное качество творчества этого поэта. Читая его стихи, ясно и зримо ощущаешь: это поэт именно с Дона, имеющий свою родовую тему, пришедший сказать своё веское слово о родной земле, слово неповторимое и проникновенное. Его стихи – не цветы на асфальте, но выросшие на просторах России, напитанные соками русских глубин чада русской многострадальной земли:

В курятнике проснулись петухи –
горластые будильники рассвета –
с висячими серёжками ольхи
и с хохолками солнечного лета.
Не вытравлено детство из души...
Хотя пастух не выгоняет стадо,
ты хоронить деревню не спеши,
а ей самой – погибели не надо.
Завёлся трактор с утренней зарёй...
И с колокольным ранним перезвоном
пахнуло жизнью над большой землёй
и над широким батюшкою-Доном.

Берега прочтения

Светлана Леонтьева

Светлана Геннадьевна Леонтьева – член Союза писателей России, дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус», главный редактор альманаха «Третья столица», автор 33 книг прозы и поэзии.

О КНИГЕ ЛИДИИ ДОВЫДЕНКО «МОЙ СВЕТЛЫЙ ГОРЯЧИЙ ДОНБАСС»

(Красноярск, 2022)

«Мой светлый горячий Донбасс» – действительно свет идёт от самого текста, и жар, как от степи в полдень, когда солнце в зените – слепящее, обнажённое, обжигающее.

Книга Лидии Довыденко – сама по себе волны света и жара.

Книга вышла в чудесном Красноярском журнале «День и Ночь» и в издательстве «ЛИТЕРА-принт». Лидия Владимировна – прозаик, публицист, литературный критик, секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор литературно-художественного журнала «Берега». Каждое слово автобиографии – звучит, как поэма.

Каждая запятая – как музыка.

Всё сочетается и всё сочетаемо.

Донбасс – светлый и горячий. Воющий. Защищающийся.

Здесь нет полутонов.

Есть чудесная, горькая правда. И она идёт сама по себе – правда идёт дорогой правды. Под взрывы. Под мины. Под стрельбу. И невероятно мужественную душу.

Да благословен писатель, который говорил о Донбассе все восемь лет. Каждый день из этих восьми лет. Стихами говорил. Рассказами. Книгами.

Когда ещё никто не знал – чем завершится и чем закончится, куда повернёт судьба. Правильно говорить сейчас о горечи и боли Донбасса. Но ещё правильнее тогда, когда было неясно, что будет, куда выведет дорога. Куда укажет степь. Куда повернётся кровавое солнце.

И здесь дело в позиции.

В позиции, какую пишущий человек занял восемь лет тому назад, с первого прилёта обстрелов от укронацистов в Донецк.

У Лидии Владимировны позиция ровная и твёрдая. За правду. За нашу Z, ещё до z. Ибо z – это зык, я-зык, я зычу. Я окликаю. Аз зову тебя. Аз зык, крик, зов.

Позывной! аз есмь позывной!

И недаром у воющих донбассовцев позывные, которые заменили имена и фамилии, как в «СЛОВЕ О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ»:

Ни хытру,
ни горазду,
ни пытьцю горазду
суда Божиа не минути.

На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!

И встало великое слово Лидии Довыденко за землю Донбасса, встало всей мощью, воспарило лебедем!

Вообще, писатель – это посредник между правдой и высшей правдой. Это огромное русское сердце воспаряющее.

К маме прибежал домой с водой.
Мама с изумлёнными глазами:
“Ты ж, сыночек, стал совсем седой”.

Я достаю из сумочки маленькие кусочки янтаря, и мы с луганскими авторами молча опускаем их в воды фонтана, в знак нашего литературного братания, духовного единства, общей судьбы, в знак торжества жизни, в знак того, что художественный мир луганских авторов оказался способным удерживать в себе живое, вписанное в мир и наивной красоты, и беззащитности, и доверчивости, и в нравственный выбор, за которым чистота и свет, мужество и Победа, возрождение из огня» (глава «Феникс» из книги).

Сам текст книги выверен, взвешен, каждое слово светится, как будто видны виноградные косточки внутри и сочное тельце ягоды. Всё поспевает, только надо в корзины набрать, сироп сварить, и сладко пальцы светятся, когда книгу берёшь и страницы листаешь.

Люблю стройность!

Люблю слаженность!

Люблю тяжесть текста! И его крылья – белые, ангельские, чистые.

Это правда правд.

О Донбассе только так и надо говорить – честно, ярко, блистательно.

У меня же надрыв, и горечь, и слёзы. Поэтому не так ясно и честно. Поэтому учусь!

«А потом автобус нырнул по просёлочной узкой дороге в туннель лесопосадки, и вдруг впереди с правой стороны от автобуса я увидела яркую большую птицу с золотым и оранжевым оперением, сидящую на низкой ветке дерева. Услышав приближение автобуса, чудесная птица мгновенно исчезла в густой зелени ветвей. “Кто это? Что за красавица?” – взволнованно спросила я у ехавшего рядом через проход замкнутого мужчины с дочерью лет пятнадцати, очень красивой девочкой, но грустной. Мужчина не очень охотно, но ответил, что это фазан, что их теперь развелось очень много, потому что никто не охотится, не ходит по посадкам, боясь мины или встречи с недобрыми людьми. Мне вспомнилось, что, согласно мифологии, фазан – это же наша легендарная птица Феникс, сгорающая в огне и вновь воскресающая, что для христиан феникс – это символ бессмертия духа, божественной любви и благословения, Бога-Сына, воскресшего на третий день после распятия...»

Увидеть птицу-фазана – к жизни и процветанию.

Узреть её оперение.

Словно прозреть. Преобразиться.

«Именно любовь к русским людям обострила его поэтический слух, зрение, воображение. Любовь к родине вдохновила и определила выбор художественных средств, усилив наблюдательность автора, вдохнув воодушевление. Как пишет Андрей Чернов, “сейчас Донбасс – болевая точка русской цивилизации. Не единственная, но, пожалуй, одна из самых близких к сердцу России – Москве. Может быть, именно поэтому всё происходящее здесь ощущается больнее и сильнее. И потому эстетическое, этическое и идеологическое осмысление всего здесь происходящего свидетельствуют о важном значении событий народно-освободительной войны в Донбассе для всей русской цивилизации”». Восстановление Луганска говорит о непреодолимой жажде жизни, о непобедимом чувстве единения с Россией. И не зря здесь говорят: всё будет Донбасс! То есть: Так победим! В Русском Центре собрались луганские и краснодонские авторы и читатели. Огромное спасибо Андрею Чернову, ведущему встречи, и Наталье Расторгуевой за то, что они подготовились к нашему литературному братанию, выпустили буклет с логотипом Союза писателей ЛНР, литературно-художественного альманаха “Крылья” и журнала “Берега” с выдержками из моего интервью порталу Луганск 1, с репликой писателя, поэта, критика Григория Блехмана о “нравственном шаге редакции – прописать на страницах «Бере-

гов» «Берега Новоросии»». Наталья Антоновна выступила с приветственным словом, высоко оценив качество произведений авторов журнала “Берега”, публикацию луганских писателей и поэтов – “нашего национального достояния”. “Берега памяти, Берега любомудрия, Берега Новороссии – такая хорошая ностальгия по созвучию душ, которое было у нас в советские времена...”»

Донбасс – это берег в береге. Это оберег, охраняющий берег России. Ибо фениксы, как сазаны. И люди – наши русские, читающие и пишущие невероятно яркие произведения. Сама дружу с некоторыми людьми из этого героического края. Сколько раз слушала их. Переписывалась с ними. И восхищалась. Вот так просто, по-детски. Как домом. Как садом. Как песней. Как рекой.

Моя ты любимая донбасская окраина! Люди здесь доброты и широты невероятной. Леночка Заславская! Да, милая, сердечная, невероятно талантливая.

Анна Ревякина – донецкая, чудесная поэтесса!

«5. Мои подарки из Луганской народной республики

На встрече в Республиканской библиотеке имени М. Горького Андрей Чернов подарил мне альманах “Крылья”, взмах десятый, издание Союза писателей ЛНР, куда вошли как “мирные” материалы, так и “опалённые войной”. Среди авторов писатели Донбасса, Крыма, России, Сербии, Германии. В нём приятно было увидеть уже знакомые и родные имена: Людмила Гонтарева, Елена Настоящая, Елена Заславская, оба Александра Сигиды (старший и младший), Светлана Сеничкина, Ирина Горбань, Глеб Бобров, Николай Иванов, Лидия Сычёва, Андрей Чернов, Сергей Прасолов. Андрей Чернов посвятил статью “Вне забвения” известному поэту Донбасса Павлу Беспощадному, автору легендарных строк: “Донбасс никто не ставил на колени, / И никому поставить не дано...”»

И вправду – НЕ ДАНО!

И теперь о предчувствиях и предвидениях. Они были, есть и будут.

И писатели первые стали предвидеть:

«“Краматорские тетради” Александра Сурнина. Читая, погружаешься в трагические события в течение 2014 года в Краматорске. Автор избрал такое построение книги: публикация сообщения в СМИ, а затем его комментарии. Он благодарен своим коллегам, журналистам из Донецка и Краматорска, предоставившим ему свои ресурсы и архивы. Писатель настаивает на своей субъективности, это его собственная точка зрения, не претендующая на всеобъемлемость. Это рассказ о войне в одном городе, отразившем приметы своего времени. Александр Сурнин говорит о том, что Донбасс сумел защитить себя, несмотря на агрессию и предательство в виде навязанных со стороны договоров, не подписанных правительством ДНР, о прекращении огня, а в результате потеря Славянска и Краматорска. А второе прекращение огня остановило армию ДНР в двух шагах от Мариуполя, когда на деле оставалось всего ничего – брать лежащий перед тобой город и гнать карателей хоть до Киева. Вместо этого Донбассу подсунили Минские соглашения...»

ПРО МИНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ многие так говорили...

Я слышала тоже. Как о сговоре. Как о несправедливости. И какой-то данной, извращённости в неправде.

Люди чувствуют её тоже. Видят.

Неправда была явной. Пахла порохом и дымом. Она чадила. Она жгла.

В книге Лидии Довыденко говорится и об этом тоже.

Да, мир полон фейками. Отрицанием очевидного. Наплывом неправд.

Но мы помним дорогу правды. Она через сердца и в небо идёт. Как не изворачивайся. Неправда, как металл, можно её расплавить, и лишь тогда получишь нужную вещь – подкову, завиток для ворот, железную дверь.

Правда – распахивается лишь наружу.

Неправда запирается внутри и чадит.

«6. Остаться живыми.

Встреча с луганскими писателями и поэтами в республиканской библиотеке имени М. Горького ещё длится в моей памяти. Я думаю о том, что Донбасс и Луганск – эта территория, которая веками принадлежала Донскому казачьему войску. После революции 1917 года к Украине отнесли русский город Харьков, основанный царём Алексеем Михайловичем; Донецк, основанный императором Александром II; Николаев, Днепропетровск и Одессу, которые основаны императрицей Екатериной II. Жители этих областей до сих пор сохранили дух нации, православные традиции. И если Донецкая и Луганская народные республики выбрали путь дальнейшей своей жизни с Россией, а новые хозяева Украины – с Европой, так гордящейся своей толерантностью, то почему же нет толерантности, нет терпимости? Украина каждый день убивает тех, кто выбрал принадлежность к русской цивилизации. Это понимают тайные хозяева Украины – США, и они будут воевать с русской цивилизацией, руководствующейся не потребительством, а высшими, духовными смыслами, до последнего украинца. Но в Донбассе очень много веры в Победу: “Всё будет Донбасс!” – говорят здесь, веря в то, что здесь их дом, их земля, их русские корни. Поэтому особенно проникновенно звучит стихотворение Светланы Сеничкиной:

Нас гонят из дома –
Ракетами, минами,
Блокадой, разрухой,
Наветами, “сливами”».

Но дом – это великая русская соборность. «СОНЬМ» – это сбор, собрание, всеединство. «РАЧЕНИЕ» – любовь. Соньм рачения, сбор во единое, любовь русская.

«Павел Беспощадный, умерший в 1968, оставил после себя пронзительные строчки, которые так созвучны сегодняшнему времени:

Я умру на донецкой земле,
Когда вечность сотрёт терриконы...

Он сказал о себе и о тех, кто дерётся за Новороссию. И как созвучна содержанию альманаха замечательная, завершающая статья Галины Чудиновой о сборнике прозы “Я дрался в Новороссии”. Лейтмотивом альманаха является мысль, что Донбасс в своей народно-освободительной войне встал на защиту не только своей независимости, но на защиту человеческого, в человеке, православного образа мышления, чтобы выстоять и восторжествовать над новым врагом человечества – неофашизмом. “Мы из Молодогвардейска” – так называется сборник авторов творческого объединения “Лугоречь”, живущих в Молодогвардейске. Среди них не только поэты, но и художники, фотографы. Им важно сказать: “Мы запоем героев Донбасса навечно” (Александра Бондаренко), человек, отстаивающий Донбасс – “светлый воин добра” (Алексей Грищенко), “Пречистым светом озарятся души, ликуя, возвестят – конец войне!” (Нина Дернович), ополченец – герой стихотворения Ивана Макану, “слышит плач страны” Надежда Мотович, “Словом полнится душа” у Ивана Самойленко. “Тут бесконечное личное горе и бесконечный смертельный оскал”, “Наступают русские мальчишки, повзрослевшие на ходу”, – замечает Александр И. Сигида. Здесь много замечательных авторов, любящих и отстаивающих свою землю словом: “Я – Донбасс. Я дочь степного ветра” (Светлана Сидорова), “Здесь умеют в полный рост стоять: воином-защитником, поэтом!” (Олег Таран). Марина Юдакова на вопрос о мечте Донбасса отвечает: “о светлом мире на планете”, о горе матерей, потерявших сыновей, пишет Лидия Юшкевич. Планетарно мыслит Александр А. Сигида:

СОЛНЦЕВОРОТ-2014
Отцы не взяли автоматы
В тот девяносто первый год,
Когда политики-кастраты
Пустили Родину в расход.
Те, кто не спился в девяностых...»

Итак, про 90-е годы. Тогда бросили всех. И Украину. И Кубу. И чудесную Азию нашу. И Африку даже.

Были республики, что выстояли. Например, Белоруссия.

Но Украину соблазнили, вывернули наизнанку, сделали государством бандеровцев. Не все сдались. Кто-то сопротивлялся – молча, шёпотом, громко...

Те, кто громко, либо убиты, либо в тюрьму посажены, либо затаились.

Кого-то сломали.

Кого-то убедили.

Кого-то купили.

Кто-то сам приспособился, ибо деваться некуда.

Это трагедия. Прямо говорю. На века. Надолго. И тут дело не в простой вере, в иной силе. В духе. В корнях. В истоках.

Донбасс – это частица земли, как большая крепость встала на защиту. Людями встала, младенцами, городами, дорогами, изрытыми снарядами, степью, шахтами.

Вообще Донбасс всегда был элитной землёй. И не только в плане силы. А и материально тоже. Зарплата шахтёров была высокой. Сравним!

В советское время шахтеров считали настоящими богачами. Их заработная плата достигала 500 рублей. Некоторым эта сумма может показаться низкой, но вспомните, сколько стоили в СССР товары и услуги. Тогда на 500 рублей в месяц можно было жить и не тужить. Далее, в 2013 году средняя заработная плата работников угольной промышленности составляла 5502 гривны, умножим на 4, получается 20 тыс. руб. Сейчас у них зарплата до 50–60 тыс. руб. в месяц и + премии 50%. Элита!

Но не только в деньгах дело, здесь дело в корнях – это их земля, их дом. Их высокая МИРОВАЯ СОБОРНОСТЬ. Объяснять, в чём эта соборность и как проявляется, это значит привести пример из текста книги: «За красоту природы Боково-Платово называют Донской Швейцарией, а если отправиться по маршруту “Королевские скалы Провальской степи”, вы побываете в природном заповеднике в Свердловском районе, узнаете историю Провальского войскового конного завода, в храме во имя Святого Николая Чудотворца. Луганчане гордятся своим земляком Владимиром Ивановичем Далем. Здесь установлен ему памятник, создан музей, а университет носит его имя. Книга о В. И. Дале – подарок от республиканской библиотеки имени М. Горького – “Дорогами судьбы В. И. Даля”. Авторы-составители: Соколова Л. П., Кульбацкая Л. И., Безкровная А. А., ответственная за выпуск – Приколота О. В. Издана в Луганске в 2016 году. Коллективный труд научных сотрудников Литературного музея В. И. Даля, музея, прошедшего долгий путь к становлению и открытию. Выдающийся лингвист, учёный, В. И. Даль прожил в своей судьбе несколько жизней: морская служба, медицинская деятельность, государственная служба, создание словаря, литературная деятельность, которая сверкает особой гранью – дружбой с А. С. Пушкиным. И эта многогранность деятельности, огромный человеческий потенциал даны были ему Луганской землёй, где родился этот великий человек, подписывавшийся под своими первыми произведениями Казак Владимир Луганский. Луганчане, создав музей, заложили фундамент памяти о нём, или построили мост между предшествующими поколениями и будущими, по крупицам собирая материалы об учёном, писателе, лексикографе, этнографе, фольклористе, лингвисте, хирурге, естествоиспытателе, философе и моряке, общественном деятеле и дважды академике. Владимир Иванович Даль родился 10 ноября 1801 года в семье доктора Луганского литейного завода. Он прожил 71 год, и из этих лет работал над “Толковым Словарем живого великорусского языка” 53 года, параллельно с другими видами его занятий. Создание “Толкового словаря живого великорусского языка” и сборника “Пословицы русского народа” сделало его имя бессмертным. Скромность и деликатность великого человека не позволила ему оставить подробных биографических сведений, но кропотливый труд коллектива музея бережно оформил собранную информацию, за что огромная благодарность этим поистине подвижникам, сотрудникам музея В. И. Даля, за научно-выверенные знания, за уникальное собрание книг, документов, предметов эпохи...»

И это всё родное! И это такое понятное, как истоки!

Книга Л. В. Довыденко составлена так, что каждая деталь волнует, даёт повод к размышлению. И вся эта раздольная земля, которая по вине Киевской администрации вдруг стала поруганной, отвергнутой, подвергающейся бомбардировкам. Каждый день люди стремятся – выжить. Просто не быть убитыми. И они грудью стоят за Пушкина и Даля, за Булгакова и Пляцковского, за С. С. Немчи-

на, за географа П. А. Гордиенко, за историка Е. И. Бородина, академика НАН Украины А. М. Богуша, писателя Н. Г. Самвелян, футболиста В. Н. Трошкина, А. В. Пшеничного! И они спасают нас тоже.

Но вернёмся к тексту книги, её глубинам, её течению, её рекам!

Лугань-река! Она невероятная! Чудесная! Нескончаемая! Стать ею, втечь в неё.

«Луганск – очень светлый город с просторными улицами и площадями. Я приезжаю сюда на автобусе из Ростова-на-Дону, преодолевая две границы: Российскую и ЛНР. Автобус на границах задерживается, медленно движется по убитым дорогам, прибывает на два часа позже, и всё это время мой коллега Андрей Чернов, секретарь правления Союза писателей ЛНР, заместитель главного редактора альманаха “Крылья”, литературный критик, журналист, автор журнала “Берега” ждал меня. Из России я дозвонилась до него, а в ЛНР в телефоне мне отвечал голос на украинском языке, что неверно “набран номер”. Гостиница “Луганск” почти пустует, к сожалению, немногие люди, склонные к путешествиям, знают о том, что это культурная столица Донбасса, здесь много достопримечательностей, и линия огня за тридцать километров...» (Л. В. Довыденко).

Так начинается с зачина эта бояновая песнь, эта глубинная мелодия.

Вообще у каждой книги есть своя раздольная музыка. И она звучит. Книгу можно слушать, внимать ей. И она, озвученная, наполняет летом и сиренью. Дубами и каштанами. Туями, розами, запахами горячего шашлыка, мармеладными дольками ягод, вишнями: «Я родилась в маленькой белорусской деревне и с детства слышала слово Луганск, потому что многие молодые люди уезжали “на шахты”, отправляясь в забой, а потом они приезжали в отпуск домой, рассказывая об увиденном. Мой неуёмный характер часто заставлял моих друзей давать мне определение “стахановка”. И снова мои мысли обращались к Луганской области, к стахановскому движению. И вот пути Господни привели меня к людям, о которых я бы сказала, что лучше не бывает...»

И впрямь, стахановка. И впрямь, на передовой...

Что теперь происходит с Донбассом?

Освобождение!

Часть ДНР и ЛНР уже освобождены. И скоро всё будет зачищено нашими войсками. Скоро грядёт победа. Как есть – со слезами на глазах и радостными журавликами в небе. Так случилось, что нам всем сердца изранили, как осколками от мин, летящими в тело мужественного Донбасса. Непокорённого. Смелого и храброго, как сам князь Владимир Солнышко с его дружиною. И эта мудрая песнь Лидии Довыденко – куплет к гимну всего Донбасса. А весь гимн ещё предстоит допеть, дожить, додумать, довоссоздать в книгах и повестях, в романах и стихах, очерках и эссе.

И Донбасс – молодой и жаркий, выходящий в степь, под солнце и дожди, молящийся у Саур-могилы, скорбящий и бессмертный, гордый и ласковый, вечный, богородичный, боговый-иисусовый, Донбасс-младенец и Донбасс-старик, Донбасс-шахтёр и Донбасс-воин – всё это единая панорама, разворачивающаяся пред нами, как исток и начало, как матрица и основа, – он с нами – горячий, вечный, молодой, жаркий и страстный.

Ибо с ним – Бог!

ПРОЧИТАНО с Электронного ресурса

<https://dovydenko.ru/books/759-mjj-svetlyj-goryachij-donbass.html>

Лидия Довыденко

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДИАГНОСТИКА» НАШЕГО ВРЕМЕНИ

О книге Галины Чудиновой «Хранители» (Пермь, 2022)

В основе книги повестей, рассказов, очерков «Хранители» Галины Чудиновой подлинная Православная вера и её поиски как автором, так и её героями – хранителями нравственных основ жизни нашей страны. Исповедальная лиричность глубокой женской души и драматизм событий, настигающих Россию в постсоветский период, понимание необходимости удержать человечность, верность традициям, делают труд Галины Чудиновой литературным свершением.

На многие вопросы к руководству России мы до сих пор не получили ответов, но писатель видит среди окружающих её людей – духовно сильных героев, противостоящих коррупции, мафиозности, алчности, находящих также словесное определение ситуации и рождённых ею задач. Они с риском для жизни отстаивают веру в справедливость, созидают, помогают себе и другим, участвуют в событиях в Чечне и на Донбассе. Писатель встречает в жизни не только «Хранителей», но и разрушителей, раскрывая суть и причины этого с молчаливой грустью и душевным страданием из-за неразвившегося таланта её героев, или неосуществлённой любви, или необрётённой веры, или неутолённой жажды бытия.

Мы не хотим, чтобы нам писали нашу историю так называемые «победители в холодной войне», лживые и корыстолюбивые, и одна из нас – писатель Галина Чудинова – говорит своим современникам и потомкам, как оставались честными её герои в 90-е годы, хотя это было очень нелегко – противостоять тем, кто откликнулся на призыв «обогащайтесь, кто может», как может. В шоковых реформах сгорела очень быстро популярность борца с «партийной бюрократией», на месте которой выросла беспредельная – чиновничья.

Все герои книги социально активны со знаком плюс или минус. Они занимают разные ступеньки на общественной лестнице: Мамлюкаев – министр, «арбузный мальчик», ставший царьком поселения, криминалитет, возглавивший местное самоуправление, директор завода, разбитый болезнью. Обращаясь к актуальности, Галина Чудинова схватывает метафизическое дыхание бытия, указывая, кому противостоят её «Хранители»: «Украинские и русские либералы почти полностью сдались Западу: кто за кружевные трусики, кто за баварское пиво, кто за виллы и счета в Европе».

Книгу открывает повесть «Такова аспирантская жизнь», нелёгкий марафон молодого учёного Анны к защите кандидатской диссертации на фоне жизни в Москве в 80-е годы XX века: в череде смертей генеральных секретарей КПСС, в пересказе анекдотов о лидерах Страны Советов, начиная с Хрущёва, коллекционировании белых мерседесов бывшим министром МВД Щёлоковым, укравшим люстру из Таврического дворца, а также сыном Кириленко, поместившим огромный вклад в Цюрихский банк. Бандитизм и мафиозность партийной верхушки 80-х годов разрослась раковой опухолью по стране в «лихие» 90-е годы, принёсшие России превышение смерти над рождаемостью. Рождалась или возрождалась либеральная интеллигенция, мечтавшая о заграничье и млевшая перед всем иностранным. А честные культурные люди страны умирали от инфарктов в истощающей борьбе между чувством и долгом, в поисках смысла в безвыходной ситуации, – извечная тема русского писательства, за которую смело взялась Галина Васильевна.

В повести «Дорога – подруга моя» Андрей Шадрин отправляется в путешествие по миру благодаря свалившемуся на него наследству от тёти. Перед этим, находясь в депрессии, он хотел покончить жизнь самоубийством, от которого спасла ангельской верой и молитвой любящая его девушка Ирина, учитель русского языка и литературы, интеллигентная, жертвенная, чуткая и умная. На фоне взаимоотношений и переписки Андрея и Ирины разворачивается нешуточная баталия между оли-

гархом, директором «Уралкалия» Рыболовлем и его бывшей женой, судящейся во многих странах Европы за виллы, счета, машины, картины, приобретённые на награбленное на Урале.

Равнодушного путешественника по миру Андрея Ирина вовлекает в понимание России, нелёгкой судьбы Православия на примере героев произведений А. К. Толстого, Аркадия Аверченко, Михаила Осоргина, помогает постичь, как страшно остаться без Родины.

Повесть «Творящие благо» – о том, как сложно нащупывается путь обычных людей к прекрасной, благородной, великой России, к её возрождению среди невзгод, хищений, смертей: «В сердце боль затаив, песню счастья пою», – повторяем эти слова известной песни, уходя от богоотступничества, принимая духовное единение, которым мы всегда обладали интуитивно.

«Хранителей» мы часто застаём за молитвой, за слушанием литургии в храме, за торжественным и неспешным церковным пением, причащением и исповедью. Цельная личность Александра Левицкого контрастирует с мятущимся и, как он говорит о себе, «живущим не своей жизнью» Николаем Коваленко. Он ищет себя то на Луганщине, то в Никарагуа, то в Аргентине, пока, наконец, не обретает «найденную жизнь» в строительстве Православного храма, собственной семьи.

Александр с женой Ольгой остались в осаждённом Луганске, поддерживая ополченцев. Убийство жены Ольги у цистерны с водой от рук украинских карателей, – невосполнимая утрата и горе привели Александра к храму. «Всё чаще вспоминались Левицкому слова отца Вячеслава: «Так какую же светлую жизнь хотим мы построить в Донбассе без Бога? А у меня в Городищах за всю войну не погиб ни один человек: все спасались молитвами».

«Нехристианин Паршек» – это повесть о судьбе Порфирия Иванова, автора оздоровительного учения «Детка», о котором так много говорили и писали в 80-е годы XX века, имевшего немало последователей, в том числе находятся они и в наше время. Порфирий Корнеевич Иванов умер в 1983 году в возрасте 85 лет. Старец ходил босиком по снегу, раздетый до пояса, проповедовал обливание холодной водой и голодание – один день в неделю. Это был небывалый в истории человечества эксперимент. «Сначала он снял шапку, потом отказался от одежды и обуви, и так стал ходить круглый год. И победил природу любовью, овладел целительными силами, возвращал зрение слепым, поднимал парализованных, лечил раковых больных». Он обращался в разные инстанции – от ЦК КПСС до научных учреждений, чтобы его опыт можно было распространять среди молодёжи, но не находил поддержки, лишь оказывался в психиатрической больнице. Сам же он в конце жизни признавался, что он мог исцелить лишь того, кто его об этом попросит, завещал обращаться к нему с просьбами и после его смерти. Сложный образ, созданный Галиной Чудиновой, предстаёт как человеческая душа, в которой борется божественное и бесовское.

В рассказе «Противостояние» Сергей Рогов – начальник тыловой части – морально сражается с нечистым на руку начальником оперативной группы отряда МВД Фёдоровым. Рогов возвратился домой со скромными заслугами, как он сказал на исповеди: «Грязная с тараканами столовая стала чистой. Описано имущество на складах, отреставрирован памятник погибшим воинам, отряд нормально питался, стирка, баня, снабжение – на должном уровне. Домой я вернулся с потраченными из своего кармана восьмьюдесятью тысячами рублей, с проседью в бороде, с расшатанными нервами да с кучей благодарностей от чеченцев и своих сослуживцев, от командования в Перми. Грешен я, чуть не убил человека (Фёдорова), да Господь отвёл от убийства, спас и меня, и мою семью». В полном молчании выслушал отец Александр эту необычную исповедь и допустил Сергея Рогова к причастию в светлый праздник Рождества Христова». Русская тоска и порыв, неоднородный характер главного героя воспринимаются читателем как нечто естественное, понятное, родное.

Неоднократно отправлялась Галина Чудинова на Донбасс после 2014 года, она делится своими выводами в очерке «Скорбь и надежды Донбасса»: «Всем понятно, что судьба его жителей напрямую зависит от коренного улучшения ситуации в России, а страна вновь находится в состоянии круговой обороны от сил объединённого Запада. Но главная опасность исходит от врагов внутренних. Для спасения и России, и Донбасса нам действительно нужен тип человека молитвенника, воина, героя, труженика, семьянина, патриота. Только такой – нацеленной на победу, – должна быть наша государственная идеология, только при таких условиях мы выстоим, победим!»

Автор «Хранителей» обращает внимание на актуальность творчества Владимира Голубева (книга «Выживание русских»), Алексея Ивакина («Донецкий исход»), Ивана Лепина («Марс над Полуденной»), Ивана Донецкого («Мама, если не я, то кто же», «Донецкий реквием»).

Герои книги Галины Чудиновой получили страшный опыт 90-х годов, Чеченской кампании, опыт отстаивания Русского мира в Новороссии. Большинство из них исполнены простоты и тихой душевной красоты, естественности, непосредственности в их любви к Отчизне, служении нравственному закону, что делает возможным восстановление связи времён, одухотворённую чуткость по отношению к предкам потомками, осуществление земных надежд на благоденствие Отечества. Надо, чтобы все прочли эту книгу и поняли «необходимость скорейшего строительства новой исторической эпохи, нравственной и социально справедливой России с её духовно зрелым, социально эффективным обществом, где каждому человеку найдётся дело...»

Галина Чудинова – прозаик, литературовед, публицист. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой общественной организации СП России с 2015 года. Прихожанка пермского староверческого храма во имя Святителя Стефана Пермского. Живёт в посёлке Юго-Камский Пермского края. Публиковалась в журналах: «Берега», «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядец» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (Санкт-Петербург), «Крылья» (Луганск).

Берега «страстей по Европе»

Александр Барсуков

Александр Барсуков – родился в 1956 году на Сахалине, с 1994 года проживает в Вестфалии, ФРГ. Издатель и главный редактор русскоязычного литературного журнала «EDITA». За двадцать лет издательством «Edita Gelsen» под руководством А. Барсукова выпущено более тысячи книг, свыше 150 номеров журналов «EDITA», «Мастерская» и др., десятки номеров альманахов «ВЕК XXI» и «Без цензуры».

Александр Барсуков – автор двенадцати книг прозы (пять на немецком языке). Публиковался в Германии, Канаде, России, США.

ЗА МАСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗМА

Нелёгкая занесла меня в Германию в самом начале 94-го. В Ленинграде, как он тогда ещё массово по старинке назывался, я числился в налоговой мелким предпринимателем, с каким-то туманным консалтингом в области бизнеса. И клиенты мне попадались всё больше мелкие – какие-то неуравновешенные и странноватые шведы, финны, германцы, пробующие на свой страх и риск по-быстрому обогатиться в России. То мы с моими немногочисленными и часто сменявшимися сотрудницами составляли за немалые по российским меркам деньги отчёт по реставраторам старинной мебели – а таковых было в Петербурге и пригородах немало, – то вдруг переключались на здравоохранение: немецкому врачу из Аугсбурга, непонятно кого представлявшему, было крайне важно знать, как у нас в России лечат то и это, нельзя ли на месте совершить прорыв в отношении немецких лекарств – и опять-таки обогатиться.

К переезду тогда я отнёсся довольно легко, мою жизнь в Питере можно было назвать малоупорядоченной, даже нервной, в Германии я полагал передохнуть от наскоков налоговой и бандитов, осмотреться и вскоре вернуться обратно – торгпредом какой-нибудь местной немецкой фирмы.

Возможно, так бы оно и случилось, если бы не слабый, совсем школьный немецкий и, что самое главное, – не уничижительный прогноз моих бывших немецких партнёров по бизнесу, в гости к которым я заявился, направо-налево делясь своими розовыми надеждами. «У нас всё дорого, – с порога заявили они. – Ты здесь как местный житель никому не нужен, тебя надо кормить, а толку с тебя на первых порах будет...» – «С гулькин нос?» – с готовностью предположил я. «Вот именно... – согласились они. – Как с воробья».

Мне повезло: я получил полугодовой языковой курс, там сами собой завязались знакомства, в том числе с преподавателями-немцами. Возникли приятельства и в разных автомастерских, где я постоянно подхалтуривал – в общем, через год новая реальность стала почти привычной, и я не слишком удивился, получив однажды письмо из социального ведомства, в котором мне предлагали на год место «помощника по интеграции» в общаге для переселенцев.

Тут-то и открылись мои глаза...

Раз в две недели нас собирали в амте (управе) на совещание. Звучали лозунги об интеграции, народ, такие же «помощники» – арабы, турки, цыгане, албанцы-косовары – делились на публику своими локальными проблемами... а наши шефы смотрели на всё это мудро, без позы, доброжелательно-вовлечённо, поощряя инициативу, мягко корригируя выскочек и хард-лайнеров и... как бы немножко скучая.

«Вот так тут оно и происходит, – подумал я тогда, послушав где-то в курилке обрывки разговоров штатных сотрудников этого учреждения, настоящих, местных, так сказать густопсовых немцев. – Христианские демократы у власти решили “пускать и интегрировать” – и учрежденческие шестёрки пускают и интегрируют. Прикажут не пускать и гнобить – будут делать и это».

Нельзя сказать, что это какая-то специфическая черта именно немецких государственных служащих. Наверное, так оно происходит везде. Кому охота потерять сладкое непыльное место из-за

дурацкой внутренней фронды? Да и не видел я здесь у местных никакой фронды – ни разу и никогда, за все эти двадцать пять лет, что здесь проживаю. Видел другое – лицемерие, маску, нежелание думать самостоятельно. Вот это да, это есть – всюду, везде, в огромных количествах.

Воздержусь от примеров – их сотни, и места для них здесь нету. Кстати, словечко это по-немецки звучит как *verstellt* – «подстроженный», «подделанный»: подстроженные (под ситуацию, под собеседника) голос, поза, подстроженный, поддельный (лживый – по-нашему) текст речи или сообщения в прессе.

Правда здесь действительно не в почёте, она выставлена за рамки социального поведения. «Налить чистого вина» – значит сказать, наконец, кому-то правду в глаза. На это – решаются, это – взвешивают. Это – глупо и может иметь «последствия». Гораздо удобнее «подстроиться» и тянуть дальше свою лживую линию, оставаясь для визави и «приятным», и «компетентным», и «дружелюбным» – всё сплошь лживые по сути эпитеты...

Раз уж речь зашла о компетентности... – это понятие здесь тоже как-то искажено. «Компетентный» – значит говорящий правильные слова в правильном месте, удобный в команде таких же «дружелюбных» разработчиков какого-нибудь проекта ресоциализации беженцев из Сирии – всё как на подбор молодых, здоровых и нагловатых мужчин с дорогими телефонами от «Эйпла» и с блестящими цацками на шее и пальцах. Какой-нибудь сумасшедший назвал бы их, возможно, дезертирами... – но только не в Германии. Здесь они – «травмированные» и нуждаются в постоянной опеке и защите, многие добровольцы-немцы из социально-зелёной части общества с горячностью берут сирийцев жить к себе в дом. Причём в данном случае горячность совершенно искренна – за это непоказное гостеприимство местным если и полагаются некоторые льготы, то они крайне незначительны, несравнимы с дискомфортом от постоянного нахождения в доме (и это на многие месяцы) постороннего крепкого, пахнущего тестостероном мужчины чужой культуры, с непонятными, недоступными мыслями в голове.

Конечно же, постепенно ко многому привыкаешь. Научить нас, бывших российских жителей, подличать перед начальством и коллегами по работе, наверное, невозможно, а ссориться и скандалить здесь действительно не принято – вот и помалкиваем себе, ограничиваясь в случае очевидного конфликта интересов незначительными и не относящимися к делу замечаниями: о местной футбольной команде, о погоде. Лучше слыть странноватым (это с недавних пор даже отчасти приветствуется, как, например, и нестандартные сексуальные предпочтения), чем «принципиальным». Что толку в принципиальности? – одна глупость. Через четыре года к власти в Берлине придут «зелёные» (или синие, фиолетовые...) – и концепция поменяется.

Если коротко: «принципиальных» здесь увольняют. Конечно, не напрямую за принципиальность – но повод для увольнения непременно найдётся.

Всё это – затянувшееся предисловие к теме СВО. Без него, однако, не знающему Германии человеку не будет понятно многое в реакции германских властей и разных слоёв общества на несколько их, на первый взгляд, не касающийся конфликт двух славянских народов.

Я никогда раньше не видел здесь на полках книготорга переводов украинских авторов. Нельзя же считать украинскими «Мастера и Маргариту», переведённых без купюр, с удивительно вымученной и затянутой главой о валютчиках и сдаче валюты, за которую просто стыдно перед немецкими приятелями. Но это, скорее, раритет из времён Горбачёва и слияния Германий. А вот Петрушевская с её зачастую диковатыми историями или «Москва-Петушки» печатались на немецком весьма заметными, чуть ли не массовыми тиражами.

Похоже, с одной стороны, что русскую и украинскую литературу здесь, в общем, не различают, с другой – что кто-то сознательно создаёт и укрепляет образ русских как племени «мрачного и бесноватого», по выражению Д. Фаулза (автор в «Маге», однако, имел в виду своих, т.е. англичан). Действительно, нужно быть очень лирически настроенным человеком, чтобы заметить – да ещё в переводе – лирическое у В. Ерофеева: как-то раз я с карандашом в руках попытался выделить его в «Петушках» – получилось неважно: аллюзий и стейтментов набралось в тексте множество – а вот лирика, если и находилась, здорово отдавала психдиспансером.

Нет-нет – всё это вода на ту же мельницу: русские – опасные пьяницы, они все в валенках и ушанках, за водкой ездят верхом на медведях, не моются. И очевидно, поэтому гибнут дельфины в Чёрном море («из-за войны», как утверждает местная пресса), и в трети столь любимых немцами колбасок для гриля обнаруживаются минеральные масла и прочие бесполезные вещества, а в колбасе из куря-

тины находят перемолотые кости и внутренности всех сортов, включая чуть ли не желчный пузырь. Виноваты в этом... ну понятно кто. «Русские идут...» – эта формула из 1944–45 гг. многое объясняет местному бюргеру и поныне.

Особенно же редкостной безвкусицей и пошлятиной становятся газетные тексты, когда немцы принимаются учить кого-либо, как следует вести войну. И это при том, что каждый десятый «коллега» по моим былым здешним фабрично-заводским работам хвалился (хвалился!!!), что его дед до сих пор бодр и крепок, поскольку служил в «ваффен-СС». Тевтонский дух, Вальгалла, Один (он же Вотан), победа Арминиуса над римлянами – и всё прочее в том же духе.

В Германии мне, можно сказать, ещё раз (после давнишних языковых курсов) повезло: среди моих близких здешних знакомых есть коренной киевлянин, родившийся в конце тридцатых, до войны, и захвативший босоногим пацаном всю двухгодичную оккупацию Киева вплоть до ноября 1943-го. Не буду сейчас приводить детали – не о них речь, да и ментальность командиров вермахта после неудавшегося блиц-крига, безусловно, отличалась от таковой у нынешних германских правителей: времена изменились, кругом здесь царят плюрализм, почти американская diversity и прочие достижения рыночной демократии.

Уместно было бы также припомнить некоторые эпизоды из «Белой гвардии» – Булгаков тоже киевлянин, в 1918-м – врач-венеролог со своей практикой, а затем и прямой участник описываемых в романе событий. В Киеве немцы – если не оккупанты, то всё же весомая сила в общей картине военных противостояний Гражданской войны.

Немцы на самых разных уровнях сентиментальны, Киев для них в историческом плане, полагаю, нечто значительно более важное, чем Сталинград или Смоленск. А вот Москва... – там для них однозначно чужие. Водка «Московская» упорно произносится здесь с ударением на последнюю «а», да и нету её уже несколько месяцев, этой водки, хоть общись. Что же до многосотлетней истории отношений (и трений) русских и украинцев – о них в Германии, похоже, не знает никто. Во всяком случае, тандемы «Испания – баски» или «Франция – Гасконь» хотя бы иногда мелькают в прессе, пусть и больше в негативном ключе, по схеме «вот у слабых членов Евросоюза проблемы с сепаратистами, а у нас, дескать, всё всегда хорошо, зэр гут», – но если пройтись по пешеходке и спросить у местных граждан, кто построил Одессу, то из тысячи опрошенных на вопрос, наверное, не ответит действительно никто. Скорее всего, будет даже вызвана полиция – дескать, приезжайте скорее, тут некто подозрительный сеет рознь. А затем, после расслабляющего часа без питья и туалета на скамейке в предбаннике полицейского управления (бронированные стёкла, коробочки на стенах наподобие домофонов, шныряющие туда и сюда через турникеты вооружённые люди с лицами без выражения и пр.), состоится долгий, потный разговор с каким-нибудь «комиссаром», мрачно и монотонно разъясняющим, что сеять рознь нельзя и что кто сеет рознь – может совершить и другие противоправные действия, и что вот здесь в протоколе следует расписаться. И ещё здесь. И здесь...

К чему, собственно, всё это пёстрое импрессионистское полотно немецкой жизни?

Можно обобщить эти заметки коротко: на всех уровнях жизни немецкого социума говорить правду считается неумным. Это не принято. Отправка Киеву старинных гаубиц или массовые, небывалые льготы для украинских беженцев – не более чем удобная по разным причинам и соответствующая политическому моменту маска, личина либерализма, ширма, за которой втихаря, «по-умному», продолжают выгодные промышленно-финансовой элите и правящей на данный момент партии гешефты: с талибами ли в Афганистане, с Саудовской ли Аравией, с Турцией ли, с далёким Чили, или... с той же самой Россией.

Можно быть абсолютно уверенным, что никакие немцы нам – и украинцам, и русским – в этом конфликте не помогут.

Разруливать отношения придётся самим.

Хорошо бы понять это поскорее...

Мир без стен

(WPM)

Мировое поэтическое движение «Мир без стен» проводит акцию «Земля – наш общий дом». В рамках международного фестиваля поэзии и поэтических переводов «Берега Дружбы», проходящего в Ростовской области, будет представлена одноимённая мировая поэтическая антология, которая включает поэтов из 25 стран.

АВТОР ИДЕИ И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ УЧРЕДИТЕЛЬ ПРОЕКТА:

Терехин Вадим Фёдорович
(г. Калуга) – Российский общественный деятель, сопредседатель Союза писателей России, председатель Калужского областного отделения Союза писателей России, член координационного совета Международного поэтического движения «Мир без стен» (WPM – World Poetry Movement) и его континентальный руководитель по Европе и Азии.

РУКОВОДИТЕЛИ ПРОЕКТА:

Гаврилович Владимир Николаевич
(г. Гомель) – член Президиума Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Союзного государства, председатель Гомельского областного отделения Союза писателей Беларуси, Секретарь Международного Союза писателей и мастеров искусств по Республике Беларусь, Заслуженный деятель искусств Республики Беларусь.

Север Леонид Юрьевич
(Неклиновский район, Ростовская область) – член Высшего творческого совета Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси, Секретарь Международного Союза писателей и мастеров искусств по ЮФО.

Мир без стен

Хосият Рустамова

Хосият Рустамова – родилась 19 марта 1971 года в посёлке Олмос Наманганской области Республики Узбекистан. В настоящее время является главным редактором газеты «Китоб дунёси» («Мир книг»). Награждена медалью «Шухрат», памятным знаком «25 лет независимости Узбекистана», обладательница премии Микаила Мушфига (Азербайджан). Автор книг: «Дом на небесах» («Осмондаги уй»), «Спасение» (2003), «Мантия» (2004), «Стена» (2006), «Август» (2008), «Забытые годы» (2009), «40:0» (2011), «Завоевание» (2011), «Дни без завтрашнего дня» (2008), «Необузданные облака» (2019), «Страх», «Анатомия любви». Член Союза писателей Узбекистана и Азербайджана.

Ряд её стихов и сборников переведён на русский, азербайджанский, таджикский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, шведский, голландский, турецкий, вьетнамский, таджикский, казахский и многие другие языки и издан в виде книги. Переводит на узбекский язык стихи Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Александра Блока. В 2015 году её пьеса «Птица, которая не вписывается в небо» была поставлена в Музыкальном драматическом театре имени Мукуми под руководством народного артиста Узбекистана Мирзы Азизова. По её киносценарию под названием «Магия смерти» режиссёр Хилол Насимов снял художественный фильм.

По мотивам узбекской поэтессы Хосият Рустамовой (перевод Вадима Терёхина)

В АЭРОПОРТУ

I

Проводишь, я снова лечу!
До новых нескорых свиданий.
И сердце застряло в гортани,
Но мне горизонт по плечу.

Ты сам в этом всём виноват!
В душе разведённая слякоть.
Уйди побыстрее, я плакать
Не буду, как годы назад.

Ты смотришь и сводишь с ума!
Прикрою дрожащие веки,
Как будто крошечная тьма
Меня забирает навеки.

II

Медлительно заря восходит.
Кровь долго сохнет на стене.
И только плачет о свободе
Смиренно дерево в окне.

Тюрьма, в твоих бетонных лапах
Застыло время – боль потерь.
И только смерть идёт на запах
Крови, как разъярённый зверь.

III

Я выросла как человек
И обрела свой твёрдый голос.
Запорошил прощальный снег
Мой соболиный, чёрный волос.

Я видела тебя во сне
При ярком солнце, в разнотравье
И грозной тенью на стене.
Быть может, это станет явью?

Я видела тебя не зря!
И сон до чистоты промыла,
Пока кровавая заря
На этот мир не наступила!

IV

Небо над нами сутулится,
Мир погружая во тьму.
Где там знакомая улица,
Я всё никак не пойму!
Ветер играет с вертявыми
Листьями, павшими в медь.
Дом громко хлопает ставнями,
Хочет на юг улететь.
Мается, мается, мается
Мир в ожиданье беды.
В парке деревья смущаются
Серой своей наготы.
Словно нас взяли и бросили
Краткие дни, холода
В эти объятия осени
Призрачно, но навсегда.

V

Не поверишь – жива до сих пор,
Хоть природа, людей вырывая,
С грубой смертью блюдет договор.
Гибнет мир, только я всё живая!
Гибнет мир, но горит мой очаг.
Каждый день ожидая исхода,
Я тащу сорок лет на плечах
И четыре их времени года.
Я устала от ноши такой,
Но несу в приоткрытые двери,
Где возвысился вечный покой,
Человечьи, земные потери.

VI

ВСЕЛЕННАЯ

Я точка, маленькая точка!
Мою земную оболочку
Как вечной жизни торжество
И новоявленное чудо
Ты взял неведомо откуда
И воссоздал из ничего!

Ты был всегда до жизни жаден,
Но, несмотря что Ты громаден
И взгляд твой – Божия роса,
А я мала – горюю, плачу,
Живу на скорую удачу,
Ты вместишься в мои глаза!

VII

Побудь со мной, не уходи
В свои неведомые дали
Иначе не вместить в груди
Неутолённые печали.
Ну, поживи со мной в толпе.
Иначе, как разлад меж нами,
Они промчатся по земле
И в море вызовут цунами.
Ты видишь в небе облака,
А вдоль дороги – жуть и холод,
Темнеет быстро, а пока
Побудь со мной покуда молод.
И вот глаза глядят в глаза.
И вот жених прильнул к невесте,
Чтоб в будущем на небеса
Уйти дорогой лунной вместе!

VIII

посвящение К. Н.

1.

Давай перед дорогой посидим,
Подумаем, как жить нам в одиночку.
Уставились и смотрим в одну точку,
И разговор становится немым.
В твоих глазах суровая печаль,
Задумчивым тебя я вижу часто.
А я скрываю каждую деталь
И каждый штрих того,
Как я несчастна!

2.

Бледнеет твоё гордое лицо.
Грызёт тебя истошная тревога.
Вокруг меня сжимается кольцо
Молчания, скажи мне, ради бога,
Хотя б одно заветное слово –
Любовь тяжёлым приступом недуга
Нахлынет и сведёт двух гордецов,
Чтоб вывести из замкнутого круга.

3.

Ты собирался что-то мне сказать,
Но повернулся и внезапно вышел.
Как будто, что не надо вспоминать,
Ты вспомнил по подсказке чьей-то свыше.
Смотрю, но не склоняю головы.
Открой всю правду прямо, мой хороший,
Слова, что на губах твоих мертвы,
Не станут ли твоей тяжёлой ношей?

4.

Таким ты не был много лет назад,
Когда с тобой друг друга повстречали.
И взгляд твой ясный, словно листопад,
Срывал с души измученной печали.
Теперь они все выстроились в ряд,
В слезах омыты и залиты кровью.
Напрасно всё.

Скажи: как этот ад
Могу я называть своей любовью?

IX

Всё по-иному будет в этот день!
Я восхищаться миром не устану,
Когда свою причудливую тень
Отбрасывать навеки перестану.
Смерть – неизбежна!
Всё, чего достиг,
Взорвётся и замрёт под грубой кожей,
Всё потому, что наступает миг,
На эту жизнь ни капли не похожий.

X

Поскольку жизнь моя щедра,
И чтоб зимой не простудиться,
Ношу я шапку из бобра,
Ношу я шубу из лисицы.

Благоволит ко мне жираф,
Но труп его лежит на свалке.
На шее драгоценный шарф
Висит как память о русалке.

Подаркам этим нет числа.
С плеча природа оделила:
На сумке – острый глаз орла!
На ступнях – кожа крокодила!

Хватаем, хвастаем, берём,
Хотим, чтоб минуло нас горе!
И жемчугом, и янтарём
Меня одаривает море.

И не понятно, как же так,
Что всё живое то и дело
Природа, как тупой маньяк,
В моё закапывает тело?

XI

Жизнь полнится не только хлебом!
Иное нечто нам под стать.

Хочу я породниться с небом –
Летать, летать,
летать, летать!

Освободиться от бессилья.
И сколько злата ни сули,
Во весь простор расправить крылья
И оторваться от земли.

XII

По ночам и среди дня,
Среди бури и огня
Суетой неторопливой,
Жизнь, ты мучаешь меня.
Сколько воли ни отмерь,
Смерть придёт,
Как хищный зверь,
Я тебя всегда красивой
Буду помнить, ты поверь!

XIII

Воет ветер, суматоха,
В окна бьёт летучий снег.
Человеку в мире плохо.
Человек – не человек!
Он один на белом свете.
И природные дела –
Дождь – не дождь и ветер – не ветер –
Не приносят много зла!

XIV

Выжидаю, молви слово!
Сильно злишься на меня.
Стол накрыт, и всё готово
У домашнего огня.
Стол накрыт, но ты покинул.
Но, развеяв этот мрак,
Даст мне силы жить Марина
И утешит Пастернак!

XV

Весь день я буду думать о тебе:
И делать всё возможное в угоду,
Как птичка в клетке хочет на свободу,
Так я противлюсь заданной судьбе,
Закрытой в клеть, ей многое дано.
И, покоряясь этой женской доле,
Я дам тебе и пищу, и вино.
Я всё отдам, себе оставив волю!

Наши друзья

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великороссъ»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Португал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», гл. ред. Сергей Бережной, Белгород
Журнал «Невечерний свет», гл. редактор Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html

О приобретении и подписке на журнал
Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»
осуществляется перечислением на карточку Сбербанка: № 2202 2009 0582 4080.